

**Солдатам
Великой Отечественной
посвящается...**

В.А. Киселев

**Командарм
Тимофей Хрюкин**

2-е издание, исправленное и дополненное

Раменское. РПИ “Грань”. 2010

Книга издана
при поддержке
Александра Сергеевича Липаева,
Петра Васильевича Олейника,
и председателя правления клуба
Героев города Жуковского,
Героя Российской Федерации,
Геннадия Григорьевича
Ирейкина

Киселев
Виктор Алексеевич,
кандидат военных наук,
генерал-майор авиации

От Редакции

Путь командарма

С каждым годом военные подвиги поколения Победителей все более и более становятся достоянием истории. Одних преждевременно унесли из жизни боевые раны, других год за годом косило неумолимое время и испытания, выпавшие на долю страны. И лишь немногим ветеранам суждено встретить 60-летие Победы, участвуя в параде на Красной площади. Возраст дает себя знать, и большинство из них сможет увидеть этот парад только по телевизору.

Но Великая Отечественная война знала их как юных, полных неистребимой энергии советских воинов-богатырей. Эта война была выиграна молодыми людьми, которых ныне с трудом можно угадать в седовласых бойцах, чья грудь пылает боевыми, но уже и юбилейными наградами.

Командарм Тимофей Тимофеевич Хрюкин был молод в годы войны. И из жизни он ушел в полном расцвете сил, став легендарной личностью, образцом для подражания, жизненным ориентиром для нынешнего поколения солдат и офицеров.

Облик его предстает с выцветших фронтовых фотографий: крепко сложен, напряжен, целеустремлен. Сильный и добрый человек. Но даже зная его поражающую воображение жизнь, видишь уже иной, ставший символическим образ. Кажется, будто он сошел с полотна русского художника Константина Васильева, автора известного портрета маршала Г.К. Жукова, где великий полководец изображен в пламени пожара на фоне поверженных фашистских штандартов. Однако Тимофей Хрюкин похож не на него, а на цельный, монументальный образ воина с картины того же художника "Марш "Прощание славянки". Суровое лицо, статная, налитая мощью фигура, взгляд, устремленный в будущее. И рядом - прекрасная женщина с ребенком. Такой была жена Тимофея Тимофеевича, его боевая подруга Полина Дмитриевна, родившая ему за десять скитальческих, военных и первых послевоенных лет их супружеской жизни пятерых детей.

В мае 1932 года кубанский казак со станицы Вольская, комсомольский вожак Тимофей Хрюкин, чьим любимым героем являлся Павлик Корчагин, был призван в Красную Армию, в ряды крылатых защитников Отечества. В декабре 1933 года из стен Луганской школы военных летчиков вышел молодой красноармеец-авиатор, гордящийся голубыми петлицами с "птичками".

Так он начал свой путь в небо. Уже через неполных три года лейтенант Хрюкин - в Испании. Как воин-интернационалист он защищает Мадрид. Варварская бомбардировка мирных городов фашистской авиацией потрясла его. Тимофей Хрюкин не просто принял боевое крещение, но буквально родился как воздушный солдат приближающейся мировой войны, приобретя неоценимый опыт борьбы с вооруженным до зубов врагом. И первая боевая награда - орден Красного Знамени - украсила его грудь.

В нашей стране в это время шла жесткая реорганизация армии. Нужны были новые командиры, не связанные по рукам и ногам устаревшей тактикой и стратегией прошлых войн. Таким по зову Родины стал Тимофей Тимофеевич, которому в 1937 году было присвоено сразу два очередных звания - старшего лейтенанта, затем капитана.

В марте 1938 года - новое испытание, теперь уже на другом конце Евразии - в Китае. В сражениях с японскими милитаристами, вторгнувшись в Поднебесную, он возглавил авиабригаду советских бомбардировщиков. Их дерзкий удар по японскому флоту был результативным - летчики потопили в реке Янцзы множество вражеских кораблей. Хрюкин чудом уцелел, словно берегла его судьба для очень важных дел. За подвиги в боях на восточных рубежах страны ему была вручена высшая награда - Золотая Звезда Героя Советского Союза.

В 1939 году практический опыт ведения боевых действий в воздухе Т.Т.Хрюкин соединил с новейшими по тем временам знаниями военной науки, окончив оперативные курсы при Военной академии Генерального штаба. Он стал комбригом, а в следующем году - самым молодым генералом авиации в нашей стране. Всю свою жизнь он не переставал учиться и мыслить, его вклад в стратегию и тактику войны уникален, не устарел и в нынешние дни. Военную мысль он соединил с нравственностью, душевностью, с гуманным отношением к солдатам, своим подчиненным.

Перед самой войной, в мае 1941 года, Хрюкин был назначен командующим ВВС 12-й армии Киевского военного округа. Боевой путь командарма Хрюкина в деталях и на широком историческом фоне раскрыт автором этой книги, генерал-майором авиации В.А.Киселевым. Повествование построено на основе точных, проверенных архивных данных, личных писем и приказов командарма, публикаций фронтовых газет и материалов мемуарной литературы. Жизнь Тимофея Хрюкина и многих советских героев-авиаторов, сражавшихся вместе с ним, - ярчайший пример летного мастерства и гражданского мужества для нынешнего поколения защитников Отечества.

Быстрый взлет по лестнице воинских званий и высшая награда Родины не вскружили головы командарма. Напротив, они повлекли усиленную работу над собой, аналитическую и чувственную оценку всего происходящего, непрерывное самообразование. Нельзя мыслить и не учиться, как нельзя взлететь в небо, если баки самолета не наполнены горючим. Став Героем, Хрюкин учился быть им. Развивая свой полководческий дар, он в то же время умел чувствовать нужды подчиненных летчиков и механиков, почти своих ровесников, пришедших, как и он, из сел и деревень необъятной страны.

Вслед за ужасами и пронзительной болью первых месяцев войны, после трудной, но воодушевляющей победы под Москвой, наступило

горькое лето 1942 года. Фашисты прорвали фронт под Харьковом и устремились к Сталинграду. Сражения нашей авиации с превосходящим по силе врагом на Сталинградском фронте освещены автором со статистической точностью, но сухая военно-историческая проза бессильна передать те чувства, что побуждали к невиданному героизму и рядовых, и генералов. Цифры молчат о той горечи, которую испытывали они в моменты бессилья, когда просто не хватало современной техники, горючего, боеприпасов - и приходилось, сражаясь, погибать. Ведь порой лишь ценой собственной жизни можно было выполнить приказ Хрюкина: "Драться только наступательно!". Это свыше обычных человеческих сил, но приказ исполнялся, и прежде всего самим командармом, являвшимся непререкаемым примером для своих подчиненных.

Командарм Хрюкин победоносно прошел по земным и воздушным дорогам войны, освобождая Кубань, свою малую родину, выбивая немцев и румын из Крыма, очищая от фашистов Прибалтику. За битву по овладению городом-крепостью Кенигсбергом 19 апреля 1945 года он получил вторую медаль "Золотая Звезда Героя Советского Союза". Оберегая солдат, летчиков и пехотинцев, он громил немецкую авиацию прямо на вражеских аэродромах, не давая ей подняться в воздух, умело подавлял огонь зенитных батарей, проявляя высочайшее полководческое искусство и личное мужество.

В торжественный день 24 июня 1945 года на Параде Победы генерал-полковник Т.Т.Хрюкин прошел по Красной площади в передовых рядах сводного полка 3-го Белорусского фронта.

Многим солдатам, вернувшимся к мирной жизни, тяжело было перестраиваться. Повсюду налаживался гражданский порядок, решались бытовые проблемы. Никому не хотелось вспоминать о страшных днях войны, слушать о подвигах, - все настрадались и на войне, и в тылу. Это тяжело отразилось на судьбах героев-фронтовиков. Ведь они были молодыми людьми, зачастую не имевшими никаких профессий, кроме военной.

Командарм Хрюкин и в послевоенной жизни показал пример служения Отечеству. Ни на йоту не ослабил он богатырской деятельности, продолжая работать и учиться; осваивая новую реактивную технику, поднимая авторитет Военно-Воздушной инженерной академии им. Н.Е.Жуковского, всеми силами способствуя укреплению оборонной мощи державы.

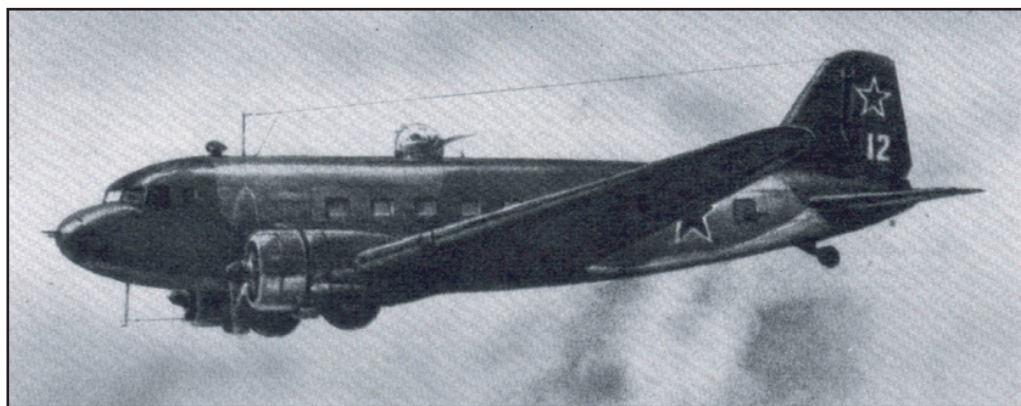
Жизнь его оборвалась внезапно, в 1953 году. Прошло более полувека, и сейчас уже с очевидностью ясно, насколько нужен и важен рассказ об этом удивительном человеке и о времени, в котором он жил. Для старшего поколения это напоминание о великих потрясениях и победах. Для нынешних солдат - это величайший пример самоотверженности, человеческого достоинства и выдержки. Для командиров Российской армии опыт командарма Т.Т.Хрюкина, может быть, в первую очередь состоит в том, как при всем героизме и храбрости беречь солдатские жизни, относиться к подчиненным с отеческой заботой, как, наказывая за нерадивость, в то же время гордиться их достижениями и поощрять за смелость и находчивость. И еще эта книга рассказывает о величайшем человеческом качестве, которым обладали Хрюкин и его боевые товарищи, - умении дружить и не жалеть жизни за други своя. И напомнить об этом сейчас - очень своевременно и уместно.

Редакционный Совет

Так рождаются герои

Встреча

Рано утром 8 июня 1942 года на аэродроме в Алуйке приземлился транспортный самолет Ли-2, из которого вышли два генерала-авиатора. Самолет прилетел из Москвы. В те дни напряженных боев с немецко-фашистскими захватчиками полеты в прифронтовой зоне были небезопасны. Часто транспортные самолеты становились жертвами фашистских истребителей, которые специально охотились за такими самолетами, зная, что на них летают высокопоставленные начальники. Поэтому самолет вылетел из Москвы глубокой ночью с таким расчетом, чтобы к рассвету прибыть на аэродром посадки. Оба генерала были высокого роста, в кожаных пальто, стройные и подтянутые, один с петлицами генерал-лейтенанта, а второй - генерал-майора. Во время полета они успели отдохнуть и вышли из самолета в бодром, хорошем настроении. Раннее летнее утро, такое тихое и спокойное, совсем не гармонировало с фронтовой обстановкой. Безоблачное синее небо предвещало жаркий летний день. Восходящее солнце поднялось над горизонтом и осветило землю своими яркими лучами. Только раскаты артиллерийской стрельбы нарушали природное благополучие.

На самолете Ли-2 прилетел заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации Г.А.Ворожейкин, с ним генерал-майор авиации Т.Т.Хрюкин. Встречал их командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор авиации Ф.Я.Фалалеев. Накануне, согласно приказу Наркомата обороны № 04755 от 7 июня 1942 г., нарком обороны СССР освободил Фалалеева от занимаемой должности и вместо него назначил Т.Т.Хрюкина.

Внезапное нападение гитлеровских фашистов на нашу Родину застало генерала Тимофея Тимофеевича Хрюкина на Украине в должности командующего ВВС 12-й армии. Войну он встретил как боевой летчик, без растерянности и замешательства. За его плечами уже был богатый опыт нескольких войн. В 1936 году он оказывал интернациональную помощь республиканской Испании в борьбе против фашистов Франко, за что был награжден орденом Красного Знамени. В 1938-м принимал участие в Национально-освободительной войне китайского народа против японских самураев. За мужество и героизм, проявленные в боях с японскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета от 22 февраля 1939 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1939 году участвовал в освободительном походе Красной Армии в Западную Украину, а в 1940-м - в советско-финляндской войне.

Боевой опыт всегда очень много значит, особенно в начальный период войны. 22 июня 1941 года, в первый день войны, летчики ВВС 12-й армии под командованием Хрюкина смело встретили фашистских бомбардировщиков, пытавшихся совершить налет на наши аэродромы, и сбили тринадцать немецких самолетов. Первые два месяца войны Хрюкину пришлось командовать военно-воздушными силами не только 12-й, но 6-й и 26-й общевойсковых армий. Он твердо и умело управлял подчиненными авиаполками, концентрировал их действия, с тем чтобы в воздушных боях лишать противника численного превосходства в воздухе и вселять уверенность летчикам в том, что можно бить и побеждать наглого врага не только на новых самолетах, но и на истребителях, прошедших проверку в Испании и Монголии.

Как известно, начало войны, после внезапного и вероломного нападения врага, было очень тяжелым для Красной Армии и особенно для авиации, которая в первые дни войны понесла большие потери от ударов по нашим аэродромам. Используя момент внезапности, фашисты захватили господство в воздухе. Советским летчикам пришлось вести воздушные

бои при значительном численном превосходстве врага во многих случаях на самолетах, уступавших по своим летно-техническим характеристикам самолетам противника. В первые месяцы 1941 года авиационные части начали перевооружаться, но новых самолетов к началу войны в строевых частях было еще мало. Нашей промышленности не хватало всего около года, чтобы вооружить авиаполки первой линии новыми самолетами. Отражая налеты вражеской авиации, наши летчики на устаревших истребителях И-15, И-16, И-153 самоотверженно сражались с фашистскими “мессершмиттами” и “юнкерсами”. В воздушных боях советские летчики погибали, но не уступали врагу. Не случайно в первый год войны было совершено наибольшее количество воздушных таранов. Можно сказать, летчики защищали Родину буквально своей грудью.

Воздушные бои в первые дни войны носили драматический характер. Чаще всего они разыгрывались над нашими аэродромами, на которые фашисты обрушили свой первый удар. Бытующее мнение о том, что вся наша авиация в первые дни войны была застигнута на земле, не соответствует действительности.

Наши истребители встречали врага в воздухе, смело завязывали бои, но беда была в том, что в большинстве случаев они заканчивались не в нашу пользу.

Бомбардировщики противника совершали налеты на наши аэродромы под прикрытием большого количества истребителей - “мессершмиттов”. Наши устаревшие истребители И-16, И-15 и И-153 пытались преградить путь фашистским бомбардировщикам, но оказывались в невыгодных условиях и попадали под огонь “мессершмиттов”, как правило, выходявших победителями, ибо советские истребители тогда не могли противостоять более совершенной боевой технике врага. На виражах советские асы выполняли сложные маневры, но они уступали фашистам в скорости. Германский истребитель Ме-109 обладал скоростью 510 - 560 км/ч, был вооружен пушкой калибра 15 или 20 мм и двумя пулеметами калибра 7,9 мм, а советские истребители И-15 и И-16 имели скорость 370 - 460 км/ч и были вооружены четырьмя пулеметами калибра 7,62 мм. В результате часто можно было наблюдать картину, когда краснозвездный истребитель подвергался стремительной атаке противника, а сам не мог настигнуть врага: дистанция между “мессершмиттом” и советским истребителем непрерывно увеличивалась, и враг легко уходил от преследования. Советские летчики хоть и дрались самоотверженно, но

сделать ничего не могли. В отчаянии многие из них бросались на врага, шли на воздушный таран.

В справочнике Центрального архива Министерства обороны числится 313 человек, совершивших воздушные тараны, причем наибольшее количество из них приходится как раз на 1941 год - 109 человек и 1942 год - 82 человека.

Генерал Хрюкин в начале войны многие сутки подряд без сна и отдыха руководил боевыми действиями, находясь на командных пунктах, аэродромах и штабах наземных войск, которым он стремился как можно больше помочь в отражении атак противника. В развернувшихся маневренных действиях войск обеспечение тесного взаимодействия авиации с пехотой и танками приобрело особо важное значение. Летчики под командованием Хрюкина самоотверженно штурмовали колонны войск наступавшего противника на дорогах и в населенных пунктах Западной Украины, а когда пришлось отступать, прикрывали с воздуха столицу Украины Киев и сдерживали противника на переправах через реку Днепр.

23 августа был образован Карельский фронт, и генерал Хрюкин, назначенный командующим ВВС этого фронта, убыл в Петрозаводск. В этих районах ему пришлось воевать с белофиннами в 1940 году, выполняя боевые задания на бомбардировщике СБ. Поэтому особенности Заполярья ему были хорошо известны. Безлюдная и безориентирная местность, тундра и болота, короткое лето, ранняя зима и длинная полярная ночь. Эти и другие географические и климатические особенности серьезно осложняли боевые действия войск и в том числе авиации, которая к тому же не обладала необходимой аэродромной сетью.

Воздушные бои с отборными фашистскими авиационными эскадрами в Заполярье проходили при остром недостатке боевых самолетов. Чтобы восполнить этот недостаток и повысить боевую мобильность авиаполков, Т.Т.Хрюкин приказал за каждым самолетом в полку закрепить по два экипажа. Таким образом было повышено напряжение боевых вылетов, что имело важное значение, особенно весной 1942 года, в наступившие длинные дни Заполярья.

По опыту советско-финляндской войны Хрюкин хорошо знал все трудности инженерно-аэродромной службы в суровых условиях Заполярья. Особенно тяжело на сильном морозе приходилось инженерно-техническому составу, который готовил самолеты к боевым вылетам. Малейшая небрежность, неаккуратность и неточность в эксплуатации и

подготовке боевой техники к вылету приводили к непоправимым потерям. Поэтому Хрюкин принимал все меры к тому, чтобы облегчить труд авиационных техников и механиков, обеспечить их средствами механизации, построить на каждом аэродроме теплые укрытия для личного состава, масловодогрейки, снабдить людей теплым обмундированием и обеспечить регулярным питанием. Забота о людях всегда была у Хрюкина на первом месте.

Наряду с напряженной боевой работой в авиачастях шла непрерывная учеба. В авиаполки начали поступать новые самолеты разных типов, в том числе и иностранные. Нужно было осваивать новую авиационную технику, не снижая боевого напряжения. Генералу Т.Т.Хрюкину пришлось одновременно заниматься переучиванием летного состава на новые типы самолетов, строить аэродромы на болотах заполярной тундры, оборудовать районы боевых действий в навигационном отношении.

Член Военного совета Карельского фронта корпусный комиссар А.С.Желтов писал: "Руководству ВВС фронта в лице генерала Т.Т.Хрюкина и его начальника штаба полковника И.М.Соколова пришлось много потрудиться над созданием воздушной армии и обеспечить ее аэродромной сетью, а также материальной частью. С помощью местных организаций и путем привлечения к строительству населения были построены аэродромы в районе Беломорска. Взлетно-посадочную полосу такого аэродрома из-за неподходящего грунта пришлось настилать из досок, поставленных на ребро. Опыт оказался положительным, и им заинтересовался командующий ВВС Красной Армии генерал П.Ф.Жигарев".

Инициатива и новаторство были характерными чертами деятельности молодого генерала Т.Т.Хрюкина.

Под командованием Хрюкина летчики Карельского фронта успешно защитили от ударов с воздуха порт и город Мурманск и Кировскую железную дорогу, имевшие важное значение для обороны Советского Заполярья, и оказывали действенную помощь наземным войскам, отбивавшим наступление немецких фашистов. Хрюкин стремился уничтожать фашистские самолеты не только в воздухе, но и на аэродромах противника. Его тактика действий всегда носила активный характер. В воздушных боях он всегда учил летчиков вести активные боевые действия, захватывать инициативу и навязывать противнику свою волю.

В небе Заполярья 5-й воздушный флот гитлеровцев понес от нашей авиации большие потери и не смог захватить господство в воздухе. Как

известно, фашистам так и не удалось захватить Советское Заполярье, и они вынуждены были перейти к обороне. В этом была и большая заслуга летчиков Карельского фронта. В трудных опасных условиях Заполярья Хрюкин показал свои незаурядные способности большого организатора, твердого и умелого боевого военачальника. Поэтому, когда потребовалась кандидатура на должность командующего ВВС Юго-Западного фронта, где летом 1942 года разворачивались решительные сражения, выбор пал на генерала Хрюкина.

Фалалеев и Хрюкин встретились как старые знакомые и добрые друзья. Их служебные дороги много раз пересекались. Служба в армии, и особенно в авиации, связана с частой переменой мест и должностей и в мирное время, но особенно во время войны. Так случилось, что в начале своего жизненного служебного пути Хрюкину посчастливилось встретиться с Фалалеевым и многому у него научиться.

Комсомольская закалка

Тимофей Тимофеевич Хрюкин родился 21 июня 1910 года в городе Ейске Краснодарского края. Отец его, Тимофей Ефимович, был каменщиком и сапожником-лоточником.

Мать, Хрюкина Наталья Арсентьевна, работала прачкой в солдатских казармах и брала на выкармливание детей из приюта. Семья жила очень бедно, три его брата умерли в детском возрасте.

В 1918 году семья переехала из Ейска в станицу Привольную. В этом же году отец Хрюкина вступил в Красную Армию и вернулся домой только в 1922 году. Мать, оставшись одна с малыми детьми, вынуждена была отдать старшего сына Тимофея в батраки. Восемилетний Тимофей пошел работать по найму к богатому казаку И.Д.Кулакову в станице Густые Хутора. С восьмилетнего мальчика спрашивали как со взрослого батрака. Заставляли работать с раннего утра до позднего вечера, а час-тенько и ночью отправляли пасти коней в степь. Холод, голод, унижения вынудили Тимофея пуститься путешествовать по свету, искать правды и справедливости. В 1920 году он стал беспризорником. Сначала подался в Ростов-на-Дону. Многолюдный и шумный город недружелюбно встре-

тил обездоленного мальчишку из села. Среди толпы чужих людей было голодно и неуютно. Тимофей перебрался в Воронеж, а потом бежал в Геленджик, что на Черном море. Вместе с другими бездомными ребятами Хрюкин вскоре попал в колонию для беспризорников, где твердо придерживались принципа, что только в труде можно воспитать настоящего человека. Как самый рослый и крепкий парень Тимофей стал молотобойцем в кузнице. Подавляющее большинство воспитанников колонии были малограмотными или совсем неграмотными, как Тимофей.

В 1922 году Тимофей Хрюкин возвратился на Кубань, в станицу Привольную, к родным. К этому времени семья Хрюкиных распалась, и Тимофею опять пришлось идти работать по найму. Мать ушла в другую семью и забыла своего сына, вспомнив о нем только в 1939 году, когда она узнала из газет о присвоении Тимофею Хрюкину звания Героя Советского Союза. Тогда и приехала к сыну в Белую Церковь просить помочь ей материально. Скончалась она в 1941 году в Ейске.

Материнскую черствость Хрюкин помнил в течение всей своей жизни. Поэтому самым высоким чувством в человеке он считал душевность и доброту, а наивысшее достоинство видел в умении стоять и биться за правду и справедливость.

Еще три года он батрачил в станицах Копанской, Привольной и Приморско-Ахтарской, затем начал ходить в школу, в 1923-м стал первым пионером, через год включился в работу комсомольской организации и в 1924 году стал ее вожаком. Друг детства Федор Кондратьевич Гончаров из станицы Привольной, проживавший на улице имени Хрюкина, вспоминал:

“Тогда еще и названия у нашей улицы не было. Я с матерью и отчимом жил, нелегко мне было, но однажды дружок по несчастью у меня появился: к соседке на постой сапожник с сыном приехал из Ейска. (Отец Хрюкина в зимнее время сапожничал.) Тимофей оказался моим ровесником, мы сразу и задружили с ним. Только он ростом был вдвое выше меня. Батрачили мы, скот пасли вместе. Когда стали организовывать в станице комсомол, мы с Тимофеем тоже записались. Кого секретарем? Огляделись - никого виднее и бойчее Тимофея нет. Его и избрали. Избрать-то избрали, а он еще босым ходит. Приехали как-то в станицу из райкома партии, собрали коммунистов. “Как же вы допускаете, что комсомольский вожак у вас разутый ходит?” Тут же сложились по рублю, тридцать один рубль набрали! Предложили деликатно, будто от райкома. Никогда

мы с Тимофеем такого богатства в руках не держали. Купили ему сапоги, защитный костюм, фуражку, даже портупейный ремень. Любил он с детства военную форму... А потом его в райком комсомола взяли секретарем. Оттуда вскоре в Краснодар учиться он поехал на рабфак. Кроме рабфака, еще и аэроклуб посещал. Когда пришел срок в армию, он сразу в авиашколу попал”.

Алексей Семенович Чуянов, бывший первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б), так описывал встречу с Хрюкиным:

“...В октябре 1924 года... в станице Привольной я встретил секретаря ячейки комсомола, молодого энергичного казака Тимофея Хрюкина. Красивый, умный, статный парень, чуб цвета ржаной соломы оттеняет смуглый загар лица... Потом, когда меня избрали секретарем райкома комсомола, я предложил избрать Тимофея Хрюкина членом райкома, и он стал моим хорошим помощником по работе среди казачьей молодежи...”

В Каневском райкоме ВЛКСМ Краснодарского края Т.Хрюкину был вручен комсомольский билет. В комсомольской ячейке станицы Привольной молодой Хрюкин приобретал навыки вожака молодежи. Среди своих сверстников он пользовался авторитетом смелого и справедливого парня, способного постоять за своих товарищей.

Его избрали членом станичного Совета, председателем рабочкома сельхозрабочих станицы Привольной. В райкоме комсомола он работал председателем районного бюро юных пионеров и заведующим орготделом.

В 1925 году Т.Хрюкин уехал в Ейск и устроился работать молотобойцем в железнодорожном депо. Работа в дружном рабочем коллективе депо, где каждый работник трудился не на хозяина, на общее благо, рождала у Тимофея чувство рабочей гордости и собственного достоинства. Труд в коллективе, в противоположность батрачеству у кулака, приносил глубокое моральное удовлетворение. Два года Тимофей работал грузчиком в станице Приморско-Ахтарской. Большая портовая станица жила интересной трудовой жизнью азовских рыбаков. Нередко вместе с ними Тимофей уходил в море на промысел. В его памяти остались самые хорошие воспоминания о председателе Спиридоне Тимофеевиче Иващенко, сверстнике Леониде Гукише и других. Годы, проведенные в среде отважных рыбаков Азово-Черноморского рыбного треста, закалили его характер.

По призыву В.И.Ленина, обращенному к молодежи: “учиться, учиться и учиться”, Тимофей поступает в вечернюю совпартшколу в станице

Каневской и все свое свободное время посвящает учебе, стараясь наверстать упущенные школьные годы. За два года он прошел курс неполной средней школы, не оставляя и комсомольской работы. В 1928 году Хрюкин был участником VII Кубанской окружной конференции комсомола.

Это было время больших перемен, высокого энтузиазма и самоотверженности молодого поколения Страны Советов. Не только в городе, но и на селе трудовая молодежь, поднятая из самых низших слоев общества, с большим энтузиазмом отдавала все силы и кипучую энергию для созидания свободного, справедливого строя, без гнета и эксплуатации.

В кубанской станице Привольной комсомольская организация, возглавляемая Тимофеем Хрюкиным, становилась опорой местных партийных и советских органов. В 1929 году Т.Хрюкин вступил в ряды ВКП(б), но работу в комсомоле не оставил, был членом районного и окружного комитетов ВАКСМ.

В 1929-1930-х годах, когда в стране широко развернулась коллективизация сельского хозяйства, Тимофей Хрюкин работал трактористом в совхозе № 4 Каневского района и принимал активное участие в проведении сплошной коллективизации.

В январе 1930 года Т.Хрюкина избрали секретарем райкома комсомола и членом Каневского райкома партии. Тимофей работал с увлечением, во всех делах комсомольцев всегда старался быть впереди.

Секретарю райкома приходилось учить других. Вот тогда особенно остро начали сказываться недостаток знаний и пробелы в общеобразовательной подготовке. Самостоятельные вечерние занятия над книгами уже не соответствовали возрастающим требованиям жизни. В 1930 году Т.Хрюкин направляется учиться в Краснодар на рабочий факультет. Став студентом, он напряженно занимался и за два года окончил курс полного среднего образования. Во время учебы на рабфаке Т.Хрюкин активно участвовал в общественно-политической работе. В 1931 году его избрали депутатом Краснодарского городского Совета 9-го созыва. Ни одно общегородское мероприятие комсомольцев не проходило без активного участия в нем Тимофея Хрюкина.

Первые шаги в небо

В мае 1932 года двадцатидвухлетнего Тимофея Хрюкина по специальному партийно-комсомольскому набору направили в Луганскую школу военных летчиков. Так началась его армейская служба.

В военной школе летчиков первые пять месяцев курсанты изучали аэродинамику, воздушную навигацию и бомбометание, тактику военной авиации, авиационную технику, стрелковое дело и воинские уставы. Кроме того, занимались строевой подготовкой и спортом.

Чтобы не отставать от других курсантов, имевших лучшую, чем он, общеобразовательную подготовку, Тимофею приходилось проводить многие бессонные ночи над учебниками. От него требовались большое упорство и настойчивость, чтобы не отставать по учебной программе и идти в ногу с другими курсантами. Воспитанные в детстве трудолюбие, настойчивость и упорство помогали преодолевать трудности и переносить многие невзгоды на последующем жизненном пути.

Распорядок дня в летной школе строго регламентировал жизнь курсантов, все было рассчитано по часам и минутам.

Было очень трудно, но стремление к знаниям, которое он сохранил на всю свою жизнь, придавало силы не отставать от других курсантов. Его девизом стала поговорка: “Упорство и труд все перетрут”.

В установленный срок им успешно был завершён курс теоретической подготовки, начались учебные полеты. Неповторимое чувство испытывает человек в первом самостоятельном полете. Это чувство Хрюкин пережил ещё в Краснодаре, когда учился в аэроклубе и впервые поднялся в небо. Во время взлета самолет разбегается, постепенно набирает скорость, земля все быстрее и быстрее уходит назад, колеса вздрагивают на кочках, а потом эта тряска прекращается, самолет плавно отделяется от земли и начинает медленно набирать высоту. Увеличивается скорость полета, земля удаляется, а над головой у летчика - бескрайнее небо, опирающееся на раздвигающийся горизонт. Винт пропеллера самолета гонит воздушный поток под крыло, и человек, как птица, опираясь на плотный воздух, парит над землей. На развороте земной горизонт как-то неестественно накреняется, а земные ориентиры ползут назад. В первом полете все это кажется необычным и несколько странным, ибо на земле горизонт всегда неподвижен, а в воздухе он раздвигается, накреняется и снова выравнивается.

Пилотирование самолета наполняло душу Хрюкина чувством могущества человека над силами природы и вызывало законную гордость за избранную им профессию. В полете он буквально вращался в самолет. Летчик тогда становится мастером пилотирования, когда чувствует самолет всем своим телом, тогда он немедленно воспринимает малейшие эволюции самолета и реагирует на них.

Самолет не может остановиться или дать задний ход. На раздумья летчику часто остаются считанные секунды, в которые нужно принять единственно правильное решение и немедленно его осуществить.

Научиться летать может каждый человек, увлеченный этой профессией, но стать пилотом высшего класса может только тот, кто одарен от природы необходимыми для этого качествами: быстрой реакцией, координацией движений, выдержкой, хладнокровием и незаурядным мужеством...

В летной школе Хрюкин почувствовал свое призвание. Полеты на самолете становились для него большим праздником. С каждым днем росло его летное мастерство. Но профессия пилота всегда связана с большим риском. К сожалению, бывают и случаи падения самолетов - авиационные аварии и катастрофы. Хрюкину и его товарищам пришлось пережить это еще во время обучения в летной школе. Один из курсантов при первом самостоятельном полете не справился с техникой пилотирования и потерпел аварию: сломал самолет, а сам получил тяжелые ранения. Вполне понятно, что у каждого из наблюдавших за этой катастрофой наплывали мрачные мысли, но молодые люди хотели стать военными летчиками, а воздушные бойцы должны быть готовы к любым неожиданностям и испытаниям. Летчик должен быть способен преодолеть любую опасность на своем пути, в том числе и смертельную, при встрече с врагом. Перед угрозой смерти у каждого появляется чувство страха, совершенно бесстрашных людей, как правило, не бывает, а мужество в том и состоит, что человек способен своей волей преодолеть этот страх.

Летная практика проходила успешно. Курсант Тимофей Хрюкин неизменно получал хорошие и отличные оценки за выполнение полетных заданий. Товарищи по эскадрилье с большим уважением относились к нему. Хотя по возрасту он был моложе других курсантов, но в жизненном опыте превосходил многих своих товарищей. Вскоре его выбрали секретарем партячейки учебной группы, а потом и членом партбюро эскадрильи.

В ленинской комнате его часто можно было видеть в кругу товарищей с книгой в руке. Молодые ребята-курсанты, подстриженные под нулевку, вели горячие дискуссии по прочитанным книгам, с большим увлечением и комсомольским задором обсуждали действия героев этих произведений. В 30-х годах советская молодежь увлекалась романом Николая Островского “Как закалялась сталь”. Книга захватывала романтикой гражданской войны и незабываемыми годами становления Советской власти. Особенно нравился главный герой - мужественный Павка Корчагин, с которого хотелось брать пример. Всем было ясно, что революция в России делалась руками молодых. Ребятам, призванным в армию на Кубани, также близки были события, описанные Александром Серафимовичем в романе “Железный поток”. Эту книгу читали с особым интересом, целые главы пересказывали по памяти, каждый делился своими воспоминаниями детства.

Из вчерашних рабочих и крестьянских парней школа формировала будущих воздушных бойцов - кадровых военных. Жесткий режим дня, строгий воинский порядок, строевая и физическая выучка, весь комплекс воинского воспитания позволяли в короткий срок преобразовывать неорганизованных ребят в мужественных, подтянутых, дисциплинированных красноармейцев, которые с гордостью носят военную форму и дорожат голубыми петлицами с “птичками” на них. Каждый курсант проникался глубоким сознанием большого значения своей военной профессии и своего предназначения. Он поступал на службу Родине и был призван выполнять почетную и священную обязанность по защите государства рабочих и крестьян, давал торжественную клятву защищать её с честью и достоинством, не щадя своей жизни. Летная школа вырабатывала в курсантах командирские навыки: они учились летать на тяжелых самолетах, где летчик - командир экипажа, ему доверялись жизни товарищей по оружию. Школа закладывала в курсантах основы для дальнейшего ратного труда - тяжелого, опасного, нередко требующего напряжения всех духовных и физических сил.

Каждый курсант тщательно следил за своим внешним видом, всегда был чисто выбрит, подстрижен, обмундирование отутюжено, а к гимнастеркам были аккуратно пришиты белоснежные подворотнички. Образцовый порядок на земле гарантировал такой же порядок в воздухе.

За полтора года курсанты прошли теоретический курс обучения и всю летную программу. На петлицах у Тимофея Хрюкина появились знаки различия младшего командира, а в декабре 1933 года состоялся

очередной выпуск военных летчиков, окончивших Луганскую школу пилотов. В числе лучших курсантов был Тимофей Хрюкин. На всю жизнь запомнились ему торжественные минуты проводов и напутствия его первых инструкторов и наставников.

В крылатом строю

Тимофей Хрюкин получил назначение в 5-ю легкобомбардировочную авиаэскадрилью, что находилась в Белоруссии, в Витебске. Службу в строевой части он начал в должности младшего летчика. Для каждого молодого командира очень важно прохождение службы в обычном порядке, начиная с самых низших ступеней. Только в таких условиях будущий командир познает на своем собственном опыте особенности военной службы и в дальнейшем, командуя людьми, хорошо понимает психологию подчиненных, находящихся на разных ступенях сложной иерархической структуры любого военного организма. Выделяясь среди молодых летчиков не только высоким ростом и атлетической фигурой, но прежде всего отличной техникой пилотирования, хорошими знаниями авиационной техники и большим жизненным опытом, Тимофей Хрюкин в скором времени стал командиром звена, членом партбюро эскадрильи и руководителем группы политической учебы.

В 1935 году его перевели в 10-ю скоростную бомбардировочную авиаэскадрилью в город Смоленск, где он впервые встретился с Ф.Я.Фалалеевым, командиром Смоленской авиационной бригады, в состав которой входила 10-я авиаэскадрилья. Со всеми летчиками, прибывающими в бригаду, Фалалеев знакомился лично и подробно беседовал с каждым из них. Бывший командир 240-го Луганского стрелкового полка Фалалеев хорошо знал авиационную школу в Луганске и встретился с Хрюкиным как со старым знакомым.

Строгий и суровый внешне, Федор Яковлевич в действительности был чутким и душевным командиром, который заботливо относился к своим подчиненным и всегда оказывал им нужную и своевременную помощь. Своим товарищам по службе он всегда разъяснял, что “командо-

вать легко, обучать уже труднее, а воспитывать очень сложно. Быть хорошим командиром - значит обладать качествами учителя и воспитателя. А чтобы выполнять свои обязанности командира полно, свободно и честно, надо во всех ситуациях быть примером для подчиненных, особенно в нравственном отношении. Тогда люди верят, идут к тебе со своими нуждами, открывают свое сердце и ждут ответа. Каждый раз правильнее и легче решаются дела, если хорошо знаешь своих подчиненных..."

Под руководством командиров молодые люди, призванные в армию, не только учатся владеть оружием, но одновременно получают идейно-политическую закалку воина-патриота, защитника своей Родины. Командир несет полную ответственность за своих подчиненных, для солдата он не только старший начальник, но и заботливый отец. Поэтому профессия командира почетна и ответственна.

В 1936 году началась гражданская война испанского народа против фашизма. Демократические силы всех стран оказывали помощь республике. Были созданы интернациональные бригады. В числе добровольцев оказался и лейтенант Т.Т.Хрюкин.

В то время правительство Народного фронта Испании вело борьбу с фалангистами. Немецкая и итальянская помощь позволила войскам мятежного Франко вплотную приблизиться к Мадриду. Летчик Хрюкин был в одном ряду с теми, кто вел борьбу с фашистским воздушным легионом "Кондор", вызывавшим ужас своими варварскими бомбардировками незащищенных испанских городов. Именно там он понял характер надвигающейся мировой войны с фашистами, в боевой обстановке приобретя драгоценный опыт.

1 апреля 1937 года Т.Т.Хрюкин был назначен командиром 13-й авиационной эскадрильи, базирующейся на аэродроме Шайковка в Белорусском военном округе. В 1937 году ему были присвоены два очередных воинских звания: старшего лейтенанта и капитана, что свидетельствовало о признании его командирских способностей.

Очень напряженным в жизни Т.Т.Хрюкина стал 1938 год. В январе его назначили командиром 12-й скоростной бомбардировочной эскадрильи двухкомплектного состава с возможностью развертывания ее в авиационный полк. Количество подчиненных удвоилось, возросли заботы и ответственность командира. Затем он исполнял должность командира 103-й авиабригады. Т.Т.Хрюкин был неутомим в работе, всегда находился среди людей, а чаще всего был на аэродроме, на полетах. В лет-

ной работе Хрюкин отличался большим мастерством и всегда был готов к выполнению самых сложных задач. Волевой, инициативный командир, он прививал эти качества подчиненным и пользовался у них большим авторитетом.

В марте 1938 года Т.Т.Хрюкин находился в спецкомандировке для оказания интернациональной помощи Китаю в борьбе с японскими интервентами.

Квантунская армия заняла обширную территорию Северного Китая и Внутренней Монголии, выйдя на границу с Советским Союзом. Лишь советские войска могли остановить агрессора. И действительно, японцам пришлось пересмотреть свое мнение в отношении СССР. Они не рискнули напасть на нас, понимая, что не смогут победоносно закончить войну.

В том же году Т.Т.Хрюкин был назначен командиром 10-й скоростной бомбардировочной авиационной бригады в городе Белая Церковь. Приказом наркома обороны от 26 сентября 1938 года ему было присвоено воинское звание полковника, минуя очередные звания майора и подполковника. Двадцативосьмилетний полковник становится командиром авиационного соединения, дни и ночи которого наполнены напряженной боевой учебой. Учились подчиненные, учился и сам командир бригады, который уже к 1938 году имел 1450 часов налета на 11 типах самолетов.

Всю свою сознательную жизнь Хрюкин стремился к знаниям. Он не пропускал ни одной возможности для учебы на курсах по повышению командирской квалификации, успешно окончил в 1939-м оперативные курсы при Военной академии Генерального штаба. Это помогло молодому полковнику расширить свой оперативно-тактический кругозор, приказом Народного комиссариата обороны от 4 мая 1940 года ему было присвоено воинское звание комбрига.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу - началась вторая мировая война. В том же году Хрюкин в качестве командира 10-й скоростной авиационной бригады принимал участие в освободительном походе Красной Армии в западные области Украины, а в 1940 году, уже будучи командующим авиацией 3-й общевойсковой армии, и в установлении советской власти в Литве.

В мае 1940 года Хрюкин получил назначение на должность начальника отдела бомбардировочной авиации Управления Военно-Воздуш-

ных Сил Красной Армии (приказ Народного комиссариата обороны от 4 мая 1940 года). Свой богатый боевой опыт он широко использовал в боевой подготовке бомбардировочных частей и соединений ВВС и большую часть своего служебного времени проводил на аэродромах, в авиачастях. 4 июня 1940 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Т.Т.Хрюкину присваивается воинское звание “генерал-майор авиации”.

В конце 1940 года его снова направляют на курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии Генерального штаба. В академии пришлось серьезно изучать военную стратегию и оперативное искусство. Учился он с большим старанием. Имея большой и разнообразный боевой опыт, Хрюкин активно участвовал в развитии военной теории, часто вступал в полемику с преподавателями академии, которые были довольно консервативны в вопросах боевого применения такого динамичного, развивающегося вида Вооруженных Сил, как бомбардировочная авиация.

После успешного окончания высших военных академических курсов 27 мая 1941 года генерал Т.Т.Хрюкин был назначен командующим военно-воздушными силами 12-й армии Киевского особого военного округа.

Фронтová закалка

Первую боевую закалку Т.Т.Хрюкин получил, выполняя интернациональный долг в Испании.

В июле 1936 года в Испании вспыхнул военно-фашистский мятеж. При прямой поддержке Гитлера и Муссолини фалангисты под водительством Франко решили потопить Испанскую республику в крови. Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз наряду с другими странами решил оказать Народному фронту республиканской Испании всестороннюю помощь. Были созданы интербригады.

В сентябре 1936 года лейтенант Т.Т.Хрюкин подал рапорт командованию с просьбой отправить его добровольцем в Испанию, чтобы бить фашистов на скоростном бомбардировщике. Его просьба была удовлет-

ворена. Летчикам-интернационалистам в Испании пришлось вести боевые действия в сложных условиях против отборных фашистских асов, воевавших на истребителях “Мессершмитт-109” и бомбардировщиках “Юнкерс-88” и “Хейнкель-111”.

В небе героической Испании Хрюкин водил в бой эскадрилью бомбардировщиков СБ. Неоднократно рискуя жизнью, экипаж его бомбардировщика наносил прицельные бомбовые удары по войскам противника. Ему приходилось совершать полеты в глубокий тыл противника без сопровождения своих истребителей и при этом вести ожесточенные схватки с фашистскими истребителями, подвергаться обстрелу зенитной артиллерии.

Бомбардировщики республиканцев наносили эффективные удары по живой силе, боевой технике, аэродромам и другим объектам тыла противника. Советские летчики-интернационалисты с честью выполнили свой долг в небе республиканской Испании.

Председатель Компартии Испании Д.Ибаррури писала: “Без авиации и танков оборона Мадрида была не просто трудным делом, но была бы невозможной. Те немногие самолеты, которыми располагали народные военно-воздушные силы, целый день находились в воздухе и вводили в заблуждение противника; он никак не мог себе представить, что это были одни и те же самолеты, что одни и те же летчики совершают чудеса, успешно прикрывая и защищая мадридское небо...”

В Испании Т.Т.Хрюкин показал себя зрелым и смелым воздушным бойцом, волевым и умелым командиром, за совершенные боевые подвиги был награжден орденом Красного Знамени.

Командующий республиканской авиацией И. де Сиснерос писал:

“...Со всей ответственностью могу утверждать, что оказанная нам Советским Союзом помощь была совершенно бескорыстной и стоила ему многих жертв, в числе которых немало летчиков, погибших, защищая свободу испанского народа...”

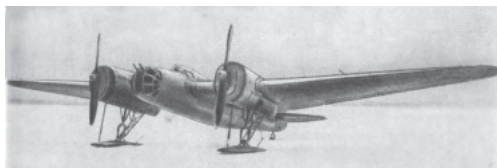
В марте 1938 года Т.Т.Хрюкин участвовал в оказании помощи китайскому народу в борьбе с японскими интервентами. Соппротивление Китая без поддержки войск Советского Союза было практически обречено на полное поражение. За время с октября 1937 по июнь 1941 года было направлено в Китай 985 самолетов и свыше 700 летчиков и механиков.

В Китае Хрюкин командовал группой бомбардировщиков, которые громили японские укрепления и войска, железнодорожные составы,

мосты, морские и речные транспорты и боевые корабли, совершали дерзкие налеты на аэродромы противника. Ему неоднократно приходилось совершать боевые вылеты ведущим больших групп бомбардировщиков. Он слыл храбрецом и пользовался большим уважением у подчиненных за настойчивость и личную отвагу.

Боевые действия в Китае советским летчикам-добровольцам пришлось вести в трудных условиях, случались и тяжелые происшествия.

В Ханькоу группа бомбардировщиков, возглавляемая “мистером Андреевым” (таков был псевдоним Т.Т.Хрюкина), прибыла 16 мая 1938 года. 19 мая группа из 12 самолетов СБ под командованием Т.Т.Хрюкина сделала первый боевой вылет с целью бомбардировки кораблей противника на реке Янцзы. Самолеты попали в тяжелые метеоусловия, в полете летчики растеряли друг друга и вынуждены были произвести посадку в разных местах, одни на колеса, другие прямо на фюзеляж. Дорогу домой нашли только три экипажа. Один экипаж - летчика Жоры Велигурова - погиб.

Для разбора причин этого происшествия Хрюкин был вызван к советнику по авиации, военному атташе СССР в Китае П.Ф.Жигареву. Состоялся тяжелый разговор. Политкомиссар группы советских летчиков-добровольцев А.Г.Рытов вспоминал об этом так:

“Захожу как-то к Павлу Федоровичу Жигареву. Вижу, злой, широкими шагами меряет комнату и что-то говорит. У стола, склонив голову, понуро стоит командир группы бомбардировщиков Тимофей Хрюкин и вертит в руках карандаш. На нем желтая безрукавка, на лбу выступили капельки пота...

- Нет, ты только полюбуйся на него, - с укоризной в голосе говорит Жигарев, кивая на Хрюкина. - Растерял всех своих летчиков и сам случайно остался живым.

Заложив руки за спину, Павел Федорович еще раз пробежал от стола до двери и обратно, остановился перед Тимофеем и, чуть ли не тыча в лицо рукой, гневно спросил:

- Где теперь искать ваших летчиков, где?

Потом отошел от Хрюкина и, обращаясь ко мне, распорядился:

- Все. К чертовой матери! Отправить его в Москву...

- А что же все-таки случилось, Павел Федорович?

- Этот молодец, - поостыв, сказал Жигарев, - завел 12 самолетов за облака и там растерял их, как беспечная наседка теряет цыплят в крапиве.

- А куда он их собирался вести? - прикинулся я неосведомленным.

- Разве не знаешь? Тоже мне комиссар, - переводя разговор на шуточный лад, продолжал Жигарев. - У Нанкина скучились японские военные корабли. Вот и задумали ударить по ним. А вышел конфуз...

- Тимофей Тимофеевич, - осторожно старался я заступиться за Хрюкина, - дал, конечно, маху. Не зная броду, не суйся в воду - гласит народная пословица. Наказать его, может быть, и следует. Но ведь сделал он это не по злому умыслу. Хотел как лучше.

- Хотел, хотел... Из добрых намерений кафтана не сошьешь, - стоял на своем Жигарев.

- Да ведь и мы с вами, Павел Федорович, немного виноваты. Погоду знали, подготовку летчиков тоже. Однако вылет не запретили, наоборот, подбадривали: давай, давай...

- А у него на плечах своей головы нет?

- Как нет? - заметив перемену к лучшему, я уже решительно стал на защиту Тимофея Тимофеевича..."

Тяжело переживал Хрюкин чрезвычайное происшествие и этот справедливый "разнос", которому он подвергнулся у Жигарева.

Подобные потрясения закаляли его характер и волю для борьбы с трудностями, ибо реальная жизнь является самым суровым и мудрым учителем.

А.Г.Рытову удалось отстоять Хрюкина, чтобы его не откомандировывать в Москву. Хрюкин, оправившись от чрезвычайного происшествия, продолжал храбро сражаться с японскими захватчиками.

Японцы наступали вдоль Янцзы от Нанкина в сторону Ханькоу. У портового города Акьцина две пятерки бомбардировщиков СБ под общим командованием Хрюкина прорвали заслон зенитного огня и противодействие истребителей противника, нанесли удар с высоты 5500 м по японским кораблям на реке Янцзы. Штурманом в экипаже Хрюкина был Иван Степанович Сухов. В результате удара было уничтожено несколько кораблей.

Когда Хрюкин командовал бомбардировочной группой советских летчиков-добровольцев в Китае, штурманом эскадрильи этой группы был Иван Павлович Селиванов, ему приходилось в одном экипаже с Хрюкиным летать на боевые задания.

Об одном боевом вылете И.П.Селиванов писал так:

“Как-то приехал командир бомбардировочной группы в Китае капитан тов. Хрюкин.

- Завтра, - говорит, - Селиванов, поведем с тобой вашу эскадрилью, будем бомбить аэродром противника у Янцзы.

С вечера проложили маршрут, произвели расчеты, утром подвесили бомбы. На небе светило солнце. Примерно на половине пройденного пути навстречу нам, 8-10 км левее, летит эскадрилья японских бомбардировщиков, выше - прикрывающая их группа истребителей. Немедленно передаю по переговорной трубке:

- Тимофей Тимофеевич! Впереди, левее нас, идут встречным курсом японские бомбардировщики и истребители.

- Да, - говорит, - вижу. Наверное, идут бомбить наш аэродром.

Мы летели выше их со стороны солнца. То ли японские истребители нас не заметили на большой скорости, то ли не решились оставить свою группу, но мы быстро разошлись курсами. Некоторое время спустя увидели большой город, впереди по курсу аэродром, на реке - несколько торговых кораблей... Сбросив с первого захода бомбы на полосу и аэродромные постройки (самолетов не заметили), под длинные пароходные гудки развернулись над городом и пристанью, полетев домой. Через полтора часа обратного полета показался знакомый рельеф аэродрома. Сразу было видно, самураи “навестили” нас. На аэродроме догорали бамбуковые домики, где обычно сидели в ожидании дежурные летчики-истребители, а мы готовились к полетам. На летном поле и посадочной щепеночной полосе - всюду воронки от разрывов бомб. Выложен знак “посадка запрещена, ждите в воздухе...”

В полете Хрюкин проявлял спокойствие, был невозмутимым и рассудительным командиром и обладал твердостью и настойчивостью при выполнении боевой задачи.

“Однажды, - вспоминал И.П.Селиванов, - на маршруте полета встретили сплошную облачность. Снизились под облака, а впереди горы.

Хрюкин начал маневрировать самолетом между гор. Возникла реальная угроза столкновения. Только после моих настойчивых требований Хрюкин развернулся, и мы пошли в обход облачности, но к цели все-таки пробились...”

А.Г.Рытов, вспоминая свою работу комиссаром авиационной группы в Китае, писал:

“Хрюкин был мне известен как очень опытный летчик и хороший командир... Сражался он с японцами храбро... Позже за участие в уничтожении японского авианосца ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а Китайское правительство наградило его орденом”.

Хрюкину на всю жизнь запомнился тот боевой вылет.

“...Пошли бомбить переправу японских войск на реке Янцзы. Погода была сложная, цель закрыта облачностью. Чтобы не привозить бомбы домой, прошли вдоль Янцзы до устья, и там неожиданно увидели японский авианосец под прикрытием крейсеров, за которым многие месяцы безрезультатно охотился. Несмотря на шквальный зенитный огонь, точно сбросили бомбы. Японские газеты потом писали, что бомбы попали в машинное отделение, и авианосец затонул”.

В декабре 1939 года Хрюкин в качестве командующего авиацией 14-й общевойсковой армии принимал участие в советско-финляндской войне в районе Петсамо - Мурманск.

Это была третья по счету война, в которой он участвовал. Хрюкин неоднократно водил группы бомбардировщиков. На его счету было уже свыше 100 успешных боевых вылетов на бомбардировщике.

За образцовое выполнение боевых заданий командования Т.Т.Хрюкин был награжден вторым орденом Красного Знамени. Так в течение почти пяти лет проходила фронтовая закалка молодого авиационного командира-летчика.

Новое назначение

Встреча старых сослуживцев Хрюкина и Фалалеева произошла при драматических обстоятельствах, когда бывший воспитанник и подчиненный должен был заменить своего старшего командира-наставника.

Хрюкин был на 11 лет моложе Фалалеева и считал себя его учеником, под его руководством он прошел хорошую школу не только в строевой части, но и в аппарате Наркомата обороны. В январе 1941 года Хрюкин работал в Инспекции наркома обороны. Фалалеев был тогда генерал-инспектором ВВС, а Хрюкин его заместителем.

На этот раз в Валуях это была встреча опытных командиров. Однако Хрюкин испытывал сильную неловкость, он знал, что Фалалеев отстранен от должности по несправедливому обвинению в неисполнительности, от всей души сочувствовал ему. Он старался выразить глубокое уважение к своему командиру-учителю и наставнику, много сделавшему для становления его как военачальника. В душе Хрюкин чувствовал, что справедливость восторжествует и его умный, опытный наставник и выдающийся военачальник найдет применение своему военному таланту в столь тяжелое время, которое переживала Советская Родина. И действительно, в скором времени Ф.Я.Фалалеев был назначен начальником штаба ВВС Красной Армии, через два года стал маршалом авиации и внес большой вклад в дело победы над германским фашизмом.

Фалалеев по-строевому подошел к Ворожейкину, отдал ему рапорт и после взаимных приветствий в нескольких словах доложил ему о том, что военно-воздушные силы фронта день и ночь ведут напряженные боевые действия, из-за большого превосходства люфтваффе на земле и в воздухе бои носят тяжелый характер и приходится отступать.

Хрюкин и Фалалеев крепко пожали друг другу руки как старые друзья-товарищи.

Не задерживаясь на аэродроме, Ворожейкин, Фалалеев и Хрюкин направились к командующему фронтом. Маршал С.К.Тимошенко принял их в маленьком уютном особняке. Когда авиаторы вошли в просторную комнату, из-за стола поднялся высокий, бритоголовый, по-кавалерийски сложенный маршал. Он стоял перед ними, несколько сгорбившись, как будто под давлением тяжелой ноши. Хрюкину до этого не приходилось лично встречаться с бывшим наркомом обороны, для которого прошедший военный год был связан с большими и почти непрерывными неприятностями. Вид у Тимошенко был крайне утомленный. Тяжелые переживания военного лихолетья заметно состарили его, хотя ему шел всего сорок восьмой год.

В первый месяц войны он, будучи наркомом обороны, возглавил Ставку Верховного Главнокомандования. Но уже в июле 1941 года был освобожден от этих должностей. С сентября 1941 года возглавлял юго-западное направление и одновременно командовал Юго-Западным фронтом.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление под Харьковом. Была прорвана линия обороны фашистов, и наши

войска продвинулись вперед на 25 - 50 км. Но, как показали последующие события, это были только тактические успехи, которые, к сожалению, не соответствовали стратегической обстановке, сложившейся на юго-западном участке фронта весной 1942 года. Гитлеровское командование, потерпев зимой 1941/42 года поражение под Москвой, провело ряд тотальных мобилизаций, сосредоточило мощную ударную группировку на Украине с целью разгрома наших войск под Харьковом, продвижения на восток и выхода на Волгу. Захватив кавказскую нефть, они намеревались нанести удар по Москве. Наступление наших войск под Харьковом началось в условиях, когда противник имел значительное превосходство в силах. В результате наступление должного развития не получило, фашисты превосходящими силами отбросили наши войска, а 6-я, 57-я и часть сил 9-й армии попали в окружение. Около 22 тысяч человек прорвались из окружения, а многие десятки тысяч советских солдат погибли. Обстановка на южном крыле фронта резко изменилась в пользу противника. Срезав барвенковский выступ фронта, немецко-фашистские войска под Харьковом заняли выгодные исходные позиции и развернули широкое наступление на восток.

“Одной из причин крупного поражения наших войск весной 1942 года, - писал маршал А.М.Василевский, - был просчет Ставки и Генштаба в определении замысла противника и основных направлений действий его летом 1942 года”.

Большая ответственность и вина за это поражение ложились на командование фронтом. Учитывая опыт 1941 года, маршал Тимошенко ошибочно полагал, что лучше будет предупредить наступление немецко-фашистских войск под Харьковом. Однако для того, чтобы начать наступление, нужно иметь превосходство в силах, а его не было, необходимых резервов подготовлено также не было, и в результате события развернулись так, что повторился сорок первый год, но в более тяжелой форме. На юго-западном направлении не было сил, чтобы сдержать наступление врага, и приходилось снова отступать, оставляя богатые хлебом и металлом районы страны. Тяжелые дела на фронте тяжким грузом ложились на плечи С.К.Тимошенко и усугубляли мрачное настроение, в котором вот уже несколько недель находился командующий фронтом.

Он вышел из-за стола, пожал вошедшим авиаторам руки и попросил всех сесть за стол. Беседа началась с того, что Тимошенко высказал свое

неудовлетворение действиями авиации фронта, которая, по его мнению, слабо помогает наземным войскам отбивать атаки врага.

Ворожейкин попытался ослабить неприятно начавшийся разговор, он стал докладывать о подготовке командованием ВВС резервных авиаполков для Юго-Западного фронта, а также о предстоящей переброске бомбардировочной дивизии с Московского на Юго-Западное направление, но Тимошенко остановил его:

- Немцы наступают большими силами, чтобы сдержать их продвижение, нужно усилить удары с воздуха и делать это надо без всякого промедления. А мне докладывают, что в авиаполках остается по десятку исправных самолетов. Пополнение резервами необходимо в ближайшие дни. Вся надежда на авиацию как на самое маневренное средство. Верховный нервничает, ищет виновных в провале Харьковской операции. Как видите, хорошего ждать нечего. Мы с Хрущевым пытаемся его убедить, что найдем силы остановить немцев, хотя, возможно, что эти заверения могут остаться только словами и нам предстоит пережить еще более тяжелые дни, чем прошлой осенью под Москвой.

Помедлив, Тимошенко продолжил:

- О замене Фалалеева мне было известно. Несколько дней тому назад Верховный спрашивал, что это за командующий ВВС фронта, который осмеливается не выполнять решения Государственного Комитета Обороны. Он потребовал освободить его от должности, я согласился на замену.

Фалалеев пожал плечами, выразив этим свое удивление, ведь командующий фронтом ничего ему не говорил об освобождении от должности, он узнал об этом только сегодня утром на аэродроме, когда встретил своего преемника. Против назначения Хрюкина Тимошенко не возражал, надеясь, что молодой кубанский казак своей напористостью, возможно, поможет переломить ход событий на фронте. Хотя сам он мало верил в то, что удастся поправить дела, и готовился к очередному перемещению, может быть, и к худшему. Потому-то и сторбился он, потеряв свою былую гордую осанку. Фалалееву он приказал немедленно сдать дела, а Хрюкину приступить к исполнению должности командующего ВВС фронта. На этом закончилась короткая аудиенция, которая оставила у авиаторов тяжелый осадок.

Предстояло нанести визит члену Военного совета фронта Н.С.Хрущеву. Однако его на месте не оказалось, он улетел в Москву на заседание Политбюро, где ему предстояло дать объяснение за провал

Харьковской операции. Авиаторов принял второй член Военного совета фронта, бригадный комиссар А.И.Кириченко.

Второй секретарь ЦК КП(б) Украины, резкий в движениях и крутой на слова, встретил гостей, не выходя из-за стола. Всем своим видом и позой он как бы подчеркивал свое высокое положение.

Хрюкин сразу почувствовал, что с ним следует вести себя осторожно и избегать откровенных разговоров. Проходя службу перед войной в Белой Церкви, ему приходилось слышать о его резкости, и он заранее знал, с кем ему придется иметь дело.

Успокаивало то, что в обязанности второго члена Военного совета входили главным образом вопросы тылового обеспечения и в боевые действия войск, тем более авиации, он не должен был вмешиваться.

Прямой противоположностью Кириченко был присутствовавший в кабинете начальник Политуправления фронта М.М.Пронин. Истинный политработник, он с первого знакомства умел расположить к себе собеседника. Большой жизненный опыт, внимание к окружающим людям, щедрость души, рассудительность, спокойствие вызывали большое уважение к начальнику Политуправления всех, кто с ним работал.

Таким же уважением проникся к нему и Хрюкин. В последующем он всегда находил товарищескую поддержку в Политуправлении фронта, выполняя обязанности члена Военного совета. Передача дел командующего ВВС фронта произошла быстро, без особых формальностей.

Ворожейкин проинформировал Хрюкина, что командованием ВВС подготовлен приказ наркома обороны о переформировании ВВС фронтов в воздушные армии. В ближайшие дни приказ будет подписан. 11 июня 1942 года ВВС Юго-Западного фронта были преобразованы в 8-ю воздушную армию.

Первый год войны многому научил командование ВВС Красной Армии, особенно в вопросах боевого применения фронтовой авиации. До войны она была рассредоточена и подчинена командующим общевойсковыми армиями. Авиационные дивизии и полки, входящие в состав ВВС армии, действовали, как правило, малыми силами в интересах только своих армий, а не фронта в целом.

Это затрудняло массированное применение авиации, в то время малочисленной и сильно ослабленной в результате понесенных потерь в первые месяцы войны. Объединение авиационных соединений и частей фронта в воздушные армии должно было позволить более эффективно

использовать авиацию, и прежде всего ее маневренные возможности, для нанесения массированных ударов на решающих направлениях и в решающий момент боевых действий фронта. А чтобы поднять права и ответственность командующих воздушными армиями, они одновременно назначались заместителями командующих фронтами по авиации и членами Военных советов.

В приказе №1 от 13 июня 1942 года генерал Т.Т. Хрюкин объявил:

“Сего числа вступил в командование 8-й армией с одновременным назначением заместителем командующего войсками Юго-Западного фронта по авиации и утверждением членом Военного совета ЮЗФ”.

Ставка Верховного Главнокомандования директивой за № 151443 от 22 января 1942 года назначила командующих ВВС армий и фронтов заместителями командующих армиями и фронтами по авиации и членами Военных советов армий и фронтов с сохранением за ними прав и обязанностей командующих ВВС армий и фронтов.

Первые полгода Великой Отечественной войны показали, какую важную роль играла авиация в сражениях на советско-германском фронте.

Немецко-фашистское командование тщательно готовило свой вероломный удар, при этом особое место отводило своей авиации, в задачу которой входило ошеломить противостоящую сторону и деморализовать ее войска и тылы, нарушить государственное управление. Немецко-фашистская авиация прокладывала путь своим ударным группировкам, точно взаимодействовала с наземными войсками на поле боя и в значительной степени достигла своих целей.

Командованию Красной Армии стало ясно, что войска, надежно не прикрытые с воздуха, не в состоянии вести успешные боевые действия при отражении атак противника и тем более наносить по нему успешные ответные удары. Нужно было поднимать роль и значение ВВС фронтов и армий.

Это послужило причиной появления указанной директивы Ставки Верховного Главнокомандования.

Первым, кто встретил Хрюкина в штабе армии, был его старый друг и товарищ - бригадный комиссар А.И.Вихорев, назначенный военкомом армии. Встреча была теплой и радостной. Вспомнили дни курсантской службы в Луганской школе военных летчиков. Жизнь обоих во многом была схожа, оба выросли в тяжелых условиях, детство их было безрадостным. Вихорев также родился и жил

в бедной крестьянской семье. Когда ему было два года, мать умерла, а в тринадцать лет он лишился отца, умершего голодной смертью. Оставшись без средств существования, Александр Вихорев беспризорничал так же, как и Хрюкин, скитался по чужим людям. Только благодаря советской власти и комсомолу им удалось пробить себе дорогу в жизни.

После окончания школы Вихорев служил военным летчиком на Центральном аэродроме Москвы. Вскоре он был направлен на курсы политработников и стал военным комиссаром авиаполка, а перед войной работал комиссаром ВВС армии и имел звание полкового комиссара. И Хрюкин, и Вихорев участвовали в советско-финляндской войне, выполняя боевые вылеты на скоростных бомбардировщиках, за что были награждены орденами. Это были старые боевые друзья, которым легко и радостно было работать вместе. Они с полуслова понимали и во многом дополняли друг друга.

Хрюкин был решительным, волевым командиром, правда, его темперамент кубанского казака иногда был чересчур резким и вспыльчивым. Вихорев же отличался большим спокойствием, трезвым расчетом и рассудительностью, умел быстро сближаться с людьми и располагать их к себе. Он не только дополнял и поддерживал командарма, но и своевременно подправлял его действия, когда этого требовала обстановка.

Хрюкин всегда внимательно прислушивался к советам и замечаниям военкома, с большой похвалой отзывался о его работе, целиком и полностью полагался на неизменную и дружескую поддержку политорганов, партийных и комсомольских организаций, деятельность которых умело, инициативно и творчески направлял А.И.Вихорев.

Все партийно-политические мероприятия армии Вихорев постоянно согласовывал с командующим, внимательно прислушивался к его замечаниям, старался партийно-политической работой проводить в жизнь требования и приказы командарма и со своей стороны с большим удовлетворением воспринимал похвальные отзывы командарма о работе политорганов.

Сердца и души воздушных бойцов закаляли политработники, вселявшие в них уверенность в окончательной победе. Моральное превосходство всегда было на стороне советских бойцов. Летчики верили своим командирам и боролись за великую благородную цель - свободу своей Родины.

Заместителем командующего армией был назначен генерал-майор С.И.Руденко. Он был на шесть лет старше Хрюкина, имел опыт командования авиационными соединениями. Энергичный и решительный, характером Руденко походил на Хрюкина. Многие летчики имеют профессиональное сходство, их сближает рискованная профессия, в которой каждый миг полета может вызвать неожиданные и опасные для жизни ситуации, требующие от пилота мужества, быстроты реакции, точных, уверенных и, главное - безошибочных действий.

Летчику в полете, как и саперу, ошибаться нельзя. Руденко особенно нравился Хрюкин своим умением быстро разобраться в сложной обстановке и найти наиболее правильное решение. И не случайно его назначили заместителем к Хрюкину. Тимофей Тимофеевич обладал богатым боевым опытом, но ему пока не доставало командирского опыта: ведь Хрюкин очень быстро продвигался по служебной лестнице, перескочив через несколько ступеней, и за короткий срок вырос от командира звена до командующего армией. Руденко же последовательно прошел все командные должности до командира авиасоединения и приобрел большой опыт работы с людьми.

До назначения заместителем командующего 8-й воздушной армией генерал С.И.Руденко успешно командовал 7-й ударной авиационной группой Ставки Верховного Главнокомандования.

Начальником штаба армии был назначен генерал-майор авиации Я.С.Шкурин, уже накопивший большой фронтовой опыт: до этого был начальником штаба военно-воздушных сил Юго-Западного фронта. Генерал Шкурин умело руководил работой отделов и служб штаба, отличался хладнокровием и выдержкой, штабной пунктуальностью и высокой требовательностью к подчиненным.

Начальником оперативного отдела штаба армии полковник А.Р.Перминов, начальник разведки подполковник И.И.Сидоров, главный штурман подполковник И.П.Михайленко, начальник войск связи подполковник А.Д.Степанян, начальник воздушно-стрелковой службы военинженер 1-го ранга А.М. Янчук, главный инженер армии военинженер 1-го ранга М.Д.Сидоров также имели фронтовую закалку и хорошо знали порученное им дело.

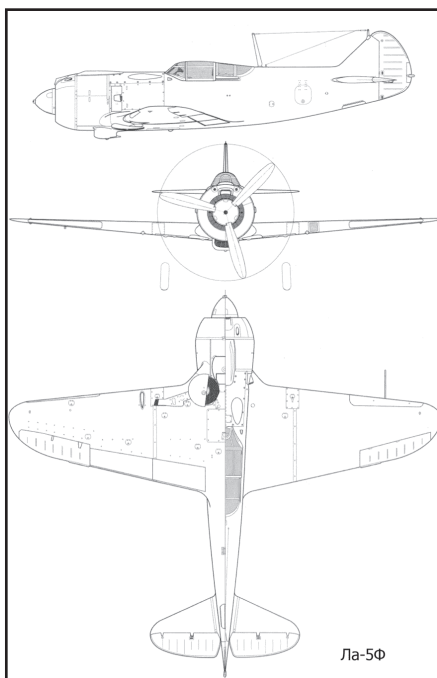
Штаб воздушной армии был сформирован из личного состава ВВС Киевского и Харьковского военных округов. Эти люди почти год участвовали в тяжелых боях с немецко-фашистскими захватчиками. Опыт-

ный штаб обеспечивал Хрюкину надежное управление соединениями и частями воздушной армии.

Заместителем командующего по тылу был назначен генерал-майор В.И.Рябцев. Он ранее был летчиком, командовал 41-й тяжелобомбардировочной авиационной эскадрилей.

Начальником политотдела армии был назначен полковой комиссар Н.М.Щербина, до этого возглавлявший авиационный отдел политуправления Юго-Западного фронта.

Тесное сотрудничество командующего армией со своим штабом и политотделом явилось одним из основных условий успешного ведения боевых действий, ибо не один командующий, каким бы трудолюбивым, энергичным и способным он ни был, не может добиться успеха, если он не опирается на хорошо отлаженный и сплоченный коллектив личного состава, армейского штаба и политотдела.

ГРОЗНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Защищая небо Украины

Летом 1942 года на южном участке советско-германского фронта сложилась тяжелая обстановка. Враг опять перехватил инициативу и развернул широкое наступление в глубь нашей территории. Гитлеровское командование решило взять реванш за поражение в 1941 году и на этот раз добиться своих целей. В 1942 году советский народ переживал грозные испытания. Первые дни и недели командования армией были для Хрюкина напряженными и очень трудными. На земле и в воздухе шли ожесточенные бои. Воздушная армия переформировалась в ходе непрерывных боев: взамен существовавших ранее в ВВС общевойсковых армий создавались авиационные дивизии.

Каждого командира авиадивизии Хрюкин приглашал на личную беседу, представлял Военному совету фронта и ставил перед ними боевые задачи, чтобы максимальным напряжением сил оказать действенную помощь наземным войскам в отражении атак наступающего врага.

Особенно высокие требования он предъявлял истребителям. Главной задачей истребителей было прикрытие своих войск от ударов авиации противника и уничтожение вражеских бомбардировщиков. В пяти истребительных авиационных дивизиях армии насчитывалось около двухсот самолетов разных типов: ЛаГГ-3, Як-1, И-15, И-16, И-153 и “харикиейны” - самолеты английского производства. Сдержат натиск более тысячи фашистских самолетов 4-го немецкого воздушного флота, действовавшего против войск Юго-Западного фронта, было крайне трудно. Кроме того, в воздушной армии было много самолетов устаревшего типа и требовавших ремонта.

Перед авиацией фронта стояла сложная задача противодействовать превосходящим силам врага в воздухе, для решения которой Хрюкину пригодился опыт войны в Испании в 1936 году. Республиканской авиации также пришлось сражаться с превосходящими силами противника. Немецкие и итальянские фашисты направили в Испанию свои лучшие по тому времени истребители Ме-109 и бомбардировщики Ю-87. Республиканцы достигали успеха в воздушных боях только благодаря сосредоточению своих сил и созданию превосходства в ограниченных районах. Тогда уже было установлено, что немецкие летчики добиваются успеха в воздушных боях, если имеют численное превосходство. В таких условиях они вели себя нагло и коварно, но едва стоило им встретить упорное сопротивление республиканских и интернациональных истребителей, как они поспешно и трусливо покидали поле боя.

Хрюкин также решил использовать авиацию фронта массированно, сосредоточивая свои усилия на узких участках фронта, нанося удары по ударным группировкам противника. При развертывании воздушных боев Тимофей Тимофеевич Хрюкин собирал все наличные силы истребителей и большими группами добивался численного превосходства над вражеской авиацией. Однако при этом ему приходилось направлять в бой разнотипные истребители, взаимодействие которых было затруднено.

Хрюкин требовал от истребителей величайшего напряжения и стойкости в бою. Малейшие послабления и нерешительность отдельных командиров он пресекал твердой рукой. В одном налете на наш аэродром немцы сожгли свыше десяти истребителей, которые не успели подняться в воздух. За проявленную нерешительность и неумение организовать боевые действия Хрюкин отстранил от должности командира дивизии и вместо него назначил молодого инспектора по технике пилотирования воздушной армии подполковника А.В.Утина.

В воздушных боях летчики-истребители зачастую действовали скудно, не эшелонируясь по высоте. Обнаружив самолеты противника, все одновременно устремлялись в атаку, не разделяясь на ударные и резервные группы прикрытия. Генерал Хрюкин обратил на это внимание и издал специальный приказ, которым установил единые принципы организации и ведения боевых действий.

Истребителям предписывалось в первую очередь уничтожать бомбардировщики противника, действовать слетанными парами и звенья-

ми: ведущим - атаковать противника, а ведомым - прикрывать ведущих. Генерал приказал создавать боевые группы, которые должны были действовать в два эшелона, имея по 10-12 истребителей в каждой группе.

В приказе Хрюкин требовал сократить патрулирование в воздухе, иметь сильный резерв на земле, своевременно оповещать истребителей и обеспечивать радиосвязь между самолетами и радиостанциями наведения. В воздушных боях сохранять превышение по высоте в течение всего боя. В приказе подчеркивалось, что решительность и мужество летчика, примерное поведение командира, умелое управление боем, отличная сработанность пар и звеньев, четкое взаимодействие между ними и прицельный огонь с возможно коротких дистанций решают исход боя.

Штабы дивизий должны были размещаться вблизи аэродромов и направлять оперативные группы на командные пункты авиаполков. От их работников требовалось, чтобы они большую часть времени находились в войсках, на аэродромах, передавая офицерам штабов авиаполков свой опыт.

Хрюкин требовал проверить организацию работы во всех штабах и “в кратчайший срок добиться управления без суеты и дерганья”. Это был первый установочный приказ командующего 8-й воздушной армией.

Сложившаяся обстановка на фронте требовала от каждого командира проявления высокой требовательности, организованности, инициативы и умения побеждать противника малыми силами. Воевать приходилось не числом, а умением, тем более что и боевая техника уступала немецким самолетам. Особенно большие потери несли авиаполки, вооруженные самолетами “Харрикейн”. Это были маломаневренные истребители, которые часто вспыхивали в бою, как спички.

Будучи сам летчиком-бомбардировщиком, Хрюкин с большим уважением относился к штурмовикам и бомбардировщикам. Штурмовые авиаполки были вооружены самолетами “Ильюшин-2”, а бомбардировочные авиаполки самолетами Пе-2, СБ, ДБ-3Ф, Су-2, Р-5, По-2. Бомбардировщики производили боевые действия ночью, так как в дневных полетах они несли большие потери, особенно на самолетах Су-2 и Р-5.

Штурмовики на самолетах Ил-2 действовали днем. Несмотря на броневую защиту мотора и кабины, одноместные Ил-2 были слабо защищены с хвоста и в неравных боях с истребителями противника несли большие потери.

Всего в 8-й воздушной армии было 10 авиадивизий (35 авиаполков), вооруженных 456 боевыми самолетами, в их числе - 202 истребителя, 84 штурмовика и 170 бомбардировщиков. В результате напряженных сражений боевой состав армии непрерывно уменьшался.

21 июня днем пять дивизий армии (226-я и 228-я штурмовые, 206-я и 268-я истребительные и 270-я бомбардировочная) несли сосредоточенный удар по войскам противника.

Впервые воздушная армия действовала таким большим количеством самолетов. Естественно, эти вылеты прошли не без недостатков: были несвоевременные вылеты отдельных групп, возвращения самолетов по неисправности, истребители отрывались от прикрываемых штурмовиков и т.п.

Хрюкин требовал расследовать все случаи нарушений, виновных наказать всей полнотой власти. Предупредил командиров и военных комиссаров полков и дивизий, что “впредь за неточность выполнения боевых заданий как в отношении строгого соблюдения времени удара, так и в отношении состава групп и порядка их обеспечения, виновных буду предавать суду военного трибунала”.

В приказе № 083 от 26 июня 1942 года Хрюкин писал: “Напряженная обстановка на фронте в настоящее время требует особой дисциплинированности и четкости в боевой работе. Между тем некоторые командиры и начальники штабов соединений работают плохо, неорганизованно, что часто приводит к неточному и несвоевременному выполнению моих приказов и распоряжений”. Высокой организованностью и четкостью в работе Хрюкин требовал повысить эффективность ударов по врагу. Принимаемые меры по улучшению боевой работы авиации давали свои результаты.

26 июня Военный совет 21-й армии прислал командованию 8-й воздушной армией телеграмму:

“Прошу передать летному составу, действующему в полосе Заводный - Щебекино - Рыбалкин - Шабельное, благодарность за хорошую работу. Своими дерзкими, смелыми налетами с бомбометанием они нанесли большие потери врагу, уничтожая его живую силу и технику”.

Утром 30 июня ударная группировка 6-й немецкой армии перешла в наступление из района Волчанска. Завязались ожесточенные кровопролитные бои на земле и в воздухе. Навстречу большим группам немецких бомбардировщиков шли наши истребители и вступали в бой, невзирая на численное превосходство врага.

Для координации действий фронта на юго-западном направлении в Валуйки прилетел начальник Генерального штаба генерал А.М.Василевский, его сопровождал заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал А.Г.Ворожейкин.

Немецкая разведка узнала о перелете самолета А.М.Василевского. 21 июня 1942 года перед его прилетом над аэродромом Валуйки появились группы немецких “мессершмиттов” с целью перехватить самолет из Москвы.

Хрюкин поднял пятнадцать истребителей, приказав им очистить воздух от немецких истребителей и обеспечить благополучный прилет начальника Генерального штаба. Произошел ожесточенный бой, несколько “мессершмиттов” было сбито, остальные ретировались. За сто километров до Валук восьмерка истребителей встретила самолет А.М.Василевского и благополучно сопровождала его до посадки.

После посадки А.М.Василевский поинтересовался, зачем понадобился такой большой эскорт истребителей. А.Г.Ворожейкин ответил, что он таких распоряжений не давал, и высказал предположение о том, что в воздухе, видимо, шныряют немецкие истребители и предпринятые командующим ВА меры безопасности имели основание. Хрюкин лично руководил встречей самолета А.М.Василевского. Он понимал, какая на нем лежит ответственность за благополучный перелет начальника Генерального штаба, и принимал все возможные меры противодействия немецким истребителям.

Уже после посадки самолета Василевского фашисты совершили повторный налет на Валуйки и сбросили несколько крупных бомб, но были вновь отогнаны поднявшимися в воздух истребителями.

Хрюкин на аэродроме впервые встретился с генералом А.М.Василевским. На него приятное впечатление произвела простота обращения Василевского с окружающими его людьми.

Василевский спросил у Хрюкина:

- Почему мой самолет был встречен с таким “шумом”? Наоборот, нужно маскировать такие перелеты и делать их незаметными.

Хрюкин ответил:

- Над аэродромом перед вашим прилетом произошел воздушный бой. Нападение немецкой авиации свидетельствует о том, что немецкая разведка работает небезуспешно и, несмотря на меры, предпринимае-

мые нашей контрразведкой, противнику удастся засылать к нам лазутчиков и добывать шпионские сведения, особенно по каналам связи.

Василевский согласился с этим и подчеркнул необходимость усилить режим секретности в наших штабах. Накануне он разговаривал по телефону с командующим фронтом. И хотя этот разговор проходил по телефону засекреченной правительственной связи, видимо, произошла утечка секретных сведений, и лучше было бы сообщить о перелете шифром. За проявленную инициативу и принятые меры по обеспечению безопасности перелета Василевский поблагодарил командующего авиацией фронта.

Высокий, стройный, подтянутый, Хрюкин вызывал чувство уважения к себе всем своим поведением. Его четкие распоряжения подчиненным на аэродроме, предупредительность в действиях с сохранением своего достоинства без какого-либо намека на лесть и подхалимство вызывали у Василевского чувство доброжелательности и уважения к молодому авиационному генералу.

Первое впечатление о человеке становится часто определяющим. Василевский сохранил уважение к Хрюкину на всю последующую деятельность в ходе войны, где им пришлось еще много раз встречаться.

В течение недели на Юго-Западном фронте находился Ворожейкин, который оказывал практическую помощь авиации в организации боевых действий. По его ходатайству в состав 8-й воздушной армии была переброшена 221-я бомбардировочная авиационная дивизия полковника И.Д.Антошкина на самолетах "Бостон". Дивизия в течение месяца воевала в составе войск Юго-Западного фронта, которые испытывали большие трудности в борьбе против наступавших танков фашистов в Волчанском направлении, а удары бомбардировщиков с воздуха помогли замедлить их продвижение.

О работе командования 8-й воздушной армии А.Г.Ворожейкин докладывал в Москву так: "Хрюкин, Руденко, Вихорев производят хорошее впечатление, работают слаженно и энергично, трудятся хорошо и правильно понимают стоящие перед ними задачи".

Малыми силами при численном превосходстве авиации противника нужно было решать боевые задачи.

"Напряженная обстановка на фронте в настоящее время, - писал Т.Хрюкин, - требует особой дисциплинированности, организованности и четкости в боевой работе".

От командиров полков Хрюкин требовал “лично прорабатывать тактику боя и самим вылетать с группой 10-15 самолетов. Учить личным примером и образцовой организацией боевой работы. Вести бой, если он начался, при любом соотношении сил, используя маневр своей машины, применять хитрость и ловкость и немедленно наращивать свои силы, вводя в бой все наличные резервы”. От командиров полков Хрюкин требовал проявлять личную инициативу в бою.

Бить бомбардировщиков везде, где бы они ни появлялись. Это была одна из главнейших задач истребителей.

Хрюкин уделял много внимания организации боевых действий бомбардировщиков и штурмовиков, повышению эффективности их ударов по вражеским колоннам на наиболее опасных для наших войск направлениях.

Очень важно было действовать согласованно с наземными войсками и наносить удары с воздуха там и тогда, когда это особенно нужно нашей пехоте и танкистам. Учитывая, что бомбардировщикам и штурмовикам приходилось действовать в сложной воздушной обстановке при сильном противодействии истребителей противника, Хрюкин изыскивал новые тактические приемы по наиболее надежному прикрытию их истребителями. Был разработан новый метод прикрытия бомбардировщиков и штурмовиков непосредственно над полем боя.

...За 5 минут до начала действий бомбардировщиков и штурмовиков в район действий прилетали истребители первой группы с задачей сковать патрулирующих истребителей противника и оттянуть их от района цели.

Через 5 минут после первой группы прилетала вторая группа истребителей. В ее задачу входило встретить своих бомбардировщиков и прикрыть их. Третья группа истребителей усиливала первую и вторую группы: она прилетала через 15 минут после первой группы.

Одновременно назначались ворота для возвращения всех самолетов, где выделялась группа отсечения. Кроме того, выделялись истребители для прикрытия маршрута полета бомбардировщиков к цели и обратно.

Таким образом, с одной стороны, достигалась свобода действий истребителей для воздушного боя, а с другой стороны - более надежное ограждение бомбардировщиков от атак истребителей противника. Бомбардировщики получали возможность использовать свою скорость, а

штурмовики - при отходе от цели производить бреющий полет, используя складки местности.

1 июля 1942 года 49 бомбардировщиков 8-й воздушной армии нанесли удар по скоплению танков и пехоты противника на Купянском направлении, в утренних сумерках, с 3 часов 10 минут до 4 часов 5 минут, успешно выполнили задание и без потерь возвратились на свои аэродромы. Такой метод действий ранее не применялся, при этом от летчиков потребовалось умение взлетать ночью и производить полет по приборам.

Несмотря на двукратное превосходство авиации противника, бомбардировщики и штурмовики успешно выполняли свои задачи и больше чем наполовину были сокращены потери истребителей. Прекрасно взаимодействовали группы истребителей Як-1 и ЛаГГ-3 в качестве ударных и скользящих групп.

Изменение тактики и новые приемы боевых действий не давали возможности противнику быстро приспосабливаться к неожиданным для него методам. Это облегчало выполнение боевых задач, и полностью оправдывались творчество и новаторство, которые проявлял Хрюкин при организации боевых действий авиации фронта.

Генерал Т.Т.Хрюкин настойчиво добивался поднятия организованности в боевых действиях подчиненных авиасоединений. В воздушных сражениях, в которых принимали участие летчики многих авиачастей, очень важно было, чтобы каждый командир понимал замысел высшего командования и стремился действовать по единому плану, решая общую задачу.

На донесении о воздушном бое, в котором участвовало с обеих сторон около ста пятидесяти самолетов, Т.Т.Хрюкин написал резолюцию:

“Начальнику штаба.

Передать всем командирам авиации для изучения и руководства. Из донесения тов. Руденко видно, что командиры всех степеней еще не умеют в точности понимать и выполнять замысел высшего командования, в результате несем неоправданные потери только по неорганизованности...

9.07.42 г. - Хрюкин”.

Об этом воздушном бое, который произошел 30 июня 1942 года на стыке 21-й и 38-й армий в 9 часов 40 минут - 11 часов, генерал Хрюкин

доложил в Москву. Со стороны противника дралось 100 самолетов, с нашей стороны - 50 самолетов ЛаГГ-3 и Як-1. В бою было сбито 3 “мессершмитта” и 3 “хейнкеля”. Особенно отличился 9-й гвардейский истребительный авиаполк на самолетах ЛаГГ-3 и лично командир полка майор А.А.Шестаков. Полк действовал на высоте 4 тыс. м, где самолет ЛаГГ-3 имел преимущество перед “мессершмиттом”. Сначала полк Шестакова атаковал бомбардировщиков и сбил 3 Хе-111, а в последующем успешно дрался с истребителями противника и решил успех всего боя в нашу пользу. О действиях истребителей противника в бою Т.Т.Хрюкин писал так:

“...В воздушный бой истребители противника вступают неохотно, действуют больше хитростью. Прикрывают свои войска мелкими группами, заходя на территорию наших войск на 15-20 км. Связаны между собой по радио и могут вызывать усиление с аэродрома. Патрулирующие самолеты передового эшелона выполняют службу воздушного наблюдения и оповещения. Вступив в воздушный бой, стремятся затянуть наших истребителей к земле...”

Вражеские истребители, обладая большим численным перевесом, наносили тяжелый урон нашим полкам. Среди некоторой части молодого летного состава появилась боязнь “мессершмиттов”. Нужно было преодолеть эту “болезнь”.

Хрюкин часто выступал в авиаполках перед летчиками, указывал на слабые стороны в тактике действия немецких истребителей, их недостаточную моральную стойкость, стремление выиграть бой хитростью и вероломством. В качестве примера, как нужно драться, он ставил асов 9-го истребительного авиаполка, овладевших новыми самолетами и доказавших в бою, что “не так страшен черт, как его малюют”, что можно вести успешные бои даже с численно превосходящим противником и добиваться победы.

“Мессершмитты-109” на высотах до 3 тыс. м имели некоторое превосходство в скорости. Наши же истребители Як-1 обладали большей скоростью на высотах более 3 тыс. м, равной скороподъемностью и лучшим горизонтальным маневром.

Поэтому Хрюкин требовал от летчиков вести воздушные бои, сохраняя превышение в высоте, и стремится затягивать противника на высоты более 3 тыс. м. При встрече с противником на одной высоте нападать первыми. При догоне на пикировании сохранять дистанцию 500-600 м,

с тем чтобы при выходе на пике прицельным огнем из хорошо отлаженных и пристрелянных пушек и пулеметов с короткой дистанции наверняка поразить врага.

Хрюкин неоднократно подчеркивал, что исход воздушного боя решают смелость и мужество летчика, примерное поведение командира группы в бою, умелое управление ведомыми, отличная сработанность пар и четкое взаимодействие между ними.

Он стремился организовать своевременное оповещение истребителей, сократить патрулирование в воздухе, а также иметь сильный резерв на земле и надежную связь между аэродромами для взаимной поддержки.

Политработники армии, возглавляемые бригадным комиссаром А.И.Вихоревым, всеми формами партийно-политической работы поддерживали высокий моральный дух наших летчиков. На конкретных примерах лучших воздушных бойцов командиры и политработники показывали слабые стороны немецких летчиков, их наглость и хитрость, когда они имели численное превосходство, и их трусость, когда они встречали дружный отпор. Много было и таких фактов, когда немецкие летчики в животном страхе за свою жизнь покидали поле боя. Они не выдерживали лобовых атак и не шли на таран.

В авиаполках герои-летчики выступали перед летным составом и делились своим опытом достижения победы над врагом, говорили, что фашисты ведут несправедливую, захватническую войну и у них не может быть высокой цели, за которую нужно проливать кровь. Вскоре боязнь “мессершмиттов” среди некоторой части молодых летчиков была ликвидирована.

Под напором превосходящих сил противника войска Юго-Западного фронта продолжали отходить на восток.

Авиационные полки также вынуждены были перелетать на новые аэродромы. Перебазирование авиачастей происходило в ходе непрерывных боевых действий, из-за чего прерывалась связь с аэродромами. Чтобы не потерять навыки управления, Хрюкин часто вылетал на аэродромы, непосредственно в авиаполки и лично ставил летчикам боевые задачи. Его самолет По-2, на котором он летал и днем, и ночью, часто можно было видеть на аэродромах армии. Тесная связь командарма с летчиками, личное общение с ними позволяли поддерживать у них высокий боевой дух, несмотря на тяжелые оборонительные бои, своевре-

менно и четко ставить им задачи и постоянно контролировать действия подчиненных.

Хрюкин успевал побывать не только на аэродромах, но и на передовых командных пунктах командующих общевойсковыми армиями, согласовывая с ними вопросы взаимодействия авиации с пехотой. Как член Военного совета фронта Хрюкин значительную часть времени проводил в штабе фронта, где при нем постоянно находилась небольшая оперативная группа офицеров и связистов штаба армии. Там было его основное место пребывания, в связи с чем штаб армии размещался поблизости от штаба фронта, иногда в одном и том же населенном пункте или в близлежащем поселке.

30 июня штаб армии вслед за штабом фронта начал перебазирование из Валук в Россошь. Передовые части немецких войск уже подходили к Валуйкам, возникла реальная угроза штабу фронта.

В Россоши немецкие танки настигли тылы штаба фронта. Задержать движение танковых колонн могли только удары штурмовиков и бомбардировщиков. Несмотря на большие трудности, Хрюкину удалось собрать несколько групп самолетов и нанести удар по моторизованным колоннам немцев. Эти удары помогли замедлить наступление врага и выиграть время для отхода в большую излучину Дона. Немецко-фашистскому командованию так и не удалось окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта, основные силы которого отходили на восток.

На переправах через реки Дон и Северский Донец скапливались большие массы войск и техники. Немецкая авиация большими группами самолетов бомбила эти переправы. В воздухе шли непрерывные бои. Наши истребители, хотя и малыми силами, противодействовали прицельным ударам бомбардировщиков противника, заставляя их сбрасывать смертоносный груз беспорядочно, не долетая до цели.

Между Доном и Волгой

12 июля 1942 года Юго-Западный фронт был переименован в Сталинградский, а командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант В.Н.Гордов, который прибыл в состав Сталинградского фронта во главе

64-й армии. Кроме 64-й армии из резерва Ставки прибыли 62-я и 63-я общевойсковые армии. На дальних подступах и вокруг Сталинграда было развернуто строительство оборонительных рубежей.

На пополнение 8-й воздушной армии Ставка направила из своего резерва 10 авиационных полков, всего около 200 самолетов.

Хрюкину была поставлена задача прикрывать с воздуха места разгрузки прибывавших эшелонов с войсками в районах Качалинской, Калача, Сталинграда и занятие ими оборонительных рубежей.

В то же время авиация фронта вела активные боевые действия по поддержке наземных войск, отражавших атаки противника в большой излучине Дона.

На северной окраине Сталинграда, в районе железнодорожного вокзала, на Донской улице в одноэтажных домах разместился штаб 8-й воздушной армии.

В городе Хрюкин встретился со своим старым товарищем по комсомольской работе на Кубани в двадцатых годах Алексеем Семеновичем Чуяновым.

Первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) А.С.Чуянов возглавлял городской комитет обороны, а с 13 августа стал членом Военного совета фронта. В условиях драматической обстановки на фронте встреча старых друзей была радостной и душевной. Они вспоминали тревожные дни своей юности, годы индустриализации и коллективизации, борьбу за создание колхозов, стычки с кулаками... В тридцатые годы их пути разошлись, А.С.Чуянов остался на партийной работе, а Т.Т.Хрюкин посвятил свою жизнь службе в Красной Армии.

Чуянов гордился своим земляком, который, несмотря на свои молодые годы, успел пройти три войны и получить высокие звания генерала и Героя Советского Союза.

Враг подступал к стенам Сталинграда, защита города с воздуха была очень важной и ответственной задачей.

Чуянов выразил надежду, что летчики 8-й воздушной армии с достоинством и честью будут драться за Сталинград. Хрюкин ответил своему старому другу, что его летчики уже второй год дерутся с немцами, знают их вероломство, наглость и хитрость, знают и их слабые места. Накоплен большой боевой опыт. "Смелости и храбрости советским летчикам не нужно занимать ни у кого, было бы только достаточно новых самолё-

тов, особенно истребителей, и тогда сталинградское небо мы не отдадим врагу”, - заверил он своего друга.

Чуянов пообещал Хрюкину всяческую помощь и поддержку. Для защиты аэродромов он изыскал на заводах города зенитные установки и выделил несколько сот автомашин и автодрезину.

Поддержка рабочих-сталинградцев была очень нужной и своевременной, так как отход армии из-под Харькова до Волги был очень тяжелым, много автотранспорта было потеряно в донских степях и особенно на переправах.

В излучине Дона развернулись кровопролитные бои. 23 июля противник атаковал позиции 62-й армии. Части и соединения 8-й воздушной армии, поддерживая наземные войска, сосредоточили удары с воздуха по наступающим немецким танкам и мотопехоте. Три дня продолжались непрерывные бои, авиачасти 8-й воздушной армии сделали много вылетов для оказания помощи окруженным войскам, сбрасывая им боеприпасы и продовольствие. Для разгрома прорвавшейся на Дон вражеской группировки в контрнаступление перешли 1-я и 4-я танковые армии. Окруженные войска были деблокированы, а продвижение немецких войск на восток приостановлено. Контрудары танковых армий активно поддержала 8-я воздушная армия.

23 июля в Сталинград прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования А.М.Василевский. На аэродроме среди встречающих находился Т.Т.Хрюкин. Василевский приветливо пожал руку Хрюкину, спросил его, как прибывает пополнение в 8-ю воздушную армию, и предупредил, что Верховное Главнокомандование ожидает более активных действий нашей авиации.

- Войска нуждаются в надежном прикрытии с воздуха, ибо без этого невозможно рассчитывать на успех, - предупредил Василевский. Хрюкин ответил, что на пополнение армии прибыло 10 авиаполков.

- Летчики ведут ожесточенные воздушные бои с численно превосходящими силами противника. Не жалеют своих сил и часто ценой своей жизни преграждают путь врагу, - продолжал докладывать Хрюкин. - Приходится посылать в бой молодых, еще не обстрелянных летчиков, которые по своей горячности не всегда умело ведут бой с отборными фашистскими асами и несут неоправданные потери. Есть много примеров лобовых атак, которые немцы не выдерживают. Наши летчики смело идут на воздушный таран. Всего в боях за Сталинград уже отмечено 13

случаев воздушного тарана. (Хрюкин доложил, в частности, о геройском подвиге Баранова.) - Но в целом сил еще маловато, - заключил Хрюкин, - особенно не хватает истребителей.

А.М.Василевский ответил:

- Вся страна напрягает силы и направляет их на Волгу, чтобы отбить наступление зарвавшегося врага. Резервы на подходе, в ближайшее время на Сталинградский фронт придут не менее 15 авиаполков, из них половина истребителей. Главная задача состоит в том, чтобы выстоять в ближайшие два-три месяца и не дать врагу овладеть Сталинградом.

На встрече А.М.Василевского присутствовал командующий фронтом Василий Николаевич Гордов, сорокашестилетний генерал-лейтенант, член партии с 1918 года, опытный военачальник, возглавивший войска Сталинградского фронта в самый напряженный момент начавшегося наступления немцев непосредственно на Сталинград.

Хрюкин с большим уважением относился к военному опыту генерала Гордова и старался всеми силами помогать ему в организации боевых действий и поддержке наземных войск с воздуха.

Поэтому на передовой наблюдательный пункт фронта, который находился в деревне Камыши, на берегу Дона, в 4 км севернее Калача, Хрюкин направил своего заместителя, генерала С.И.Руденко. В сложнейших условиях Руденко организовал взаимодействие авиации с наземными войсками и управление самолетами по радио. 29 июля из Калача-на-Дону С.И.Руденко докладывал: "...За радиосвязь нам необходимо крепко взяться, это первейшая необходимость... Сегодня наблюдал замечательную атаку двух "яков" и одного "мессершмитта". Они загнали его в землю, стал удирать, сбили в 11 часов 45 минут, 29 июля 1942 г."

В результате первого боевого опыта в 8-й воздушной армии была разработана инструкция по взаимодействию авиации с наземными войсками и проект приказа Военного совета фронта.

В ожесточенных воздушных боях авиаполки несли большие потери. К 12 июля боевой состав 8-й воздушной армии уменьшился с 494 до 375 самолетов, несмотря на то, что в армию прибыло 17 новых авиаполков.

С 12 по 26 июля в состав 8-й воздушной армии прибыло 22 авиаполка, в том числе 10 истребительных, 9 штурмовых и 3 бомбардировочных авиаполка. При этом 18 авиаполков, понесших тяжелые потери, убыли в тыл на переформирование и пополнение. Прибывшие полки были укомплектованы самолетами новых типов.

Под Сталинград прибыла особая авиагруппа № 1, состоявшая из 150-го полка пикирующих бомбардировщиков под командованием подполковника И.С.Полбина и 434-го истребительного авиаполка, которым командовал майор И.И.Клещев.

Кроме того, на Сталинградском направлении боевые действия вела 50-я дивизия авиации дальнего действия и 102-я истребительная дивизия ПВО, прикрывавшая с воздуха город и прилегающие к нему железнодорожные станции.

12 июля 1942 года генерал Хрюкин получил от начальника ВВС КА при зам. НКО СССР полковника В.Сталина следующее указание:

“434-й иап подчиняется непосредственно мне. Прошу задачи 434-му иап ставить через моего заместителя полковника Писанко, которому будет подчиняться командир 434-го иап майор И.И.Клещев. Довожу до Вашего сведения, что 434-й иап крайне нам дорог, так как в его состав вошли специально подобранные летчики с большим боевым опытом, поэтому использовать его зам. НКО генерал-лейтенант авиации А.А.Новиков приказал только для воздушного боя и преимущественно для уничтожения бомбардировочной авиации противника”.

На этом документе Хрюкин написал резолюцию. “Нач. штаба. В этом духе использовать. 15.6.42 г.”

Это было наиболее крупное пополнение армии после ее формирования, с учетом которого боевой состав армии составлял 450 самолетов.

8-я воздушная армия противостояла 4-му воздушному флоту противника, сосредоточенному на южном крыле советско-германского фронта и насчитывавшему 1200 самолетов. Таким образом, авиация противника по численности превосходила советскую авиацию более чем в два раза. Эти факты говорят о том, в какой трудной обстановке находился командующий 8-й воздушной армией генерал-майор авиации Т.Т.Хрюкин. Ему пришлось выдержать высший экзамен в борьбе с превосходящими силами авиации противника, который имел в начале сражения значительное превосходство по численности. Немецкая авиация наносила жестокие удары по нашим войскам и гражданскому населению, а необходимых сил, чтобы сдержать этот натиск и оградить войска от ударов с воздуха, не хватало.

Т.Т.Хрюкин глубоко верил в несокрушимый дух советских летчиков. В той сложной обстановке сталинградского неба нужно было укрепить

прежде всего уверенность у летчиков в своих силах, в том, что немцы умышленно создают представление о своем превосходстве в воздухе, и не такие уж они непобедимые, как могло показаться некоторым недостаточно стойким людям. Психологически это было очень правильно.

Хрюкин понимал, что в бою одерживает победу тот, кто сильнее духом. Советские люди, глубоко уверенные в правоте и справедливости своей борьбы против вторгнувшегося на территорию их Родины врага, по духу неизмеримо превосходили немецких фашистов. Они жертвовали своими жизнями во имя Родины, и примером в этом служили прежде всего командиры авиаполков.

Так, командир 622-го штурмового авиационного полка майор В.В.Землянский 7 августа во главе группы штурмовиков атаковал вражеские танки, прорвавшиеся к внешнему оборонительному обводу Сталинграда. После нескольких дерзких и стремительных заходов на цель он прицельным огнем уничтожил несколько фашистских танков и автомашин.

На последнем заходе его самолет был подбит огнем зенитной артиллерии. Мотор штурмовика загорелся, заклинило управление.

В этих условиях Землянский подал по радио команду своему заместителю возглавить группу и со словами: "Прощайте, товарищи. Умираю за Родину. Смерть немецким оккупантам!" - направил пылающий самолет в скопление войск противника.

Командир 228-й штурмовой авиадивизии полковник В.В.Степичев и военком дивизии бригадный комиссар Кобякин в представлении на присвоение звания Героя Советского Союза В.В.Землянскому писали:

"Воспитывая подчиненных в духе беззаветной преданности Родине, тов. Землянский не один раз лично водил свой полк в бой... В напряженные дни боев на подступах к Сталинграду 7 августа 1942 г. т. Землянский показал образец мужества и бесстрашия...

Последний заход на цель, в самолет прямое попадание снаряда, горящий самолет падает на массу вражеских войск, майор Землянский гибнет, смертью своей нанося урон врагу..."

29 сентября 1942 года командующий 8-й воздушной армией генерал Т.Т.Хрюкин и военком армии бригадный комиссар А.И.Вихорев поддержали ходатайство командования дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 года В.В.Землянскому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а после войны одна из улиц Волгограда названа его именем.

Как родной отец, Т.Т.Хрюкин берег своих воздушных бойцов и заботился о них. Так, 8 августа в приказе № 061/оп он требовал от командиров и комиссаров личного общения и внимания к летному составу. В пункте 10 приказа было сказано: “В связи с тем, что части 8-й ВА в течение двух недель ведут напряженную боевую работу - летный состав устал, несколько притупилась бдительность в полете, в результате чего возможны излишние потери.

От командиров дивизий, военкомов, штабов требую особо тщательной организации контроля предполетной подготовки каждого экипажа, личным общением, приказом в полках - вовремя внести поправки, чтобы предупредить недочеты. Без потерь и с большой эффективностью организовать каждый боевой вылет...” Тщательная подготовка к полетам помогала уменьшить потери.

Авиация противника усилила удары по нашим аэродромам. Заботясь о сохранении самолетов, Т.Т.Хрюкин добился установки на каждом аэродроме зенитных орудий и пулеметов. Создал целую сеть ложных аэродромов и требовал высокой бдительности командиров по отражению налетов противника и выводу самолетов из-под удара.

Так, в приказе № 063/оп от 10.8.42 года он писал:

“П.8. Учитывая активные действия противника по нашим аэродромам, командирам дивизий... с рассвета 11.8.42 г. быть в полной готовности к отражению налетов противника на подходе к аэродромам и выходу бомбардировщиков и штурмовиков из-под удара...”

В борьбе с авиацией противника Хрюкин придерживался активной тактики. Он часто говорил, что только путем атаки можно добиться победы. Уничтожать врага нужно и в

воздухе, и на земле. Особенно тщательно он готовил удары по аэродромам противника, так как таким способом можно надежнее всего оградить и свои войска от ударов с воздуха. Об этом свидетельствует приказ № 064/оп от 11 августа 1942 года:

“Командирам штурмовых и истребительных дивизий, совместно действующим по аэродромам противника, для удара подобрать персонально лучших ведущих групп и их заместителей.

С получением приказа лично провести совместную предполетную подготовку ведущих штурмовиков и истребителей, на которой дать исчерпывающие указания о порядке действий при налете, о заходе на цель, ее атаки, указания о маршруте полета, указание на случай встречи

с истребителями противника и действий зенитной артиллерии в районе цели, организации надежного прикрытия. Все эти вопросы должны быть четко отработаны. При подготовке учесть возможности изменения в полете метеословий и действия групп в этом случае...”

Удары по аэродромам противника сопровождались ожесточенными схватками в воздухе истребителями сопровождения. Преодолевая сопротивление “мессершмиттов” и зенитной артиллерии, штурмовики и бомбардировщики смело пробивались к цели, бомбами и снарядами уничтожали немецкие самолеты на земле.

Очень остро стоял вопрос о вводе в строй молодого летного состава. Хрюкин много занимался этим вопросом. Он учил командиров вводить молодых летчиков в бой с меньшими потерями и с большим эффектом.

В боевом приказе № 041/оп от 15 июля 1942 года Хрюкин требовал: “Принять к руководству и исполнению следующее:

Ввод в бой прибывшего пополнения проводить в следующем порядке: командирам полков в первые боевые вылеты группу вести лично в составе командиров эскадрилий и звеньев.

Убедившись в том, что основной костяк - кадры - втягиваются, тактически правильно используют мощь техники, состоящей на вооружении, хорошо ориентируются, перейти к полетам групп в составе и под руководством командиров эскадрилий, командиров звеньев...”

Боевые приказы Хрюкин писал собственноручно, в каждую фразу и слово вкладывал все свои знания и опыт.

Докладывая командующему Военно-воздушными Силами Красной Армии генерал-лейтенанту А.А.Новикову о боевом опыте 288-й истребительной авиадивизии, Хрюкин вносил ряд предложений, как лучше готовить пополнение и осуществлять укомплектование авиационных полков, и, в частности, предлагал:

“...Летный состав на пополнение направлять в боевые части после отработки элементов воздушного боя и отличного изучения материальной части...”

Полки пополнять маршевыми эскадрильями или звеньями. Прекратить систематический вывод полков в тыл на переформирование. Это расхолаживает части, и погибает накопленный боевой опыт армии...

Перейти с 20-самолетного полка на 36-самолетный. Это сохранит живучесть полков, их опыт и, самое главное - полк всегда будет в состоянии самостоятельно выполнять боевые задачи. А сейчас мы сводим не-

сколько полков в группу, - писал Хрюкин, - что снижает боеспособность группы по причине недоговоренности и незнания друг друга. Лучше в дивизии иметь два полка, чем пять-шесть...”

Т.Т.Хрюкин просил командующего ВВС организовать обмен опытом между воздушными армиями по радиоуправлению самолетами и по воздушному бою. Предлагал создать школу воздушного боя и пропускать через нее всех летчиков от командира звена истребительной авиации и выше, а при командующем воздушной армией создать группу контроля по проверке выполнения боевых заданий непосредственно в воздухе, в бою и ликвидировать всех других инспекторов.

В первых числах августа в войска поступил приказ Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года с требованием : “Ни шагу назад без приказа Высшего Командования”.

Хрюкин решил собрать руководящий командный состав армии и лично разъяснить требования этого приказа с учетом конкретной воздушной обстановки на фронте. Он тщательно подготовился к этому сошествию и в своем выступлении сказал:

“Невзирая на большие потери, противник бросает в бой все новые силы, стремится выиграть время и до зимы занять Сталинград. Немцы рвутся к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами.

Отступать дальше - значит погубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: ни шагу назад без приказа Высшего Командования.

В чем заключается сегодня наша задача? - продолжал далее Хрюкин. - В том, чтобы как можно больше истребить немцев, не отдать им город Сталинград. Драться за каждый дом, но город не отдавать, а в дальнейшем у его стен разгромить врага.

Нужно, чтобы каждая бомба и снаряд разили цель, нужно усилить удары по врагу с воздуха, оказать решающую помощь нашей пехоте, безжалостно истреблять немецких стервятников в воздухе.

Сложность обстановки у стен Сталинграда обязывает командование дивизий и полков во много раз повысить ответственность при организации и ведении боевой работы.

Сделать ее более эффективной за счет отличной, продуманной организации каждого вылета, добиться максимального снижения боевых потерь, не допускать случаев аварий и поломок. Так организовать взаимодействие между родами авиации, чтобы не только не допустить, но и предупредить возможные случаи срыва боевых вылетов, несвоевременных встреч истребителей со штурмовиками и бомбардировщиками, пустого “утюжения” воздуха, малоэффективных ударов.

Пора раз и навсегда покончить с разгильдяйством, преступной халатностью, нарушением дисциплины.

Я требую от командиров и политработников полков и дивизий пересмотреть систему и практику своего руководства подчиненными и навести твердый порядок и железную дисциплину, как это указано в приказе № 227”.

Хрюкин говорил с большой болью в душе, но не повышал голоса, но каждое слово произносил твердо, вкладывая в него тревогу за жизнь воздушных бойцов и за судьбу Родины. Он не обладал способностями выдающегося оратора, но все, о чем бы ни говорил, показывал, как на ладони, четко формулируя основное содержание своей мысли. Ему была близка и понятна психология летчика, профессиональные особенности характера. Все это оставляло сильное впечатление у его слушателей, каждый чувствовал, что лично причастен к серьезным задачам, понимая, каким важным делом они занимаются и как прав командарм, требуя от каждого летчика ответственности и строгого подчинения воинской дисциплине.

В связи с формированием 16-й воздушной армии Донского фронта из состава 8-й воздушной армии было приказано передать три авиадивизии. Рассредоточение сил еще больше осложнило задачу противодействия авиации противника.

Хрюкин, докладывая о боевом составе армии, обоснованно просил А.М.Василевского и А.А.Новикова срочно оказать помощь фронту авиацией из резерва Ставки. По его мнению, нецелесообразно было изымать дивизии из 8-й воздушной армии и передавать их в состав Донского

фронта. Однако Ставка к тому времени не имела достаточных резервов, и эта мера разделения авиации 8-й воздушной армии между двумя фронтами была вынужденной.

Хрюкину тяжело было расставаться со своим заместителем С.И.Руденко, который был назначен командующим 16-й воздушной армией. Тяжелые испытания, которые пришлось им пережить за прошедшие три месяца, сблизили и сроднили их. Настоящие друзья всегда познаются в бедах, несчастьях и в борьбе с трудностями. Вместе с тем Хрюкин гордился выдвижением своего заместителя и был уверен, что он с честью оправдает оказанное доверие.

Впоследствии 16-я воздушная армия под командованием генерала С.И.Руденко стала одной из самых сильных армий ВВС Красной Армии и на заключительном этапе войны нанесла с воздуха сокрушительный удар по Берлину.

15 августа противник вышел на правый берег Дона на участке Сиротинская - Трехостровская, его авиация с рассвета до темноты группами от девяти до сорока "Юнкеров-87" бомбила наши войска. Появились немецкие асы 52-й эскадры и истребители-"охотники", которые встречали наши самолеты на маршруте полета к цели и нападали на штурмовиков и бомбардировщиков прямо над нашей территорией.

Хрюкину пришлось принять меры по усилению групп истребителей сопровождения. Каждый день происходило свыше 25 воздушных боев. С 11 по 22 августа было уничтожено 98 самолетов противника, в том числе 24 бомбардировщика. Наши авиаполки потеряли 52 истребителя.

В директиве от 15 августа 1942 года Хрюкин требовал от командиров всех степеней "проявления твердой воли, непреклонной решимости и смелой инициативы, к летному составу предъявлять жесткую требовательность. Ведущими групп назначать наиболее смелых, решительных и подготовленных командиров, всегда брать инициативу боя первыми, резко и внезапно переходить в атаку. Идти в лобовые атаки против "Мессершмиттов-109", лишать их вертикального маневра, эшелонировать свои боевые порядки. Скрытно подходить к противнику и наносить неожиданные удары.

Резко повысить точность бомбометания и меткость стрельбы".

Несмотря на потери, противник продолжал накапливать силы в районе Песковатка, хутор Вертячий, для удара севернее Сталинграда и выхода на западный берег реки Волги.

18 августа в Сталинграде Хрюкину был представлен новый начальник штаба армии полковник Николай Георгиевич Селезнев, ранее работавший начальником оперативного отдела штаба ВВС Ленинградского фронта: невысокий, полный, с наголо обритой головой, подвижный, как все офицеры-операторы.

Селезнев с трудом входил в сложную боевую обстановку на Сталинградском фронте. Его выручал крепкий коллектив оперативного отдела, возглавляемый опытным полковником А.Р.Перминовым, и другие отделы штаба, укомплектованные офицерами с хорошим боевым опытом, такими, как новый главный штурман полковник И.П.Селиванов, начальник разведки подполковник И.И.Сидоров, начальник связи подполковник А.Д.Степанян, начальник воздушно-огневой службы военный инженер 1-го ранга Я.М.Янчук, начальник орготдела полковник А.А.Кибирев, начальник парашютно-десантной службы подполковник А.М.Лукин и другие.

Главным инженером армии был назначен военный инженер 1-го ранга Михаил Дмитриевич Семенов, а начальником тыла оставался генерал-майор авиации Виктор Иванович Рябцев, которого Хрюкин ценил за высокие деловые качества и феноменальную память.

В огненном Сталинграде

Утром 23 августа 1942 года танковые колонны немцев из района Малая Россoshка начали движение непосредственно на Сталинград, воздушные разведчики немедленно доложили об этом командованию фронтом. Во второй половине дня немецкие танки и мотопехота появились севернее Сталинграда на берегу Волги. Тяжелые бои завязались за рабочий поселок Рынок - это всего лишь в нескольких километрах от тракторного завода. Нападению подвергся аэродром 272-й ночной бомбардировочной авиадивизии около поселка Ерзовка.

23 августа жаркое южное солнце перевалило зенит и начало клониться к закату. В Сталинграде уже два месяца стояла сухая, жаркая погода. Раскаленный воздух и нестерпимая духота изматывали людей, движение в городе замирало.

Грохот орудийных раскатов на Дону еще не был слышен в Сталинграде, над городом стояла полуденная тишина. И тут внезапно тишину разорвали сигналы воздушной тревоги. Появились большие группы немецких бомбардировщиков. Раздался грохот оглушающих взрывов тяжелых фугасных бомб, посыпались тысячи зажигательных бомб - начались пожары. Самолеты неприятеля шли непрерывным потоком, волна за волной. Первые бомбы обрушились на центр города, который был превращен в громадный костер. Густо застроенный, протянувшийся вдоль Волги на 60 км город с большим количеством деревянных построек запылал огненной полосой. Немецкие фашисты стремились уничтожить все живое в городе. Это было варварство и изуверство неслыханных масштабов. В Сталинграде вместе с эвакуированным населением находилось около полумиллиона человек.

А.С.Чуянов в "Сталинградском дневнике" так описывает события 23 августа:

"В 3 часа 18 минут дня объявляется воздушная тревога. И сразу над центральной частью города появляются сотни тяжелых бомбардировщиков гитлеровцев.

Одна волна сменяет другую. Наши истребители мужественно бросаются в бой, но их слишком мало. Зенитные батареи подавлены. Немцы методически сбрасывают то зажигательные, то тяжелые фугасные бомбы. Крошечный ад. Дым пожаров застилает полуденное солнце. Взрывы страшной силы сотрясают воздух. Горят жилые кварталы, рушатся, как карточные домики, здания школ, превращенных в госпитали, культурно-бытовые учреждения. Отовсюду доносятся стоны, крики раненых. Смерть разит людей в квартирах, подвалах, магазинах, на работе, на улицах. Кто уцелел, ищет спасения в щелях. Пожарные и бойцы противовоздушной обороны делают все возможное, чтобы не допустить распространения пожара на уцелевшие объекты, они растаскивают горящие крыши, извлекают людей из-под обломков. А с почерневшего от дыма неба продолжают сыпаться бомбы. Все основные коммуникации города: водопровод, электросеть, телеграф и телефонные линии - выведены из строя. Разрушены почти все крупные здания, Госбанк, гостиницы, вокзал, театр, многие больницы и школы. Вся центральная часть города объята пламенем. От невероятного перегрева воздуха и сотрясений поднимается небывалой силы ветер. Он, как свечу, раздувает огонь..."

Сталинград пылал, как громадный костер. В районе вокзала располагался командный пункт 8-й воздушной армии. Налет немецких бомбардировщиков застал Хрюкина в доме № 42 на углу Невской и Донской улиц. Рядом горели с треском одноэтажные дома, все заволакивало дымом. На плечах командарма лежала громадная ответственность за оборону города с воздуха, и с этой задачей он не в состоянии был справиться. Многочисленные группы истребителей, погибая в воздушных боях на глазах у жителей города, не могли преградить путь немецким бомбардировщикам. Большинство истребителей, вылетавших на отражение налета, не возвращались на свои аэродромы. В прошедших воздушных боях сбито 90 самолетов противника, а всего немцы направили в этот день на Сталинград около двух тысяч самолетов. Воздушные бои не умолкали ни днем, ни ночью. В период с 23 по 31 августа авиачасти 8-й воздушной армии выполнили 3423 самолето-вылета, из них 2270 и 1153 ночью, в том числе на прикрытие Сталинграда 637 самолето-вылетов.

Было уничтожено 156 самолетов противника, в том числе 59 бомбардировщиков. Однако истребители из-за своей малочисленности не справлялись с задачей надежного прикрытия войск и города.

Но сталинградцы сохраняли спокойствие, они не пали духом, не спавали перед невероятными трудностями. По самолетам противника вели непрерывный огонь более 500 орудий зенитной артиллерии, пожарные команды тушили огонь, войска занимали оборонительные рубежи на подходах к Сталинграду и в самом городе. Стойкость, беспредельное мужество, воля к борьбе, героизм и выдержка советских людей были непоколебимы.

Начиная с 23 августа вплоть до полного разгрома 6-й немецкой армии Паулюса Сталинград горел непрерывно, над ним нависало огненное зарево и клубились громадные облака красно-черного дыма. Полыхали многочисленные склады горючего и другие нефтепродукты.

В конце августа штаб 8-й воздушной армии и авиационные части передислоцировались на левый берег Волги.

Те, кому пришлось переправляться в эти дни через Волгу, пережили страшную трагедию, которую невозможно забыть до конца жизни.

Вражеская авиация эшелонами по 20-30 самолетов педантично, через каждые 15-20 минут, бомбила переправу, баржи и корабли на Волге. На пристани горели вагоны с боеприпасами, рвались снаряды и патроны. Все было окутано дымом, языки пламени высоко взвивались вверх.

Казалось, что в районе переправы бушует море огня, и нет там ничего живого. Фашистские самолеты заходили с запада и пикировали на пристань, причалы, прямо над колоннами машин, спускавшихся с высокого берега к переправе.

На пути от одного берега до другого каждая отплывающая баржа по три или даже четыре раза подвергалась ударам с воздуха. Вода в Волге буквально кипела от взрывов. Много барж, кораблей, катеров и лодок пошло под воду, но большинство добирались до противоположного берега.

Плывущим укрыться негде, кругом вода, и оставалась единственная надежда на то, что немец промажет и бомба попадет не в баржу, а в воду. В этих критических условиях важно было сохранить самообладание и не допустить паники среди людей. Об опасности паники в таких условиях свидетельствовал следующий факт: одна баржа, наполненная ранеными бойцами из среднеазиатских республик, уже подходила к восточному берегу, оставалось до причала всего 80-100 метров. И в этот момент началась очередная налет немецких бомбардировщиков. Поблизости от баржи поднялись фонтаны от взрывов бомб. Кто-то на берегу крикнул: "Спасайтесь!" В течение нескольких секунд сотни солдат в панике бросились с баржи в воду. Их как ветром сдуло. Но большинство из них плавать не умели. Они тонули рядом с берегом. Быстрое течение реки уносило их вниз. Баржа же осталась цела, она причалила к пристани почти пустая.

Генерал Хрюкин вместе с небольшой группой офицеров и связистов остался в Сталинграде и разместился на командном пункте фронта в глубокой штольне на берегу реки Царица. Командный пункт фронта имел углубление до 15-20 метров. Вырытый в виде буквы "П", он имел два выхода, оба в сторону реки.

Вновь назначенный командующим фронтом генерал-полковник А.И.Еременко с присущей ему жесточайшей требовательностью укреплял оборону города. А.И.Еременко считался "генералом обороны" и был прислан в Сталинград, чтобы отстоять город. От Хрюкина он требовал избавить наземные войска и город от бомбардировки с воздуха и преградить путь немецким танкам.

Никакие объяснения о невозможности решить такую задачу и доклады о фактическом наличии сил А.И.Еременко не принимал во внимание.

Много горьких минут при встречах с ним пришлось пережить Хрюкину. Несправедливые упреки в том, что истребители проявляют нере-

шительность и боятся ввязываться в бой с противником, не могут его догнать и упускают удирающих немцев, трудно было равнодушно принимать и тем более растолковывать А.И.Еременко специфику воздушного боя и возможности авиационной техники. В этих вопросах А.И.Еременко разбирался слабо.

На попытки Хрюкина объяснить технические характеристики самолета и возможности летчика он получал от А.И.Еременко неизменный ответ: “Вы молоды учить меня. Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже рубались с белыми... На войне не грамота нужна, а твердость, смелость и решительность... Пожестче требуйте от подчиненных, в этом главное, и добьетесь большего результата... Знание техники - это дело инженеров и техников, а наше дело командовать и быть неумолимым к подчиненным... На войне главное - безотказно и безропотно выполнять требования начальства, а не искать объяснения и оправдания своим промахам... Начальство любит, когда подчиненный берется за любое дело, хотя бы и за такое, которое впоследствии оказывается невыполненным”.

А.С.Чуянов писал: “...В землянке меня ждал командующий 8-й воздушной армией Тимофей Тимофеевич Хрюкин (мы с ним старые знакомые). Он не жалуется, но ему нелегко, так как авиация фронта еще полностью не сформировалась, а потери за счет старой матчасти несет значительные. Кажется, что командующий фронтом А.И.Еременко не всегда справедлив к нему. Он требует, чтобы тихоходные “ишаки” (истребители И-16. - В.К.) справлялись с армадой фашистских “мессершмиттов”... Разговорились о делах летчиков...”

Хрюкин не смыкал глаз многие сутки напролет. К счастью, его богатырское здоровье и тридцатидвухлетний возраст позволяли выдержать сверхчеловеческие нагрузки и тяжелые испытания физической силы, духа и разума.

Сложившаяся в Сталинграде чрезвычайная обстановка требовала чрезвычайных мер. Для выполнения приказов командования фронтом Хрюкин прилагал все свои силы и способности и ставил задачи подчиненным отстоять Сталинград с воздуха, во что бы то ни стало, не считаясь ни с какими жертвами.

Боевые распоряжения, которые отдавал Хрюкин, носили конкретный и решительный характер. Так, 1 сентября 1942 года в 0 часов 40 минут он писал:

“Генералу Руденко
Военному Вихореву
Полковнику Селезневу

31 августа 1942 г. во второй половине дня будут наступать 16-й и 7-й ТК с северо-запада.

Задача 8-й ВА:

1. Прикрыть 7-й и 16-й ТК.
2. Действиями перед наступающими танками пробить брешь в обороне противника, нарушить его огневую систему.

3. Уничтожить танки и автомашины перед наступающими частями.

Распределение сил произвести так:

Ил-2 - четыре группы по 9 штурмовиков и по 6 истребителей.

Пе-2 - две группы по 9 бомбардировщиков и по 6 истребителей.

Остаются 40-50 истребителей, они должны прикрывать танки и действия своей авиации.

Все это будет проводиться 2 сентября 1942 г. Надо провести тщательную подготовку, побольше отремонтировать самолетов. Надо все силы мобилизовать, но 7-й ТК протолкнуть.

Т.Хрюкин”.

Характерна его записка от 29 августа 1942 года, адресованная С.И.Руденко и Н.Г.Селезневу:

“Противник с направления ст. Абганерово - Васильевка прет на Зеты, численностью до 70 танков.

На разъезд Червонный - тоже 50 танков. Вам поставили задачу бить их к 11.00. Но до сих пор никто не действует! Надо поднять все, что есть исправное у В.А.Срывкина (206-я шад), В.В.Степичева (228-я шад) и С.А.Егорова (270-я бад) и уничтожать танки. (Цели на карте крестом.) Т.Хрюкин”.

Военному воздушной армии бригадному комиссару А.И.Вихореву 4 сентября 1942 года Хрюкин писал из Сталинграда:

“Товарищ Вихорев!

Я убедительно прошу усилить политработу... Летчикам надо разъяснить, что надо погибать, но не срамить себя перед лицом наземных войск, а самое главное - побольше сбить немецких псов. Любой ценой, вплоть до тарана. Все беды все-таки от авиации...

Для уничтожения бомбардировщиков отобрать снайперов - лучших летчиков-Героев Советского Союза и наших асов.

Этих отобранных молодцов надо прикрывать второй и третьей группой, чтобы они не стеснялись, смело били бомбардировщиков парами, им категорически запретить вступать в бой с истребителями противника. За каждого сбитого бомбардировщика представлять к правительственной награде”.

В другой записке военкому и начальнику штаба армии Хрюкин писал: “Т.т. Вихорев и Селезнев! Выезжал я сегодня к своим войскам и посмотрел, как работают наши истребители, как дерется наша славная пехота...

Пехота отражает танки, автоматчиков, выдерживает 16-часовые непрерывные бомбометания и артобстрелы, но Сталинград защищает... А вы меня успокаиваете, что проведено столько-то воздушных боев...”

Особенно резко реагировал Хрюкин на неправильные доклады и попытки отдельных командиров приукрасить положение дел. От командиров дивизий и полков Хрюкин требовал:

“- Бить бомбардировщиков противника везде, где бы ни появлялись. Это одна из главнейших боевых задач истребительной авиации;

- командирам полков проявлять личную инициативу в боях;

- командирам дивизий максимум времени находиться в полках, учить летчиков организовывать и вести бой, штабы дивизий дислоцировать вблизи аэродромов, а не удалять их, практиковать работу оперативных групп штаба дивизии на командных пунктах командиров полков.

Командирам дивизий лично заниматься вопросами разведки, научить штабы руководить разведкой и получать полноценные и правдивые данные о противнике”.

30 августа 1942 года в 3 часа ночи Хрюкин послал такую записку С.И.Руденко и Н.Г.Селезневу:

“С разведкой плохо.

Надо выделить неограниченное количество истребителей-разведчиков, к 10.00 установить, где находится противник в районе Зеты, Тундутово, ст. Абганерово, южнее Солянки...

То же на севере - Кузьмичи, совхоз “Опытное поле”, разъезд Конная. Жду доклад в 10.00”.

Воздушная разведка - это глаза командования фронта. Летчики проникали в тыл противника и вели наблюдение за полем боя. Воздушные

разведчики доставляли командованию фотоснимки и другие важные сведения и выполняли это, как правило, быстро и оперативно. Большим авторитетом опытного офицера пользовался начальник разведки армии подполковник И.И.Сидоров.

30 августа в соединения и части 8-й воздушной армии был направлен такой боевой приказ командарма (№ 074/оп от 30 августа 1942 года):

“Противник, не считаясь с жертвами, рвется в Сталинград. Войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов героически защищают город на подступах к нему.

31 августа 1942 г. войска ждут активной помощи со стороны бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей 8-й ВА. Командирам, военкомам дивизий разъяснить всему личному составу серьезность положения обстановки на фронте у Сталинграда, потребовать от всего личного состава максимального напряжения в организации боевой работы”.

На требование командарма летчики отвечали самоотверженными действиями. С 1 по 22 сентября авиачасти 8-й воздушной армии произвели 8323 боевых самолето-вылета и уничтожили 225 танков и около 700 автомашин, сбили 254 самолета противника, в том числе 119 бомбардировщиков.

В этих боях было потеряно 224 наших самолета. В первых рядах отважных воздушных бойцов шли коммунисты. 28 августа под Сталинградом, в районе балки Сухая Мечетка, военком авиаэскадрильи 686-го штурмового авиационного полка батальонный комиссар Исаак Пинхович Зазулинский был подбит зенитной артиллерией, самолет загорелся. Горящий самолет И.П.Зазулинский направил на скопление танков и автомашин противника, совершив бессмертный подвиг.

Для борьбы с немецкими бомбардировщиками Хрюкин решил создать специальные силы. 25 августа он отдал приказ командирам 287-й и 288-й истребительных авиационных дивизий, в котором, в частности, писал:

“Противник непрерывно бомбит Сталинград, в городе много убитых, Военный совет фронта приказал под Вашу личную ответственность отобрать десятку лучших летчиков-истребителей на Як-76 и совместно с десяткой Ла-5 уничтожить только бомбардировщиков над центром города”.

Находясь в центре пылающего города, Т.Т.Хрюкин активно руководил воздушными боями истребителей с бомбардировщиками противни-

ка. Он старался найти слабые места у фашистов и определить наиболее эффективные тактические приемы для своих истребителей. Часто советуясь с летчиками и командирами, посылал их в наземные войска и на передний край для стажировки и личных наблюдений за действиями авиации и наземных войск.

На основе личных наблюдений и докладов подчиненных 13 сентября 1942 года после трехнедельных воздушных боев над Сталинградом Хрюкин издал приказ, в котором писал:

“Наша задача - сбить уверенность и наглость у противника, стать хозяином воздуха. Этого можно добиться смелостью, правильным использованием огня и техники, расчетливостью, хитростью, личной храбростью до самопожертвования и хорошей организацией взаимодействия и взаимовыручки в бою...

Наша задача заключается в том, чтобы как можно больше истребить немцев, не отдать Сталинграда. Драться за каждый дом, но город не сдавать, а в дальнейшем и разгромить немцев у его стен...

Советский летчик-истребитель во всех случаях должен побеждать, от истребителя в первую очередь зависит наша победа в воздухе над фашистами и обеспечение действий войск на земле.

Категорически запрещаю истребителям вести оборонительный бой. Драться только наступательно. Искать врага, нападать на него первым, внезапно и уничтожать. Запрещаю в воздушном бою терять высоту и делать перевороты. Помнить правило: тот, кто выше в бою, тот побеждает... Расстреливать врага в упор, с дистанции 50-100 м.

При прикрытии своих войск действовать мелкими группами, парами, четверками охватывать весь район, эшелонироваться по высоте. Всегда при таком порядке две трети наших истребителей будут иметь возможность истреблять бомбардировщиков противника... Категорически запрещаю драться одиночно, драться всегда только парой, второму прикрывать хвост товарища, а первому - сбивать...”

Такие приказы Хрюкин писал собственноручно, старательно продумывая каждую фразу. Хрюкин глубоко верил в несокрушимый дух советского воина. В той сложной обстановке сталинградского неба нужно было укрепить прежде всего уверенность у летчиков в свои силы, в том, что немцы умышленно создают представление о своем превосходстве в воздухе и не такие уж они непобедимые, как могло показаться некоторым недостаточно стойким людям. Психологически это было очень пра-

вильно. Хрюкин понимал, что победу в бою одерживает тот, кто сильнее духом. Советские люди, глубоко уверенные в правоте и справедливости своей борьбы против вторгнувшегося на территорию их Родины врага, силой своего духа неизмеримо превосходили немецких захватчиков.

И это преимущество советских летчиков - патриотов своей Родины - нужно было использовать прежде всего для того, чтобы завоевать господство в воздухе, стать хозяевами сталинградского неба. Командарм поднимал высоко на щит героев-летчиков, уверенных в силе советского оружия и трезво оценивавших силы врага, которые на его глазах смело вели бои над Сталинградом и добивались победы "не числом, а умением".

Тактике врага, действовавшего вероломно, хитро и нахально, Хрюкин противопоставлял коллективные действия пар и четверок своих истребителей. Он не случайно категорически запрещал вести бой в одиночку. Наблюдая с земли воздушные бои, он видел: стоит какому-нибудь истребителю оторваться от своего напарника, как он гибнет прямо на глазах. И каждый черный шлейф вслед за падающим на землю краснозвездным самолетом вызывал в его душе тяжелые переживания, а также трезвые и твердые размышления, позволявшие ему находить решения того, что нужно исправить и изменить в тактике действий своих истребителей.

Тимофей Тимофеевич понимал: прежде всего погибает тот, кто не атакует, а переходит к обороне и пытается уйти от врага. "Мессершмитты", казалось, только и ждут такого момента, чтобы догнать вышедшего из боя советского истребителя и, пользуясь преимуществом в скорости, сравнительно легко загнать свою жертву в землю.

Поэтому Хрюкин категорически запрещал истребителям вести оборонительный бой. Он требовал от летчиков - драться только наступательно. Если встретился противник, истребитель должен нападать первым, а не ждать, когда на него нападет враг.

Еще из своих драк с кулацкими сынками в далеком детстве Хрюкин вынес для себя уроки, что нужно наносить удары первым, чтобы не быть побитым самому. Сам он имел более сотни боевых вылетов на бомбардировщике, который в воздушном бою вынужден обороняться от истребителей противника, а не нападать, но по своей натуре Тимофей Тимофеевич был активным бойцом и призывал только к наступательным действиям в бою.

К истребителям - воздушным бойцам - он относился с особым уважением, очень хорошо понимал натуру летчика-истребителя, и многие считали, что Героем Советского Союза Хрюкин стал в результате победы в воздухе, что он тоже истребитель, так глубоко он разбирался в психологии истребителя и в тактике воздушного боя.

Однажды в осажденном Сталинграде Хрюкин вызвал к себе начальника штаба армии, который располагался на левом берегу Волги. Начштаба пытался объяснить командарму, что днем на самолете По-2 перелетать через Волгу крайне опасно, ибо немецкие истребители охотятся даже за отдельными самолетами связи.

На такое объяснение Хрюкин возразил:

- На войне все рискуют, и если вы опасаетесь попасть под пулеметную очередь немецкого истребителя, нечего дрожать заранее... Вам нужно попытаться обмануть врага, незаметно пройти на бреющем над камышами и водой, но к установленному сроку быть у меня...

При выполнении боевой задачи Хрюкин был неумолим и не останавливался перед возможными жертвами. Он считал, что в бою не должно быть непреодолимых преград и очень болезненно воспринимал всякие попытки уклониться от опасности, особенно когда в этом он усматривал проявления человеческой слабости. В приказе № 090/оп от 13 сентября 1942 года Хрюкин писал:

“Невзирая на большие потери, противник бросает в бой все свои силы, стремится выиграть время и до зимы занять Сталинград, Астрахань, Кавказ.

Противник действует старыми приемами, нахальством, хитростью, обманом, создает впечатление превосходства, часто меняет тактику своих действий, летает мелкими группами, охватывая парами истребителей целые районы, а у трусов и паникеров падают силы, теряется уверенность, и они становятся первыми жертвами боя.

Мы сами переоцениваем немецко-фашистскую мощь, немецкого летчика, немецкий самолет. Отдельные летчики-трусы, предатели, дрожащие за свою шкуру, сознательно или несознательно работают на пользу врага. Они своей трепотней создают вокруг немцев несуществующий ореол их непобедимости, преимущества, а, попадая в воздух, лязгая от страха зубами, при первой же отдаленной встрече с врагом бегут с поля боя, оставляют в одиночестве против превосходящего по количеству противника подлинных патриотов, героев нашей Родины. Сами же по-

ражаются немцами в спину и погибают, как погибает всякий трус, или, оставаясь случайно живыми, являются рассадниками всяких небылиц, как о личной храбрости, так и о “непобедимости” фашистского летчика. Немец обнаглел. Мы сами избаловали фашистов. Находясь на передовом командном пункте в течение 12 дней, я наблюдал воздушные бои, и видел, как из-за трусов и паникеров погибали лучшие люди - народные герои-летчики...

Абсолютное большинство наших летчиков дерется замечательно, но есть одиночки-трусы, негодяи, которые позорят имя человека русской земли, не знавшего поражений, не гнувшего спину ни перед кем. Эти трусы подрывают нашу мощь. Они бросают исправные самолеты в воздухе и выбрасываются с парашютами, спасая свою шкуру, бросают товарищей в бою одних. Они производят посадку, не выпуская шасси на исправной машине, они же, улета в тыл, имитируют блудежку и там, ломая самолеты, просиживают по две и больше недели. Они ищут неисправности в совершенно исправном самолете. Эта небольшая кучка предателей, врунов и трусов пользуется поддержкой отдельных политически близоруких, мягкосердечных командиров и комиссаров и даже получает правительственные награды вместо пули и позора перед народом. А пользуется поддержкой у этих начальников потому, что последние сами в бой не летают, боя бояться, деквалифицировались как летчики и превратились в воздушных вожakov на земле, в стартеров на старте...

Не должно быть в наших рядах таких людей. Приказ наркома обороны № 227 должен быть выполнен беспрекословно...”

Когда над Сталинградом создалась крайне напряженная воздушная обстановка, Хрюкин встретился с командиром истребительной авиадивизии и спросил у него:

- Товарищ подполковник, что вы думаете предпринять в сложившейся обстановке?..

Перед ним стоял молодой, решительный и храбрый летчик, которого Тимофей Тимофеевич недавно выдвинул на должность командира дивизии.

- Товарищ командующий, разрешите мне лично возглавить группу истребителей, и мы прямо над городом покажем его защитникам, как советские летчики могут бить немецких асов. Мы не пожалеим жизней, но добьемся победы...

Хрюкину пришлось по душе такой ответ, он знал этого храброго летчика, грамотного и умного командира, верил ему и понимал, что это не бравада, а настоящий патриотический порыв.

- Хорошо, пусть будет по-вашему, - сказал Хрюкин, - отберите в свою группу наиболее слетанные пары истребителей, стойких, самоотверженных бойцов, которые не дрогнут перед смертельной опасностью. На глазах пехотинцев и всех, кто находится в Сталинграде, нужно погибать, но не уступать врагу... В этой сложной обстановке нам очень нужны победы в воздухе, ибо этим мы покажем защитникам Сталинграда нашу силу, укрепим нашу веру в победу и докажем, что фашисты не так уж сильны, как они об этом трубят...

Нужно отдать должное командиру дивизии - он сдержал свое слово, данное командующему.

В приказе по воздушной армии Хрюкин писал:

“...Я видел, когда группа “яков” под руководством командира 288-й истребительной авиадивизии подполковника С.Ф.Коновалова била немцев над Сталинградом. Наши “яки” летали лучше “мессершмиттов” и непрерывно атаковали их. Тогда же наши истребители сбили три “мессершмитта” и два “юнкерса”, не потеряв при этом ни одного своего самолета. Я видел, как один сержант на советском самолете сбил трех “юнкерсов”. Это дрались подлинные патриоты Родины, не думающие о личной жизни, а выполняющие свой долг перед народом, уверенные в силе своего оружия и знающие его мощь, правильно оценивающие силу и мощь врага. Таких немец не побеждает, от таких он сам бежит в животном страхе и гибнет, ибо оказывается, что одной наглости для победы при любом количестве техники недостаточно...”

Каждую бомбу и снаряд - в цель, усилить удары с воздуха и оказать решающую помощь пехоте, истребить немецких стервятников в воздухе...

Хрюкин имел в виду воздушный бой 5 сентября, когда 12 истребителей 288-й авиадивизии под командованием подполковника С.Ф.Коновалова провели над Сталинградом, самоотверженно сражаясь с двадцатью двумя “мессершмиттами”, прикрывающими группу “Юнкерсов-88”. Сбив пять самолетов противника, они без потерь, организованно вернулись на свой аэродром.

Доблестью и умением уничтожать противника наши летчики привели в восторг защитников Сталинграда. Этим боем они продемонстрировали мощь и силу прекрасного советского истребителя, умение, отвагу и

храбрость советских соколов, обративших в бегство с поля боя фашистских асов на их современной летной технике. Они показали, что там, где хорошо построены боевые порядки истребителей, где летчики освоили оружие, в совершенстве владеют самолетом, где отработана слетанность пар, не может быть поражения.

За умелое руководство воздушным боем, проявленные при этом смелость и отвагу, за лично сбитый в этом бою бомбардировщик противника командиру дивизии подполковнику С.Ф.Коновалову была объявлена благодарность, он был представлен к правительственной награде.

Летчикам-истребителям, участникам этого воздушного боя, за проявленные смелость, отвагу и организованность в бою также была объявлена благодарность, а сбитые самолеты противника были представлены к правительственным наградам.

Вскоре положение в сталинградском небе стало улучшаться.

О своих боевых заслугах Хрюкин рассказывать не любил, и поэтому только немногие боевые соратники знали о его достоинствах как боевого летчика, воевавшего в небе Испании, Китая, Финляндии, Польши, Карелии, Прибалтики и Украины. Когда Хрюкин командовал бомбардировочной группой советских ВВС в Китае, штурманом эскадрильи этой группы был Иван Павлович Селиванов, который за боевые заслуги в Китае также в 1939 году был удостоен звания Героя Советского Союза. Селиванову приходилось летать с Хрюкиным в одном экипаже на боевые задания.

В Сталинграде Хрюкин и Селиванов снова воевали вместе. И.П.Селиванов был главным штурманом 8-й воздушной армии. Он был на семь лет старше Хрюкина, Тимофей Тимофеевич с большим уважением относился к своему старшему боевому товарищу. Хотя по положению Хрюкин был начальником, он всегда внимательно прислушивался к мудрым советам Ивана Павловича.

Для разбора итогов боевой работы Хрюкин часто вызывал к себе командиров ведущих групп, высказывал им свои замечания и выслушивал их объяснения и предложения.

В напряженной боевой обстановке Тимофей Тимофеевич находил время побывать на аэродромах и лично побеседовать с летчиками, приободрить их, вселить в них веру в свое оружие, показать слабые стороны врага и наши преимущества в смертельной схватке с ним. В одном из своих выступлений перед летчиками гвардейского авиационного полка он говорил:

“Вы посмотрите, какую грозную технику мы получаем теперь от нашей промышленности. Чем хуже немецкого “мессера” наши Як-1, Як-7 или Ла-5? Они немного уступают в скорости, а по маневру лучше. Когда и кого сбивают немцы? Сбивают тогда и того, кто проявил трусость и удирает, кто не смотрит за воздухом, кто прячется, а не дерется.

Тот, кто дерется и выработал в себе привычку смотреть за воздухом, наблюдать за товарищем в бою и помогать ему, то сам сбивает и никогда не погибает.

Если бы мы смогли уверенно, надежно прикрыть с воздуха наши войска в Сталинграде и не позволить бомбардировщикам противника бить по нашей пехоте и танкам, они не только защищали бы город Сталинград, а гнали бы немцев за Дон и дальше на запад.

Вот это надо понять всем летчикам, и прежде всего истребителям. Мы несем большие потери штурмовиков и бомбардировщиков. Почему? Потому, что очень плохо их прикрываем. Когда бомбардировщики и штурмовики прикрываются надежно, хорошо, не количеством, а качеством - потеря не бывает.

Все летчики должны помнить, что враг не только не так силен, как может показаться отдельным слабакам в наших рядах, которые своей неосмотрительностью, бесхитростностью, безынициативностью действий, отсутствием взаимовыручки в бою рождают у немцев уверенность, и враг наглет.

Наша задача - сбить уверенность и наглость у противника и стать хозяевами воздуха. Этого можно добиться смелостью, правильным использованием оружия, метким огнем, расчетливостью, хитростью, личной храбростью до самопожертвования и хорошей организацией взаимодействия и взаимовыручкой в бою. Родина нам все дает, все теперь зависит от нас...”

Такие проникновенные слова командарма были предельно ясны и доходили до сознания и сердца каждого летчика.

Сталинградские асы

Немецкое командование перебросило под Сталинград свои лучшие истребительные эскадры “Удэт”, “Ас-Пик”, 52-ю, укомплектованные летчиками-асами. Гитлеровские асы пытались блокировать наши аэродромы, сбивая самолеты на взлете и посадке.

Для борьбы с этими эскадрами Хрюкин решил собрать лучших истребителей армии в один полк и сделать из него ударную силу. Возглавлял полк Герой Советского Союза майор А.А.Шестаков.

Хрюкин сам отбирал для этого полка лучших летчиков-асов из других частей армии, часто бывал у них на аэродроме, лично знал каждого пилота и наблюдал за ними, когда они дрались в небе над Сталинградом.

Б.Н.Еремин - командир авиаэскадрильи в полку асов - вспоминал: “На наш аэродром прибыл командарм Хрюкин. Он долго беседовал с командиром 296-го истребительного авиаполка подполковником Николаем Ивановичем Барановым. Затем пригласили меня и командира эскадрильи капитана А.В.Мартынова.

Хрюкин спросил:

- Ну, как будем бороться с немецкими асами?

Мы ответили:

- Бить их надо.

Командующий улыбнулся и сказал:

- Верно, нужно бить, но как? - и рассказал о своем намерении создать фронтовую группу асов из лучших летчиков истребительных авиационных полков воздушной армии.

- Вас, отличных летчиков-асов, в каждом полку осталось немного, а в одном полку вы составите огромную силу. Поэтому вы, Еремин, пойдете в этот полк командиром эскадрильи, а вы, Мартынов, - заместителем командира эскадрильи... Командир полка согласен...

Командарм посмотрел на нашего командира полка и улыбнулся, тому не хотелось терять двух командиров эскадрилий, да и нам расставаться с родным полком было тяжело, но возражать командарму было бессмысленно.

Создание этого полка асов было мудрым и своевременным решением. Необычный по своему составу полк очень быстро превратился в смертельную угрозу для немецко-фашистских стервятников.

Отборные немецко-фашистские асы, понеся большие потери в боях с летчиками-шестаковцами, резко снизили свою активность и прекратили блокировку наших аэродромов, а воздушное пространство над полем боя было очищено для действий наших штурмовиков и бомбардировщиков. Я несколько недель находился в составе полка истребителей-асов, так как вскоре был назначен командиром истребительного авиаполка разведчиков...”

Авиаполк истребителей-разведчиков вместе с полком асов входил в состав 268-й истребительной авиадивизии полковника Б.А.Сиднева.

Позднее подобные авиационные полки асов-истребителей создавались в других воздушных армиях.

Чтобы поддерживать высокую боевую способность полка, командарм Хрюкин пополнял его лучшими летчиками из других частей и направлял им новые самолеты.

Оказывая летчикам-асам постоянную заботу и внимание, он в то же время был требовательным командармом. Строго, но справедливо высказывал свое недовольство командирам за промахи в боевой работе, и оправдать его доверие можно было только дерзкими атаками в бою. И шестаковцы самоотверженно дрались с врагом. Над Сталинградом появились летчики, действительно “черной молнии подобные”, они вызывали восхищение всех, кто видел их в бою.

Со знанием дела Хрюкин писал:

“Защитники Сталинграда, находясь под непрерывным воздействием авиации противника, героически отбивают ожесточенные атаки врага. Надо видеть, с каким восторгом бойцы и командиры встречают появление над фронтом нашей авиации.

Войска воодушевляются, раздается “ура”, и в этот момент немцы несут большие потери в живой силе и технике от удара советского штыка”.

Хрюкин часто встречался с летчиками не только на построениях, в штабах, но и в столовых за обеденным столом, и на аэродромах. Много было у него и личных бесед с группами и отдельными пилотами, что вызывало у летчиков чувство сыновней преданности, доверия и благодарности к своему командиру.

Несмотря на сердечность и доброту, Хрюкин был требовательным командиром, который не проходил мимо недостатков и строго спрашивал за малейшие упущения. Он открыто выражал свое презрение, особенно к тем, кто проявлял малодушие, трусость в бою и дрожал за свою

жизнь. Таких людей рядом с собой он не терпел. Слабовольным и малодушным не было места в полку, командарм немедленно удалял их.

Хрюкин пользовался непререкаемым авторитетом, подчиненные беззаветно верили ему, и если он посылал их на смертельный бой, каждый понимал, что этого требует Родина. И в то же время каждый знал, что командарм дорожит его жизнью и делает все, чтобы одержать победу с наименьшими жертвами.

О том, как по-отечески заботился Тимофей Тимофеевич о летчиках-героях, свидетельствует следующий эпизод.

В дверях госпитальной палаты появился высокий, стройный молодой генерал с авиационными погонями и Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Летчик-истребитель Баранов от удивления раскрыл глаза - он узнал своего командарма...

- Здравствуй, Миша! - генерал протянул руку оробевшему летчику, лежавшему на кровати с разбитой ногой.

- Здравия желаю, товарищ командующий, - еще не окрепшим после контузии голосом ответил Баранов.

Летчику-истребителю Михаилу Баранову стало не по себе - он уже имел на своем боевом счету двадцать четыре сбитых фашистских самолета, не раз смотрел смерти в лицо и при этом не терял самообладания, но перед своим командармом, который был всего на несколько лет старше, его всякий раз охватывала какая-то робость.

Все летчики на фронте хорошо знали командарма 8-й воздушной армии - генерал-майора авиации Тимофея Тимофеевича Хрюкина и с большим уважением относились к нему как к родному отцу, отзывчивому и заботливому командиру. Но одновременно все знали его непреклонный характер.

В те горячие дни Сталинградского сражения посещение раненого летчика в госпитале было для Хрюкина непростым делом, он с трудом выкроил всего пару часов, чтобы выехать в полевой госпиталь и навестить одного из лучших летчиков своей армии, объявить ему лично о высокой правительственной награде и одновременно приободрить его.

- Я приехал с радостной вестью, - обратился Хрюкин к Баранову. - От всей души поздравляю тебя с присвоением звания Героя Советского Союза и надеюсь, что ты скоро поправишься и снова поведешь своих товарищей в бой. Звание Героя - это самая высокая награда Ро-

дины. В воздухе и на земле идут тяжелые бои с наседающим и наглым врагом, и ты очень нужен полку. Стоит задача - отстоять Сталинград во что бы то ни стало.

Хрюкин по-отечески обнял Баранова, пытавшегося подняться с кровати, и уложил его обратно на подушки. Волнение летчика передалось и ему. Крепко взяв его за руки, Тимофей Тимофеевич пожал их.

Баранов успокоился, благодарно посмотрел на своего командарма и уже твердым голосом ответил:

- Служу Советскому Союзу!

- Я думаю, что твой героический бой, - продолжал командарм, - будет памятен не только тебе, но станет хорошим примером для многих летчиков армии, ты наглядно показал, как можно успешно бить зарвавшегося врага. Все-таки уничтожить четыре вражеских самолета в одном бою - это, конечно, богатырский подвиг, не каждому по плечу.

Баранов вспомнил, как 6 августа 1942 года в районе Котельниково он во главе восьмерки истребителей сопровождал штурмовиков. Над целью они встретили большую группу фашистских бомбардировщиков под прикрытием истребителей, направлявшихся бомбить наши войска.

Баранов оставил одно звено для непосредственного прикрытия штурмовиков, а сам с ведомыми Юдиным, Савиновым и Сержантовым вступил в бой с четверкой "мессершмиттов".

В первой атаке Баранов поджег один Me-109, а второго сбил А.С.Юдин. Два фашиста пытались взять самолет Баранова в "клещи", но он вышел из-под удара. Совершив умелый маневр, он подбил второго "мессершмитта". После этого Баранов атаковал семерку Ю-87 и сбил одного из них. Дымящийся "юнкерс" пошел к земле и упал в расположение наших войск.

Выйдя из этого боя, истребители увидели, как пять "мессеров" преследуют наших штурмовиков. Баранов со своим ведомым Иваном Сержантовым бросился на помощь. Пулеметно-пушечным огнем они отогнали истребителей противника. Баранов пошел на вторую атаку, но обнаружил, что у него кончились боеприпасы. Тогда в порыве боевого азарта, не прерывая атаки, он пошел на таран. Правой плоскостью ударил по стабилизатору ближайшего Me-109, а сам выбросился из самолета, потерявшего управление и беспорядочно падавшего к земле. Из-за больших перегрузок его прижало к сиденью, он с трудом покинул кабину самолета, при этом сильно повредив ногу.

Два “мессершмитта” пытались расстрелять парашютиста, но ведомый младший лейтенант Иван Сержантов помешал им это сделать, он бросился наперерез “мессерам” и, рискуя своей жизнью, прикрыл спуск своего ведущего. Для летчиков в бою был священный закон: “Сам погибай, а товарища выручай”.

Таких одаренных и смелых летчиков, как Михаил Баранов, генерал Хрюкин очень ценил за самоотверженность, инициативу, смелость и безумную храбрость в бою. Он по крупицам собирал боевой опыт и изыскивал новые приемы и способы ведения воздушных боев, чтобы в тех сложнейших условиях Сталинградской битвы противостоять превосходящим силам противника.

В составе 9-го гвардейского истребительного авиационного полка впоследствии воевали такие известные летчики, как дважды Герои Советского Союза А.В.Алелюхин, Амет-хан-Султан, В.Д.Лавриненков, П.Я.Головачев, Герои Советского Союза М.Е.Асташин, М.Д.Баранов, И.Г.Борисов, Е.А.Дранищев, А.А.Ерохин, А.Н.Карасев, А.Ф.Ковачевич, И.Г.Королев, С.А.Куница, А.А.Маланов, А.А.Морозов, Ю.Б.Рыкачев, И.Я.Сержантов, В.А.Серогородский, В.Т.Топольский, А.Т.Череватенко, М.И.Шилов, и другие.

Полк асов-истребителей стал грозой для фашистов и сыграл важную роль в завоевании господства в небе Сталинграда.

Первый командир этого полка майор Л.А.Шестаков был отважным летчиком, который в самых сложных условиях воздушной обстановки умело и бесстрашно водил в бой своих подчиненных. Хладнокровный, расчетливый, с молниеносной реакцией и высокой техникой пилотирования, он вселял в своих подчиненных героический дух, уверенность в свое оружие и победу. В бою каждый летчик видел в Шестакове не только бесстрашного бойца, но и мудрого, опытного ведущего, умеющего обманывать врага и проявлять заботу о жизни своих подчиненных, уберегать их от неоправданных жертв. Каждый летчик знал, что командир всегда выручит и придет на помощь в самый тяжелый момент воздушной схватки. Вместе с этим в полку знали твердую волю и жесткую требовательность Шестакова, его прямоту и справедливость.

Комиссар 9-го авиаполка Николай Верховец под стать командиру был отличным боевым летчиком, в одном бою он и Иван Королев “заваляли” сразу трех “мессеров”.

Высокую тактическую грамотность, смелость и решительность в бою проявлял командир звена гвардии старший лейтенант Алексей Алелюхин.

Однажды восьмерка истребителей под командованием Алелюхина вела бой с двадцатью “мессершмиттами”. Бой начался на высоте 7 тысяч метров, где Ме-109 не имели преимущества перед нашими истребителями. “Мессершмитты” пытались затянуть наших истребителей на более низкие высоты, переходили в крутое пикирование, но и это их не спасло. Алелюхинцы троих из них настигли и сбили. При резком снижении у Алелюхина заложило уши, три дня ничего не слышал, на пятый день возвратился в строй. В бою Алелюхин атаковал противника, не считаясь с его численным превосходством. Встретив приближающуюся к линии фронта большую группу фашистских бомбардировщиков под прикрытием истребителей, Алелюхин смело пошел в атаку на ведущего первой девятки и сбил его. Три “мессершмитта” набросились на самолет Алелюхина, его подбили, кабину прошила пулеметная очередь, Алексей почувствовал в груди боль, а гимнастерка начала намокать от крови. До самой земли фашисты провожали подбитый советский истребитель. Алелюхин, преодолевая боль, собрал последние силы, приземлил самолет на фюзеляж и потерял сознание. На его счастье самолет не загорелся и оказался на нашей территории. Колхозники из ближайшего села доставили летчика в военный госпиталь. Через месяц Алелюхин снова вернулся в свой полк и продолжал самоотверженно драться с врагом. В августе он стал Героем, а в ноябре 1943 года - дважды Героем Советского Союза.

Геройски сражался в небе Сталинграда летчик 9-го гвардейского истребительного авиаполка Владимир Лавриненков, он сделал 88 боевых вылетов, провел 40 воздушных боев и сбил 16 фашистских самолетов (9 лично и 7 в группе) в период Сталинградской битвы.

В сложных условиях боевой обстановки командование армией не забывало поздравить сталинградских асов с юбилеем полка и призвать их к новым победам.

13 сентября 1942 года Т.Т.Хрюкин, А.И.Вихорев и Н.Г.Селезнев прислали командиру 9-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии майору Л.А.Шестакову и военкому полка гвардии батальонному комиссару Н.А.Верховцу телеграмму, в которой писали:

“Поздравляем славных гвардейцев с полковым праздником и желаем новых боевых успехов в борьбе с германским фашизмом.

Гвардейцы! - вы дрались под Одессой, вы дрались под Севастополем, вы теперь защищаете город Сталинград.

Ваш славный боевой путь является примером для сотен летчиков и механиков.

Да здравствует 9-й Краснознаменный гвардейский истребительный авиаполк, несущий на своих крыльях смерть немецким оккупантам...”

Хрюкин предоставлял летчикам возможность для отдыха, несмотря на тяжелую обстановку на фронте, обеспечивал систематическую летную тренировку, следил за тем, чтобы летчики были всем обеспечены, хорошо питались, были одеты, обуты и культурно проводили свое время в паузах между боевыми вылетами.

Вместе с тем, не прощал своим питомцам никаких промахов и строго спрашивал за малейшие упущения и послабления в бою. В одном из приказов командиру полка подполковнику А.Шестакову Хрюкин писал:

“Работой Вашего полка я недоволен, несмотря на то, что в 9-м гвардейском иап собраны лучшие летчики, долгое время отдыхавшие и прошедшие достаточную летную подготовку.

Сейчас работаете плохо, за исключением небольшого количества летчиков - настоящих гвардейцев... Вместо атаки парами бросаетесь все на одного и даете возможность противнику безнаказанно выполнять задачу.

Пропустили безнаказанно в Сталинград “юнкеров”... Это - позор для гвардейцев и для всей нашей армии... ПРИКАЗЫВАЮ:

...Всеми исправными самолетами уничтожать противника так, чтобы вся армия радовалась вашим успехам.

Категорически запрещаю гоняться за одним самолетом - надо парами брать по одному и бить, пока не будет сбит самолет противника.

Действовать только дерзко и смело, все прошлые недостатки искупить в бою.

Приказ зачитать перед строем сейчас же с получением. Исполнение настоящего приказа донести мне вечером”.

Вручая Боевое Знамя и орден Красного Знамени шестаковцам, Хрюкин говорил им:

“Храните знамя и орден как зеницу своего ока, как святыню, как честь свою. Пусть всегда напоминают они вам о долге перед Родиной и вдохновляют на новые ратные подвиги в боях против немецко-фашистских оккупантов. Будьте всюду и везде, в любом бою сталинградцами...

С честью несите знамя и орден к победе и увенчайте их еще большей славой”.

Воинская честь, боевая слава, которая проверяется и добывается в бою, были священны для Тимофея Тимофеевича.

Мастерство, мужество и героизм

Хрюкин дружески опекал молодых командиров и с большим вниманием относился к ним. Часто он бывал в полку юного командира майора Б.Н.Еремина и предметно учил командовать, не упуская мелочей.

Полк выполнял важную задачу по ведению воздушной разведки.

“В условиях большого численного превосходства авиации противника, - вспоминал Б.Н.Еремин, - вести воздушную разведку поля боя и в оперативной глубине было не простым делом, многие экипажи самолетов-разведчиков погибали.

Хрюкин решил использовать истребителей, т.е. вести разведку силовую с воздушными боями, если вынуждает обстановка. Для этого использовался наш 273-й истребительный авиаполк, впоследствии переименованный в 31-й гвардейский.

Такого рода специализация использования истребительного авиаполка полностью себя оправдала, в полку выросли замечательные разведчики: Н.З.Выдриган, Н.Е.Глазов, Ф.Я.Морозов, И.К.Нестеров, И.А.Пишкан, А.М.Решетов, А.Ф.Соломатин, В.Е.Шапиро, которым были присвоены звания Героев Советского Союза...

- Я сам, - говорил Б.Н.Еремин, - будучи командиром полка, из 342 боевых вылетов за войну 102 произвел на разведку. Эти вылеты давали большие результаты, они были использованы для выполнения боевых действий штурмовиков и бомбардировщиков и для принятия важных решений командованием фронта.

В августе 1942 года к нам на аэродром прилетел командарм Хрюкин. Собрал командование полка, развернул перед нами карту боевых действий под Сталинградом и, указывая на район хутора Вертячий на Дону, сказал: “По имеющимся данным, здесь сосредоточивается боль-

шая группировка танков противника для наступления на Сталинград. Необходимо разведать эту группировку с воздуха - задание исключительной важности.

- Пойдете вы, товарищ Еремин, и еще один опытный разведчик. Кто-то из вас двоих должен обязательно дойти до цели и доставить данные разведки. Нужно во что бы то ни стало пробиться через воздушный и зенитный заслон. Вас будет прикрывать четверка истребителей. Вам в воздушный бой не вступать. - Потом отозвал меня в сторону и сказал: - Понимаешь, разведанные нужны позарез Военному совету фронта”.

Я ответил: “Понимаю, задание выполним во что бы то ни стало, разведанные достанем”. Я чувствовал, что задание необычное, раз задачу ставит сам командующий и, по сути, вся ответственность за успешное выполнение задания ложится лично на меня.

Было раннее утро. Набрав высоту 6 тыс. м еще на левом берегу Волги, мы решили обойти город с юга, т.к. идти прямым маршрутом на хутор Вертячий было бы очень сложно и невыгодно для нас. Мы бы не пробились. Над Сталинградом в два слоя висели “мессершмитты” по 6-9 самолетов в группе, через них нужно было пробиваться на запад.

Ясно, что район сосредоточения танков немцы особенно тщательно прикрывали с воздуха.

Мы начали снижаться южнее города. Когда нас увидели истребители противника, то четверка сопровождавших истребителей вступила с ними в бой, а мы парой с лейтенантом Каретиным продолжали снижаться и западнее Сталинграда перешли на бреющий полет.

По дорогам и прямо по полю шли на Сталинград войска противника, чтобы не попасть под огонь зениток, мы снизились до высоты телеграфных столбов и пошли в некотором удалении от колонн противника. Этот маневр позволил нам выйти к Дону. Над хутором Вертячий мы появились не с востока, а с юго-запада на высоте 500-800 м, осмотрелись и, маневрируя по высоте и горизонту, т.к. по нам били зенитки врага, начали прочесывать хутор и прилегающий к нему лес.

Мы увидели большое скопление танков и автомашин, насчитали более 150 танков, сфотографировали их, прошли немного на север, а потом взяли курс на восток. Наше появление над целью было неожиданным для немцев, истребители противника не успели перехватить и оказать нам сопротивление.

Мы благополучно оторвались от преследовавших нас истребителей противника. Пересекли Волгу и произвели посадку на ближайшем аэродроме штурмового авиаполка. Я с аэродрома связался по телефону с Хрюкиным и доложил по кодированной карте результаты разведки, он их ждал с нетерпением, и по его разговору было件件но, что он очень переживал за благополучный исход нашего полета, т.к. ему доложили, что четверка истребителей, которая нас сопровождала, понесла в бою потери и вернулась только пара. Командир всегда переживает не меньше, а больше своих подчиненных, находившихся в бою, чем они сами это осознают.

Мне же не хотелось ни есть, ни пить после такого напряженного полета, общая усталость клонила ко сну. Мы перелетели на свой аэродром, там обработали фотоснимки и отправили их в штаб армии.

Позднее, вручая мне третий орден Красного Знамени, Хрюкин заметил: “Учти, эта награда тебе не только за сбитые самолеты противника, но и за разведку на хутор Вертячий”. Он хорошо помнил об этом полете”.

20 сентября командир 273-го истребительного авиаполка 268-й авиадивизии майор Б.Н.Еремин, сопровождая штурмовиков, был сбит над заводом “Красный Октябрь”. Из горящего самолета выбросился на парашюте и приземлился среди своих войск. Он был ранен в лицо, руку и ногу и получил тяжелые ожоги. Подбежавшие автоматчики не сразу опознали в нем своего летчика. Помогли “крепкие” слова русского языка. Одиннадцать осколков извлекли из его тела, а два остались в ноге на долгие годы. Его вылечили и снова вернули в строй.

Б.Н.Еремин был молодым командиром полка, шел ему тогда двадцать девятый год.

Т.Т.Хрюкин три раза представлял Б.Н.Еремина к присвоению звания Героя Советского Союза, однако эти наградные листы остались без реализации. Только 5 мая 1990 года указом Президента СССР ему было присвоено это высокое звание.

Ожесточенные бои в сентябрьском небе Сталинграда сопровождались большими жертвами. В этих боях 8-я воздушная армия потеряла 290 самолетов и 105 были повреждены на аэродромах.

В августе и сентябре в состав армии прибыло более 800 истребителей.

“Если бы все честно и самоотверженно дрались и не били бы самолеты на земле, - говорил Хрюкин, - мы имели бы больше самолетов, чем немцы на нашем направлении советско-германского фронта. Мы и сей-

час имеем достаточно сил для того, чтобы бить врага. Мы непрерывно получаем пополнение людьми и техникой.

Родина нам дает все, теперь все зависит от нас...”

В октябре 1942 года бои в Сталинграде достигли крайнего напряжения. Солнца не было видно, дым, пыль и смрад заволокли небо. Силы обеих сторон были напряжены до предела, о чем свидетельствует директива Хрюкина № 00385 от 21 октября 1942 года:

“Сложность обстановки и положение у города Сталинграда обязывает командование дивизий и полков во много раз повысить ответственность при организации боевой работы, сделать ее более эффективной за счет продуманной отличной организации каждого вылета, добиться максимального снижения боевых потерь, не допустить случаев поломок, аварий. Повышением ответственности в работе штабов так организовать взаимодействие между родами авиации, чтобы не только не допускать, но и предупреждать возможные срывы боевых вылетов, пустого утюжения воздуха истребителями, несвоевременных встреч со штурмовиками и т.д.

Не пора ли нам раз и навсегда покончить с разгильдяйством, преступной халатностью, нарушением дисциплины?

Я требую от командиров полков и дивизий немедленно пересмотреть систему и практику своего руководства частями и штабами и, основываясь на приказах НКО №№ 0293, 227, 0685, постановлении Президиума Верховного Совета СССР о единоначалии, навести воинский порядок в частях, установить должную железную дисциплину”.

В Сталинграде авиация впервые участвовала в уличных боях за отдельные кварталы, улицы и дома.

Хрюкин ставил задачу штурмовикам наносить удары с пикирования по отдельным домам и прочесывать пулеметно-пушечным огнем улицы, занятые врагом, как он говорил, вымести немцев с такой-то улицы.

Выполнение таких задач было сопряжено с большим риском и требовало от летчиков не только безумной храбрости, но и большого мастерства. Пролететь на бреющем полете над домами вдоль улицы и вести огонь могли люди, в совершенстве владеющие техникой пилотирования тяжелыми бронированными самолетами.

И таких смельчаков в армии было много. Героизм среди сталинградцев носил массовый характер.

7 октября командование 57-й армии прислало в адрес 8-й воздушной армии телеграмму:

“Летчикам, техникам, мотористам авиачастей, работавшим на нашем участке фронта. Шлем вам боевой привет и отмечаем вашу высокую боевую деятельность по уничтожению фашистской техники и живой силы.

Особенно отмечаем эффективные удары 1, 6 и 7 октября. Надеемся, что и в дальнейшем вы вместе с нами будете громить гитлеровские полчища так же успешно до полного их разгрома.

Толбухин, Субботин”.

“Каждый несет личную персональную ответственность перед Партией и Родиной за Сталинград, - писал Хрюкин в боевой директиве. - Никогда, как сейчас, мы должны проявить способности, умело использовать нашу технику, чтобы наносить врагу как можно больше поражений и помогать защитникам Сталинграда оборонять город...”

“Однажды мне было приказано, - вспоминал командир эскадрильи 504-го штурмового авиационного полка И.И.Пстыго, ныне Герой Советского Союза, маршал авиации, - провести восьмерку “илов” на уничтожение танков, прорвавшихся в Сталинград. Задание было сложным, ведь в городе отсутствовала линия фронта, бои велись за каждый квартал, дом, этаж, нередко по несколько раз в день переходивших из рук в руки.

Требовалась почти ювелирная точность, чтобы не ошибиться, поразить именно заданную цель. Понимая ответственность задания, все летчики группы действовали предельно собранно. Бомбы легли точно в цель...

Оказалось, что генерал Хрюкин наблюдал за действиями нашей группы в районе цели и высоко оценил результаты удара. Едва мы легли на обратный курс, он приказал сообщить в полк о присвоении мне очередного воинского звания капитана...

Сколько лет прошло, но до сих пор не могу без волнения вспоминать этот эпизод. И есть ли необходимость говорить, как вдохновляло нас, летчиков и командиров, такое отношение со стороны командующего, с каким душевным подъемом шли мы после этого в бой, каким величайшим авторитетом пользовался он у всего личного состава воздушной армии...”

Атаки штурмовиков в уличных боях стоили больших жертв. Обстоятельства крайней ожесточенности сталинградского оборонительного сражения требовали больших жертв и от летчиков. Скрепя сердце Хрюкин вынужден был идти на эти жертвы.

Тяжело переживая боевые потери, командарм в то же время гордился такими богатырями, которые находили в себе силы и смело шли на смерть, нанося врагу как можно больше ущерба.

Заместитель командира авиаэскадрильи 686-го штурмового авиаполка 206-й шад старший лейтенант Николай Павлович Кочетков в период с 7 августа по 3 сентября 1942 года сделал под Сталинградом двадцать два боевых вылета, из них восемь ночью. По отзывам тех, кого он водил в бой, это был бесстрашный летчик: обрушивая всю силу своего оружия на самые важные цели, делал над целью по три или пять заходов и выходил из боя только тогда, когда кончались боеприпасы. 19 августа снарядом ЗА у него была пробита левая плоскость самолета, несмотря на это, Кочетков до конца выполнил боевое задание и благополучно прилетел на свой аэродром. 1 сентября в боевом вылете у него был подбит мотор и пробит масляный бак, но он полностью отбомбился и благополучно прилетел на свой аэродром. 3 сентября, участвуя в очередном вылете ведущим группы, над целью в него попал зенитный снаряд, самолет взорвался и упал на скопление вражеской техники и живой силы. За бесстрашие и героизм командарм Т.Т.Хрюкин и военком А.И.Вихорев представили его к высшей награде. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 года Н.П.Кочеткову было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

4 сентября командир авиаэскадрильи 806-го штурмового авиаполка 289-й шад капитан Всеволод Александрович Ширяев повел свою эскадрилью на уничтожение войск и техники противника в районе Халхута. На первом заходе на цель от прямого попадания зенитного снаряда самолет загорелся, но В.А.Ширяев продолжал бомбить и штурмовать цель. Будучи охваченным пламенем и видя, что спасения себе и самолету быть не может, Ширяев отделился от группы, отыскал большое скопление боевой техники противника и направил туда обвешанный пламенем самолет. На глазах у своих ведомых горящая машина командира врезалась в гущу войск противника и подняла громадный столб пламени. Вернувшись с боевого задания, летчики полка еще раз поклялись бить нещадно фашистов и отомстить за героическую смерть В.А.Ширяева. 8 февраля 1943 года капитану В.А.Ширяеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Всего в 1942-1943 годах было совершено 96 огненных таранов, в том числе под Сталинградом - 18. Таранили врага советские герои-летчики: сержант Г.В.Васюта, лейтенант И.С.Богачев, старший лейтенант В.Г.Соколов, старший сержант И.П.Веденин, майор М.Д.Дмитриев, лейтенант Г.Д.Одинцов, майор В.В.Землянский, батальонный комиссар Н.Ф.Лобода,

старший лейтенант Н.П.Кочетков, лейтенант А.Т.Степаненко, младший лейтенант Б.С.Линник, сержант Г.М.Обуховский, старший лейтенант М.А.Пресняков, младший лейтенант А.Д.Прудников, старший сержант А.А.Рогальский, капитан В.А.Ширяев, лейтенант И.С.Терехин, капитан И.П.Зазулинский.

Штурмовики под Сталинградом действовали не только днем, но и ночью. Главной же ударной силой бомбардировщиков ночью под Сталинградом стал тихоходный, “мирный” самолет По-2. На этот самолет установили пулемет ШКАС и стали подвешивать 50- и 100-килограммовые бомбы.

Легкие ночные бомбардировщики По-2 стали королями ночного неба. Они дислоцировались на аэродромах левого берега Волги. На день самолеты укрывали в капонирах и заросших балках, а с наступлением темноты они поднимались в воздух и шли на пылающий Сталинград. Назначенными целями для бомбометания были, как правило, передовые позиции немцев, их укрепленные пункты и огневые позиции. Цели располагались в непосредственной близости от своих войск, что требовало от наших экипажей особой точности ориентировки и высокой бдительности.

Для того чтобы обнаружить огневые позиции противника, требовалась подсветка целей, а иногда приходилось барражировать в районе цели и ждать вспышек от оружейных выстрелов, чтобы обнаружить местонахождение батарей противника.

Самолеты По-2 подлетали к линии фронта на приглушенных моторах, планировали на вражеские позиции и неожиданно для немцев сбрасывали смертоносный груз.

В городе в качестве целей для бомбометания “ночники” получили задачу разрушить укрепленные позиции в отдельных домах или нанести удар по штабам и местам расположения важных объектов. Наша агентурная разведка доносила, на какой улице и в каком доме располагается то или иное подразделение немецких войск.

Экипажи самолетов По-2 находили эти улицы и эти дома, прицельно сбрасывая на них бомбы. Это была ювелирная работа высочайшей точности.

Красноармеец 34-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии А.А.Кулешов, которому удалось бежать из плена, рассказал, что в последних числах октября 1942 года в Сталинграде

в одном из домов по Пензенской улице, рядом с большим домом железнодорожников, проходило совещание немецких офицеров. Вечером прилетел самолет По-2, сбросил две бомбы, которые попали как раз в ту комнату, где проходило совещание немецких офицеров. Присутствовавшие на совещании офицеры в количестве 20 человек были убиты. Утром русских военнопленных заставляли убирать их трупы.

Самолеты По-2 возили не только бомбы. Когда часть войск 62-й армии оказалась отрезанной и немцы захватили небольшой участок берега Волги, самолеты По-2 стали доставлять отрезанным подразделениям боеприпасы и продовольствие, а для радиостанций - аккумуляторы и батареи БАС. Чтобы сбросить груз своим войскам, а не противнику, нужно было попадать в квадрат в несколько сот метров. Все это нужно делать ночью с малой высоты полета. При первых таких "грузовых" вылетах были неудачи - шоколад, масло и патроны падали за границей наших войск или в Волгу.

На аэродромах были организованы тренировочные полеты, и летчики учились попадать контейнером в квадрат 10X10 метров.

Военком армии А.И.Вихорев сам освоил такие "бомбометания" с По-2 и помог летчикам путем простых методов визирования и прицеливания успешно решить задачу снабжения своих войск с воздуха.

Пехотинцы были глубоко признательны за помощь. Летчики только одного 709-го ночного бомбардировочного авиаполка сбросили войскам 62-й армии 120 мешков с боеприпасами, продовольствием и медикаментами.

Командующий 62-й армией генерал В.И.Чуйков так оценивал роль ночной бомбардировочной авиации 8-й воздушной армии:

"А как исключительно хорошо действовали летчики-ночники! Мы заранее сообщали им расположение вражеских штабов, артиллерийских позиций, места наибольшего сосредоточения немецких войск и направление предстоящего удара наших войск. Едва стемнеет, как в небе уже слышны знакомые и родные звуки моторов.

Прорываясь через плотные завесы зенитного огня, они становились в подлинном смысле слова королями воздуха, отыскивали заданную цель и метко обрушивали на нее свои бомбы. И так длилось до рассвета. К утру ночники так изматывали фашистские войска, что нам на протяжении всего дня было уже значительно легче выкуривать их из нор, истреблять или сдерживать натиск превосходящих сил".

В октябре авиация противника произвела 16700 самолето-вылетов через линию фронта, а части и соединения 8-й воздушной армии сделали 11086 боевых самолето-вылетов. В 135 воздушных боях было сбито 110 самолетов противника и 50 уничтожено на его аэродромах.

Тогда противник еще сохранял за собой превосходство в воздухе. Для борьбы с немецкими бомбардировщиками Хрюкин организовал на аэродроме Владимирова засаду истребителей 287-й авиадивизии, которые за период с 14 по 24 октября перехватили и сбили одиннадцать "Юнкерсов-88". Тяжелые потери несли и наши авиаполки. Геройскую гибель молодых летчиков, только что вступивших в бой, Хрюкин переживал особенно тяжело, усматривая в этом недоработки командиров по вводу в строй необстрелянной молодежи.

Но вместе с тем его душа наполнялась гордостью за героев, смело идущих на смерть, когда этого потребовала Родина. Хрюкин не оставлял без внимания первые успехи молодых летчиков, которые проявляли в боях не только юношескую дерзость, но и хладнокровную расчетливость, осторожность и зрелое боевое мастерство.

Приказом по армии от 16 ноября 1942 года он наградил орденами Красной Звезды за храбрость и мужество, проявленные в первых вылетах, молодых летчиков-штурмовиков - старшего сержанта Андрея Васильевича Демехина и сержанта Бориса Семеновича Окрестина, которые впоследствии не раз отличались в боях.

О боевых делах Демехина Хрюкин приказал написать письмо на его родину. Это укрепляло связь тыла с фронтом. В ответ родители Демехина прислали свое родительское напутствие, напечатанное во фронтовой газете "Сталинский воин" 14 декабря 1942 года:

"Дорогой сынок Андрюша!

На днях после работы на общем собрании рабочих завода стали читать письмо из воинской части. И вдруг мы услышали в этом письме о тебе, о твоих боевых делах. Нашей радости не было предела. Мы гордимся тобой. Когда радио сообщило о победах в районе Сталинграда, мы были счастливы, что и ты сражаешься за славный город.

Поздравляем тебя с правительственной наградой и желаем дальнейших боевых успехов.

Обсудив письмо, все рабочие решили еще усерднее трудиться, дать фронту больше оружия, боеприпасов и обратиться к вам, дорогим нашим соколам.

Беспощадно уничтожайте фашистское зверье! Бейте их на земле и в воздухе. Несите на своих стальных крыльях освобождение нашим братьям и сестрам. Продолжайте великое дело разгрома врага.

Никакой пощады немецко-фашистским оккупантам! - вот наш родительский наказ тебе, сынок, и всем твоим братьям по оружию.

Любящие тебя мать и отец Демехины”.

Понятно, что подобные наказания родителей поднимали боевой дух молодых воздушных бойцов, ведущих смертный бой с врагом.

Хрюкин напряженно и творчески работал над новыми тактическими приемами и формами боевого применения авиации. Сам он по этому поводу писал так:

“Наши части по сравнению с тем, какими они были до августа 1942 г., стали неузнаваемыми.

Период борьбы за Сталинград был для них периодом не только ожесточенной борьбы против превосходящего по силам врага, но и периодом выработки и овладения новыми тактическими приемами и формами боевого применения своих самолетов.

В истребительных авиачастях утвердилась и была отшлифована тактика действия парами, ведение воздушного боя на вертикалях, полеты на разведку и на “свободную охоту”, освоена радиосвязь.

В штурмовых авиачастях родилась новая тактика действий с пикирования, бомбометания с низких высот бомбами мгновенного действия, тактика ведения воздушного боя с истребителями противника, прикрывающего штурмовиками мест своего базирования, перехват бомбардировщиков и транспортных самолетов противника, а также ведение “свободной охоты” в армейских и фронтовых тылах, разведки противника и действий в ночных условиях.

В дневной бомбардировочной авиации освоено бомбардирование целей с высот 6-7 тыс. м, ведение разведки с этих высот, нанесение внезапных ударов по железнодорожным станциям массированными группами.

В небывалых масштабах нашли боевое применение ночные легкомоторные бомбардировщики По-2. Была отработана тактика их действий ночью и днем по различным целям. Широкое применение нашел установленный на самолете пулемет ШКАС для обстрела позиций ЗА и пулеметных точек противника, его прожекторов, а неблагоприятных для полета авиации метеословиях и для обстрела пехоты и автотранспор-

та. Хорошие результаты дало применение самолетов По-2 с пулеметами ШКАС для прикрытия катеров Волжской военной флотилии, переправлявших десанты и грузы для 62-й армии, а при закрытии навигации для транспортировки боеприпасов и продовольствия нашим войскам в Сталинграде”.

Особое внимание Т.Т.Хрюкин уделял совершенствованию взаимодействия с наземными войсками, особенно с танками и мотопехотой, и давал следующие указания начальнику штаба ВА:

“1. Проработать в управлениях 8 ВА и штабах АД приказ НКО № 325 от 16.10.42 г. о боевом применении танковых полков, бригад и корпусов.

2. Изучить организацию ТК, Тбр, МК, Мбр и возможности управления авиацией из передового танка по радио. Для чего подготовить специально офицеров и командиров.

Взять один танк и оборудовать его рацией и тренировать. Доложить 25.10.42 г.

Т.Хрюкин. 20.10.42”.

Командование общевойсковыми объединениями фронта давало высокую оценку действиям авиации.

Заместитель командующего Юго-Восточным и Сталинградским фронтами Ф.И.Голиков писал:

“Мужественно дрались с врагами и наши летчики. Обстановка в ходе боевых действий войск фронта заставляла наш ВПУ часто обращаться к командующему 8-й воздушной армией генерал-майору авиации тов. Хрюкину.

Мое знакомство с ним состоялось на фронтовом КП в Сталинграде. Тогда это был молодой тридцатидвухлетний авиационный командир, отличный летчик, человек энергичный и прямой, смелый, никогда не унывающий, хотя обстановка тогда была весьма тяжелой.

Враг располагал крупными авиационными силами и господствовал в воздухе. Силы же 8-й армии были весьма скромными - 249 исправных и 182 неисправных самолета на 1 августа, соответственно 189 и 232 на 1 сентября, 153 и 194 на 1 октября 1942 г. Особенно неблагоприятно было с истребителями. Несмотря на это, наши летчики не щадили ни сил, ни жизни и наносили врагу ощутимый урон: сбили 399 самолетов противника в августе и 319 в сентябре”.

“Наша авиация в боях за Сталинград, - писал генерал армии А.И.Еременко, - работала в необычайно трудных условиях. Эти трудности объяснялись главным образом господством противника в воздухе в начале сражения...

Чтобы представить себе исключительную напряженность боевых действий воздушной армии, достаточно напомнить, что летчики-истребители иногда в течение дня производили по 6-7 вылетов, а штурмовики, дневные и легкие ночные бомбардировщики непрерывно наносили удары по войскам противника...

Летный состав покрыл себя славой бесстрашных бойцов, мастеров воздушных боев и бомбовых ударов”.

В начале ноября 8-я воздушная армия получила большое пополнение, прибыл 2-й смешанный авиационный корпус генерал-майора авиации И.Т.Еременко из резерва Ставки.

Смешанным корпус назывался потому, что в его составе были две истребительные авиадивизии (201-я иад полковника А.П.Жукова и 235-я иад подполковника И.А.Подгорного) и одна штурмовая авиадивизия (214-я шад полковника С.У.Рубанова). Всего в составе авиакорпуса было 236 штурмовиков и истребителей новых типов. Рядовой состав полков был укомплектован молодыми летчиками, а командный состав обладал хорошим боевым опытом.

Так, 235-я истребительная авиадивизия находилась в составе Сталинградского фронта с 12 июня по 21 августа, произвела она за это время 4687 боевых вылетов, 958 воздушных боев и сбила 184 самолета противника; после реформирования, пополнения и обучения она снова вернулась под командование Т.Хрюкина, который приветливо встретил своих старых подчиненных.

К прибывшим командирам, которые впервые попали на Сталинградский фронт, Хрюкин относился с повышенной требовательностью. Учитывая тяжелые условия боевых действий, необходимо было каждому командиру полка и дивизии помочь быстро освоиться с боевой обстановкой. Хрюкин требовал от них личного участия в боях. Командиры полков обязаны были первые боевые вылеты возглавлять в качестве ведущих групп и учить подчиненных личным примером. Это имело важное значение для ввода в строй молодых летчиков, которые составляли основную часть летного состава полков, и предохраняло от неоправданных потерь.

Требовательность и дисциплинированность Хрюкина, естественно, передавались по командной лестнице вниз, и это благотворно сказывалось на порядке и дисциплине в частях и соединениях армии.

7 ноября 1942 года Т.Т.Хрюкин и А.И.Вихорев обратились ко всему личному составу воздушной армии с сердечными поздравлениями в связи с 25-летием Октябрьской революции:

“Мы глубоко убеждены, - писали они, - что фашистская авантюра захватить Сталинград станет могилой для его бандитских полчищ, потерявших под его стенами тысячи танков, самолетов, лучшие отборные дивизии головорезов.

Мы призываем воздушных защитников Сталинграда вместе с нашими наземными войсками удесятерять энергию в уничтожении врага.

Выполнить приказ Родины - отстоять Сталинград. Да здравствуют героические защитники Сталинграда”. 11 ноября противник предпринял последнюю попытку атаковать наши войска в Сталинграде, 62-я армия третий раз была разрезана до самой Волги. На помощь окруженной дивизии И.И.Людникова пришли наши ночные бомбардировщики По-2, они сбросили продовольствие, боеприпасы и медикаменты нашим окруженным войскам.

На великом переломе

20 ноября 1942 года началось контрнаступление войск Сталинградского фронта. Погода не благоприятствовала действиям авиации. Низкая облачность и плохая видимость делали полеты крайне опасными и требовали от летчиков большого мастерства. Немецкая авиация бездействовала, генерал Хрюкин поставил задачу прикрыть наши войска с воздуха, не допустить подхода резервов противника, с этой целью прервать железнодорожное сообщение Котельниково, Абганерово и Обливская - Воропоново. Нарушить систему управления противника в районах Пловитое, Абганерово, Зеты.

До 30 ноября бомбардировщики противника не появлялись над полем боя и только одиночными самолетами вели разведку. Наши летчики благодаря активным действиям стали хозяевами сталинградского неба,

тем самым выполнив требование своего командарма.

В бою летчики не щадили своих жизней и смело шли на огненный таран. 22 ноября летчик 232-го штурмового авиаполка младший лейтенант Александр Дмитриевич Прудников в районе Сталинграда направил свой горящий самолет на скопление техники и войск противника. Комсомольцу из Куйбышевской области было всего 22 года.

24 ноября кольцо окружения замкнулось. Кроме блокады на земле была организована и воздушная блокада окруженных немцев.

Хрюкин выдвинул передовые группы истребителей-перехватчиков с радиостанциями наведения на внешний обвод кольца окружения. Только отдельным группам транспортных самолетов фашистов удавалось прорываться в окруженный Сталинград. За период с 24 ноября 1942 года по 1 января 1943 года было сбито 145 транспортных самолетов и 184 самолета уничтожено на аэродромах противника. В связи с развернувшимся наступлением наших войск Военный совет Сталинградского фронта получил от Михаила Ивановича Калинина письмо “Богатырям Сталинграда”.

Тимофей Тимофеевич с большой теплотой вспоминал встречу с М.И.Калининым, когда из его рук получал медаль “Золотая Звезда” Героя Советского Союза и грамоту Верховного Совета СССР. Было это зимой 1939 года, а запомнился этот день как прекрасный день Весны на его жизненном пути.

Калинин по-отечески тепло и душевно поздравил Хрюкина с наградой и выразил надежду, что еще многие награды украсят грудь молодого летчика-героя.

Читая строки письма Калинина, Хрюкин снова проникся большой благодарностью к “всесоюзному старосте”, который в простых, всем понятных словах, выражал глубокую признательность советского народа защитникам-богатырям Сталинграда: “...Мы сделали большое дело, - писал Калинин. - Три месяца вы стойко боролись и сдерживали вражеские силы на главном направлении их удара. За этот срок вы перемололи много вражеских дивизий и техники. Но не только в этом выражаются ваши достижения.

Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере парализована на остальных участках фронта. В этом - историческая заслуга защитников Сталинграда. Сейчас от обороны вы перешли в наступление...

За операциями сталинградцев следит весь мир... Но самое главное - это то, что наше наступление на Сталинградском фронте принесло величайшую радость народам Советского Союза. Каждое сообщение о победах на фронте с чувством огромного воодушевления переживается нашими людьми от мала до велика. В порыве глубокой признательности они несут вам восторженные пожелания еще больших успехов в нанесении немецко-фашистским войскам новых сокрушительных ударов...

В этом от всей души желаю вам, бойцы, командиры, политработники Сталинградского фронта, полного успеха!"

Эти простые слова были настолько понятны и близки каждому бойцу, проливающему свою кровь на берегах Волги, что Хрюкин просил своего заместителя по политической части А.И.Вихорева и всех политработников и командиров довести эти добрые слова и признательность от имени всех народов Советского Союза до каждого летчика, техника и моториста.

На выручку окруженным войскам немцы бросили танковую группу Манштейна. Первыми обнаружили продвижение танков воздушные разведчики. Создалась крайне напряженная обстановка. Немцам удалось не только остановить, но и потеснить наши войска. Немецкие танки вышли на реки Аксай и Мыкова и находились в 35-40 км от окруженной группировки. На помощь нашей пехоте пришла авиация. Летчики 8-й воздушной армии обрушили мощный удар по танкам и мотопехоте Манштейна.

В эти напряженные дни генерал Хрюкин писал в своем приказе:

"20 декабря - день решающих боев по уничтожению прорвавшейся танковой группировки противника. Военный совет Сталинградского фронта требует от всего личного состава 8-й воздушной армии особо напряженной работы по уничтожению врага с воздуха в тесном взаимодействии с войсками фронта.

Каждый вылет штурмовика, бомбардировщика должен нанести как можно больше поражений врагу".

С 20 по 24 декабря летчики 8-й воздушной армии сделали свыше 1690 боевых самолето-вылетов и сбросили около 10 тысяч бомб. Они помогли войскам 51-й и 2-й гвардейской армий остановить танковые колонны Манштейна и отбросить их на юг.

Маршал Советского Союза А.М.Василевский писал:

"23 декабря группировка Манштейна находилась от окруженных

войск Паулюса всего в 35-40 км. Однако дальше продвинуться оказалась неспособной, 51-я армия вместе с войсками 2-й гвардейской армии при авиаподдержке со стороны отлично работавшей 8-й воздушной армии генерал-майора тов. Хрюкина остановили врага”.

В целях обеспечения высокой боевой эффективности действий авиации в наступлении генерал Хрюкин тщательно проанализировал работу штурмовиков и истребителей на поле боя и в приказе № 0255 от 6 декабря 1942 года дал такие указания:

“...Тактику действия при взаимодействии с атакующей пехотой в предстоящих наступательных операциях на поле боя строить следующим порядком:

1. Для обеспечения успеха пехоты в прорыве обороны противника организовать массированные удары на главном участке прорыва в 2-3 км.

2. За 2 мин. до начала атаки прикрыть поле боя двумя группами истребителей. Первая группа подавляет огневые средства ЗА и ЗП противника бомбами и пулеметно-пушечным огнем, вторая - непосредственно прикрывает штурмовиков и также подавляет систему ЗА. Смену этих групп истребителей производить над полем боя, а прикрытие штурмовиков осуществлять непрерывно в течение всего времени их работы.

3. За 2 мин. до начала атаки пехоты первая группа штурмовиков проходит через передовой наблюдательный пункт воздушной армии, получает по радио последние указания, ведет наблюдение за шириной прорываемого участка и положением переднего края, обозначаемых дымовыми шашками буквой “П” и ракетами по направлению продвижения своих войск. Бомбардировочно-штурмовой удар группа наносит со второго захода (первый заход использовать полностью на изучение обстановки на земле и отыскание цели), пикируя непосредственно перед танками и пехотинцами, идущими буквально в дыму, возникавшем от разрыва своих бомб и снарядов, ломающими оборону противника, захватывающими парализованные очаги сопротивления и непрерывнодвигающимися вперед. К этому времени, через 10 мин. подойдет вторая группа штурмовиков, а за ней третья, четвертая и т.д., которые, видя обозначение переднего края своих войск дымовыми шашками, полотнищами и ракетами, таким же порядком будут штурмовать противника непосредственно перед наступающей своей пехотой и танками. Подобное взаимодействие должно продолжаться в течение часа,

двух и более, пока пехота окончательно не прогрызет всей тактической глубины обороны противника.

4. Главным условием в обеспечении успеха такого взаимодействия является: точность по времени, непрерывность прибывающих штурмовиков на поле боя и резко выраженное обозначение на земле переднего края своих войск.

5. Для исключения удара по своим войскам и достижения высокой эффективности огня необходимо каждому экипажу штурмовика твердое знание:

а) при малейшем сомнении не бомбить, а вернуться на НП командарма и вновь сориентироваться в обстановке. При неясности обстановки и после повторного захода на НП - бомбить запасную цель в глубине расположения противника;

б) действовать решительно и смело, не боясь потерять высоты, ибо ЗА и ЗП подавляются силами истребителей;

в) атаку штурмовикам производить следующим порядком:

- на цель заходить со стороны солнца, перестраиваться в круг (как на полигоне), на высоте 1000-800 м;

- пикировать с углом не менее 20 градусов и не более 30 градусов;

- на высоте 700 м дать прицельную очередь из пушки, затем один залп из "РС";

- на высоте 500 м сбросить первую пару бомб, на высоте 400 м вести пушечно-пулеметный огонь;

- на высоте 200 м выводить самолет из пикирования боевым разворотом в установленную для всех одну сторону;

- набрав на кругу заданную высоту, повторить атаку таким порядком 2-3 раза.

6. Устанавливаемый метод штурмовки заставит противника прижаться к земле и даст возможность своей пехоте с минимальными потерями и смело идти в атаку".

Указания командарма летчики успешно претворяли в жизнь. В приказе № 0252 от 15 декабря 1942 года генерал Хрюкин особо отметил отличное выполнение боевого задания группой 618-го штурмового авиационного полка 214-й штурмовой авиационной дивизии: "8 декабря 1942 г. Военный совет Сталинградского фронта наблюдал атаку шестерки Ил-2 618-го штурмового и отметил высокое мастерство применения штурмовиков на поле боя, исключительно смелые действия и сработанность

всей группы, уничтожавшей врага, как на полигоне. Ведущий группы командир авиаэскадрильи майор А.И.Солдатов, лейтенант В.И.Корсун, сержанты В.Н.Андреев, В.И.Верятин, М.П.Куликов, В.И.Постников.

Эта группа в 14 ч. 20 мин. атаковала артиллерию и мотопехоту противника в районе оврага Песчаная, Старо-Дубовки, каждый летчик сделал от 5 до 7 заходов, снижаясь до высоты 50 м. Уничтожено две артбатареи, 12 автомашин и много пехоты противника.

Действия этой группы штурмовиков вызывали восхищение, пехота в восторге приветствовала летчиков и смело шла в атаку. Это были поистине смелые, исключительно эффективные, правильные действия летчиков, а противник почувствовал, что значит советский "Ил" в умелых руках и при умелом применении.

Что же представляла из себя эта группа? Четыре экипажа: Андреев, Верятин, Куликов, Постников - молодые пилоты, впервые принимающие боевое крещение.

Высокая революционная дисциплина, преданность своей Родине, воспитанная отвага и смелость, хорошая выучка, мастерское владение самолетом и умение правильно применять всю силу его оружия, стремление помочь своей пехоте сломить врага - вот что руководило летчиками в этом боевом ударе по врагу..."

Командиру 618-го авиаполка подполковнику Андрееву была объявлена благодарность, а летчики были представлены к правительственным наградам.

В течение декабря 8-я воздушная армия произвела 6324 боевых самолето-вылета, в 1,5 раза больше, чем авиация противника. Проведено 400 воздушных боев, было сбито 217 самолетов противника и столько же уничтожено на его аэродромах.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И.Еременко высоко ценил Хрюкина за его смелые и решительные действия, твердый характер и большую силу воли: "...Товарищ Хрюкин массировал действия авиации и решительно громил мотомеханизированные войска противника, умело сочетая различные способы боевых действий".

От имени личного состава легендарной 62-й армии генерал-лейтенант В.И.Чуйков обратился к летчикам, инженерам, техникам и младшим специалистам 8-й воздушной армии с открытым письмом, в котором была дана яркая, по-солдатски простая, но в высшей степени точная

характеристика боевой деятельности авиации в Сталинграде и выражена глубокая благодарность летчикам за неоценимую поддержку с воздуха.

В письме, в частности, говорилось:

“Праздную победу, мы не забываем, что она завоевана также и вами, товарищи летчики, штурманы, стрелки, младшие авиационные специалисты, бойцы, командиры и политработники объединения товарища Хрюкина. Те восторженные отзывы о нашей победе, которыми пестрят страницы газет, в равной степени относятся и к вам. С самых первых дней борьбы за Сталинград мы днем и ночью непрерывно чувствовали вашу помощь с воздуха. Даже в те трудные для нас дни, когда враг бросал на Сталинград огромное количество самолетов и имел численное превосходство в воздухе, даже в те дни, в условиях невероятно тяжелой неравной борьбы, при непроходимых заслонах вражеской зенитной артиллерии, летчики Хрюкина бомбили, штурмовали огневые позиции врага, истребляли фашистскую авиацию на земле и в воздухе. Мы не раз изумлялись отваге и умению наших крылатых друзей...

Если требовалось нанести удар на решающем направлении или помешать действию вражеской авиации, мы связывались с товарищем Хрюкиным, и он бросал в дело своих боевых орлов, обеспечивая успешное выполнение наших планов.

Смело, решительно, героически дрались сталинские соколы. За это от имени всех бойцов и командиров армии я выношу им глубокую благодарность”.

Душевное письмо командующего 62-й армией и благодарность солдат-пехотинцев с большим подъемом были встречены в частях и соединениях 8-й воздушной армии.

В Сталинградской битве летчики 8-й воздушной армии под командованием Хрюкина блестяще выдержали тяжелейший экзамен. Фашистская авиация, имевшая в начале сражения двукратное численное превосходство, утратила свое преимущество и потерпела поражение. Господство в сталинградском небе завоевали советские летчики.

Заверения Геринга о том, что немецкая авиация спасет окруженную 6-ю армию Паулюса, были обращены в мираж. Воздушная блокада была такой же прочной, как и на земле. При активной поддержке авиации окруженная группировка немцев была ликвидирована.

В этой победе большая заслуга принадлежит лично генералу Хрюкину, проявившему стойкость, волю, выдержку и незаурядное полковод-

ческое мастерство. Он был отмечен полководческим орденом Кутузова 1-й степени и присвоением звания генерал-лейтенанта авиации.

Радость победы вместе с командующим разделяли летчики и авиационные специалисты армии. Командир штурмовой авиаэскадрильи И.И.Пстыго писал:

“Тов. Хрюкина хорошо знали все летчики армии. Они с большим уважением, душевной теплотой и любовью отзывались о своем командире и старшем товарище. Командарм отдавал им всю свою душу. Буквально ни один удачный или неудачный случай в бою не оставался без внимания командующего, без его всегда справедливой оценки и четких выводов. Хрюкин постоянно испытывал потребность видеть своими глазами, как идут дела в дивизиях и полках. Во многих полках он знал командиров эскадрилий, звеньев, летчиков. В близком знании подчиненных, в общении с ними, в личных беседах Тимофей Тимофеевич черпал уверенность в точном выполнении принятых им решений и, прямо скажем, воздушные бойцы никогда не подводили своего любимого командира, стремились всегда и во всем оправдать его доверие.

Несмотря на колоссальную занятость организацией боевых действий воздушной армии, командующий находил время побывать у летчиков даже в самые напряженные дни, провести разборы боевых вылетов, беседы, посоветовать, как лучше действовать, обобщить накопленный опыт в огне сражений, коллективный опыт воздушных бойцов.

Летчикам, отличившимся в бою, командующий, если позволяла обстановка, объявлял благодарность, вручал награды...”

Во второй половине декабря Т.Т.Хрюкин объявил командиру 273-го истребительного авиаполка майору Б.Н.Еремину решение Военного совета Сталинградского фронта, что ему, как лучшему летчику фронта, саратовцу, поручено получить от саратовского колхозника Ф.П.Головатого подарок - самолет-истребитель Як-1.

“Летите в Саратов, примете от Ф.П.Головатого самолет и будете в нем воевать”, - такое необычное предложение сделал мне Хрюкин, вспоминал Б.Н.Еремин.

В это время в стране возникло большое патриотическое движение, рядовые советские люди отдавали все свои сбережения на приобретение самолетов, танков и другого оружия, на разгром врага. Одним из инициаторов этого движения был саратовский колхозник Ф.П.Головатый, который написал такое письмо:

“Москва, Кремль, товарищу Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Провожая своих двух сыновей на фронт, я дал им отцовский наказ - беспощадно бить немецких захватчиков, а со своей стороны я обещал своим детям помогать им самоотверженным трудом в тылу.

Узнав о Вашей приветственной телеграмме саратовским колхозникам и колхозницам и желая помочь героической Красной Армии быстрее уничтожить немецко-фашистские банды, я решил отдать на строительство боевых самолетов все свои сбережения. Советская власть сделала меня зажиточным колхозником, и сейчас, когда Родина в опасности, я решил помочь ей всем, чем могу.

Все, что я своим честным трудом заработал в колхозе, отдаю в фонд Красной Армии.

15 декабря я внес в Государственный банк 100 тысяч рублей и заказ боевой самолет в подарок защитникам Родины. Пусть моя боевая машина громит немецких захватчиков, пусть она несет смерть всем, кто издевается над нашими братьями, невинными советскими людьми. Сотни эскадрилий боевых самолетов, построенных на личные сбережения колхозников, помогут нашей Красной Армии быстрее очистить нашу священную землю от немецких захватчиков”.

Патриотическому почину Ферапонта Головатого последовали многие миллионы советских людей, которые отдавали “все для фронта, все для победы”, и на фронт полетели тысячи самолетов, построенных на сбережения советских патриотов.

Когда Ферапонт Петрович Головатый пришел в кабинет секретаря Саратовского обкома партии, положил на диван небольшой мешок с деньгами и попросил принять от него заявку на покупку боевого самолета, это предложение было настолько необычным, что о нем немедленно доложили в Москву. Ведь боевое оружие является священной собственностью государства, оно никому не продается. Вскоре из Москвы пришел ответ.

“Колхоз “Стахановец”, Новопокровского района, Саратовской области, колхознику Ферапонту Петровичу Головатому.

Спасибо Вам, Ферапонт Петрович, за Вашу заботу о Красной Армии и ее воздушных силах. Красная Армия не забудет, что Вы отдали все свои сбережения на постройку боевого самолета.

Примите мой привет.

И.СТАЛИН”.

На самолете Ферапонта Головатого Б.Н.Еремин воевал от Сталинграда до полного освобождения Севастополя.

“Хрюкин, прибывая в полк, - вспоминал Б.Н.Еремин, - обычно шел со мной по аэродрому, беседовал и спрашивал: “Ну, как воюешь на “Головатовском” самолете?.. Не увлекайся, поберегись...”

По-отцовски он берег и жалел нас, молодых командиров, требовал тщательной подготовки к каждому полету, удерживал от опрометчивых действий, хотя любил, когда командиры сами систематически летали, лично водили подчиненных в бой, и уважал их за это”.

Одним из молодых командиров полков был майор Степан Дмитриевич Прутков, к которому Хрюкин относился с особым уважением.

В декабре 1942 года Прутков был назначен командиром 504-го штурмового авиаполка. Хрюкин часто бывал в этом полку и постоянно следил за его боевой работой.

На Сталинградском фронте С.Д.Прутков совершил 22 успешных боевых вылета. Еще будучи штурманом авиаполка, водил штурмовиков на выполнение самых ответственных заданий.

Хрюкину импонировали смелость, решительность, военная хитрость, высокая организованность самого командира и дисциплина в боевых порядках на маршруте и в районе цели в группах штурмовиков, которые водил С.Д.Прутков.

Все новые тактические приемы действий штурмовиков Хрюкин проверял в 504-м авиаполку, при активном участии его командира, который как бесстрашный летчик, большой мастер техники пилотирования и воздушного боя, заслуженно пользовался уважением всего летного состава и был образцом новаторства и боевого творчества.

Полк произвел 946 успешных боевых вылетов без единого случая потери ориентировки, и в этом была большая заслуга командира полка.

На представлении С.Д.Пруtkова к званию Героя Советского Союза Т.Т.Хрюкин 7 февраля 1943 года написал:

“Майор С.Д.Прутков является выдающимся летчиком-штурмовиком и командиром, заслуживающим звания Героя Советского Союза”. Это звание Степану Дмитриевичу было присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1943 года.

Подводя итоги боевых действий авиации в Сталинградской битве, командующий 8-й воздушной армией генерал-майор авиации Т.Т.Хрюкин отмечал:

“Удар по немецким войскам под Сталинградом и наше наступление долго будут волновать человечество. В труднейших условиях, в адском грохоте трехмесячной битвы, не прекращавшейся ни на минуту, ни днем, ни ночью, советский народ отстоял свой любимый город. Сталинградская операция многие годы будет привлекать военных историков.

В ней русский боец показал свою безграничную стойкость, советские командиры - свою неугасимую волю к борьбе в самых тяжелых условиях, а советская стратегия привела к успеху в тот момент, когда враг мнил себя на вершине успеха.

8-я воздушная армия работала в тесном контакте с наземными войсками Сталинградского фронта, начиная с прорыва немецких войск на юго-западе и выхода их к городу и кончая нынешним наступлением. Авиация участвовала в изматывании немецких мотомехвойск на подходе к Сталинграду, истощала и обескровливала силы врага при обороне города и, наконец, приняла участие в контрударе.

Крайне напряженные бои летчики вели в районе Котельниково - Абганерово. Массированные удары штурмовиков сыграли очень большую роль.

Группы по 30-40 штурмовиков и 20-30 бомбардировщиков-пикировщиков постоянно воздействовали на противника, заставляли его сосредоточиваться, долго приводить себя в порядок, замедлять движение. Больших усилий стоило задержать противника на девять суток.

Наши войска успели подготовить встречный бой, отбросить немцев и задержать их на позициях южнее города, с которых они не смогли сдвинуться.

В районе Абганерово противник оставил 70 танков, 60 из них были повреждены авиацией. Авиация расстроила боевые порядки немецких танков и подготовила контрудар нашей танковой части.

Успех совместного удара показал нам, какие огромные возможности таятся во взаимодействии танков с авиацией. В наземные войска послали авиационных командиров с радиостанциями. Был составлен план, причем особое внимание было уделено радиосвязи и точному обозначению своих войск. На главнейших участках были созданы пункты управления воздушным боем. Успех операции небольшой группы танков и войск южнее города превзошел все ожидания, наши войска разгромили более сильную по численности группировку и продвинулись больше, чем намечали.

В Сталинграде авиация впервые участвовала в тесном взаимодействии с наземными войсками в уличных боях за отдельные кварталы, улицы и даже дома.

Штурмовики освоили удары с пикирования. Они часто прочесывали отдельные улицы, выметая из них немцев. Эти удары применялись ночью, чему немало способствовала четко налаженная работа рот земного обеспечения самолетовождения...

Ночью бомбардировщики громили скопление войск противника, готовящего атаки днем, бомбардировали склады и ближайшие тылы.

Ночной десант с кораблей проводился при поддержке самолетов По-2, которые отвлекали немцев, создавая шум и изредка бросая бомбы.

Малыми силами истребителей удавалось наносить крепкие удары по немецким бомбардировщикам.

Каждый день и каждый час в условиях большого численного перевеса вражеской авиации наши самолеты по первому сигналу вылетали в бой. Сбито много сотен фашистских самолетов, из них больше 300 истребителей. В каждом вылете приходилось вести многократные воздушные бои. Правда, мы абсолютно царили в воздухе ночью, и королями воздуха здесь были легкие ночные бомбардировщики По-2. Некоторым мотомехчастям были приданы авиаподразделения, которые они могли вызывать на поле боя.

Накануне наступления наших войск пикировщики нанесли удар не в тех направлениях, где готовился прорыв. Это ввело в заблуждение немцев. Внезапность оказалась значительно выгоднее, чем длительная обработка участка прорыва как с земли, так и с воздуха.

Благодаря внезапности в течение буквально нескольких часов была разгромлена дивизия противника, взято 3 тыс. пленных, а наши войска продвинулись на 40 км.

К исходу второго дня танки вышли в глубокие тылы немцев. В самый момент прорыва и в его развитии большая роль отводилась авиации.

Туманная погода сковала действия авиации, немцы сделали всего несколько вылетов. У нас работали группы "охотников" штурмовиков и истребителей. Главная их задача была разведка, в ней участвовали и самолеты По-2. Продвижение войск было настолько быстрым, что создалась угроза отставания авиации. Неприкрытые наземные войска с воздуха в открытой степи могли быть легко остановлены противником.

Наша авиация громила узлы сопротивления немцев. Штурмовики и бомбардировщики летели впереди танков и кавалеристов. Они рассчитали им путь и сообщали, что делается впереди.

Рации наведения оповещали о воздушной обстановке и вызывали самолеты в нужную минуту на поддержку наземных войск...”

Из этих слов видно, какое значение придавал командующий армией вопросам взаимодействия и внедрения радиосвязи в управление авиацией в Сталинградской операции.

За период Сталинградской битвы 8-я воздушная армия произвела 55227 боевых самолето-вылетов, в том числе непосредственно на поддержку наземных войск 30197, то есть более половины, сбросив свыше 465 тысяч бомб.

Состоялось 1187 учтенных воздушных боев, в которых было сбито 1200 немецких самолетов и 470 самолетов уничтожено на его аэродромах.

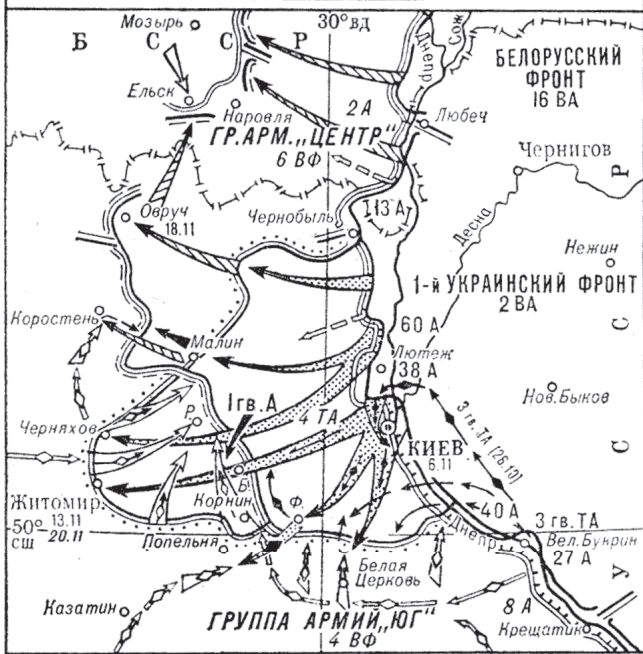
Большие потери понесла и 8-я воздушная армия: 1300 самолетов и 1116 летчиков, из них 1036 человек погибли в боях и не вернулись с боевого задания. За доблесть, мужество и самоотверженные действия в боях под Сталинградом 1069 летчиков и техников 8-й воздушной армии были награждены орденами и медалями, а двадцати пяти из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пяти авиадивизиям и пятнадцати авиаполкам армии было присвоено звание гвардейских, кроме того, семнадцать авиаполков, входивших в состав армии в отдельные периоды Сталинградской битвы, были награждены гвардейскими знаменами.

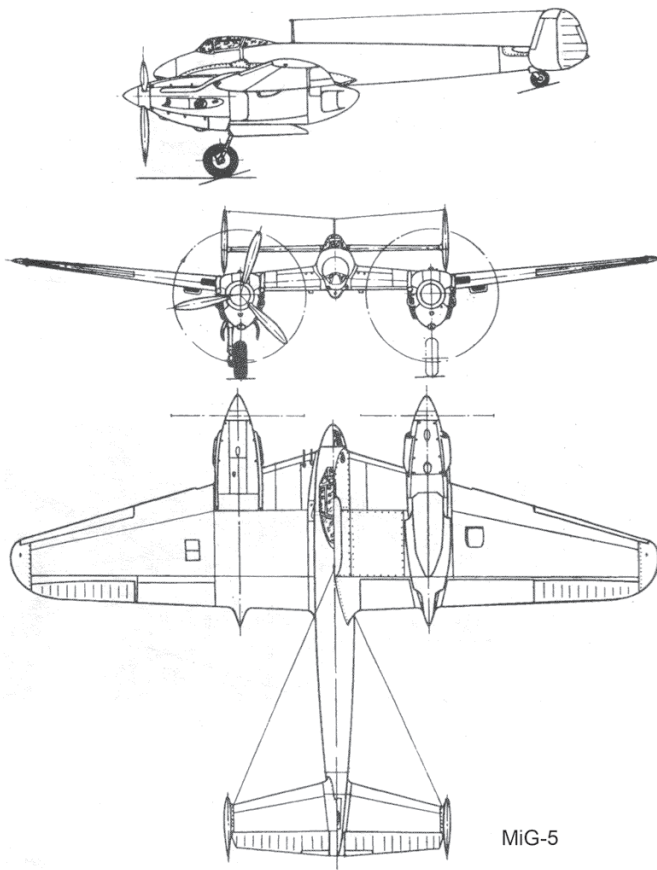
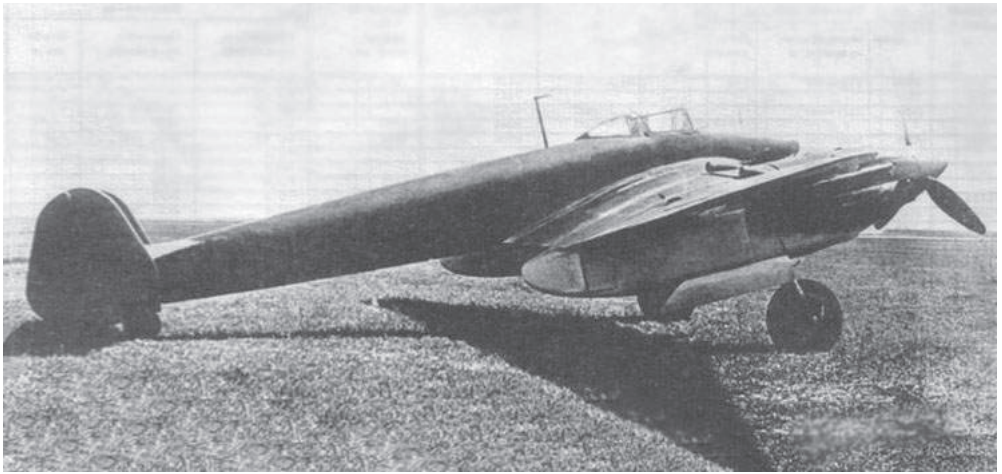
Один авиационный корпус, три авиационные дивизии и восемь авиационных полков получили почетное наименование - “Сталинградских”.

КИЕВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ (3–13 ноября) и ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ (13 ноября–22 дек.) ОПЕРАЦИИ 1943 г.

50 0 50 100 км

- Линия фронта к исходу 2 ноября
 - Направления ударов советских войск 3–13 ноября
 - ⇄ Контрудары немецко-фашистских войск 8–13 ноября
 - Линия фронта к исходу 13 ноября
 - Направления ударов советских войск 14–30 ноября
 - ⇄ Контрнаступление немецко-фашистских войск 15 ноября–22 декабря
 - Контрудары советских войск 25–30 ноября
 - Линия фронта к исходу 22 декабря
- Сокращения: Б.—Брусилев, Р.—Радомышль, Ф.—Фастов

MiG-5

На Южном (Украинском) фронте

Курсом на запад

В течение января 1943 года войска Южного фронта вели успешные наступательные действия по освобождению Северного Кавказа, прошли 150-200 километров и передовыми частями достигли Батайска. Наша бомбардировочная и штурмовая авиация уничтожала танки, артиллерию и живую силу противника в районе Зимовники - Сальск, на реках Сал и Маныч, оказывая содействие наземным войскам.

Немецкое командование контратаками механизированных частей пыталось удержать коридор для выхода своей северокавказской группировки через Ростов-на-Дону.

Против войск Южного фронта противник сосредоточил до 400 самолетов, главным образом бомбардировщиков, которым успешно противодействовала 8-я воздушная армия, имевшая в своем составе 640 самолетов.

В целях ослабления авиационной группировки противника Т.Т.Хрюкин организовал удары по аэродромам немецких захватчиков в Сальске, Батайске, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Шахтах.

Так, 9 января был нанесен успешный удар по аэродрому противника в Сальске, где скопилось до 150 самолетов, в том числе транспортные "Юнкерс-52".

Командир 622-го штурмового авиаполка майор И.А.Емельянов и командир 236-го истребительного авиаполка капитан С.М.Петухов тща-

тельно подготовили группу из семи Ил-2 и семи Як-1, ведомую командиром АЭ капитаном И.Бахтиным, которая произвела внезапный налет на аэродром.

В течение 15 минут было произведено шесть заходов. Штурмовики с высоты 400 м сбросили бомбы, а РС-ами, пушечным и пулеметным огнем вместе с истребителями сопровождения расстреливали самолеты на земле. Было уничтожено и повреждено 72 вражеских самолета.

Во время штурмовки истребители провели бой с четырьмя “Мессершмиттами-109”, одного из них сбил старший лейтенант М.С.Липин.

Одного “Юнкерса-52” и одного Ме-109 сбил в воздухе заместитель командира эскадрильи 622-го штурмового авиаполка старший лейтенант Г.М.Мордовцев, а воздушный стрелок сержант А.М.Светлишнев из турельного пулемета расстрелял пытавшийся взлететь “Мессершмитт-109”.

Для обеспечения тесного взаимодействия в бою штурмовики и истребители базировались, как правило, на одном аэродроме, что позволяло им совместно готовиться к полету и иметь полную договоренность в действиях на маршруте и над целью.

В полете истребители бдительно наблюдали за воздухом, своевременно отражали атаки самолетов противника и участвовали в штурмовках целей, если позволяла обстановка.

В Сальских степях летчикам трудно было вести ориентировку, и в этом штурмовики и истребители оказывали помощь друг другу. В воздухе шли ожесточенные бои с вражеской авиацией.

Истребители смело вступали в бой с численно превосходящим противником и выходили из этих боев победителями. В феврале они провели 125 воздушных боев и сбили 78 самолетов противника.

Так, 2 февраля восьмерка Як-1 под командованием командира авиаэскадрильи 9-го гвардейского истребительного авиаполка старшего лейтенанта А.В.Алелюхина провела воздушный бой с восьмью Ме-109 и тремя Ме-110. Летчики сбили два Ме-109 и один Ме-110. В это же день два истребителя (капитан П.П.Дзюба и старший лейтенант И.Д.Леонов) встретили двенадцать бомбардировщиков противника “Хейнкель-111” и два из них сбили. Большое боевое мастерство, смелость, настойчивость и упорство проявляли истребители, летая на разведку в плохую погоду. Они обнаруживали важные цели, снижаясь до бреющего полета, и доставляли ценные разведданные.

22 февраля семь Ил-2 и шесть Як-1 под командованием командира авиаэскадрильи 806-го штурмового авиаполка капитана С.И.Лобанова совершили внезапный налет на аэродром противника в Таганроге. В результате налета было уничтожено и повреждено одиннадцать самолетов “Хейнкель-111”. Два “хейнкеля” и один “юнкерс” пытались взлететь, но были сбиты воздушными стрелками старшими сержантами Головкиным, Панкратовым и сержантом Царевым.

В тот же день четверка истребителей 9-го гвардейского истребительного авиаполка под командованием заместителя командира авиаэскадрильи гвардии старшего лейтенанта Е.П.Дранищева провела успешный воздушный бой с двадцатью пятью бомбардировщиками и семью истребителями противника. Четыре дрались против тридцати двух! В результате боя гвардии младшие лейтенанты И.Г.Борисов и И.Я.Сержантов сбили два бомбардировщика противника.

Активное участие в освобождении Ростова-на-Дону приняли экипажи самолетов По-2. Они бомбили и обстреливали артиллерийские позиции противника, наносили удары по отходящим войскам противника на железнодорожных станциях Ростов, Таганрог, Ряженое.

Используя плохую погоду, они незамеченными проникали в тыл противника и добывали ценные разведданные.

Так, 24 января в населенных пунктах Егорлыкская, Манычская они обнаружили колонну танков противника, а в Батайске установили скопление до 300 автомашин, в пунктах Буденновский и Сухой насчитали до 100 танков.

В связи с частой сменой аэродромов базирования и значительным удалением их от баз снабжения (до 300 км) материально-техническое обеспечение авиачастей проходило с большими трудностями. Хрюкину пришлось много времени уделять вопросам взаимодействия тыла и инженерно-авиационной службы с боевыми подразделениями.

По его инициативе был организован высококачественный ремонт автомашин частей армии. Широкое распространение получило рационализаторское движение среди автомастеров, что позволило значительно продлевать сроки службы автомобилей и отдельных агрегатов и деталей.

Главной заботой Хрюкина являлось поддержание боеспособности авиачастей и высокого уровня подготовки боевого состава армии.

После напряженных сталинградских боев авиационные полки 270-й бомбардировочной, 206-й и 226-й, 289-й штурмовых и 287-й истреби-

тельной дивизий были выведены в армейский резерв и активных боевых действий не вели. В авиачастях развернулись работы по ремонту и восстановлению авиационной техники. На аэродроме Сальск было собрано около 500 неисправных самолетов, и в короткий срок силами заводских бригад и инженерно-авиационной службы армии более 300 из них было восстановлено. Так, техник звена техник-лейтенант Антонов вернул в строй 13 боевых самолетов. Боевой состав армии насчитывал в это время 646 самолетов.

С большим патриотическим подъемом в частях и соединениях 8-й воздушной армии проходила работа по сбору средств на постройку эскадрилий боевых самолетов.

Т.Т.Хрюкин и его заместитель по политической части А.И.Вихорев обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой:

“Летчики и техники, бойцы и командиры частей 8-й воздушной армии Южного фронта, воодушевленные Вашей похвалой за героическую защиту Сталинграда, в неудержимом боевом порыве, в тесном взаимодействии с наземными войсками успешно продвигаются вперед. Нанося ежедневно уничтожающие удары по немецко-фашистским захватчикам, личный состав армии с энтузиазмом подхватил инициативу патриота Ферапонта Головатого, самолет которого находится в нашей армии и пилотируется лучшим летчиком гвардии майором Б.Н.Ереминым, и вносит свои сбережения на постройку новых эскадрилий боевых самолетов. За несколько дней собрано наличными 3032100 рублей. Сбор средств продолжается. Личный состав армии просит на собранные средства построить эскадрилью боевых самолетов “Сталинградец”.

3 февраля на должность начальника штаба 8-й воздушной армии прибыл полковник Иван Михайлович Белов. До этого он был начальником штаба 7-й воздушной армии, служил в Генеральном штабе, был на военно-дипломатической работе.

Прибытие нового начальника штаба армии Хрюкин воспринял с большим удовлетворением, между ними установились деловые, дружеские отношения.

Командование армией во главе с Хрюкиным работало дружно и целеустремленно, проявляя большую заботу о подчиненных соединениях и, в частности, настойчиво добивалось заслуженных наград и почетных званий для авиадивизий и полков, участвовавших в Сталинградской битве.

18 марта 1943 года приказом наркома обороны № 128 за проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 268-я истребительная, 226-я штурмовая и 272-я бомбардировочная авиадивизии были преобразованы соответственно в 6-ю, 1-ю и 2-ю гвардейские авиационные дивизии.

Военный совет Южного фронта поздравил личный состав дивизий и выразил уверенность, что гвардейцы-летчики и впредь будут беспощадно громить немецких захватчиков. Весной 1943 года немецкие войска закрепились на заранее подготовленных позициях на правом берегу реки Миус. Фашисты всю свою бомбардировочную авиацию с аэродромов Крыма и Донбасса бросили на Батайск и Ростов-на-Дону, где сходились железнодорожные линии из Сталинграда, Баку и Краснодара.

На Ростов и Батайск одновременно налетали сотни “юнкерсов” под прикрытием “мессершмиттов”.

Так, с 20 по 31 марта противник произвел шесть массированных налетов на Батайск, Ростов и переправы через Дон, в которых участвовало свыше 250 бомбардировщиков и 90 истребителей.

Только 25 марта произошло 15 воздушных боев, в результате которых сбито 18 самолетов противника.

27 марта в налете на Батайск и Ростов участвовало 77 бомбардировщиков и 25 истребителей противника, 31 марта массированный налет повторился.

Генерал Хрюкин лично руководил воздушной обороной Ростова-на-Дону и Батайска. Весь район был разделен на несколько воздушных зон, которые были закреплены за авиадивизиями истребителей. Наши истребители надежно прикрывали с воздуха наземные войска и двали надежный отпор авиации противника. В одном из воздушных боев над Батайском, в котором участвовали с обеих сторон свыше 200 самолетов, наши истребители одержали полную победу. В этом бою летчики только 9-го гвардейского истребительного авиаполка уничтожили 16 самолетов противника. Всего в марте - апреле было проведено 105 воздушных боев и сбито 98 самолетов противника.

Герой Советского Союза Л.А.Шестаков, разбирая уроки четырех воздушных сражений над Ростовом-на-Дону, писал: “Советские летчики не отдадут врагу боевой инициативы и победят”.

1 мая 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР большой группе летчиков 8-й воздушной армии было присвоено звание Героя Советского Союза, среди них: А.И.Бородину, Н.Е.Глазову, Г.С.Данилову, В.С.Ефремову, А.Ф.Ковачевичу, В.Д.Лавриненкову, А.А.Приказчикову, А.М.Решетову, М.И.Смильскому, Я.Н.Топоркову, Ф.В.Тюленеву.

Командарм Т.Т.Хрюкин 15 мая лично вручил ордена Ленина и медали “Золотая Звезда” Героям Советского Союза 74-го гвардейского штурмового авиаполка С.Д.Пруткову, А.И.Бородину, М.И.Смильскому, Ф.В.Тюленеву и командиру авиаэскадрильи 10-го гвардейского бомбардировочного авиаполка В.С.Ефремову.

На войне порою было не до парадов, и торжество вручения прошло просто и строго. Но никто из пятерых летчиков никогда не забудет этого дня и того, кто вручал им знаки высшей награды. И слова любимого командарма, на груди которого тоже горела Звезда Героя Советского Союза: “Выше награды, чем звание Героя Советского Союза, нет ни у нас, ни в каком-либо государстве. Герой Советского Союза - это воин самого высшего класса, это - человек личной отваги и бесстрашия...”

Сердечно поздравив Героев, Тимофей Тимофеевич выразил уверенность в том, что они еще выше поднимут свое воинское мастерство, будут гордо нести великую честь и славу Героев.

В приказе по армии генерал Хрюкин объявил командира авиаэскадрильи 74-го гвардейского штурмового авиаполка Героя Советского Союза капитана М.И.Смильского лучшим летчиком-штурмовиком Южного фронта.

В майские дни бойцам, командирам и политработникам Южного фронта пришло письмо от трудящихся Сталинграда, которое Хрюкин приказал опубликовать в армейской газете и широко распространить среди личного состава.

В письме к воинам Красной Армии героям-сталинградцам, опубликованном в газете “Сталинский воин” 2 мая 1943 года, в частности, сказано:

“...Воины Южного фронта! ...Будьте же сталинградцами до конца! Будьте стойкими, бесстрашными и нестигаемыми, как в дни обороны нашего города.

С честью продолжайте славные боевые традиции Сталинграда!

...Пусть ширится громкая слава о мужестве и доблести воинов-сталинградцев, верных сынов советской Отчизны.

Секретарь обкома ВКП(б) А.Чуянов.
Председатель облисполкома И.Зименков”.

Хрюкину было очень приятно получить первомайское приветствие от своего земляка А.С.Чуянова, под руководством которого он в двадцатых годах начинал свою жизнь в комсомоле. Как только наши войска освободили Ейск, Хрюкин вылетел на свою родину, чтобы организовать там аэродром “подскока” с целью блокировать полеты самолетов и движение кораблей противника в Таганрогском заливе. В полетах на легком тренировочном самолете Хрюкин оттачивал свою технику пилотирования. Уже будучи командующим армией, он часто летал на самолете По-2, иногда любил пройти бреющим полетом, испытать острые ощущения, когда под самолетом мелькают хаты, кусты и нужно перескакивать внезапно появившееся препятствие. Законы летной службы обязательны для каждого летчика, нарушать их никому не дозволено. Поэтому в полетах Хрюкин был достаточно строг и осторожен, так же, как строг и требователен был к себе и другим на земле.

Пролетая над родными местами, он видел разрушенные станицы когда-то цветущей Кубани. У него сердце кровью обливалось за поруганную родную землю.

Родных ему повидать не пришлось. Побывал он в станице Привольной, где прошло его детство. Теперь все вокруг опалено войной. Преступления фашистских захватчиков на русской земле вызывали страдание, гнев и возмущение.

В короткие сроки в Ейске был восстановлен аэродром, на него были посажены штурмовики, истребители и ночные бомбардировщики, которые начали осуществлять полеты на “охоту” на Азовском море, топить немецкие суда и сбивать самолеты противника, которые летали между Таганрогом и Керчью.

Командарм встретился на аэродроме с летчиками, рассказал им о своем родном крае и призвал усилить удары по врагу.

Штурмовики-”охотники” 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии с аэродрома “подскока” Ейск за семь групповых вылетов потопили в Таганрогском заливе четыре буксира, четыре сторожевых катера, три шхуны, баржу и пять моторных судов с войсками противника, не потеряв ни одного своего экипажа.

С 6 по 8 мая по плану Ставки ВГК проводилась воздушная операция шести воздушных армий с целью уничтожения авиации противника на аэродромах. В подготовке этой операции активное участие принимало командование 8-й воздушной армии и лично Т.Т.Хрюкин. Утром 6 мая был нанесен массированный удар по 17 вражеским аэродромам, три из которых атаковали части 8-й армии. Днем 6, утром 7 и 8 мая состоялись повторные налеты. Всего за операцию было уничтожено и выведено из строя 506 вражеских самолетов. Застигнутый врасплох противник не смог оказать организованного противодействия. Часть аэродромов, где базировались гитлеровские истребители, была заблокирована с воздуха, что не позволило вражеским самолетам взлетать для отражения ударов советских бомбардировщиков и штурмовиков. Большую роль в успехе операции сыграла воздушная разведка, которая заблаговременно вскрыла базирование и состав немецкой авиации.

По совету генерала Хрюкина один из выдающихся воздушных бойцов армии, командир 9-го гвардейского истребительного авиаполка Герой Советского Союза гвардии подполковник Анатолий Афанасьевич Морозов выступил со “Словом перед боем”, вселяя уверенность в своих подчиненных:

“Перед боем думается о смерти. Я бы сказал неправду, если бы стал доказывать, что мне безразлично - жить или умереть. Мне, как и каждому, хочется жить, даже очень хочется жить!

Я узнал счастье битвы, счастье победы, счастье славы, заслуженной подвигом. И разве могу после всего этого легко отдать свою жизнь врагу? Но и страха смерти у меня нет, потому что смерть за свой дом, за свой народ, за свою землю означает бессмертие. Потому что родное небо, в котором сражаемся мы, такое хорошее, такое глубокое и голубое, что в нем и умереть не страшно.

Я горжусь, что родился на русской земле, что родила меня русская женщина, что родной мой язык - русский, тот, на котором разговаривали Пушкин и Ленин.

Я горжусь, что я - русский советский летчик, представитель той авиации, с которой связаны имена Жуковского и Нестерова, Циолковского и Чкалова. Я горжусь, что сражаюсь в русском небе, за русскую землю, за русских людей.

Я горжусь, что если паду в бою, то прах мой примет русская земля, а родной ветер из края в край разнесет весть о последнем моем подвиге.

...Остается четверть часа до взлета боевых машин. Сейчас я взлечу первый, а за мной испытанные боевые друзья - И.Г.Королев, П.Я.Головачев, Амет-Хан Султан, А.В.Алелюхин, А.Ф.Ковачевич, сражавшиеся, как львы, в небе Одессы и Сталинграда, не раз побеждавшие саму смерть.

Я верю, что мы победим и сегодня, так легко и хорошо у меня на душе..."

13 мая 1943 года авиация противника усилила налеты на аэродромы 8-й воздушной армии. Для отвлечения авиации противника строили ложные аэродромы, которые располагались в 4-8 километрах от действовавших. На этих аэродромах разыгрывали активную летную работу; включали стартовые огни, имитировали взрывы, пожары; в результате противник сбросил на них в десять раз больше бомб, чем на боевые.

Вручая боевые награды смельчакам 372-го батальона аэродромного обслуживания, которые, работая на ложном аэродроме, приняли на себя свыше 500 немецких бомб, генерал Т.Т.Хрюкин говорил:

"Наша страна и весь народ гордится такими воинами, как вы, и высоко ценит их боевую доблесть. Вы делали на первый взгляд скромное, маленькое дело. Но вы умело обманывали врага, отвлекая удары от наших боевых аэродромов".

Среди этих смельчаков были старший сержант Денис Ковтун, ефрейтор Евгений Кузьменко, красноармейцы Дмитрий Шурма и Петр Яковчук.

С помощью партийных и комсомольских организаций командование воздушной армии умело поднимало весь личный состав на героические подвиги во славу социалистической Родины. Командующий армией Т.Т.Хрюкин глубоко вникал в политико-воспитательную работу, поддерживал близкие, товарищеские отношения со своим заместителем по политической части и активно участвовал в партийно-политических мероприятиях.

Так, на партийной конференции 6-й гвардейской истребительной авиадивизии, развивая мысль о роли политработника в деле воспитания боевого духа летчиков, он говорил:

"От моральной подготовки в бою, от силы воли зависит поведение воздушного воина в бою. Все наши политработники, независимо от того, летают они или нет, должны серьезно и настойчиво заниматься воспитанием летчиков. Специфика авиации предполагает, что часть командиров и политработников подразделений не входит в боевой расчет, но это не

значит, что эти командиры и политработники лишены авторитета и влияния на летный состав. Это - вредное, никчемное мнение. Командиры и политработники - доверенные люди партии и правительства, люди, наделенные огромными правами. И от них самих, от их умения командовать и руководить зависит их боевой авторитет.

Политработники обязаны воспитывать в летчике высокий моральный дух. Наш летчик не должен теряться при встрече с вражескими истребителями. В полете он должен быстро, четко, спокойно решать, как лучше выполнить поставленную перед ним боевую задачу. Боец высокой моральной силы умеет трезво оценить обстановку, у него хватит времени проверить, где он летит, посмотреть за воздухом; боец же, слабо подготовленный морально, много в воздухе не замечает. Он едва успевает проверить курс, как незаметно для себя пролетит железнодорожный или водный рубеж, не успеет осмотреться, как его уже атакуют "мессершмитты".

Для такого летчика все кажется внезапным, неожиданным, а потому и опасным.

Нужно воспитывать в летчике стойкость, упорство, веру в свой самолет, в свое оружие, в свои силы.

Это большая и почетная задача политработников, партийных и комсомольских организаций".

Подобные указания и советы командующего армией имели важное значение для целенаправленной работы партийных и комсомольских организаций, командиров и политработников. Большое значение имели также личные встречи и беседы командующего армией с летным составом. Об одной такой беседе армейская газета "Сталинский воин" писала так: "На аэродром приехал генерал. Он приехал, чтобы побеседовать с летчиками о боевых делах полка.

Такие беседы надолго остаются в памяти людей. Каждый летчик чувствует в своем старшем собеседнике и большого опытного командира, и человека простой солдатской души, располагающего к себе, заставляющего высказать самые сокровенные думы и чувства.

Если бы возраст генерала позволил (командарму шел всего тридцать третий год. - В.К.), можно было бы сказать, что это отец ведет со своими сыновьями интересную душевную беседу. Больше трех часов шла эта беседа.

Она коснулась роли ведущего и ведомых, взаимной выручки в бою...

- Основной закон нашей боевой жизни, - говорил командарм, - это закон взаимной выручки в бою.

В самой трудной и тяжелой обстановке ведущий должен заботиться о своем строе. Он должен органически чувствовать своего ведомого, а летчики, идущие в строю, должны твердо знать свое место, оберегать своего ведущего и ни при каких атаках вражеской авиации не шарахаться в сторону, не разбивать строя.

Тот, кто нарушает этот суровый закон войны, кто убегает из боя, спасая свою шкуру, и оставляет товарищей в беде, тот предает своих друзей, предает Родину, тот достоин презрения. И нет ему места ни в наших рядах, ни в жизни... Надо глубоко анализировать каждый свой вылет, строго учитывать указания командира, глубоко продумывать, прочувствовать все свои слабые стороны. После каждого полета должен увеличиваться и практический, и теоретический багаж летчика. Летчик должен повседневно работать над собой, держать всего себя, все свои мысли строго собранными. Это поможет в самой сложной обстановке принять быстрое и правильное решение. Надо постоянно упражнять свой мозг. Недаром летчики любят шахматы. Игра в шахматы в часы досуга очень полезная вещь...

От опытного взгляда командира не ускользнули и вопросы жизни и быта летчиков, организация их досуга.

- Вы же все молодой народ, цвет нашей страны, - сказал он, - а живете иногда скучно, подчас не находите себе занятий. Почему бы вам в свободное от полетов время не сыграть в волейбол, футбол, городки, искупаться, принять душ. Надо стряхнуть "пыльцу", иногда оседающую и на молодого человека. Надо жить веселее, рано вам записываться в старики! Жить будем веселее, врага будем бить крепче. Разве можно нашу молодежь сравнить с гитлеровскими ублюдками?

...Она, наша молодежь, сильная, красивая и телом, и духом. Она должна быть еще более закаленной. Она должна вызывать законную, обоснованную гордость у всех нас.

Мы били, будем бить фашистских гадов, сильно будем бить. К грядущим боям надо крепко готовиться. Нельзя хорошо воевать, нельзя побеждать врага, если не добиться строгой дисциплины и в воздухе, и на земле".

Летом на Южном фронте шли ожесточенные бои. Командующий 8-й воздушной армией генерал Т.Т.Хрюкин, руководя боевыми действиями

авиации над полем боя, имел возможность в любой момент вызвать с аэродромов эскадрильи истребителей для отражения налета противника и прикрытия своих войск, а по запросам пехотинцев, танкистов и артиллеристов направить штурмовиков и бомбардировщиков на наиболее важные для них цели.

Развернутая система управления, состоящая из радиостанций наведения и целеуказания, авиационных представителей и авианаводчиков, находившихся на переднем крае, обеспечивала четкую и непрерывную информацию летчиков о воздушной и наземной обстановке, позволяла осуществлять массированные действия авиации и достигать постоянного превосходства в воздухе.

Радиостанции, осуществляя целеуказания, ориентировали ударные группы штурмовиков и бомбардировщиков в наземной обстановке, предупреждая их о продвижении и перемещении своих войск, что имело очень важное значение при маневренных действиях в ходе наступления.

Большой ущерб нашим войскам наносила вражеская артиллерия, огонь которой корректировали с воздуха самолеты типа “фокке-вульф”. Уничтожение самолетов-корректировщиков было важным, но не простым делом - и в этом большую помощь летчикам оказывали радиостанции наведения.

На сопке, с которой в ясный день простым глазом хорошо просматривается передний край обороны противника, располагалась одна из таких радиостанций наведения. Рация, так же, как на передовой линии фронта, тщательно замаскирована. Неопытному глазу все здесь кажется безлюдным и пустынным. Раннее утро влажно после ночного дождя. Ибо очистилось от облаков. Неожиданно воздух наполняется шумом моторов. Над нашими головами появляется немецкий разведчик-корректировщик ФВ-189, предвестник артиллерийского обстрела. В ту же минуту в эфир несутся сигналы:

- Я “Прицел-3”, в моем районе курсом 90, на высоте 1 тыс. м появился корректировщик. Сигнал принят на аэродроме гвардейской истребительной авиачасти.

Через несколько минут с запада приблизился шум моторов, и острый глаз авианаводчика различил в небесной синеве пару истребителей. Летчики хорошо знают тактику врага. Они должны отрезать фашистскому разведчику путь к отступлению и поэтому заходят в район рации наведения со стороны противника. Истребители всту-

пают в связь по радио и получают немедленный ответ: “Рама” слева ниже вас, атакуйте”.

Развернувшись, истребители стремительно идут на сближение с врагом. На радиостанции наведения, затаив дыхание, ожидают развязки боя.

Немецкий разведчик не ожидал наших истребителей на западе. Он продолжал спокойно высматривать цели на земле. Но вот наши истребители уже совсем рядом с ним. ФВ-189 резко развернулся вправо, стараясь уйти из-под удара. Но уже поздно. Один из “яков” подошел к нему почти вплотную и дал очередь из пулеметов. “Рама” задымила и резко пошла на снижение. Истребитель не оставлял свою жертву и провожал ее, пока не убедился в том, что фашисты врезались в землю.

“Як-1” сделал последний круг над местом падения врага и взмыл вверх к своему товарищу, который во время атаки оберегал своего ведущего от возможного нападения “мессеров”. Истребители направлялись домой. Вместе с летчиками их победу торжествовали пехотинцы и артиллеристы - свидетели справедливой кары над врагом.

Освобождение Донбасса

В июле войска Южного фронта, в соответствии с общим замыслом Ставки Верховного Главнокомандования, перешли в наступление на “Миус-фронте”, с тем чтобы отвлечь часть немецких сил с Курской дуги и начать освобождение Донбасса.

Развернулись ожесточенные бои. Летчики 8-й воздушной армии, бомбардируя и штурмуя немецкие позиции, прокладывали путь нашим танкам и пехоте.

По правому берегу реки Миус тянулись линии траншей, железобетонные и деревянные укрепления, минные поля, проволочные заграждения и противотанковые рвы противника. Ударами с воздуха летчики помогали взламывать оборону фашистов.

Командование одного из наземных соединений прислало генералу Т.Т.Хрюкину телеграмму такого содержания:

“Мы не наблюдали на войне лучшего, чем действия авиации 17 и 18 июля 1943 г., действия настойчивые, решительные, точные. Поздравляем”.

Командир 4-го гвардейского механизированного корпуса писал 18 июля 1943 года:

“Сегодня в действиях наших штурмовиков мы видели все лучшее, что могли видеть с начала этой войны”.

22 июля Военный совет фронта наградил орденами шесть экипажей 75-го гвардейского и 655-го штурмового авиаполков за постановку дымовых завес под шквальным огнем противника. Дымовую завесу летчики ставили с высоты 15-20 метров и обеспечили танкам захват важных рубежей на участке Криничка, Семеновский. Летчики-штурмовики показали исключительную самоотверженность и храбрость, презрение к смерти и жгучее стремление уничтожить врага.

Оборона немецких войск “Миус-фроте” была прорвана.

Однако немецкому командованию удалось перебросить с белгородского направления три танковые дивизии, сосредоточить до 600 танков и при поддержке авиации перейти в контрнаступление с целью восстановить свое прежнее положение по западному берегу реки Миус.

Количество самолето-пролетов противника с пятисот на 18-19 июля возросло в четыре раза на 30-31 июля.

Наша авиация активно действовала по подходящим резервам противника.

Истребители при хорошем взаимодействии пар меньшим числом вели успешные воздушные бои с превосходящим противником и выходили победителями. Непрерывная воздушная разведка, которую вели истребители 31-го гвардейского авиаполка, позволяла командованию своевременно вскрывать перегруппировку крупных сил противника, подход его резервов и подготовку контратак.

19 - 22 августа массированными ударами авиация помогла наземным войскам отбить контратаки противника с Саур-Могильского плацдарма. Штурмовики разгромили танковые колонны 13-й немецкой дивизии и обеспечили продвижение 4-го гвардейского мехкорпуса на юго-запад в обход таганрогской группировки противника.

В ночь на 27 августа 44-я армия, 4-й кавалерийский и 4-й механизированный гвардейские корпуса начали наступление на Таганрог, их продвижение обеспечивали ударами с воздуха части 8-й воздушной армии.

Штурмовики и бомбардировщики нанесли удар по Таганрогу и по вражеским судам, которые были подготовлены для эвакуации немцев из города. В результате согласованных действий авиации с конниками, танкистами и моряками 30 августа Таганрог после решительного штурма был освобожден.

А.М.Василевский писал: “В результате совместных действий 44-й армии В.А.Хоменко, наступавшей прямо на Таганрог, при помощи 4-го гвардейского механизированного корпуса и 4-го гвардейского кавкорпуса, обходивших город с севера и северо-запада, и при участии авиации 8-й воздушной армии Т.Т.Хрюкина и кораблей, высадивших десант, 30 августа наши войска взяли Таганрог, окружили к северо-западу от него остатки вражеских войск, оборонявшихся на реке Миус, и 31 августа ликвидировали их...”

Ростовская область была полностью освобождена. Ростовский обком ВКП(б) и областной Совет депутатов трудящихся обратились с письмом к личному составу 8-й воздушной армии:

“Дорогие товарищи! В исторический момент победоносного наступления Красной Армии, в дни решающих сражений с немецко-фашистскими захватчиками трудящиеся советского колхозного Дона славят вас, доблестных крылатых русских богатырей, принявших горячее участие в полном освобождении нашей Ростовской области и города Таганрога от ненавистных гитлеровских мерзавцев...”

Весь мир, вся наша Родина, все трудящиеся Ростовской области следили за тем, как с каждым днем нарастала сила ваших ударов с воздуха по врагу, как вы умело прикрывали наши наступающие наземные войска, как уверенно расчищали им путь и дезорганизовывали тылы немцев, так сражаться могли только гордые соколы нашей Родины, взлелеянные и воспитанные великой партией Ленина. Своей героической борьбой с немецкими захватчиками, отвагой, доблестью и мужеством вы еще раз продемонстрировали свое высокое умение бить врага наверняка, не дать ему передышки, гнать его на Запад. Мы знаем, что впереди еще предстоит много тяжелых сражений, немало испытаний ляжет на ваши плечи, славные советские соколы, но как бы ни трудны были эти испытания, мы не сомневаемся, что советские соколы всегда будут в самой гуще сражения за нашу Родину, в первых рядах защитников Советского Союза.

Слава героям воздушных боев за полное очищение Ростовской области и города Таганрога от немецких захватчиков! Слава нашей авиации!!!!”

Получив такое письмо, Т.Т.Хрюкин написал резолюцию:

“Весьма срочно, генералу А.И.Вихореву, полковнику Н.М.Щербине.
В печать и всем частям. Прочсть перед строем”.

Такие патриотичесике письма от имени тружеников тыла играли большую роль в поднятии боевого духа воздушных бойцов. Каждый из них еще яснее осознавал, что он борется и проливает кровь за советскую землю, за жизнь и свободу своих родных и близких людей.

23 августа не вернулся с боевого задания один из лучших летчиков-истребителей Герой Советского Союза старший лейтенант В.Д.Лавриненков. Генерал Хрюкин выслал на поиски Лавриненкова две пары истребителей, но они возвратились безрезультатно.

Этот боевой вылет Лавриненков подробно описал в своей книге “Возвращение в небо”:

“...Командир полка подозвал к столу. Я присел на табуретку.

- Звонил командарм, - тихо сказал Морозов, - назвал тебя лично...

Надо сбить на переднем крае “раму”...

Должно быть, “рама” здорово насолила наземным войскам, если их требование снять ее дошло до нашего штаба в столь безотлагательной форме...

Я поднялся в воздух на самолете командира полка в паре с Анатолием Плотниковым.

- Вижу самолет! Вижу “раму”, - уверенно доложил Толя Плотников.

Да, это был “фокке-вульф-189”. Самолет-корректировщик, который на фронте знали и ненавидели все воины переднего края...

А “рама” вдруг начала удирать, не просто пикировать или планировать на свою территорию, а каким-то незнакомым маневром сползала вниз по спирали. Я погнался за ней, прицелился, но эволюции, которые совершала “рама”, свели на нет мои усилия... Я промахнулся...

Но вдруг услышал в наушниках:

- Семнадцатый (радиопозывной Лавриненкова. - В.К.), не узнаю вас, - говорил кто-то из тех, кто находился на командном пункте воздушной армии (то был командарм Хрюкин). Выходит, там знали, кто ведет морозовскую машину! А я непростительно промазал... “Любой ценой надо немедленно сбить вражеского разведчика!” - решил я. Но сперва необходимо было ответить на голос земли. Я включил передатчик: “Я “Сокол-семнадцать”. Надеюсь, в ближайшие минуты вы узнаете меня”.

Я пошел в атаку. На предельной скорости я преследовал “раму”. Повторяя ее извилистую линию, хотя это было нелегко, я включил тумблеры всех огневых средств. 26 вражеских самолетов сбил я уже в воздухе, а этот избежал трассы на глазах моих командиров. Ударю же его так, чтобы разлетелся вдребезги! До “фокке-вульфа” оставалось метров пятьдесят-семьдесят. Я выдержал еще секунду. Трассы прошли оба фюзеляжа. Стрелок не ответил. Дальше все совершалось будто само собой. Я хотел обойти “раму”. Но то ли мой самолет развил большую скорость, то ли “рама”, потеряв управление, непроизвольно скользнула туда же, куда сворачивал я? А, может, причиной всему был необычайно широкий фюзеляж “фокке-вульфа”? Только нам двоим не хватило места, чтобы разминуться. Крылом “кобры” я задел хвостовое оперение “рамы”. От удара меня бросило вперед. Грудью натолкнулся на ручку управления, головой ударился о прицел. Мой самолет с одним крылом (второе отломилось), переворачиваясь, падал к земле...”

Лавриненков выбросился с парашютом, но приземлился на территории, занятой противником, и был захвачен в плен. Нечеловеческие мытарства пришлось испытать Лавриненкову в плену у фашистов. Вскоре немцы установили, что Лавриненков - Герой Советского Союза, и его направили в Берлин. По пути следования Лавриненков совершил дерзкий побег из плена, выпрыгнув ночью из пассажирского вагона на полном ходу поезда в районе железнодорожной станции Фастов. Добрался до партизан, переправился через Днепр, перешел линию фронта и через три месяца возвратился в свою армию.

Примечательно, что командарм Т.Т.Хрюкин и его заместитель по политической части А.И.Вихорев не теряли веру в отважного героя и ждали, что он рано или поздно вернется в строй.

Лавриненков написал, как его встретили в армии:

“Если пилот не возвращается с задания, его ордена и документы отсылают из части, - сказал генерал Вихорев. - Командарм Хрюкин разрешил хранить твои документы и награды здесь, на фронте. Мы верили: ты вернешься. Командарм тебя ждет. Прикалывай свои награды и иди...”

...Волнуясь, открыл дверь в кабинет.

Навстречу мне шагнул высокий, стройный командарм. Он улыбался, и сразу как рукой сняло все мои тревоги и сомнения. Тимофей Тимофеевич пожал мне руку, обнял меня, и я впервые почувствовал полное счастье возвращения в нашу боевую семью”.

Вернувшись в строй, В.Д.Лавриненков отважно воевал до Победы.

Генерал Хрюкин в период Миусской операции и освобождения Донбасса непрерывно находился на передовой линии фронта. В трудных условиях проходила работа на передовом командном пункте воздушной армии. Хрюкин видел, что его помощники, находясь под непрерывным обстрелом и нередкими бомбежками, работали без сна и отдыха почти круглосуточно и буквально еле держались на ногах. Чтобы как-то поддержать их, он позвонил в штаб армии и попросил прислать дополнительные продукты за счет летной нормы, чтобы улучшить питание офицеров, которые находились на сухом пайке (сам он питался в столовой Военного совета фронта). Через несколько дней он спросил у офицеров, прислали ли им дополнительные продукты? На что получил отрицательный ответ.

Каждый подобный факт неисполнительности Хрюкин воспринимал очень болезненно. По телефону он снова вызвал начальника штаба и потребовал доложить:

“Почему не выполнено мое приказание о доставке на передовой командный пункт дополнительных продуктов?”

- Я передал ваше приказание начальнику административно-хозяйственного отделения (АХО) майору В., - ответил начальник штаба.

- А почему не проверили, что он сделал?

- Начальник АХО доложил, что он не может выполнить это приказание, так как в соответствии с приказом начальника тыла Красной Армии летный паек выдается только тем летчикам, которые по штатному расписанию состоят в боевом расчете и выполняют боевые полеты.

- А знает ли ваш начальник АХО, что здесь на передовом КП люди испытывают нагрузки не меньше, чем в боевом полете, находясь под непрерывным обстрелом?

- Я ему об этом говорил...

- Так вот, товарищ Белов, завтра к шести часам пришлите ко мне начальника АХО...

На следующий день в землянку командующего вошел майор в летной куртке, добротных сапогах, в наглаженных брюках со стрелкой. Он опоздал более чем на час, лицо его покраснелось, румянец заливал пухлые щеки, и выглядел он свежим человеком, по всему видно, живущим на хороших харчах.

Начальник АХО представился:

- Товарищ командующий, майор В. по вашему приказанию прибыл!

Хрюкин поднял голову от стола, пронизывающим взглядом своих больших серых глаз посмотрел на майора и спросил:

- Вы почему опоздали? Я приказал прибыть к 6.00, а сейчас уже восьмой час!

- Дорогу к вам обстреливает артиллерия противника, и мне пришлось переждать и прятаться в укрытиях.

- Не по вам же персонально стреляли, и нечего было дрожать за свою жизнь, здесь все время стреляют. Видимо, вы не привыкли к такой обстановке и поэтому прятались и дрожали... Я вас вызвал для того, чтобы спросить: почему не выполнено мое приказание прислать дополнительное питание для находящихся со мной офицеров?

- Товарищ командующий, это приказание я выполнить не могу, так как находящимся здесь у вас офицерам не положено питание по летной норме...

Наступила пауза. Хрюкин в упор внимательно рассматривал майора, а потом сказал:

- Вы что вздумали шутить с командующим? К чему мне такие разъяснения? Здесь люди сутками на ногах и плохо питаются. Это, по-вашему, нормально? По вашей физиономии я вижу, что вы сами питаетесь не плохо... А что вы делаете по ночам?

Майор замялся, ему показалось, что кто-то доложил командующему о его амурных делах и ночных оргиях... Он еще больше покраснел, стоял как истукан и молчал...

Хрюкин поднял телефонную трубку и попросил соединить с начальником штаба армии. Ответил генерал Белов.

- Товарищ Белов, я снял с должности вашего начальника АХО, подберите себе другого, а этого майора откомандируйте в пехоту на передний край фронта, пускай привыкает к обстрелам и почувствует все тяготы войны.

Майору же он сказал:

- Вас следовало бы отдать под суд военного трибунала за невыполнение приказа. Я ограничусь снятием с должности, и чтоб вас больше никогда не видел - вон отсюда!..

Хрюкин органически не терпел на фронте ловкачей и прихлебателей из числа тыловикиов, которые умудрялись создавать себе безопасную, обеспеченную всеми благами жизнь, в то время когда другие терпели неописуемые страдания и подвергались опасности.

Выражая эту оценку, Военный совет фронта высоко оценил результаты боевых действий нашей авиации при прорыве “Миус-фронта” и разгрома немецкой группы войск “Холлит”. Генерал Т.Т.Хрюкин писал:

“В разгроме отборных частей фашистской армии в период наступления войск фронта выдающуюся роль сыграли наши авиационные части. Личный состав самоотверженно выполнял боевые задачи.

Технический состав своей напряженной работой не только полностью обеспечил боевые полеты, но и восстанавливал поврежденную в боях материальную часть и выпускал ее снова и снова на боевые задания. Многие летчики показывали образцы отваги и героизма”.

Командующий 8-й воздушной армией представил командира 16-го гвардейского истребительного авиаполка 9-й гв. иад гвардии майора А.И.Покрышкина к награждению второй медалью “Золотая Звезда”. Покрышкин дрался в небе Донбасса решительно и бесстрашно. Восемнадцать раз вступал в единоборство с врагом и сбил пять вражеских самолетов. А всего к августу 1943 года Покрышкин имел 441 боевой вылет, участвовал в 95 воздушных боях, лично сбил 34 самолета противника и 6 самолетов в группе.

Среди личного состава авиасоединения А.И.Покрышкин пользовался заслуженным боевым авторитетом, отлично владел техникой пилотирования на всех типах истребителей, по-снайперски поражал цели, летал в любых метеоусловиях, являясь одним из лучших летчиков-истребителей воздушной армии.

24 августа 1943 года Александр Иванович Покрышкин был награжден второй медалью “Золотая Звезда”, а ровно через год стал трижды Героем Советского Союза.

После ликвидации “Миус-фронта” кавалеристы генерала Н.Я.Кириченко начали рейд по тылам противника. Это были кубанские казаки, земляки Т.Т.Хрюкина, к которым он относился с особым уважением. Вскоре Хрюкин прилетел на самолете По-2 к Кириченко для согласования вопросов авиационного обеспечения рейда кавалеристов, которые очень нуждались в прикрытии с воздуха.

Н.Я.Кириченко встретил своего знаменитого земляка по старинным казачьим обычаям в полевой палатке-шатре, по-походному просто, но убранной коврами, с удобными столами, с яствами и вином.

Для прикрытия конницы с воздуха нужны были истребители, которые, однако, из-за недостаточного радиуса действия не могли продол-

жительно патрулировать над сравнительно удаленными от линии фронта районами, куда входила конница.

Стоило нашим истребителям уйти из района патрулирования, как прилетали немецкие самолеты и наносили большой ущерб казачьей кавалерии. Один самолет мог разогнать целые эскадроны конницы. Хрюкин предложил кавалеристам готовить посадочные площадки в тылу у немцев, куда бы он мог подсаживать истребителей для действий из засады. С этих площадок истребители вылетали на перехват самолетов противника и не позволяли им штурмовать конницу. Такой метод значительно повысил надежность прикрытия кавалерийского корпуса генерала Н.Я.Кириченко, действовавшего в глубоком тылу противника.

Хрюкин не только сам летал к конникам, но и направлял к ним командиров истребительных авиасоединений, которые прикрывали конницу с воздуха. Это позволяло обеспечить тесное взаимодействие авиации с конницей, находящейся в рейде в Приазовье. Так, по его заданию часто вылетал на КП командира 4-го гвардейского кубанского кавалерийского корпуса генерала Н.Я.Кириченко командир 3-го истребительного авиакорпуса генерал-майор авиации Е.Я.Савицкий.

Генерал Н.Я.Кириченко в телеграмме командующему 4-м Украинским фронтом генералу армии Ф.И.Толбухину в конце октября 1943 года докладывал:

“Отмечаю исключительно хорошую работу 3-го иак по прикрытию конников. Сам командир корпуса Савицкий по несколько раз в день прилетает на КП штакор-4, отлично знает обстановку, конкретно ставит задачи частям на прикрытие и разведку. Лично участвовал в воздушном бою в районе Веселое, где на глазах у казаков корпуса сбил вражеский самолет”.

Войска Южного фронта, сломив упорное сопротивление противника на сильно укрепленных рубежах по рекам Миус и Кальмиус, в течение сентября с боями продвинулись на 280-300 км и полностью освободили Донбасс.

6 сентября наши войска вступили в Макеевку. 8 сентября был взят Донецк.

10 сентября был высажен десант в Мариуполе, а к 22 сентября наши войска вышли на реку Молочная в низовьях Днепра.

Авиачасти и авиасоединения под командованием генерала Хрюкина в течение всей операции по освобождению Донбасса вели напряженные

боевые действия. В сентябре авиачасти 8-й воздушной армии произвели 16230 боевых самолето-вылетов, из них 13400 днем и 2830 ночью. При этом было уничтожено и повреждено 130 сау, 183 танка, 1190 автомашин с пехотой и грузами, 82 паровоза и 590 железнодорожных вагонов, создано 450 очагов пожара, рассеяно и уничтожено до 7,5 тыс. солдат и офицеров противника.

Продвигаясь на запад, авиаполки и батальоны аэродромного обслуживания в Донбассе и Приазовье по 4-5 раз перебазировались, преодолевая большие трудности в связи с отсутствием развитой железнодорожной сети, большого удаления армейских баз снабжения и недостатком автотранспорта.

В течение августа - сентября 1943 года штаб армии шесть раз менял дислокации. Связисты, как всегда, первым эшелоном двигались вперед на запад для подготовки связи на новых местах базирования и последними покидали старые места, где сворачивали линии связи. В ходе маневренных действий войск и частых перебазировок от связистов требовались напряженные усилия, чтобы обеспечить бесперебойную связь и непрерывное управление боевыми действиями.

В эти сложные дни неутомимый командарм непрерывно находился в войсках и осуществлял твердое управление подчиненными.

Навечно в строю

В одном строю летчиков-истребителей отважно сражались девушки-летчицы Екатерина Буданова и Лидия Литвяк.

Девушки не уступали ребятам ни в отваге, ни в мастерстве воздушного боя. Восемь самолетов лично и четыре в групповых боях уничтожила гвардии старший лейтенант Лидия Владимировна Литвяк. Шесть немецких самолетов летчица 73-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии лейтенант Екатерина Васильевна Буданова.

Армейская газета писала: "Слава отважной четверке Баранову, Соломатину, Литвяк и Калинскому! Атаковали 12 вражеских самолетов, Н.Баранов и Л.Литвяк сбили по одному самолету. Второй раз атакова-

ли 17 вражеских бомбардировщиков. А.Соломатин и Калинин сбили “юнкерс”, а Баранов и Литвяк подбили “фокке-вульф”...

В другом бою Литвяк сбива бомбардировщик, но в этом же бою ее подбили два “мессера”. Раненная в ногу, на подбитом самолете, она прилетела на свой аэродром. Та же газета писала:

“Слава девушке-герою! Три самолета лично и два в групповых боях уничтожила гвардии старший сержант Лиля Литвяк...” К сожалению, в воздушных боях за освобождение Донбасса Е.В.Буданова и Л.В.Литвяк погибли героической смертью.

В некрологе Е.В.Будановой, подписанном генералом Хрюкиным, было сказано:

“Смерть гвардии лейтенанта Екатерины Васильевны Будановой не может никого оставить равнодушным. Ее гибель - большая потеря для истребительной авиации. Те, кто знал ее, никогда не забудут ее светлого образа. Она была отличным товарищем, отличным бойцом, верной дочерью своей Родины, которую она защищала до последнего вздоха. Служению Родине, ее защите, укреплению Вооруженных Сил, авиации Буданова посвятила всю свою сознательную жизнь.

Семнадцати лет она поступает в аэроклуб, кончает его на “отлично” и остается в нем инструктором, подготовив и выпустив в воздух 65 летчиков.

В 1941 году Екатерина Буданова становится летчиком-истребителем и едет на фронт Великой Отечественной войны, чтобы грудью защищать свою Отчизну. Она всей силой души ненавидит врага, делает все возможное для скорейшей победы над ним. Здесь, на фронте, она становится грозным воздушным воином, смелым, искусным, беспощадным к подлому врагу. Она дерется над Сталинградом, над Ростовом, она ищет врага, находит и уничтожает его. На ее счету было уже шесть сбитых немецких самолетов, когда смерть прервала так блестяще начатый путь Будановой. Ее жизнь была прекрасна, это было непрестанное горячее служение своей стране.

И погибла она, как гибнут герои, - на своем боевом посту. Правительство наградило ее орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1-й степени. Народная память наградит ее бессмертием. О такой женщине-летчице будут петь песни. И за нее жестоко, беспощадно отомстят проклятому врагу. Месть, нещадная смерть врагу будет нашим памятником Екатерине Будановой - славному истребителю, юной, горячей воительнице за счастье своей Родины...”

Через несколько недель в неравном бою погибла и гвардии старший лейтенант Лидия Владимировна Литвяк.

19 августа 1943 года Военный совет Южного фронта выпустил листовку “Девушка-герой”, которая заканчивалась такими словами:

“В грозном гуле краснозвездных самолетов слышим мы грядущую победу, за которую Лиля отдала свою яркую жизнь. Товарищ!

Где бы ни сражался ты, запомни светлый образ летчицы Лили Литвяк как символ вечно немеркнувшей молодости, как символ борьбы и победы. Пусть образ девушки-героя вдохновит тебя на новые подвиги в боях с ненавистным фашизмом”. Указом Президента СССР от 5 мая 1990 года Лидии Владимировне Литвяк присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В целях увековечения памяти погибших в боях летчиков по ходатайству генерала Хрюкина командующий Южным фронтом приказом № 063 от 10 июля 1943 года зачислил навечно в списки воинских частей М.Е.Асташина, М.Д.Баранова, А.А.Елохина, И.П.Веденина, С.А.Куницу, А.А.Маланова, В.Т.Топольского, М.И.Шилова, совершивших подвиги в небе Одессы, Харькова, Сталинграда и погибших геройской смертью.

В этом приказе на каждого летчика, зачисленного навечно в списки частей, дана краткая характеристика:

“Герой Советского Союза капитан Асташкин Михаил Егорович командир авиаэскадрильи 69-го истребительного авиаполка произвел 96 боевых вылетов, из них 42 на штурмовку войск, провел 28 воздушных боев, сбил лично 4 и в группе 8 самолетов противника. 14 сентября 1941 года был сбит зенитной артиллерией, врезался в гущу врага в районе хутора Важный Одесской области.

Герой Советского Союза гвардии капитан Баранов Михаил Дмитриевич, штурман 9-го гвардейского истребительного авиаполка, произвел 285 боевых вылетов, провел 85 воздушных боев, в которых лично сбил 24 и в группе 28 самолетов, на земле уничтожил 6 самолетов противника. Своим личным примером храбрости и героизма воодушевлял своих подчиненных и товарищей на беспощадное уничтожение врага. 17 января 1943 года погиб при испытании самолета Як-1 в воздухе северо-западнее аэродрома Котельниково.

Старший сержант Веденеев Иван Прокоьевич, летчик 504-го штурмового авиаполка, призвел 21 боевой вылет на Сталинград. 29 сентября 1942 года погиб, врезавшись на горящем самолете в гущу вражеских войск.

Герой Советского Союза капитан Елохин Аггей Александрович, помощник командира 69-го истребительного авиаполка, произвел 127 боевых вылетов, из них 50 на штурмовку войск противника. 23 июня 1942 года в воздушном бою с четырьмя Ме-109 пал смертью храбрых в районе Н. Дуванка Харьковской области.

Герой Советского Союза старший политрук Куница Семен Андреевич, военком 69-го истребительного авиаполка, произвел 65 боевых вылетов, из них 38 на штурмовку войск, провел 21 воздушный бой, сбил лично 2 и в группе 4 самолета противника. 28 августа 1941 года пал смертью храбрых в неравном бою с четырьмя Ме-109.

Старший лейтенант Маланов Алексей Алексеевич, заместитель командира авиаэскадрильи 69-го истребительного авиаполка, произвел 110 боевых вылетов, из них 49 на штурмовку войск, провел 37 воздушных боев, сбил лично 3 и в группе 4 самолета противника, 4 октября 1941 г. при штурмовке войск противника в районе Дольника Одесской области на подбитом самолете совершил огненный таран.

Герой Советского Союза лейтенант Топольский Виталий Тимофеевич, адъютант авиаэскадрильи 69-го истребительного авиаполка произвел 71 боевой вылет при защите Одессы, из них 32 на штурмовку войск, провел 26 воздушных боев, лично сбил 4 и в группе 3 самолета противника. 28 августа 1941 г. в воздушном бою с двумя Ме-109 одного сбил и сам погиб в районе хутора Красный Переселенец Одесской области.

Герой Советского Союза лейтенант Шилов Михаил Ильич, младший летчик 69-го истребительного авиаполка, произвел 105 боевых вылетов, из них 54 на штурмовку войск, провел 27 воздушных боев, сбил лично 2 и в группе 4 самолета противника. 23 сентября 1941 г. при возвращении с разведки вступил в бой с пятью Ме-109, пал смертью храбрых.

В приказе указано, что имена воинов, погибших в боях за нашу Родину, бессмертны. Имена их следует непременно называть на каждой вечерней поверке, правофланговому отвечать: “Пал смертью храбрых за Советскую Родину там-то”.

“И пусть этот торжественный акт почести павшим героям, - говорится в приказе, - еще раз напомним бойцам об их священном долге - не щадя своей жизни защищать нашу Родину мужественно, с достоинством и умело, чтобы довести до конца разгром и истребление немецких оккупанов, посягнувших на свободу, честь и независимость нашего Отечества. Пусть этот торжественный акт почести павшим героям зажигает

сердца советских воинов жадой мести к немцам за смерть наших товарищей и братьев”.

В приказе было подчеркнуто, что “...память о них будет жить в сердцах советских людей вечно, будет переходить из поколения в поколение, укрепляя в советском человеке великое чувство любви и безграничной преданности Родине, готовности отдать свою жизнь во имя свободы и счастья Отечества”.

Приказ подписали: командующий войсками Южного фронта генерал-полковник Ф.И.Толбухин, член Военного совета генерал-лейтенант К.А.Гуров, начальник штаба гвардии генерал-майор С.С.Бирюзов.

Такие приказы и ритуалы почести погибшим имеют большое воспитательное значение и в нынешнее время.

Самоотверженно бил врага в Донбассе командир 1-й эскадрильи 76-го гвардейского авиаполка 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии капитан Ф.Безуглов со своим воздушным стрелком Анохиным.

Безуглов был человеком большой силы воли, отменной храбрости и беспредельной преданности Родине.

Бывший заместитель по политчасти командующего 8-й воздушной армией генерал А.Г.Рытов в своей книге “Рыцари пятого океана” вспоминал о выдающемся подвиге Ф.Безуглова:

“В одном из штурмовых полков летчик Безуглов совершил изумительный по силе духа подвиг. Он предпочел смерть фашистскому плену. Подбитый штурмовик Безуглова приземлился на территории, занятой противником. К нему со всех сторон устремились враги. Летчик и воздушный стрелок отбивались до последней возможности. На подступах к самолету уже валялось множество вражеских трупов. Когда иссякли патроны, Безуглов пустил последнюю пулю себе в висок. Его примеру последовал и воздушный стрелок Анохин.

Политотдел армии выпустил листовку, посвященную героическому экипажу, о нем говорили на собраниях, в беседах, на политических информаниях. Доблестное поведение этих воинов ставилось в пример, и священная ненависть к фашистам вдохновляла на подвиги весь личный состав армии”.

Подобные подвиги повторили многие советские летчики, в том числе лейтенант Григорий Жовтоножко, который, будучи подбитым в воздушном бою, приземлил свой штурмовик на территории, занятой противником. К нему направились немецкие автоматчики на автомашинах.

Первую автомашину летчик лейтенант Григорий Живтоножко огнем из бортового оружия разнес в щепки...

После изгнания фашистов из села местные жители нашли у обгоревшего самолета тело летчика-героя. Он был раздет. Снизу на подбородке у пилота зияла пулевая рана, окруженная пороховой копотью - след выстрела, направленного твердой рукой и верным Родине сердцем...

Он воевал и умер как герой, как преданный сын страны, за счастье, свободу и честь которой он бился с врагами до последнего патрона, до последнего своего вздоха.

Могильный холм накрыли щитом с надписью "Неизвестному летчику, павшему смертью героя в бою за Родину". Так писала армейская газета "Сталинский воин" от 10 апреля 1943 года. Комсомольцы 73-го гвардейского истребительного авиаполка обратились ко всем комсомольцам воздушной армии с призывом:

"Дело чести каждого комсомольца - бороться за то, чтобы быть подлинным гвардейцем, быть героем Отечественной войны. Мы призываем вас, товарищи комсомольцы, в решающие дни борьбы с немецкими захватчиками умножить славные традиции комсомола! Вперед же - в бой, комсомольское племя! К решающим боям и победам!.."

Комсомолец летчик 291-го истребительного авиаполка лейтенант Г.К.Нестеренко вылетел в группе "яков" на прикрытие своих войск и штурмовку противника. При подходе к цели вражеская зенитная артиллерия открыла яростный огонь. Невзирая на это, истребители смело штурмовали технику и живую силу противника. В это время самолет Нестеренко был подбит, и он загорелся в воздухе.

Сознавая неизбежность своей гибели, Георгий Карпович Нестеренко направил горящий самолет на зенитную батарею противника, открыл огонь из всех пулеметов и в огне разрывов врезался во врага.

На его боевом счету числилось семь сбитых самолетов, за отличное выполнение боевых заданий командования он был награжден двумя орденами Красной Звезды.

Накануне своей героической смерти Г.К.Нестеренко подал заявление с просьбой принять его в члены Коммунистической партии. В своем заявлении он писал:

"...Хочу быть коммунистом, обязуюсь с честью оправдать это высокое звание, буду беспощадно бить врага до полного уничтожения".

Молодой, всегда веселый и жизнерадостный, он заслуженно пользовался любовью и авторитетом всего коллектива полка. Друзья звали его Весельчак.

Так навечно летчики оставались в памяти народной после геройской гибели.

Были и трагические происшествия, которые пришлось переживать Т.Т.Хрюкину в связи с нелепой гибелью летчиков.

Весной 1943 года начались воздушные сражения на Кубани.

Для усиления Военно-воздушных сил Северо-Кавказского фронта Ставка направила на Кубань 2-й бомбардировочный, 3-й истребительный, 2-й смешанный авиационные корпуса и 282-ю истребительную авиадивизию. В апреле шла перегонка авиачастей с севера на юг через Ростов-на-Дону. Истребители преодолевали многокилометровые маршруты поэтапно. Часто на пределе своего радиуса действия. Для истребителей типа "як" продолжительность полета составляла всего 1 час 20 минут.

Участок от Шахт до Ростова был предельным по расстоянию, и поэтому истребители совершали перелет с лидером-бомбардировщиком Пе-2. Для встречи очередной группы перелетающих истребителей генерал Т.Т.Хрюкин приехал на аэродром Ростов, однако к назначенному времени их вылета с промежуточного аэродрома и расчетное время полета истекло. Со стороны Таганрога появился самолет-лидер Пе-2 один, без истребителей. Как оказалось, экипаж самолета-лидера допустил навигационную ошибку. На маршруте группа уклонилась вправо и вышла не на Ростов, а на Таганрог. Экипаж самолета-лидера понял свою ошибку только тогда, когда под ним оказался Таганрогский залив, который они сначала ошибочно приняли за устье разлившегося Дона...

У истребителей горючее было на исходе, поэтому они, как только увидели аэродром, отвернули от лидера и пошли на посадку. К сожалению, перед вылетом порядок роспуска группы истребителей и условные сигналы не были установлены. Сколько пилот Пе-2 ни вызывал летчиков по радио, ни качал плоскостями, предупреждая о грозящей беде, командир авиаэскадрильи истребителей не реагировал и первым приземлился на вражеском аэродроме. Уже на аэродроме они поняли, что попали в руки врага. Чтобы не сдаваться, командир эскадрильи покончил жизнь самоубийством, его примеру последовали и другие летчики.

Хрюкин, узнав об этой трагедии, был потрясен, но ничего сделать не мог. Экипаж самолета-лидера был арестован. Командир экипажа Пел-2 Н.Н.Зотов был осужден военным трибуналом. В штрафном батальоне на фронте он кровью искупил свою вину, был ранен, вернулся в строй, окончил Военную академию ВВС и служил на больших штабных должностях.

Вот к каким трагическим последствиям может привести на первый взгляд незначительная небрежность самолета-лидера, а фактически преступная беспечность и безответственность при выполнении боевого задания.

В Северной Таврии

На оборонительном рубеже, который проходил по топким берегам озера и реки Молочной, противник оказал войскам Южного фронта упорное сопротивление.

От Запорожья до Азовского моря немецкие войска создали мощный оборонительный рубеж из трех-четырех оборонительных полос с целью прикрытия низовья Днестра и обеспечения сухопутной связи с 17-й немецкой армией в Крыму. Особенно сильной была оборона немцев по правому берегу реки Молочной с центром в Мелитополе. Оборонительный рубеж был насыщен многими огневыми средствами и хорошо оборудованными фортификационными сооружениями.

Сосредоточив на аэродромах Геничеськ, Никополь, Запорожье, Кривой Рог, Херсон авиационную группировку в 600-650 самолетов, в том числе около 500 бомбардировщиков, противник пытался ударами с воздуха парализовать наступление войск Южного фронта, переименованного 20 октября в 4-й Украинский фронт.

26 сентября войска фронта начали наступление с целью уничтожения мелитопольской группировки противника.

Бои носили крайне ожесточенный характер. Попытки прорвать оборону немцев севернее Мелитополя закончились безрезультатно. Первый успех обозначился в полосе 28-й армии, которая вклинилась в оборону противника южнее Мелитополя.

13 октября 28-я, 51-я армии и кавалерийский корпус при активной поддержке авиации овладели южной частью Мелитополя.

Противник оказывал яростное сопротивление, многократно бросался в контратаку, но советские войска настойчиво продвигались вперед и 23 октября полностью освободили город.

За успешные боевые действия 1-я гвардейская штурмовая авиадивизия была награждена орденом Красного Знамени, а 265-й истребительной и 206-й штурмовой авиадивизиям, 76-му гвардейскому штурмовому и 8-му отдельному разведывательному авиаполкам были присвоены почетные наименования “Мелитопольские”.

Командарм поздравил личный состав этих соединений с заслуженной наградой. Будучи по профессии летчиком-бомбардировщиком, Т.Т.Хрюкин постоянно изыскивал новые тактические приемы в действиях бомбардировщиков. Дневные бомбардировщики 270-й бомбардировочной авиадивизии 70% всех боевых вылетов выполняли непосредственно в интересах наземных войск, нанося удары по войскам противника на поле боя. Кроме того, они уничтожали переправы через Днепр, резервы противника и его авиацию на тыловых аэродромах.

Тридцать три групповых удара нанесли бомбардировщики по опорным пунктам и узлам сопротивления противника при прорыве обороны на реке Молочной и освобождении Мелитополя. Широко применялся ими метод нанесения ударов бомбардировщиками в сумерках, когда не требовались истребители сопровождения, а точность бомбометания была не хуже, чем днем. Посадку бомбардировщики производили при этом в темноте с подсветкой посадочных полос прожекторами.

Приказом наркома обороны № 302 от 23 октября 1943 года 270-я бомбардировочная авиадивизия была преобразована в 6-ю гвардейскую, а 86-й и 284-й бомбардировочные авиаполки в 134-й и 135-й гвардейские бомбардировочные авиаполки соответственно. Хрюкин с большим удовлетворением воспринял отмеченные успехи бомбардировщиков.

После освобождения Мелитополя подвижные группы войск фронта устремились к низовьям Днепра и Перекопу. Для обеспечения действий 19-го танкового корпуса и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса в районе Чехограда генерал Хрюкин направлял штурмовики на поле боя. В сложных метеорологических условиях они наносили удары по опорным пунктам противника, а на рубеже Переверзовка, Новоалександровка, Пескошино разгромили артиллерийский заслон противника.

В начале ноября войска 4-го Украинского фронта вышли к Днепру от Горностаевки до побережья Черного моря, закрыли крымские ворота у Чонгар и Перекопа, отбросили противника за Турецкий вал у Армянска, форсировали Сиваш и захватили плацдарм на северном берегу Крыма.

На левом берегу Днепра немецко-фашистским войскам удалось удержать плацдарм в районе Никополя. С него они намеревались повести наступление для деблокирования своей крымской группировки.

20 ноября войска 3-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий начали наступление на Никопольский плацдарм с целью ликвидации Верхнерогачинской группировки противника. Летчики генерала Хрюкина оказывали активное содействие наземным войскам.

Однако немецко-фашистские силы прочно удерживали свои позиции, они имели на плацдарме группировку из 20 дивизий и большое количество танков и артиллерии. Плацдарм был прикрыт плотным зенитным огнем, что осложняло действия нашей авиации.

В период 25 - 29 ноября было проведено повторное наступление на Никопольский плацдарм, но оно успеха не имело. В декабре и январе продолжались ожесточенные бои на плацдарме.

Огромное напряжение в эти дни испытывала авиация 8-й воздушной армии. В приказе № 0046/оп от 3 декабря 1943 года командарм Хрюкин обращал особое внимание командиров на подготовку ведущих групп и всего летного состава при действиях большими группами по тридцать самолетов Ил-2. Над целью устанавливался "левый круг" для всех типов самолетов, со строгим соблюдением входных ворот и времени выхода на цель. Боевые группы самолетов действовали в ограниченном районе и в непосредственной близости от своих войск, поэтому особое значение приобретало соблюдение мер безопасности. Приказ требовал от ведущих групп: при сомнении и расположении своих войск цели не бомбить, делать холостой заход и, если нет уверенности, уходить на запасную цель, а в случае плохой погоды и тумана - возвращаться домой.

В целях обеспечения скрытности удара приказ следовало доводить до штабов полков накануне, а летному составу ставить задачи перед вылетом.

Метеорологические условия в районе нижнего Днепра в ноябре - декабре были неблагоприятными для полетов. Над плацдармом стояла низкая облачность, нашим штурмовикам и истребителям приходилось действовать с малых высот, они попадали под губительный зенитный

огонь и несли большие потери. Только в декабре армия потеряла 48 самолетов. На высоте отметки 72, что находилась в шести километрах севернее населенного пункта Б. Белозерка, вблизи от переднего края был развернут передовой командный пункт 8-й воздушной армии, с которого командарм Хрюкин управлял боевыми действиями авиации, вызывая группы штурмовиков и нацеливая их на поражение наиболее важных целей. Рядом размещался наблюдательный пункт командующего войсками фронта генерала армии Ф.И.Толбухина.

В течение двух месяцев командование фронтом тяжело переживало безуспешные атаки позиций противника на Никопольском плацдарме. Можно было видеть, какое напряжение психических сил, какие переживания и мучения, выдержка и мужество требовались от генерала Ф.И.Толбухина и его заместителей. Были принесены большие человеческие жертвы, а результата достигнуто не было. В связи с непомерными потерями из Москвы прибыла комиссия во главе с маршалом авиации Ф.Я.Фалалеевым для расследования причин утраты большого количества самолетов. Хрюкину пришлось держать ответ. Комиссия не нашла серьезных ошибок и упущений в деятельности командования воздушной армией. Большие боевые потери были вызваны ожесточенным сопротивлением противника, его мощной системой зенитного огня и сложными метеорологическими условиями полетов.

Генерал Хрюкин тяжело переживал эту беду, он принимал все меры по повышению эффективности ударов штурмовиков и обеспечению безопасности полетов. В приказе 8-й воздушной армии было отмечено, что за период боевых действий с 1 октября по 29 ноября 1943 года штурмовиками армии сброшено 257 тысяч противотанковых авиабомб (ПТАБ), повреждено и уничтожено 500 танков противника, для чего в среднем потребовалось около двух самолето-вылетов на один уничтоженный танк. Такие результаты, как отмечалось в приказе, являются неудовлетворительными, ибо каждый штурмовик, имея на борту в четырех кассетах 280 ПТАБ и 100 штук 37-мм снарядов, имеет возможность уничтожить не менее двух танков. В приказе был дан анализ недостатков в боевых действиях штурмовиков, и в целях повышения меткости бомбометания и точности стрельбы даны следующие указания:

“При действиях с круга (который преследует оборону от истребителей противника) летчики все внимание уделяют замыканию круга, выдерживанию дистанции и наблюдению за хвостом впереди идущего

самолета. Как правило, ведомые сбрасывают бомбы туда, куда сбросил ведущий. Находясь все время в положении круга, летчик не может правильно определить момент ввода и получить заданный угол планирования. При вводе в планирование с круга и с разворотом создается скольжение, которое не всегда погашается, и бомбы падают в стороне от цели. При определении точки ввода в планирование с креном сам ввод производится с запаздыванием, угол планирования получается больше расчетного, быстро теряется высота. Отсюда поспешность в выводе самолета и сбрасывание бомб не на заданной высоте и без учета требуемого упреждения.

Некоторые командиры не знают, как летчики действуют над целью, не знают правил прицеливания и плетутся в хвосте своих подчиненных, попустительствуют и сознательно или бессознательно скрывают имеющиеся недостатки...” В этом приказе командующий армией потребовал:

“1. ...Всякую отсебятину в методах бомбометания категорически запретить...

2. Установить тщательный контроль за выполнением боевых задач не только группой, но и каждым летчиком в отдельности. Посылать для контроля тактически грамотных офицеров штаба, способных оценить эффективность действий группы. Результаты каждого боевого вылета фотографировать.

3. Изжить шаблон - посылку одной, двух шестерок штурмовиков для нанесения удара независимо от количества и расположения целей, а также ликвидировать шаблон действий с левого круга. Посылать для уничтожения танков такое количество самолетов - групп, которое способно нанести мощный, внезапный удар. Обеспечить спокойную работу штурмовиков над целью достаточным прикрытием истребителями.

4. Создать командирам полков возможность широкого применения инициативы и повышения ответственности за выполнение задачи...

5. Посылать на уничтожение танков ПТАБами летчиков, хорошо овладевших прицельным бомбометанием, а остальных летчиков учить по примеру опытных бойцов.

6. Запретить сбрасывание ПТАБов по окопам, отдельным автомашинам и повозкам.

7. Главному штурману армии и моему помощнику по воздушно-стрелковой службе провести с 1 по 15 января 1944 года четырехдневные сборы командиров полков, на которых изучить правила бомбометания

и стрельбы по различного рода целям, а моему первому заместителю такие же сборы провести с командирами штурмовых авиадивизий.

В этот же период провести показательные бомбометания и стрельбы по танкам, а также огневую армейскую конференцию штурмовиков”.

В период с 30 января по 29 февраля 1944 года 8-я воздушная армия участвовала в Никопольско-Криворожской наступательной операции войск 4-го и 3-го Украинских фронтов и тесно взаимодействовала с 17-й воздушной армией, поддерживавшей наступление войск 3-го Украинского фронта.

Эта операция успешно развивалась, и к 8 февраля был полностью очищен от гитлеровцев весь левый берег Днепра и освобожден город Никополь.

Оценивая действия авиации под Никополем, командующий 5-й ударной армией генерал-полковник В.Д.Цветаев писал Т.Т.Хрюкину:

“Вверенные вам штурмовики с поставленной задачей справились отлично. Разделяя боевые успехи, прошу летчикам от лица службы объявить благодарность. Желаю дальнейших успехов по разгрому гитлеровских банд”.

Военный совет фронта дал подробную оценку действиям ночных бомбардировщиков 2-й гвардейской авиадивизии в этой операции:

“Несмотря на трудные метеоусловия и ограниченное количество годных аэродромов, части 2-й гвардейской ночной бомбардировочной авиадивизии поставленные мною боевые задачи по уничтожению отходящих войск и боевой техники противника на Никопольском плацдарме, по разрушению переправ противника через Днепр выполнили отлично.

За отличные боевые действия отличившимся летчикам, техникам и личному составу обслуживающих тыловых частей объявляю благодарность и призываю к полному уничтожению отходящих войск противника через Днепр.

Командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии Ф.И.Толбухин.

Член Военного совета
генерал-майор А.Е.Субботин”.

Героические подвиги совершали летчики, выручая из беды своих товарищей. Командир авиаэскадрильи 43-го истребительного авиаполка старший лейтенант С.И.Маковский посадил свой самолет на территории, занятой противником, взял на борт своего товарища лейтенанта

И.Г.Кузнецова, истребитель которого был подбит, и сделал вынужденную посадку в районе цели. Он успешно взлетел, и они оба вернулись на наш аэродром.

Такой же подвиг совершил летчик 76-го гвардейского штурмового авиаполка младший лейтенант Г.М.Надточеев. Во время штурмовки был подбит самолет заместителя командира эскадрильи гвардии лейтенанта В.И.Протчева, который приземлился в расположении противника. Видя это, Надточеев посадил свой самолет рядом, забрал на борт Протчева и его воздушного стрелка и благополучно взлетел. Он выполнял всего второй боевой вылет, проявив смелость и отвагу, которые по силам лишь опытному летчику.

Эти подвиги стали еще одним примером боевой дружбы, готовности пожертвовать собой для спасения жизни товарищей. По ходатайству Т.Т.Хрюкина С.И.Маковскому и Г.М.Надточееву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Потеряв сухопутную связь со своей группировкой в Крыму, противник начал активные полеты транспортными самолетами по трассе Одесса - Крым. Генерал Хрюкин решил ликвидировать трассу полетов фашистов. Наши истребители быстро разведали эту трассу и начали над морем перехватывать немецкие самолеты. При встрече с истребителями немецкие летчики прижимались к воде, но и это их не спасало, большинство из них шло ко дну.

Ответственную задачу выполняли летчики 8-й воздушной армии по прикрытию войск на плацдарме за Сивашем. О прикрытии Сиваша с воздуха А.И.Покрышкин вспоминал как о первом специальном задании:

“Наш полк из Донбасса перебрався поближе к месту решающих боев - в Асканию-Нова. Вскоре после перелета к нам прибыл командующий воздушной армией Герой Советского Союза Т.Т.Хрюкин. Встретив прославленного летчика, я представил ему личный состав. Командующий познакомился с людьми, рассказал об обстановке на фронте и поставил перед нами задачу: прикрыть с воздуха Сиваш.

- Ни одна вражеская бомба, - говорил он, - не должна упасть на наших пехотинцев. Представьте себе их положение. Против них сейчас все - холодная вода, пули, снаряды. Давайте избавим их хотя бы от бомб. Для этого у нас достаточно и сил, и возможностей, надо только сполна проявить свое умение воевать...”

16-17 декабря 1943 года противник сделал попытку переправиться через Днепр в районе Херсон, Садовая и начать деблокировать свои войска в Крыму.

Наступление противника было отбито войсками 2-й гвардейской армии при активной поддержке наших штурмовиков и истребителей.

180 самолетов 8-й воздушной армии нанесли сосредоточенный удар по немецкой дивизии, высаженной на левый берег Днепра. Немцы были отеснены назад и частично уничтожены.

Киевский областной комитет комсомола прислал гвардейцам 10-го бомбардировочного авиационного Киевского полка поздравление в связи с наступающим Новым, 1944 годом, в котором писал:

“Из освобожденного Киева, который героически защищали и за оборону которого получили высокое отличие (звание гвардейцев и почетное наименование “Киевский”), шлем вам горячие поздравления и желаем новых успехов.

Своей героической обороной столицы советской Украины вы доказывали врагу, что советский народ, полный горячей любви к своей Родине, готов до последней капли крови отстаивать каждую пядь своей родной земли.

По вашему примеру пошли сотни героев, которые отбросили врага за Днепр и освободили от фашистского гнета наш родной Киев. Они победно гонят врага дальше на запад священной советской земли.

Фашистские разбойники разрушили наш чудесный город. Они превратили учебные и культурные заведения столицы в руины. Но мы приложим все усилия для того, чтобы возможно быстрее отстроить Киев, бесперебойно давать продукцию для фронта и приблизить этим день окончательного разгрома врага - день нашей Победы. Мы возродим наш родной город. Клянемся в этом! Приезжайте к нам. Вместе будем праздновать нашу победу. Вы будете у нас самыми дорогими и желанными гостями”.

Комсомольцы-гвардейцы благодарили киевлян за теплые поздравления и добрые пожелания и со своей стороны обещали не щадить своих сил и жизней в борьбе с гитлеровскими захватчиками за полное освобождение советской земли от фашистской нечисти в наступающем 1944 году.

Подводя итоги боевых действий 8-й воздушной армии по ликвидации Никопольского плацдарма немцев и освобождению всей левобе-

режной Украины, командарм Т.Т.Хрюкин обратился с приветствием к летчикам, техникам, мотористам, оружейникам, специалистам тыла и связи, в котором, в частности, писал:

“Войска нашего фронта ликвидировали последний оплот немцев на левом берегу Днепра. Расчеты германского командования - использовать Никопольский плацдарм для прорыва и освобождения запертых в Крыму и обреченных на уничтожение фашистских дивизий - провалились. Весь левый берег Днепра полностью очищен от немецких захватчиков. На левобережной Украине не осталось ни одного живого немецкого солдата. Эта новая блестящая победа советского оружия достигнута умелыми, героическими действиями наших наземных войск и авиации. Сокрушительные удары советских пехотинцев, артиллеристов, танкистов, минометчиков с земли подкреплялись мощными ударами с воздуха. В небе Приднестровья безраздельно господствовали и господствуют летчики советской авиации. Они громили, рвали, сокрушали оборонительные узлы немцев, их опорные пункты, технику, переправы через Днепр, истребляли живую силу противника, дезорганизовывали его ближайшие тылы.

Геройски действовали штурмовики-гвардейцы Героя Советского Союза С.Д.Пруткова, показавшие еще раз, что они по праву, с честью носят имя “сталинградцев”, что в их боевой семье живы сильные легендарные традиции Сталинграда. Доблесть и мужество летчиков Л.П.Павлова и Г.М.Надточеева, спасших своих командиров в бою, бесстрашие и дерзость штурмовых ударов Героев Советского Союза М.И.Смильского, Д.И.Жабинского, М.Г.Гареева, М.А.Филиппова, В.Г.Козенкова, С.Д.Герасимова и многих других увенчали новой славой свои боевые знамена.

Высокую воинскую доблесть, боевую зрелость, отвагу проявили летчики Е.Я.Савицкий и И.И.Гейбо. Их смелые, меткие соколиные удары по вражеским аэродромам, переправам, храбрость в воздушных боях с фашистскими стервятниками, в разведывательных полетах, подвиг старшего лейтенанта С.И.Маковского, вывезшего на истребителе с вражеской территории своего товарища, - достойны быть примером беззаветного служения Отчизне и верности своему боевому воинскому долгу. Особенно отличились майор А.У.Еремин, капитан С.А.Лебедев, капитан В.И.Сувилов, младший лейтенант Ш.М.Абраштов, Герои Советского Союза Ф.Я.Морозов, И.К.Нестеров, гвардии майор П.П.Дзюба, гвардии

капитан М.А.Зуев, гвардии майор С.Я.Верблюдов и многие другие. Успешную боевую работу летных частей в труднейших условиях распутицы и бездорожья обеспечили своим самоотверженным трудом красноармейцы, сержанты и офицеры частей и подразделений тыла.

Похвалы достойна работа частей и подразделений старшего техника-лейтенанта Шпицера, майора Жегалина, полковника Свириденко, старшего лейтенанта Гиндера, высокие образцы служения Родине показали труженики шоферы и трактористы: ефрейторы Стрельников, Спиготский, Печерский, рядовые Заднепряжный, Никонов, Цапов и многие-многие другие.

Поздравляю личный состав с одержанной победой и объявляю благодарность всем красноармейцам, сержантам и офицерам, участвовавшим в боях по ликвидации немецкого плацдарма на левом берегу Днепра. Ликвидация последнего опорного пункта немцев на левобережной Украине открывает дорогу вперед, освобождает наши силы для нанесения новых уничтожающих ударов для полного освобождения всей Украины и Крыма.

Впереди новые бои, новые трудности, новые испытания, но впереди - Победа! Нас ждет исстрадавшийся под фашистским ярмом советский солнечный Крым - жемчужина нашей страны, нас ждет правобережная Украина, нас, избавителей, ждут, к нам с мольбой и надеждой простирают руки миллионы советских людей, изнывающих в чужеземной, тяжелой неволе.

Родина требует от нас нового напряжения сил, новых подвигов во имя полной победы над врагом.

Исполним же до конца наш святой долг перед матерью-Родиной! Покроем немеркнущей славой наши боевые гвардейские знамена.

Сметем с советской земли остатки разбойничьей, бандитской гитлеровской армии. Раздавим фашистскую гадину”.

Обращения командарма к личному составу армии с указанием наиболее отличившихся героев вызывали глубокое удовлетворение у рядовых бойцов, которые видели в этом признание своих боевых заслуг и старались отдать все силы для победы над врагом.

...А товарища выручай

Давно вынашивал Хрюкин планы массированных ударов по аэродромам противника в Крыму, под Одессой и Николаевом, откуда немецкая авиация совершала налеты на позиции войск 4-го Украинского фронта.

Командующий фронтом одобрил план воздушных ударов по аэродромам противника. После тщательной подготовки в течение нескольких дней 8-я воздушная армия громила основные аэродромы базирования фашистской авиации. Неоднократные удары наносили и днем, и ночью. Пока наземные войска готовились к решающим схваткам в Крыму, авиация фронта вела напряженную борьбу в воздухе. Немцы во всех своих операциях широко применяли воздушное наступление. Теперь эта практика обернулась против них: советская авиация перед началом каждой крупной наступательной операции уничтожала авиацию немцев на их аэродромах и в воздухе, прочно удерживая инициативу в своих руках.

Налеты на аэродромы противника, расположенные в тылу, требовали тщательной подготовки, массированных действий, умелого выбора времени удара и всестороннего обеспечения штурмовиков и бомбардировщиков истребителями сопровождения.

Хрюкин вызвал в штаб армии командиров авиасоединений и уточнил с ними план удара по аэродромам врага. Воздушная разведка армии собрала подробные данные об аэродромах противника, о базировании на них самолетов и установила непрерывное наблюдение за составом авиационной группировки. Командиры авиасоединений получили фотоснимки аэродромов противника, которые были мастерски сделаны воздушными следопытами разведывательного авиаполка армии. Были плановые снимки, были и фото, выполненные перспективной съемкой с небольших высот. Многие командиры с удивлением рассматривали фотопланшеты и улыбались, зная, что ряд дерзких разведполетов на аэродромы противника сделали и их экипажи.

Летчики несколько дней готовились к ударам по аэродромам фашистов. Хрюкин за эти дни успел побывать и у штурмовиков, и у бомбардировщиков и на месте проверить готовность летчиков к выполнению боевой задачи. Он очень был обеспокоен тем, чтобы не допустить холостого удара по аэродромам врага, застать его врасплох и не дать вывести самолеты из-под удара. Вспоминая свои старые полеты на бомбежку

противника в Испании и Китае, он многократно говорил, что главное - сохранить в тайне подготовку к воздушной операции и ударить по противнику внезапно. Поэтому Хрюкин требовал от всех командиров больше личных встреч, поменьше писать бумаг и телеграмм и никаких документов не передавать по радио.

- Сохраним в тайне подготовку удара, - говорил он, - добьемся хорошего результата. Разболтаем раньше времени - дадим возможность противнику встретить наши ударные группы во всеоружии или подставить нам пустые аэродромы, и тогда потерпят провал все наши усилия. Нужно считать не количество наших самолето-вылетов и сброшенных бомб, а количество уничтоженных самолетов на земле и в воздухе. Поэтому каждый экипаж должен точно знать свою цель и найти способы, как лучше и эффективнее ее уничтожить.

Встречи командующего с летчиками всегда носили задушевный характер и отличались хорошим взаимопониманием. Летчики любили своего командующего за прямоту, справедливость, твердость и решительность, смелость и настойчивость. Они знали его требовательность, но она была всегда справедливой и сопровождалась отеческой заботой. А на справедливую требовательность никто не обижается.

Командующий был ненамного старше своих летчиков, хотя многие и не знали, что он примерно одних лет с ними. Командующий был их кумиром - высокий, статный, с высоко поднятой головой. Он отличался не только званием и высоким положением, но всем своим видом и поведением олицетворял командира - отца своих подопечных. Ему верили и каждым словом его дорожили.

Искреннее уважение было взаимным. По-отечески внимательно относился к летчикам с виду очень строгий и, казалось, малодоступный генерал-лейтенант авиации Хрюкин, Герой Советского Союза еще довоенного времени.

В 503-м штурмовом авиаполку командующему встретился его старый знакомый командир звена лейтенант Андрей Васильевич Демехин. Хрюкин его помнил еще по Сталинграду, где Демехин отличался незаурядной храбростью, совершил 22 боевых вылета. Неоднократно на штурмовике дрался с "мессершмиттами". Несмотря на бешеный огонь зенитной батареи врага, по 30 минут работал над целью, проявляя настойчивость и подчас отчаянную дерзость. Не раз возвращался с задания на сильно поврежденном в бою самолете и благополучно сажал его

на своем аэродроме. О славных боевых делах Демехина командующий слышал и позднее на Южном фронте, где тот совершил 68 боевых вылетов, принимая активное участие в штурмовках войск противника на “Миус-фронте”, при освобождении Таганрога, Донбасса и Мелитополя.

При встречах с Хрюкиным Демехин о своих боевых делах ничего не рассказывал, он стеснялся командующего и считал его недостижимым для себя. Но командующий знал, что этот молодой двадцатидвухлетний коренастый паренек - один из обстрелянных бесстрашных бойцов.

В сентябре 1943 года Демехин после выполнения задания возвратился на самолете с пробитой зенитным снарядом плоскостью. При атаке группы танков противника, несмотря на поврежденную плоскость, произвел по ним пять заходов и поджег три танка и несколько автомашин.

На железнодорожной станции Терпение севернее Мелитополя Демехин взорвал состав противника и разрушил железнодорожное полотно, а на станции Мелитополь поджег четыре железнодорожных эшелона и взорвал склад боеприпасов немцев. Пять больших очагов пожара, сопровождавшихся сильными взрывами, были зафиксированы на фото-снимках.

В октябре 1943 года в штурмовую погоду, когда скорость ветра достигала 19 метров в секунду, Демехин вылетал на штурмовку войск противника на реку Молочную под Мелитополем, а 11 октября над целью встретил группу из 20 бомбардировщиков противника под прикрытием 7 истребителей. Несмотря на численное превосходство противника, Демехин смело атаковал немецкого бомбардировщика в лоб и поджег его, немецкий самолет врезался в землю.

Штурмую артиллерийско-минометные позиции немцев под Мелитополем на бреющем полете, Демехин уничтожил несколько батарей, расстреливая немцев в упор. Хрюкин помнил, что еще в декабре 1943 года он подписал наградной лист на А.В.Демехина, по которому тот за образцовое выполнение 97 боевых вылетов и проявленные при этом доблесть и героизм представлялся к высшей государственной награде - званию Героя Советского Союза! Увидев его без Золотой Звезды, Хрюкин спросил Демехина, в чем дело. Тот пожал плечами и застенчиво ответил: “Слышал, что меня представляли к званию Героя Советского Союза, когда имел 97 боевых вылетов, сейчас их набирается уже 113. Как говорит кадровик полка, документы ушли, а где они находятся, ему неизвестно”.

Такие факты выводили Тимофея Тимофеевича из равновесия. Он открыто возмутился бюрократизмом и волокитой кадровых органов, но почувствовал в этом и свою вину.

Уже прошло почти три месяца, а и его армейские кадровики не удосужились проверить, где застрял наградной лист на Демехина. За это время тяжелых боев Демехин не раз жертвовал своей жизнью и мог погибнуть, так и не получив заслуженной награды.

Хрюкин давно имел претензии к начальнику отдела кадров И.Д.Сидорову, не раз предупреждал его, но последнему удавалось ускользнуть от заслуженной кары и, даже больше того, награждать себя за “незаслуженные” заслуги. Среди кадровиков встречались такие нечистые на руку работники, которые умели тонко маскировать показным трудолюбием, подбострастием и подхалимажем свою никчемность. Но таким людям ничего хорошего нельзя было ждать от прямого и честного командующего, который рано или поздно выводил их на чистую воду и навсегда отстранял от работы с кадрами.

10 марта воздушная армия нанесла внезапный массированный удар по аэродромам противника. Вылет произвели в утренних сумерках, на рассвете группы штурмовиков и бомбардировщиков под надежным прикрытием истребителей появились над немецкими аэродромами. Они бомбили и штурмовали самолеты, невзирая на ожесточенный зенитный огонь врага. “Мессершмитты, как правило, не успевали взлететь, и многие из них были прошиты на земле очередями советских штурмовиков и истребителей, которые на бреющем полете проносились над стоянками самолетов. Бомбардировщики наносили удар по тыловым аэродромам немцев, где у них базировались “юнкерсы” и “хейнкели”. Хрюкин еще затемно пришел на свой командный пункт и с напряженным вниманием следил за ходом боевого вылета. Его очень беспокоил вопрос, удалось ли захватить немецкую авиацию врасплох, не успели ли фашисты убрать свои самолеты на неизвестные ему полевые аэродромы. В этом случае удары могли производиться по пустому месту. Последовали первые доклады ударных групп, возвратившихся на ближайшие аэродромы. Немцы не ожидали такого массированного удара и не успели оказать сопротивления в воздухе. Правда, зенитная артиллерия открыла плотный огонь, и многие самолеты возвращались с большими повреждениями. На одном штурмовике техники насчитали 35 пробоин от пуль и осколков снарядов. Погода была сложная, из-

за низкой облачности штурмовики действовали с малых высот и попадали под огонь зениток.

Начали поступать боевые донесения с перечислением потерь. Эти донесения всегда вызывали у Хрюкина чувство глубокой скорби о погибших боевых товарищах. Ему казалось, что были предусмотрены все меры, чтобы избежать напрасных потерь. Внезапность удара помогли избежать крупных воздушных боев, но от зенитного огня уберечься было невозможно. Хотя и были выделены в составе боевых групп специальные самолеты для подавления огневых точек врага, но экипажи, стремясь нанести как можно больший ущерб противнику, делали по нескольку заходов на цель, снижались на малые высоты и пробивались при этом через полосу зенитного огня. Бронированные штурмовики более стойко выдерживали этот огонь, но сопровождавшие их истребители, не имевшие такой броневой защиты, были более уязвимы и получили серьезные повреждения от зенитной артиллерии.

Из 503-го штурмового авиаполка доложили, что не вернулся с задания лейтенант Демехин со своим ведомым младшим лейтенантом Милоновым и сопровождавшим их истребителем. Только накануне они заверяли командующего, что с честью выполнят поставленную боевую задачу. “Вот и не дождался Демехин заслуженного звания Героя Советского Союза”, - подумал Хрюкин. Они штурмовали вражеский аэродром в районе Николаева, расположенный в 70 км за линией фронта. Тимофей Тимофеевич был глубоко огорчен этим известием. Однако через некоторое время последовал второй доклад, что Демехин жив и произвел вынужденную посадку.

- На чьей территории вынужденно сел Демехин? - допытывался Хрюкин у командира корпуса, но тот вразумительно доложить не смог. Только когда разыскал летчика Ключева, летавшего в звене Демехина, удалось установить, что Демехин сделал две вынужденные посадки - одну на территории противника, а потом вторую уже на своей территории. Хрюкин приказал командиру корпуса немедленно организовать доставку экипажа Демехина на свой аэродром и предупредил, что вечером он будет на аэродроме и лично побеседует с Демехиным.

Очень часто в конце летного дня Хрюкин вылетал на аэродромы для встречи с летчиками, выполнявшими в этот день боевые задания. На этих встречах он не только высказывал свои замечания о действиях летчиков в бою, ставил задачи перед летным составом, но с большим вниманием

выслушивал предложения и просьбы летчиков. Эти встречи обогащали его и позволяли жить ему одной жизнью со своими воздушными бойцами. В 503-м авиаполку ему повстречался целый и невредимый Андрей Демехин и с ним его боевые друзья - летчики Владимир Милонов, Петр Клюев, воздушные стрелки Н.Разгоняев, Н.Хирный, А.Князев и летчик-истребитель И.Стопа.

Из их рассказов он узнал подробности налета на вражеский аэродром. Погода в районе цели оказалась сложной. Однако, несмотря на низкую облачность, группа, ведомая Демехиным, точно вышла на аэродром противника. Плохая видимость вынудила штурмовиков снизиться до 150-200 м и на бреющем полете атаковать цель. Штурмовики смело и дерзко били по врагу, вызывая восхищение у истребителей сопровождения.

На земле загорались и взрывались вражеские “юнкерсы” и “мессершмитты”. Истребители сопровождения не покидали прикрываемых штурмовиков и также на малой высоте пролетали над аэродромом. Когда штурмовики легли на обратный курс, сзади их боевой порядок замыкала пара истребителей - летчики Стопа и Фомичев.

Немецкие зенитки продолжали бить вслед уходящим самолетам. Случайный снаряд повредил водорадиатор истребителя И.Стопы. На самолете возник пожар, мотор заклинило. В 20 км от аэродрома И.Стопа произвел вынужденную посадку на фюзеляже в поле и в горящей одежде выскочил из загоревшегося самолета.

Штурмовики заметили севший истребитель и выскочившего из него летчика. Милонов по радио запросил разрешение Демехина сделать посадку и забрать истребителя к себе на борт. Получив разрешение, Милонов развернулся и пошел на посадку. Он видел, что летчик с земли подает ему запрещающий знак, показывая скрещенные руки, - поле было раскисшее, и посадка на него, а тем более взлет казались невозможными. Но раздумывать Милонову было некогда, из ближайшего села через поле бежали и скакали на лошадях люди - это были враги. Милонов, совершавший свой 50-й боевой вылет, сел. Самолет, поднимая брызги грязи, пробежал по мягкому грунту, быстро потерял скорость, резко развернулся влево и сразу остановился. Оказалось, что левое колесо шасси прострелено, только теперь Милонов вспомнил, что его самолет над целью один раз здорово трянуло. Взлететь на таком самолете было невозможно, и оставлять его немцам нельзя - пришлось прострелить

бензовод и поджечь хлынувший бензин. Самолет загорелся. Так получилось, что, спасая боевого товарища, Милонов и его стрелок тоже попали в труднейшее положение. Теперь их было трое, а немцы все приближались к севшим самолетам. Демехин увидел запылавший штурмовик и, поняв, что вслед за истребителем попал в беду его ведомый, мгновенно принял решение идти на посадку, спасти своих боевых друзей. По радио передал второму ведомому П.Клюеву:

- Иду на посадку, прикройте!

Командующий спросил Демехина:

- Какие были шансы на благополучный исход посадки, ведь потом взлететь нужно было с раскисшего поля?

Демехин ответил:

- Раздумывать не было времени, но была большая вера в свой самолет, который не раз выручал при взлете и посадке на мягкую посадочную полосу. Шансов было немного, может быть, один из ста. Но ведь на земле оставались мои боевые друзья, которым грозила смертельная опасность!

Затаив дыхание, следили летчики за своим командиром, это был его 114-й вылет. Самолет Демехина мягко приземлился около двух горевших самолетов, немного пробежал и тоже застрял в размокшем грунте. Так, на территории, занятой потивником, оказались три самолета, трое летчиков и два воздушных стрелка. Демехин дал форсированный газ, но самолет не тронулся с места. Положение создалось критическое. В воздухе остался один штурмовик, который сделал уже около 15 кругов. Младший лейтенант П.Клюев видел бегущих немецких солдат и всадников и, проносясь на бреющем полете, огнем из пушек и пулеметов задерживал их продвижение. Неимоверными усилиями летчикам и стрелкам удалось-таки вытащить самолет Демехина из грязи и выкатить тяжелую машину на проходящую рядом дорогу, откуда можно было попытаться взлететь. Впятером начали размещаться в двухместной машине. Милонов и Стопа втиснулись в кабину стрелка, а Разгоняев и Хирный приспособились на подкосах шасси левого и правого колеса. С такими живыми подвесками самолет пошел на разбег. Долго бежал самолет по мягкому грунту, для Демехина и его товарищей это был самый длинный разбег в жизни. Он казался им вечностью. Но безотказная машина не подвела, мотор работал на критических оборотах, и скорость медленно, но непрерывно нарастала, и, наконец, самолет оторвался от земли и, пока-

чиваясь с крыла на крыло, начал набирать высоту. 50 км они пролетели с выпущенными шасси над территорией противника. Их неотступно сопровождал штурмовик Ключев. Над линией фронта самолет Демехина немцы обстреляли из “эрликонов”. Но опасность миновала, они были уже над своей территорией. Горючее кончилось, и пришлось сесть на первую попавшуюся площадку. Самолет оказался цел, живы и невредимы летчики и стрелки.

Хрюкин слушал их рассказы, снова пережил вместе с ними все потрясения и напряжение полета. Он открыто выразил свое восхищение прекрасными благородными качествами своих питомцев, которые ярко продемонстрировали пренебрежение опасностью ради спасения жизни боевого товарища. Эти качества высшего благородства очень импонировали его характеру, и он от души обнял отчаянных храбрецов и крепко пожал им руки. В сложившихся тяжелейших обстоятельствах с большим достоинством вели себя летчики, но не меньшее благородство, отчаянную смелость и отличную физическую выносливость проявили воздушные стрелки И.Д.Разгоняев и Н.И.Хирный. Они уступили место в кабине летчикам, а сами совершили акробатический полет на подкосах шасси штурмовика. Никто бы этому не поверил, что на подкосах шасси штурмовика можно совершить перелет и остаться целым. В полку Демехина спрашивали, как он оценивает свой поступок, и он ответил:

- Говорят, я совершил подвиг. По-моему, я только выполнил долг воина-большевика... Благодарность товарищей я отношу партии Ленина, вырастившей и воспитавшей меня. Настоящие герои всегда очень скромны и в оценке своих поступков. Младший лейтенант Милонов сказал:

- Лейтенант Демехин совершил благородный поступок. Он вырвал из лап врага меня и моего воздушного стрелка старшего сержанта Хирного. Мы бесконечно благодарны ему... Мы гордимся им. Он наш любимец. И когда я застрял со своим самолетом на территории противника, я был уверен, что Демехин не бросит нас. Он так и сделал, в этой сложной обстановке каждый из нас нашел в себе достаточно стойкости и мужества, чтобы до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Штурмовик-лейтенант П.Ключев после этого полета заявил:

- Мы - русские люди и никогда не дадим в обиду товарища. Мы всегда помним заповедь великого русского полководца Александра Васильевича Суворова: сам погибай, а товарища выручай. Этой заповеди мы всегда будем верны.

Летчик-истребитель младший лейтенант И.М.Стопа, рассказывая, как его выручили боевые друзья-штурмовики, заверял:

- На всю жизнь я сохраню память о мужестве, героизме и беспримерной отваге штурмовиков Демехина, Милонова и Ключева. Обещаю, клянусь, что в тяжелую минуту поступлю так же, как они.

Боевые друзья И.Стопы, летчики-истребители на следующий день после этого памятного полета прислали штурмовикам телеграмму с выражением искренней благодарности за героизм, проявленный ими при спасении жизни И.Стопы, вынужденно севшего на территорию противника.

“Только в нашей стране, - писали истребители, - присущ летчикам подобный героизм: идти на самопожертвование ради взаимной выручки своих товарищей по оружию”. В свою очередь они заверили, что истребители никогда не забудут этого подвига штурмовиков. Истребители призывали еще больше укреплять боевое содружество со штурмовиками, добиваясь победы над заклятым врагом.

Хрюкин приказал подробно рассказать об этом боевом эпизоде в армейской газете, а телеграмму истребителей зачитать во всех авиаполках. Он считал, что крепкая боевая дружба в экипаже, подразделении, части и между соединениями различных родов авиации - это залог победы в малом и большом деле.

На этих живых примерах беззаветного героизма воспитывались все поколения воздушных бойцов, особенно молодые летчики, составлявшие свыше одной трети летного состава авиачастей. При этом молодыми считались летчики, которые менее года служили в части. А такие, как Демехин и его товарищи, хотя им было чуть больше двадцати лет, считались уже “стариками”, и с них брала пример остальная молодежь. Демехин опять заслуживал за свой поступок второй раз присвоения звания Героя Советского Союза.

И вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР Андрею Васильевичу Демехину было присвоено это высокое звание, чем гордились и его боевые товарищи в полку. Первым поздравил его с этим званием командующий армией генерал Хрюкин, который проявил отеческую заботу и необходимую настойчивость, чтобы довести до конца наградной лист на Демехина, представленный им еще в декабре прошлого года.

Остальные участники памятного полета были награждены боевыми орденами. Внимание к людям, забота о том, чтобы ни одно хорошее дело

подчиненных не осталось незамеченным с его стороны - было характерной чертой деятельности Хрюкина.

Такое же внимание к людям он прививал командирам и политработникам, чтобы они не оставляли незамеченным каждый подвиг и отзывались на него, в том числе и в письмах к родным.

Парторг полка старший лейтенант Г.Скляров в письме к отцу А.В.Демехина от мени личного состава полка писал:

“Уважаемый Василий Пименович!

От всей души выражаем Вам благодарность за то, что Вы сумели вырастить и воспитать замечательного воина, пламенного защитника нашей великой Родины. Ваш сын Андрей более года рука об руку с нами сражается с ненавистным врагом. На самолете-штурмовике он совершил уже более 100 успешных боевых вылетов. У нас его все любят и уважают за бесстрашие, мужество и отвагу. Славно поработал он, когда мы громили немцев под Сталинградом, в Донбассе и Приднестровье. Однажды шесть штурмовиков, в числе которых был и Андрей, возвращались с боевого задания и встретили до шестидесяти немецких бомбардировщиков. Завязался воздушный бой, в результате которого Андрей сбил одного “Юнкерса-87”. В другой раз на самолет Андрея напали несколько вражеских истребителей и сильно повредили его машину. Но Андрей выполнил боевую задачу, довел самолет до аэродрома и отлично приземлился. Он летает в любую погоду и всегда бесстрашно и метко разит врага. Как-то стоял низкий туман, летать было опасно, но Андрей мастерски вывел самолет на цель и неожиданной атакой уничтожил многих фашистов. Советское правительство высоко и достойно оценило заслуги Вашего сына...

Василий Пименович! Ваш сын коммунист и с честью выполняет свой долг.

Наш горячий большевистский привет Вам, всем друзьям и товарищам Андрея. Желаем Вам здоровья и успехов в трудовой жизни”.

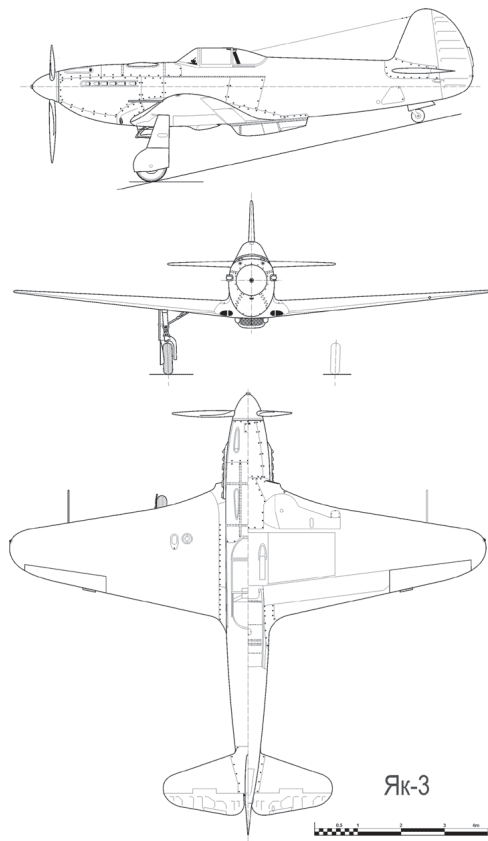
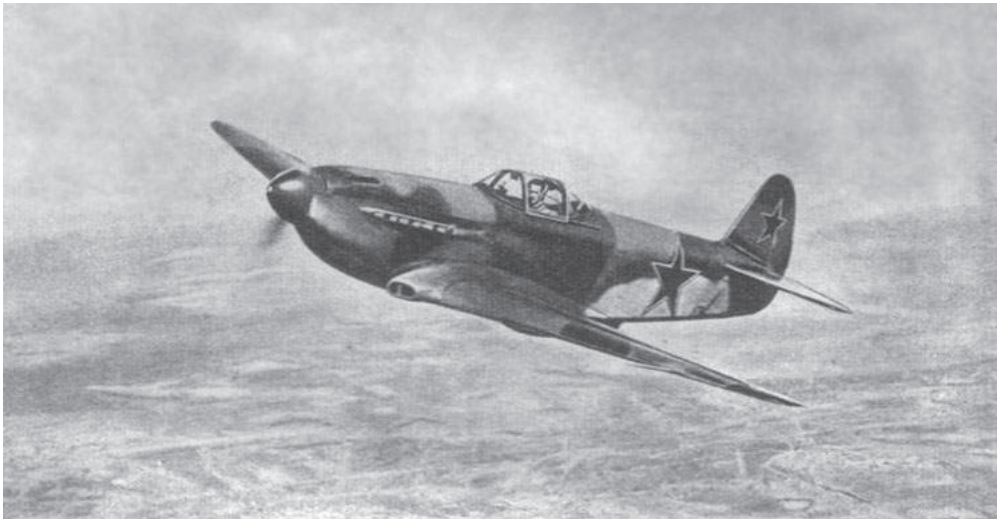
Радости и горести Хрюкин делил со своими подчиненными и этим завоевал большой авторитет, любовь и преданность подчиненных и товарищей по службе.

Особенно трогательны были для него встречи с летчиками, которые возвращались после того, как их считали погибшими. Дело в том, что советские летчики чаще всего вели бои над территорией, занятой противником, некоторых из них сбивали, им приходилось прыгать с па-

рашютом и приземляться в стане врага. Но всегда летчики дрались до последней возможности и, если попадали в плен, то и там не склоняли свои головы, совершали дерзкие побег, уходили в партизаны, переходили линию фронта и возвращались к своим.

Массированный удар по вражеским аэродромам в целом завершился успешно. Авиации противника был нанесен существенный урон, а наши потери были незначительными. Командующий фронтом, выслушав доклад Хрюкина, поблагодарил летчиков за смелые и успешные действия и выразил мнение, что в течение нескольких дней авиация противника будет приводить себя в порядок и не сможет совершить налетов.

- Я думаю, что теперь наземные войска смогут беспрепятственно проводить усиленную подготовку к операции, до начала которой осталось очень мало времени, - сказал генерал армии Ф.И.Толбухин.

Битва за Крым

На Военном Совете

Все встали. В большую светлую комнату вошел командующий фронтом генерал армии Ф.И.Толбухин. Высокий, полный, несколько даже грузный. Безукоризненной выправкой кадрового военного, в отглаженном “с иголочки” костюме и начищенных до яркого блеска сапогах, с тщательно причесанными волосами, он производил впечатление человека высокой культуры внутренней собранности и порядка. Тихим и ровным голосом командующий поздоровался со всеми собравшимися и попросил садиться.

Вслед за ним в комнату вошел член Военного совета, моложавый генерал-майор Н.Е.Субботин.

Командующий фронтом кратко напомнил о тяжелых боях, которые пришлось провести войскам фронта по ликвидации Никопольского плацдарма немецко-фашистских войск. Перипетии проведенных боев продолжали еще волновать командующего. Много было потрачено сил, средств и принесено жертв, чтобы отбросить немцев за Днепр и ликвидировать их последнюю возможность деблокировать свою 17-ю армию, засевшую в Крыму.

- Наступил черед за Крымом, - продолжал командующий фронтом. - Ставка Верховного Главнокомандующего приказала доложить наши предложения по проведению предстоящей наступательной операции по освобождению Крыма. Военный совет фронта собрался сегодня в узком составе, чтобы обсудить предложения по плану операции. Видимо, целесообразно сначала заслушать доклад начальника разведки о противостоящем противнике.

Из-за стола встал стройный, подтянутый, сосредоточенный генерал-майор, уже немолодой, с проседью в волосах и глубокими морщинами на лбу и под глазами. Простое русское лицо с широко открытыми глазами вызывало симпатию у присутствующих, которые знали своего начальника разведки как умного человека, бесстрашного и проницательного руководителя большой армии разведчиков.

Он возглавлял группы самых отчаянных бойцов на фронте, которые вели непрерывную открытую и тайную схватку с врагом. Разведчики проникали далеко в тыл противника и неустанно следили за его деятельностью. Разведывательные данные о противнике добывались всеми силами и средствами.

Отряды разведчиков ходили в расположение войск противника добывать “языков”, целые части и подразделения вели разведку боем. В тылу врага действовали многие отряды и группы разведчиков-диверсантов. Агенты-разведчики уже не первый год действовали в рядах крымских партизан. Были и такие агенты, которые проникали в некоторые штабы вражеских войск, особенно румынских частей, дислоцировавшихся в Крыму с июля 1942 года. Румыны надеялись, что немцы подарят им Крым, но Гитлер не торопился с таким подарком. Фашисты еще в 1941 году решили, что Крым с прилегающими землями Украины должен войти в состав немецкой империи. Они не были уверены, что румыны по-хозяйски распорядятся богатствами Крыма, главное, смогут его надежно оборонять.

Свой доклад начальник разведки начал с того, что Гитлер приказал немецко-фашистским войскам удерживать Крым до последнего солдата. Почему немецкие фашисты так упорно цеплялись за Крым?

- Армия Великой Германии не может дальше выравнивать линию фронта, - истерично заявлял Адольф Гитлер.

На аккуратно выполненной карте обстановки на советско-германском фронте у начальника разведки был точно обозначен рубеж обороны немцев по Днепру.

Немцы еще удерживали правобережную Украину, выжимая из нее хлеб, металл и людские ресурсы для продолжения войны.

- Крым для немцев, - говорил начальник разведки, - является опорным узлом всего южного участка восточного фронта. Обладая Крымским полуостровом, фашистское командование контролирует большую часть Черного моря и угрожает тылу наших южных фронтов.

Потеря Крыма означала для фашистов не только потерю всякой перспективы по стабилизации восточного фрона, но и подрывала позиции фашистского блока на Балканах. и прежде всего в Румынии и в Турции.

- 17-я немецкая армия в Крыму, - продолжал докладывать начальник разведки, - под командованием генерала Енеке насчитывает до 200 тысяч человек. Генерал Енеке со своей армией побывал на Северном Кавказе, дошел до Новороссийска. В 1943 году, несмотря на поражение фашистов под Сталинградом, Енеке удержался на Таманском полуострове, 17-я армия до сентября 1943 года вела бои на так называемой “голубой” линии обороны до тех пор, пока крах на Курской дуге и потеря Донбасса не заставили фашистов отойти в Крым за Керченский пролив. Немцам удалось остановить развитие наступления наших войск в ноябре на Перекопе, Сиваше и под Керчью и удержать в 1943 году Крым в своих руках. За это время - с ноября 1943 года по февраль 1944 года - немцы и румыны, мобилизовали местное население Крыма, лихорадочно улучшали оборону своих войск, особенно на Перекопе и Сиваше. Кроме нескольких линий укреплений на Перекопском перешейке и Керченском полуострове, немецкое командование построило внутреннюю полосу обороны по линии Евпатория - Симферополь - Белогорск - Старый Крым - Феодосия.

Продолжая доклад, начальник разведки подчеркнул, что южное побережье Крыма прикрыто тремя линиями оборонительных полос по предгорью, в горах и на южных склонах Крымских гор.

Крепость и порт Севастополь с его многочисленными бухтами имеют известные нам долговременные укрепления, расположенные на внешнем и внутреннем оборонительных рубежах.

Мыс Херсонес с бухтами Камышовая, Стрелецкая, Круглая и Казацкая огражден обводным каналом и полосой долговременных укреплений.

Таким образом, используя природные преграды (море, проливы, заливы и озера, горную гряду и многовековые крепости), опоясав Крым рвами и валами, немцы не без основания считали, что Крым превращен ими в надежную крепость.

Анализируя состояние вражеской группировки войск, начальник разведки высказал предположение, что противник ждет развития наступления наших войск в первую очередь на Перекопе и с плацдарма на южном берегу Сиваша. Обращаясь к карте “Обстановка”, он указал:

- Сюда противник подтянул наиболее стойкие части 49-го горно-стрелкового корпуса. На Перекопе обороняется 50-я пехотная дивизия немцев, в затылок ей в глубине Перекопской оборонительной полосы расположилась 9-я кавалерийская дивизия румын. На южном берегу Сиваша сосредоточены части 336-й пехотной дивизии немцев. Против чонгарских переправ находятся в обороне 10-я и 19-я пехотные дивизии румын. В Джанкое расположена 111-я пехотная дивизия немцев, составляющая второй эшелон обороны на севере Крыма.

Продолжаются работы по укреплению внутреннего оборонительного рубежа по линии Евпатория - Сарабуз - Старый Крым и в предгорье в районе Бахчисарай.

Немцы лихорадочно восстанавливают и усиливают Севастопольский оборонительный район.

На Керченском полуострове обороняется 5-й армейский корпус под командованием генерала от инфантерии Альмендигера в составе 98-й и 73-й пехотных дивизий и 6-й кавалерийской дивизии румын. В Судак и Алуште оборону южного берега Крыма обеспечивают 2-я и 1-я горно-стрелковые дивизии румын.

Особенно надежные крепостные укрепления противник имеет на Перекопе и под Севастополем. Фотопланшеты оборонительных полос немцев в Крыму, выполненные разведчиками 8-й воздушной армии, представлены членами Военного совета.

Енеке понимает, что Красная Армия вероятнее всего нанесет удар по Крыму с севера, где нависают войска нашего фронта. Немцам известно, что на Таманском полуострове Северо-Кавказский фронт преобразован в Отдельную Приморскую армию, а часть его сил отправлена на другие участки советско-германского фронта. Поэтому наиболее надежные части немцев подтянуты на север Крыма, а штаб 17-й армии расположился в Симферополе. Немцы считают нашу 2-ю гвардейскую армию на Перекопе наиболее боеспособной. Эта армия показала им высокие боевые качества еще в боях за Донбасс. Поэтому немцы усиленно укрепляют свою оборону на Перекопе и подтягивают туда резервы. Немцы учитывают, что вся их Перекопская группировка войск может быть отрезана ударом под основание Ишуньских позиций с Тарханского направления.

Хотя плацдарм наших войск на южном берегу Сиваша очень похож на плоский пятачок земли, где трудно собрать большие ударные силы, все же опытный Енеке счел нужным уделить особое внимание созданию

глубокой противотанковой обороны на всей северной границе Крыма, как на Перекопе, так и на Сиваше.

В районе Джанкоя сосредоточены резервы 111-й пехотной дивизии, которые немцы планируют использовать на любом участке Перекопского перешейка.

На правом фланге немцы расположили румынские дивизии, считая, что чонгарское направление является наиболее трудным для наступления и прорыв их обороны на этом направлении маловероятен. Румыны неоднократно подводили своих немецких союзников, начиная еще с боев под Сталинградом, поэтому немцы невысокого мнения о боеспособности румынских войск и стараются использовать их на второстепенных направлениях или, когда можно их использовать как пушечное мясо для затыкания дыр на фронте, не очень беспокоясь при этом о массовой потере живой силы румынских войск. Все равно от них проку мало.

В заключение начальник разведки доложил:

- Всего перед 4-м Украинским фронтом - на Перекопском перешейке, в Центральной и Южной части Крыма - противник имеет восемь дивизий (четыре пехотные, две горно-стрелковые, одну танковую и одну кавалерийскую) и 30 отдельных батальонов внутренних войск.

В этих дивизиях и батальонах насчитывается до 140 тысяч человек.

На Керченском полуострове перед фронтом Отдельной Приморской армии немцы имеют четыре дивизии и до 10 отдельных батальонов, насчитывающих до 60 тысяч человек.

На Черном и Азовском морях противник имеет 20 подводных лодок, большое количество катеров, боевых десантных барж и других транспортных средств.

Противник продолжает укреплять свои позиции в Крыму и увеличивает группировку войск. В Крым поступают по морю и воздуху подкрепления живой силы и техники. Немецкая пропаганда трубит, что в настоящее время Крымский полуостров превращен ими в неприступную крепость. "Этот прекрасный богатый уголок, - пишут немцы, - готов отразить любую атаку врага". Фашистское командование заверило Гитлера, что его приказ будет, безусловно, выполнен и никакие силы русских не сломят их оборону в Крыму...

Командующий фронтом не принимал всерьез эти хвастливые заявления немцев, хорошо зная, что неприступных крепостей не бывает. Но вместе с тем было ясно, что немцы значительно укрепили оборону

Крыма, сосредоточив двухсоттысячную армию головорезов, прошедших суровую закалку в боях на восточном фронте, которые, будучи захлопнутыми в Крыму, были способны на ожесточенное сопротивление. Раненный зверь, как известно, ведет борьбу с удвоенной энергией, коварством и жестокостью. По всему видно было, что бои в Крыму предстоят упорные и жестокие.

Начальник разведки перешел к оценке авиационной группировки противника, однако командующий фронтом остановл его, сославшись на то, что предполагается специально заслушать командующего воздушной армией о плане борьбы за господство в воздухе и авиационной поддержке наземных войск. Он поблагодарил начальника разведки за содержательный доклад и попросил не ослаблять усилий по ведению непрерывной разведки противника.

Для доклада о состоянии войск фронта и предложений по плану операции слово получил начальник оперативного управления. Это был сообразительный, с тонким умом, осторожный, подготовленный генерал-оператор, хорошо наspiгованный большим количеством справочных данных о боеготовности своих войск, численном составе, дислокации, вооружении, боеприпасах, запасах и возможностях тыловых органов, путях сообщения и транспортных средствах, а также состоянии системы боевого управления войсками. Вместе с начальником разведки он готовил оценку противника, и его основной целью было наиболее обстоятельно и аргументированно дать предложения по применению своих сил в предстоящей операции, обоснованно наметит сроки и этапы боевых действий. В докладе была одна оценка наиболее слабых мест противника и сделана попытка обосновать предложения по определению главных направлений удара войск фронта в предстоящей операции. Зная досконально своего командующего и его методику выработки решения, начальник оперативного управления прилагал все усилия, чтобы предугадать его мнение и доложить свои предложения в унисон с тем, что может подумать командующий. При этом начальник оперативного управления всегда находился под влиянием начальника штаба и вынужден был считаться с его мнением. Он строго придерживался принципа: командующий есть командующий, а ближайший начальник - это начальник штаба, и под его руководством должен действовать начальник оперативного отдела. Это он уяснил твердо за длительный период службы в штабах. Хорошо, когда начальник шта-

ба и командующий - люди схожего характера и методы их мышления и подхода к оценке событий и фактов одинаковы, а сами они близки по своим взглядам и формам работы. Хуже, когда этого единства нет. В данном случае командующий фронтом и его начальник штаба были во многом разными людьми. Командующий фронтом прошел большую командно-штабную службу в войсках и накануне войны был начальником штаба округа, на должность командующего фронтом был назначен с должности командующего армией. Он привык много работать самостоятельно, глубоко проникая во все детали сложного военного дела. Путем тщательного анализа всех неопределенностей военной обстановки всегда искал наиболее правильное решение. Начальник штаба фронта в начале войны командовал дивизией и недавно был переведен на штабную работу. Он привык к тому, что ему предлагают варианты решений, а он выбирает из них лучший, привык повелевать и требовать с подчиненных выполнения своих приказов. Заниматься кропотливой повседневной штабной работой ему раньше не приходилось. Штаб всегда готовил ему все, что нужно для успешного командования подчиненными частями. А при назначении его начальником штаба фронта ему пришлось перестраиваться и, как показала практика, легко переходить со штабной работы на командную, как это было, например, у командующего фронтом, и значительно сложнее переходить с командной работы на штабную. Многим большим и опытным командирам такой переход осуществить успешно не удавалось в течение длительного времени, и они всеми силами стремились перейти снова на командную работу. К этому стремился и начальник штаба фронта. Ему бы командовать, а не штабом руководить. Командующий фронтом, будучи значительно выше своего начальника штаба, как по штабной культуре, так и по оперативно-командной подготовке, часто вынужден был работать за штаб и большинство самых важных штабных документов исполнял лично сам, в том числе и боевые приказы. Оперативные документы он не только подписывал, но и собственноручно составлял, чем в значительной степени облегчал задачу своему начальнику штаба.

Начальник оперативного управления доложил о боеготовности своих войск: 4-й Украинский фронт насчитывал 20 стрелковых дивизий, 3 танковые бригады и 2 танковых батальона. Соотношение сил было в пользу наступающих: по людям в 2,2 раза, по артиллерии - в 2, по минометам в 3 и по танкам - в 5 раз.

Оценивая направления возможных боевых действий, он остановил внимание членов Военного совета прежде всего на Перекопском перешейке.

- Под Армянском наши войска захватили часть Турецкого вала, и это делает Перекопское направление главным в предстоящей операции фронта, - докладывал оператор.

Такого же мнения придерживался и начальник штаба фронта. На это предложение командующий фронтом задал вопрос:

- А учитывается ли вся глубина оборонительной полосы на Перекопе, достигающая 30 километров, и долговременные Ишуньские позиции?

- Да, учитываются, и, несмотря на то, что на Перекопе большая глубина оборонительных полос, насыщенных долговременными укреплениями, все же это направление более выгодно для нас, так как это суша, на которой можно с успехом применять артиллерию, танки и наступать большими массами войск. По крайней мере, есть необходимое пространство, где можно развернуть армию и танковый корпус и двинуть их сосредоточенным кулаком в наступление.

- Возможным направлением для главного удара может быть и Сивашское, - продолжал докладывать оператор. - Однако наш плацдарм на южном берегу Сиваша имеет небольшие размеры, на этом клочке земли трудно незаметно для противника собрать большие силы и тем более сосредоточить там танковый корпус прорыва. На Сиваше нет никаких естественных укрытий для сосредоточения и укрытия наступающих войск: межозерные дефиле очень узкие, ровная местность без единого дерева и оврага. А оборонительные полосы противника на Сиваше имеют по дватри противотанковых рва и по несколько линий траншей, дотов, дзотов и других огневых точек.

- А почему же Михаил Васильевич Фрунзе в 1920 году наступал главными силами на Врангеля не на Перекоп, а через Сиваш? - не успокаивался командующий фронтом.

- Тогда была несколько другая обстановка, Турецкий вал был в руках белогвардейцев, а Красная Армия не имела тяжелого оружия для преодоления долговременных укреплений врага.

- Вам известно, - продолжал командующий, - что в 1920 году военные специалисты предлагали Фрунзе наступать также через Перекоп, однако с этими предложениями он не согласился и посчитал, что на Перекопе Красная Армия понесет тяжелые потери. Фрунзе считал, что в

такой оборонительной полосе войска Красной Армии истекут кровью, а белых не разобьют, и операция по освобождению Крыма закончится провалом. Кроме того, Фрунзе, как истинный народный полководец, добивался победы не числом, а умением. Он предпочитал маневр удару в лоб противнику и добивался победы малой кровью. Каждый красноармеец был очень дорог для полководца, вышедшего из гущи народа. И он искал пути, как ворваться в Крым, не понеся больших потерь. Проявится там, где противник меньше всего его ждал.

Я думаю, - продолжал командующий фронтом, - потому, несмотря на ноябрьские холода 1920 года, Фрунзе принял тогда наиболее правильное решение форсировать ночью студёные воды Сиваша вброд и с этого направления наступать на Крым.

8 часов по грудь в ледяной воде шли красноармейцы через Сиваш и на рассвете внезапно появились в тылу перекопских укреплений белых, которые, будучи застигнуты врасплох, сами оставили Турецкий вал и бежали в панике на южный берег Крыма. Вот такова история.

- Исторические примеры великих полководцев нам не следует забывать. Всегда не вредно учиться у истории, - назидательно заключил командующий. - Нужно учитывать, конечно, что враг сейчас не тот, да и наша армия - это не та Красная Армия, что была в 1920 году. Сейчас армии механизированные, да и советские солдаты, закаленные в трехлетней кровопролитной войне, это не красноармейцы периода гражданской войны, а искусные воины.

Начальник оперативного управления после этих вопросов и рассуждений командующего понял, что они вместе с начальником штаба недостаточно глубоко проанализировали все "за" и "против" при выборе направления удара.

Хотя он знал манеру командующего для проверки своих взглядов критиковать свои же намерения, проверяя в полемике, насколько прочна его аргументация. Но в данном случае сознание подсказывало ему, что их предложения не совпали с мыслями командующего...

Об авиационном обеспечении предстоящей операции докладывал командующий воздушной армией генерал Т.Т.Хрюкин. Среди других членов Военного совета фронта Тимофей Тимофеевич выделялся не только богатырским ростом, стройной атлетической фигурой, но и железной логикой в своих рассуждениях, решительностью действий, напористостью и комсомольским задором. Некоторые члены совета открыто назы-

вали его “нашим комсомольцем”. Он действительно был молод годами, армией начал командовать, когда ему шел всего тридцать второй год.

Еще будучи секретарем Каневского райкома ВЛКСМ Краснодарского края, Т.Т. Хрюкин, выступая перед молодежью, научился кратко, ясно и понятно излагать свои мысли.

Так же кратко и обстоятельно он выступал и на этот раз. Он дал характеристику авиационной группировке немцев в Крыму, которая насчитывала около 260 самолетов.

- Немцы имеют 90 истребителей, 140 бомбардировщиков и 30 разведчиков, как видно, большую часть группировки составляют бомбардировщики, - говорил Хрюкин, - с помощью которых немцы надеются вести активные боевые действия и бомбардировочными ударами сдержать наступление наших войск. Фашистская авиация производит налеты на плацдарм наших войск на южном берегу Сиваша, пытается нарушить переправы через Сиваш и бомбардировать сосредоточение войск фронта в прифронтовой полосе и ближайшем тылу. Разведчики противника, не считаясь с потерями, стремятся проникать к нам в тыл.

В феврале немецкая авиация произвела 1450 самолето-вылетов, а в марте - 2050, в том числе 700 - на атаку войск на поле боя, 432 - по переправам на Сиваше и 704 самолето-вылета - на воздушную разведку. Для усиления бомбардировочных ударов противник привлекает самолеты, базирующиеся в Приднестровье и Румынии.

Мы располагаем достаточными силами, чтобы нанести сокрушительный удар по фашистской авиации и разгромить ее на аэродромах базирования, не давая возможности немецким самолетам подняться в воздух. А те самолеты, которые взлетят, - уничтожить в воздухе. По нашему мнению, наступлению войск фронта должны предшествовать массированные удары по аэродромам противника. Наша авиация превосходит противника в несколько раз. Штурмовиков противник не имеет, а у нас их - свыше 350. Если подсчитать всю советскую авиацию, действующую в Крыму (8-ю и 4-ю воздушные армии и ВВС ЧФ), то наберется около 1500 самолетов против 260 немецких. Таким образом, наша авиация в состоянии буквально задавить немецкую авиацию и оказать наземным войскам эффективную поддержку с воздуха.

- Я могу заверить Военный совет фронта, - заявил Хрюкин, - что авиация 8-й воздушной армии в состоянии выполнить все задачи в предстоящей операции: надежно прикрыть наступление наземных

войск с воздуха и проложить им путь в Крым. Авиация является мобильным средством, может сосредоточить свои удары на любом направлении фронта в кратчайшие сроки и действовать на всю глубину Крымского полуострова. У нас достаточно самолетов и боеприпасов, необходимо только выделить и доставить к сроку порядка пяти тысяч тонн авиационного горючего.

Что касается наших предложений по плану операции в целом, то авиация может действовать на любом направлении и в любое время. Однако считал бы целесообразным наступать на Крым не по всему фронту одновременно, а наметить одно главное направление, где создать большое превосходство сил. В настоящее время трудно найти слабые места в обороне немцев, однако, несомненно, что наиболее глубоко эшелонированной и долговременной она является на Перекопском перешейке. Поэтому целесообразнее всего готовить наступление с нашего плацдарма на южном берегу Сиваша. На Сиваше оборона немцев значительно слабее по глубине и не имеет таких долговременных укреплений, как Турецкий вал и Ишуньские позиции. Перед нами стоит такая же задача, какая стояла перед Михаилом Васильевичем Фрунзе в 1920 году. Изучая операции гражданской войны в академии, мы все восхищались гениальным планом Фрунзе по разгрому Врангеля в Крыму, по его плану Красная Армия в течение 10 дней разгромила отборные армии белых и очистила Крым от контрреволюции. И тогда в 1920 году Фрунзе главный удар наносил не через Перекоп, а через Сиваш, он правильно определил наиболее слабое место в обороне белых, сосредоточил скрытно от них ударные силы и начал наступление там и тогда, где и когда враг менее всего ожидал его. Это обеспечило успех в выполнении плана Фрунзе.

Почему бы и нам не повторить этот план действий, тем более что мы имеем плацдарм на южном берегу Сиваша, чего не было у Фрунзе в 1920 году. По этим соображениям представляется целесообразным нанести главный удар под основание Перекопского перешейка и взять Ишуньские позиции не с фронта, а с тыла. Тогда вся оборонительная полоса немцев на Перекопе развалится. Уместно напомнить, что немцы в 1940 году, планируя вторжение во Францию, не пошли в лоб “неприступной” линии “Мажино”, а обошли ее через Бельгию. И все надежды французов на долговременные и, как казалось им, неприступные укрепления на границе с Германией рухнули. Укрепления оказались никчемными, французы вынуждены были бросить их и капитулировать перед Гитле-

ром. В такие же условия нужно поставить немцев в Крыму. Перекопские укрепления не спасут их. И нам нет необходимости брать их в лоб и нести неоправданные потери.

Учитывая, что немцы страдают переоценкой своих возможностей и недооценивают оперативные способности нашего командования, они предполагают, что мы развернем наступление именно на Перекопе, и держат там значительные силы своих отборных войск. Так что по всему видно, что они ждут главный удар на Перекопе и надеются там перебить наступающие войска, пользуясь хорошими и надежно защищенными укрытиями. Нам же целесообразно для укрепления этой версии немцев оставить основные силы 2-й гвардейской армии на Перекопе и демонстрировать там главное направление нашего наступления. Но это будет не главный, а отвлекающий удар. И его лучше нанести за несколько суток до начала генерального наступления, чтобы заставить немцев втянуть свои резервы на Перекопский перешеек, а потом их отрезать и не дать им отступить за внутренний рубеж обороны Евпатория - Сабуз - Старый Крым, тем более не дать им укрыться за Севастопольскими крепостными позициями. Что касается того опасения, что невозможно скрытно сосредоточиться нашим войскам на открытом, как блюдце, плацдарме, то уже с ноября прошлого года существует этот плацдарм. Много войск успело довольно фундаментально расположиться и укрыться на нем. Советский солдат настолько изобретателен и умеет приспосабливаться к местности так искусно, что уже сейчас многотысячная армия зарылась в солончаках на плацдарме так, что наши воздушные разведчики, фотографируя для контроля территорию плацдарма, неоднократно восхищались искусной маскировкой войск. Трудно, конечно, замаскировать танковый корпус на плацдарме, но ведь танки можно переправить туда в самый последний момент, когда наметится прорыв оборонительной полосы немцев, а до этого танковый корпус должен находиться на северном берегу Сиваша и демонстрировать свое сосредоточение с выдвижением на Перекоп...

Такие подробные предложения по плану предстоящей операции в Крыму вызвали презрительные ужимки у некоторых членов Военного совета, особенно открыто свое отрицательное отношение к выступлению Хрюкина выражали начальник штаба и член Военного совета. Их возмутил тот факт, что молодой авиационный генерал, "комсомолец", позволяет себе вмешиваться в оперативные планы боевых действий наземных войск. Начальник штаба не удержался и бросил реплику Хрюкину:

- Вы бы лучше побольше занимались своими делами и оградили бы нас от налетов немецкой авиации, а то почти каждый день немцы бомбардируют наши переправы через Сиваш и наносят большой ущерб войскам на плацдарме. А вы вместо выполнения своих прямых обязанностей думаете, как опрокинуть немцев в Крыму и захватить Севастополь. Не утруждайте свою голову этими планами, без вас есть кому подумать, как лучше действовать наземным войскам и прорывать оборону немцев.

На эту реплику Хрюкин не удержался и довольно резко ответил, что он такой же равноправный член Военного совета и считает необходимым доложить свою точку зрения по плану предстоящей операции, хотя по всему видно, она не совпадает с мнением начальника штаба фронта.

Т.Т.Хрюкин не умел, а скорее, не хотел “дипломатничать”, отстаивая свою точку зрения. Так он вел себя всегда. Тут уместно маленькое отступление.

В конце 1940 года генерала Хрюкина направили на курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии Генерального штаба.

В академии ему пришлось впервые изучать военную теорию, стратегию и оперативное искусство. Преподаватели академии выглядели солидными “учеными мужами”, хорошо знавшими свой предмет. Однако многие из них давно потеряли связь со строевыми частями и превратились в сухих теоретиков, над которыми довели каноны военных правил первой мировой войны, периода гражданской войны и отдельных военных столкновений двадцатых и тридцатых годов.

Уже началась вторая мировая война, которая характеризовалась широким применением больших масс мотомеханизированных войск, танков и авиации.

Война не объявлялась, а начиналась внезапным нападением агрессора. Мобилизацию и развертывание войск агрессор производил еще в предвоенный период. А теоретики в академии продолжали говорить о стратегическом развертывании войск, проведении всеобщей мобилизации и организации сокрушительного ответного удара по врагу. Они не уставали повторять, что... всякое нападение на наше государство будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию напавшего врага... Из этого положения исходили тогда наша предвоенная стратегия и военное искусство. Горе-теоретики из Военной академии Генерального штаба раскритиковали

предложения прогрессивных военных работников, в частности, теорию глубоких операций и создания крупных механизированных соединений Красной Армии. Это послужило причиной тому, что в 1939 году были расформированы созданные механизированные корпуса, однако в 1940 году, под давлением развернувшихся событий на Западе, у нас вынуждены были поспешно заново создавать эти корпуса. Авиация на Западе в военных действиях применялась массированно и играла важную роль в ударах по противнику на всю глубину его обороны.

В академии же продолжали развивать теорию приближения авиации к наземным войскам и рассредоточения ее по ВВС общевойсковых армий для непосредственной поддержки пехоты. Все эти теоретические исследования академических преподавателей поражали Хрюкина своей отсталостью, и он с присущей ему энергией выступал против “заслуженных” теоретиков и критиковал их взгляды и установки прямо на учебных занятиях, чем нрушал заведенный ход учебного процесса. Преподаватели-теоретики пытались утихомирить активного слушателя ссылками на его недостаточную теоретическую подготовку, но он настойчиво отстаивал свои взгляды, опираясь на личный боевой опыт, приобретенный в Испании, Китае и во время войны с Финляндией.

В этих спорах большей частью верх оставался за Хрюкиным. Он опирался на практику, которая, как известно, богаче теории. Его поддерживала и значительная часть слушателей, прибывших из войск. Вот и сейчас, на Военном совете, он не удержался и высказал в резкой форме, что думал.

Командующий фронтом в корректной форме остановил Хрюкина и попросил его садиться. Хотя полемика на Военном совете и не вредила поиску наилучших оперативных решений, однако он занл о неприязненных отношениях между начальником штаба и Хрюкиным и не хотел дальнейшего обострения выступлений, так как у некоторых его подчиненных личная неприязнь влияла на дела и мешала искать истину.

После Хрюкина выступил член Военного совета, он не так давно появился в штабе фронта, будучи выдвинут с должности члена Военного совета 2-й гвардейской армии. Его военный кругозор был пока ограничен армейскими масштабами. Однако сам он считал, что политический работник всегда имеет широкий кругозор и его обязанность состоит в том, чтобы строго соблюдать общую линию партии. А генеральная линия партии в период войны была ясна - все силы страны направлены на

разгром врага. Что касается оперативных планов, то 1944 год был годом развернутого наступления на всех фронтах. И, по его мнению, 4-й Украинский фронт не должен отставать от других фронтов.

- Некоторая заминка на 4-м Украинском фронте с осени 1943 года объясняется тем, - говорил член Военного совета, - что сравнительно долго провозились с Никопольским плацдармом немцев, а это сдерживало наступление и на Крым. Подошло время освобождения Крыма. Войска, воодушевленные победами на соседних фронтах, с энтузиазмом готовятся вышвырнуть фашистов из Крыма. Этот общий подъем облегчает подготовку войск к новым боям. Во всех воинских частях развернута широкая партийно-политическая работа под лозунгами: "Освободим наш солнечный Крым - здравницу советского народа", "Устроим немцам в Крыму второй Сталинград и не выпустим их живыми со священной советской земли". Политико-моральное состояние войск высокое, и можно быть уверенным, что любые приказы командования наши бойцы и командиры выполнят, не щадя своей крови, а если понадобится, то и жизни...

Такую оценку дал член Военного совета политико-моральному состоянию войск фронта и выразил убеждение, что задача освобождения Крыма будет успешно выполнена.

Что касается оперативной части плана предстоящей операции, то над членом Военного совета довлела его приверженность к армии, из которой он только что вышел. И он высказал свою поддержку предложению операторов - нанести главный удар силами 2-й гвардейской армии на Перекопе. Это, по его мнению, позволит разгромить основные силы фашистов, защищающие северные границы Крыма, и после этого стремительно двинуться на Симферополь и далее на Севастополь.

Начальник штаба фронта по укоренившейся командирской привычке считал своей обязанностью подвести итог происшедшему обмену мнениями на совете и сформулировать основные предложения по плану предстоящей операции. Он не столько делал предложения командующему, сколько пытался навязать ему свое решение.

По его мнению, Ставка Верховного Главнокомандующего должна была утвердить такой план операции:

- Главный удар по немецким войскам в Крыму наносит 4-й Украинский фронт с Перекопско-Сивашского направления на Симферополь и далее на Севастополь. Отдельная Приморская армия на Керченском по-

луострове наносит вспомогательный удар по южному берегу Крыма и соединяется с войсками 4-го Украинского фронта под Севастополем, 4-й Украинский фронт силами двух армий и танкового корпуса при поддержке воздушной армии главный удар наносит через Перекоп и вспомогательный удар с плацдарма на Сиваше. На Перекопе наши войска разгромят основные силы немцев и стремительным броском 19-го танкового корпуса и мотомехчастей фронта освободят Симферополь, не позволят немцам закрепиться на промежуточных рубежах, с ходу ворвутся в Севастополь и сбросят фашистов в Черное море.

Для проведения всей операции фронту потребуется не более 8-10 дней. Конкретный план действий войск фронта будет изложен на карте и расписан по дням, как только будет одобрен общий замысел операции...

Командующий фронтом поблагодарил всех выступавших на Военном совете. Однако своего заключения не сделал. Он сказал, что высказанные предложения ему необходимо дополнительно проанализировать, посоветоваться с командующими армиями и после этого Военный совет снова соберется в узком кругу и примет окончательное решение по замыслу операции для доклада его Ставке Верхового Главнокомандования. В целях сохранения плана операции в глубокой тайне командующий фронтом снова предупредил, чтобы никаких записей в штабе не делать, никаких переговоров и переписки ни с кем не вести. О чем говорили на совете, должны знать только присутствующие на заседании совета.

- Учтите, - сказал командующий, - что стены подслушивают, поэтому необходимо держать в глубокой тайне все, что касается плана предстоящей операции по освобождению Крыма.

Командующий фронтом решил замысел операции подготовить лично на карте, не привлекая для этого офицеров штаба. Имея отличную штабную подготовку и привычку работать самостоятельно, без помощников, командующий фронтом заперся в своем особняке и запретил кому-либо обращаться к нему в ближайшие сутки.

Для переговоров с командующими армиями он вызывал их по одному и имел с ними непродолжительные беседы, предупредив их, что в ближайшие дни побывает в каждой армии и выедет с ними на передовые позиции. Об этой поездке никто не должен знать, проведет он ее без сопровождения, с одной только охраной.

На плацдарме за Сивашем

Генерал Хрюкин возвратился с заседания Военного совета в подавленном состоянии. Начальник штаба своей репликой о плохой работе авиации по прикрытию войск на плацдарме за Сивашем задел его, что называется, за живое. На следующий день рано утром Хрюкин выехал на плацдарм для встречи с командующим 51-й армией.

Подъезжая к переправе, Хрюкин увидел много воронок от бомб, некоторые из них были свежие. Видимо, немецкая авиация на рассвете, уже после того, как он выехал из своего штаба, снова бомбила переправу. На переправе дежурный наряд узнал главного авиационного начальника фронта, и представившийся комендант переправы - молодой лейтенант - доложил, что полчаса назад около двадцати немецких самолетов произвели налет на переправу.

Наши истребители встретили их, когда первые “юнкерсы” стали пикировать на мосты. Первое звено бомбардировщиков успело прицельно сбросить бомбы, а остальные беспорядочно их побросали и устремились наутек, спасаясь от огня наших истребителей. В погоне за немцами одному нашему истребителю удалось поджечь вражеский бомбардировщик на обратном маршруте. Произошел воздушный бой между нашими и немецкими истребителями. Лейтенант с восхищением рассказывал, какое это было захватывающее зрелище. В воздухе была такая карусель и истребители выделяли такие воздушные трюки, какие раньше им никогда не приходилось видеть. Никто не пытался прятаться от немецких бомб, все смотрели в небо, где завывали моторы и трещали очереди пулеметов. Бывалые солдаты говорили, что немецкие истребители стали не те, а правильнее было сказать, что наши летчики на новых самолетах выглядели настоящими рыцарями пятого океана. И дрались так, что любо-дорого было смотреть на этих воздушных богатырей.

Обступившие генерала солдаты делились своими волнениями и переживаниями за краснозвездные самолеты. Хотя бой продолжался всего несколько минут, но говорить о нем могли долго. Одному солдату было непонятно, как это пара наших истребителей летела вниз головой, вывернувшись из-под удара четырех “мессершмиттов” и потом оказалась у них в хвосте. А летала эта пара так плотно, как будто они были связаны канатом, и ведомый повторял невероятные виражи, не отрываясь от

своего ведущего. “Это не летчики, а циркачи какие-то, сколько же они учатся, чтобы так летать?” - спрашивали у Хрюкина. Хрюкину, конечно, было приятно слышать простые солдатские задушевные похвалы и добрые слова о его летчиках, но он понимал, что не над переправой должны были вестись эти бои. Видимо, истребители опять опоздали встретить немецких бомбардировщиков на подходе к переправе, а это значит, где-то и кто-то не сработал вовремя и что-то было недоделано для того, чтобы полностью преградить путь немецким бомбардировщикам к нашим переправам.

Командир истребительного авиационного корпуса, храбрый и смелый летчик, много раз заверял командующего армией, что воздушные подходы к переправам надежно закрыты для немецкой авиации. Однако эти заверения не всегда соответствовали действительности. Хрюкину было ясно, что истребители опаздывают с перехватом самолетов противника.

В его распоряжении было два радиолокатора дальнего обнаружения. Оба локатора он направил на командный пункт истребительного авиакорпуса. Радиолокаторы обнаруживали самолеты противника за 100-120 км, если они летели на большой высоте. Но немцы очень быстро поняли недостатки полетов на большой высоте и перешли к полетам на малых высотах, особенно при подходе к линии фронта. Дальность обнаружения их радиолокаторами при этом заметно сократилась.

Командир авиакорпуса пытался свалить на радиолокаторы вину за опоздание своих истребителей с вылетом на перехват противника. Он не сразу понял технические возможности радиолокаторов и воровскую тактику противника - немецкие самолеты подкрадывались незаметно к линии фронта на малой высоте. После невнятных объяснений командира корпуса генерал Хрюкин приказал облетать зону обнаружения радиолокаторов в вертикальной плоскости. Пара истребителей на малой высоте полетела за линию фронта, ее маршрут прокладывали на экране радиолокатора. Очень скоро отметка на экране радиолокатора от этой пары исчезла, и командир корпуса, который наблюдал за полетом самолетов, убедился в том, что полет на малой высоте - хороший тактический способ скрыться от наблюдения радиолокаторами. К сожалению, этот облет закончился трагически - пара наших истребителей на малой высоте вышла на ближайший немецкий аэродром, где завязался воздушный бой с превосходящими силами противника, и оба наших истребителя были сбиты.

Хрюкин справедливо упрекнул командира корпуса, не сумевшего организовать полет истребителей так, чтобы была обеспечена их безопасность при встрече с врагом. Для этой пары нужно было дать прикрытие ударной группой, которая не была бы связана заданным профилем полета и могла бы вести свободный бой и вовремя защитить своих товарищей. Пришлось искать новые способы противодействия тактике противника. Для обнаружения низколетящих самолетов противника по команде генерала Хрюкина на Сивашском плацдарме, в непосредственной близости от передовой линии, в боевых порядках пехоты были выставлены специальные радиостанции оповещения и наведения.

В наземных войсках особой теплотой относились к летчикам. Еще во время боев под Сталинградом пехотинцы почувствовали надежную защиту с воздуха. Там 8-я воздушная армия под командованием генерала Хрюкина выдержала тяжелейшие бои с немецкими стервятниками и в конце концов одержала верх над ними, покончив с безграничным господством фашистской авиации.

В пехоте хорошо знали, что без надежной защиты с воздуха невозможно вести успешные боевые действия на земле.

8-я воздушная армия оказала неоценимую помощь наземным войскам и на “Миус-фронте”, и на реке Молочной. В 51-й армии хорошо знали генерала Хрюкина, и его приезд всегда был приятным и радостным событием.

В тяжелых боях на “Миус-фронте” в июле 1943 года командарму генералу Крейзеру, который тогда командовал 2-й гвардейской армией, пришлось пережить критические моменты в своей жизни. Первое наступление на “Миус-фронте”, как известно, захлебнулось, в июле нашим войскам не удалось сломить сопротивление немцев. 2-й гвардейской армии пришлось отступить, понеся при этом большие потери в людях и технике.

Верховный Главнокомандующий разразился бранью в адрес генерала Крейзера, усмотрев в его действиях робость и нерешительность. Верховный недолюбливал Крейзера, хотя последний прошел тяжелый боевой путь, начав войну командиром дивизии. Он проявил себя смелым генералом, умело воевал с немцами в невыгодных для нас условиях и за проявленную личную храбрость был награжден золотой медалью Героя Советского Союза. Попасть в немилость к Верховному Главнокомандующему в то время было нетрудно. Из-за своей болезненной мнительнос-

ти и подозрительности Верховный резко менял свое мнение о человеке и безжалостно наказывал людей, невзирая на их положение и заслуги. Он потребовал снять Крейзера с поста командующего 2-й гвардейской армией. С большим трудом друзьям Крейзера, и в первую очередь Толбухину, удалось уговорить Ставку ВГК не отстранять Крейзера.

Но так как Верховный приказал снять Крейзера с командующего 2-й гвардейской армией, Толбухин просил переместить Крейзера со 2-й армии на 51-ю. Толбухин хорошо знал Крейзера еще по 57-й армии, где тот был у него заместителем. Добрый и отзывчивый, Толбухин всегда вставал на защиту своих старых товарищей по оружию и поддерживал их в трудную минуту. Вот так в августе 1943 года Крейзер стал командовать 51-й армией и прошел с ней путь по Приазовью, Северной Таврии до плацдарма на Сиваше.

2-ю гвардейскую армию он передал генералу Г.Ф.Захарову, с которым они поменялись местами. На Сивашском плацдарме Крейзер с присущей ему энергией укреплял свои позиции и целыми днями пропадал в войсках на передовых рубежах, где пехота и артиллерия зарывались в землю, строили целые подземные улицы - траншеи и опорные пункты. Сам Крейзер тщательно изучал противника, искал слабые места в его обороне и выбирал направления, где лучше всего ударить по врагу и пробиться в Крым. Сосредоточению войск армии мешали артиллерия и авиации противника. Особенно чувствительны были бомбардировки войск с воздуха на переправах на Сиваш. Выход из строя переправы нарушал планы подготовки войск к наступлению, начинались перебои со снабжением продовольствием, горючим и боеприпасами. Особенно эти перебои сказывались на солдатах. На плацдарме голые солончаки не защищали ни от холода, ни от голода. Все средства для поддержания жизни на плацдарме доставляли с "Большой земли".

Когда Тимофей Тимофеевич добрался до наблюдательного пункта Крейзера, он обратил внимание на развалившиеся конюшни, заваленные сверху сухим камышом и землей, из отверстий просачивался пар. Оказалось, что изобретательные солдаты нашли в конюшнях самое теплое место на плацдарме. Перегонной навоза согревал землю, на ней можно было отогреться в холодную стужу с пронизывающими ветрами. Это выручало солдат, когда не было ни дров, ни угля.

Крейзер рассказал и показал Хрюкину, какое положение занимают войска его армии на Сиваше. Трудно было даже предположить, что на

открытой местности можно так искусно маскироваться. Солдаты времени даром не теряли, за несколько месяцев была вырыта целая подземная крепость, и солдаты уже по-хозяйски обжили плацдарм. Армия подтянула на плацдарм все, что могла, хорошо укрепилась и замаскировалась так, что вражеские артобстрелы и бомбардировочные удары по войскам не приносили немцам желаемого результата, они зря тратили боеприпасы. Из трех направлений - Тарханского, Ашкаданского и Каранского - наиболее выгодным для наступления с плацдарма, по мнению Крейзера, было Тарханское. Это был бы удар под основание Перекопских оборонительных укреплений, который позволил бы отрезать и в последующем разгромить главные силы немцев не в лоб, а с тыла его оборонительных полос.

Это направление, по мнению Крейзера, позволяло достичь цели в самые короткие сроки и меньшей ценой. Хрюкин высказал свою солидарность с планами Крейзера, но при этом высказал опасения в том, что сосредоточить основные силы армии на одном узком участке плацдарма будет очень трудно. Противник наверняка разгадает наш замысел и предпримет контрмеры. Поэтому лучше было бы готовить все три направления и там, где противник окажется наиболее слабым, прорвать его оборону.

На это Крейзер ответил, что на всех трех направлениях одинаково сильными быть невозможно. Для этого потребуются очень большие силы, особенно артиллерии, а такими силами армия не располагает, поэтому одно из направлений должно быть выбрано как главное, а другие будут вспомогательными.

- Ну, а если на Тарханском направлении противнику удастся сдержать наш натиск и наступление захлебнется на этом направлении, что тогда делать? - спросил Хрюкин.

- Мы должны собрать такое превосходство в силах на Тарханском направлении, чтобы никакие силы немцев не устояли под ударом наших войск, - продолжал отстаивать свою точку зрения Крейзер.

- Все это так, - согласился с ним Хрюкин, который также был сторонником сокрушительных внезапных ударов по врагу с гарантией достижения решительного успеха на выбранном направлении. Но у него вызывала сомнение возможность достижения внезапного и ошеломляющего удара с плацдарма, где противник мог заблаговременно вскрыть сосредоточение наших войск для атаки, стянуть значительные силы и

таким образом лишить наступающих большого превосходства в силах и выгодах внезапного удара. В связи с этим Тимофей Тимофеевич высказал Крейзеру предположение:

- А не лучше было бы выбрать главным не Тарханское, а Ашканданское направление, оно в центре плацдарма. И тогда легче будет маневрировать силами влево или вправо в зависимости от развития хода боевых действий? На войне трудно заранее расписать и определить, как обернутся события. Поэтому нужно иметь как можно более свободными свои руки и не связывать их объективными обстоятельствами, с которыми приходится неминуемо считаться в ходе боя.

- Главной силой прорыва армии, - возражал Крейзер, - является артиллерия, ею же маневрировать на плацдарме незаметно для противника и в короткие сроки невозможно. На плацдарме все как на ладони, а все дороги и коммуникации простреливаются противником, в том числе и фланговым огнем, который противник может вести, используя благоприятные для обороняющихся межозерные дефиле, глубоко пронизывающие плацдарм. Поэтому рассчитывать на маневр артиллерией в ходе начавшегося сражения не приходится. Нам нужно наносить первый удар наверняка, - заключил Крейзер.

- Вам, конечно, виднее, на каком направлении легче прорвать оборону немцев и нанести им первый сокрушительный удар, - соглашался Хрюкин, - но нельзя недооценивать значение маневра в наступлении. Воюют ведь люди с использованием моторизованных средств, которые значительно повысили возможности маневра для достижения превосходства над врагом. У наступающих войск инициатива, и они могут навязать свою волю врагам, поэтому авиация всегда за широкое применение маневра. Конечно, нам, авиаторам, легче маневрировать, чем пехоте. Для авиации любое направление на плацдарме в течение нескольких минут из второстепенного может быть превращено в главное, и вся боевая авиация может сосредоточить свои усилия на этом направлении. Для того, чтобы изменить полет групп самолетов и довернуть на несколько десятков километров, нужны минуты, а пехоте, видимо, потребуются сутки, чтобы перетащить артиллерию с правого фланга армии на левый фланг, хотя на плацдарме вся ширина фронта не более 20 километров.

Хрюкин по-дружески посоветовал Крейзеру еще раз взвесить все плюсы и минусы перед докладом своего мнения командующему фронтом о плане действий в предстоящей операции.

По его мнению, армия Крейзера в операции по освобождению Крыма должна сыграть одну из решающих ролей. И главный удар фронта, возможно, будет выбран именно с плацдарма.

- Авиаторы фронта сейчас также заняты изучением обороны противника, - продолжал Хрюкин, - рекогносцировку на местности необходимо проводить не только пехотным, но и авиационным командирам. Я решил прислать свои ведущие группы на передний край и дать им возможность познакомиться с ориентирами на местности, оборонительными сооружениями противника, посмотреть своими глазами на позиции врага с помощью стереотрубы. Потом будет легче искать и поражать цели с воздуха.

Крейзер заверил, что летчики будут самыми дорогими и желанными гостями в любом полку его армии.

Об этих поездках В.Д.Лавриненков пишет так: "...Вскоре под колесами машин загудел понтонный мост. С обеих сторон через мель виднелись бесчисленные воронки от бомб и снарядов. Были среди них и совсем свежие, сегодняшние: враг постоянно обстреливал этот единственный путь на плацдарм. Наконец мы перебрались на южный берег Сиваша. Вокруг все гремело. Нам приказали сойти с машин. Пошли по выкопанному в солончаке ходу сообщения. Время от времени слышались предупреждения: "Не высовываться!", "Толовы пригнуть!" Но это было излишним - посвист пуль и вой летящих мин заставляли нас соблюдать меры предосторожности.

Пехотинец-полковник, задержав нас у амбразур дзота, показал огневые точки противника, его укрепления, провел нас по всему участку переднего края своей части. А потом собрал всех в кружок и просто, товарищески сказал: "Теперь вы видели тот рубеж обороны фашистов, который нам предстоит штурмовать. Пехотинцы не пожалеют сил, чтобы прорвать вражеские укрепления. Но им необходимо надежное прикрытие с воздуха..."

...Мы слушали полковника, испытывая чувство восхищения солдатами, которые дорогой ценой захватили плацдарм и отстояли его. Теперь им снова предстоит смертный бой с врагом, и мы, авиаторы, обязаны облегчить своим боевым товарищам эту задачу.

- Бомбы с неба - вот что больше всего донимает нас, - еще раз напомнил на прощание полковник. - Не допускайте к нашему расположению "юнкерсов". А мы в долгу не останемся. Сделаем все, чтобы быстро очистить Крым от фашистских захватчиков.

Мы заверили пехотинцев, что не подведем, и тронулись в путь...”

Такое общение летчиков и пехотинцев имело важное значение для укрепления их боевого содружества и взаимной поддержки в предстоящих боях. В последующем было много примеров, когда в воздушном бою нашему летчику приходилось покидать самолет и приземляться с парашютом на нейтральной полосе. Нужно было видеть, какие жаркие бои разгорались за спасение этого летчика, пехотинцы бросались в атаку на врага, чтобы оттеснить противника и выручить летчика, попавшего в беду.

- Солдаты и офицеры с глубоким уважением и горячей любовью относятся к авиаторам, - говорил Крейзер, - в них они видят надежных защитников с воздуха, несущих смерть врагу. От ударов бомб дрожит земля, и это всегда поднимает дух всех, кто идет в атаку.

Я всегда сам так тяжело переживаю смертельные схватки в воздухе, что забываю многие наземные горести, и если приходится кому-либо из наших летчиков падать горящим факелом на землю, то тебя хватает за душу и сердце сжимает боль, как за своего родного сына. В последнее время приятно видеть, что чаще немецкие стервятники падают на землю. Но война есть война, жертвы неизбежны и с нашей стороны. Мне думается, что в самой гибели летчика много героического. Его смерть видят с земли многие тысячи людей: она вызывает удовлетворение, когда видят падающим самолет врага, и тяжелую скорбь - когда гибнет советский летчик. Наши воздушные богатыри со времен Сталинградского сражения хорошо воюют в воздухе и оказывают наземным войскам неоценимую помощь, за которую в этих смертельных боях и поблагодарить-то некогда.

На днях мы были свидетелями одного захватывающего воздушного боя. Воздушная схватка началась над переправой, на четверку наших патрулирующих истребителей сразу свалились три группы немецких истребителей. И эта четверка не дрогнула и не покинула поле боя. А закружилась смертельная карусель. Через несколько минут подошло несколько групп наших истребителей, но немцы тоже получили подкрепление. Шла борьба за воздушное пространство над плацдармом, видимо, немецкие истребители имели задание расчистить путь своим бомбардировщикам. В воздухе стоял такой рев моторов и трескотня гулких очередей пушек и пулеметов, что все мы, задрав головы, не отрывались от этого захватывающего зрелища. Черными факелами падали пылающие самолеты на

землю - больше десятка упало немецких самолетов, но порядочно упало и наших истребителей. Дорогой ценой, видимо, заплатили наши летчики, но воздух над плацдармом очистили и бомбардировщиков к переправе не допустили.

Тимофей Тимофеевич, передайте от пехотинцев благодарность вашим летчикам. Впервые мне удалось видеть воздушный таран. А было это так. Четверка немецких истребителей атаковала одного нашего истребителя, это был, видимо, командир группы, так как он шел впереди нескольких пар наших истребителей. Почему он оказался без напарника, мы не видели, но, попав в огневые клещи, наш ястребок начал стремительно падать к земле. В последний момент ведущий одной из следующих за ним пар истребителей стремительно спикировал на немецкие самолеты сверху, он с очень близкого расстояния открыл огонь по врагу и ударил своим самолетом по хвосту немецкого истребителя. Оба самолета начали беспорядочно падать на землю, парашютистов мы не видели. Видимо, этому героическому парню уже не было возможности воспользоваться парашютом. Для всех, кто наблюдал с земли воздушный бой, это был убедительный пример, как один летчик идет на выручку своего товарища и ценой своей жизни мстит за гибель товарища - командира. У меня до сих пор в глазах стоит эта сцена - столкновение самолетов в воздухе.

- Воздушный бой наглядно продемонстрировал, - продолжал Крейзер, - что наши летчики буквально своими телами преграждают путь врагу и защищают наши головы. Я бы всех этих отважных бойцов посмертно представлял к присвоению звания Героя Советского Союза, вот жаль только, что остаются неизвестными фамилии этих летчиков. А по останкам установить ничего невозможно. Ведь это уже так ведется, что у большинства погибших летчиков могил нет.

Но это был наглядный и поучительный урок для всех наших бойцов, как нужно драться с врагом за свою Родину. Такие зрелища лучше любой агитации и пропаганды, они поднимают у солдат гордость за своих героических летчиков и вызывают жгучую ненависть к врагу. Это урок хорошей морально-политической подготовки войск армии к предстоящему наступлению. Солдаты рвутся в бой с желанием отомстить и за своих ближайших друзей, погибших в окопах и на поле боя, и за товарищей, которые отдают свои жизни, чтобы убереечь пехотинцев от бомб и снарядов врага. Так что мы признательны вашим летчикам вдвойне.

Хрюкин вспомнил, что этот бой вели летчики 812-го истребительно-го полка. В этом жестоком бою погибло десять советских истребителей. Хрюкин рассказал Крейзеру:

- Действительно, это был воздушный бой, который начался со встречи четырех истребителей 812-го авиаполка с большой группой немецких самолетов, шедших бомбить переправу через Сиваш. На помощь нашей четверке истребителей с аэродрома было немедленно выслано подкрепление. Взлетели три группы истребителей, одну из которых возглавлял командир полка. В бою советским истребителям пришлось встретиться с немецкими асами 52-й эскадры, которые прошли по многим кровавым трассам Европы и имели большой боевой опыт за плечами. Немецкие воздушные хищники в совершенстве владели “мессершмиттами” и всеми приемами высшего пилотажа. Но лобовых атак немецкие асы не выдерживали. Это знали наши истребители и смело пошли навстречу врагу. Ведущему группы удалось свалить наиболее наглого немца и крутым разворотом уйти вверх вправо, но в это время его напарник, молодой летчик, не удержался в строю. Он отвалил в сторону и тут же стал жертвой другой пары немецких стервятников. Постоянный напарник командира полка, с которым он всегда летал в бой, к его большому сожалению, в этот день был вызван на дивизионные сборы командиров эскадрилий, и во время боевого вылета на аэродроме его не оказалось. Оставшись без напарника, ведущий попал в клещи двух пар “мессершмиттов”. На выручку бросился Герой Советского Союза старший лейтенант Лавренев. Но было уже поздно, самолет командира полка загорелся и с нарастающей скоростью потянул к земле. Колпак кабины не открывался, видимо, летчик был смертельно ранен. Командир 812-го авиаполка майор Волчков погиб.

Старший лейтенант Лавренев бросился на ближайшего “мессершмитта”, всадил в него весь оставшийся боекомплект с такого близкого расстояния, что не успел отвернуть в сторону и на повышенной скорости врезался в хвост немца. Он рассчитался за своего командира ценою собственной жизни. Видимо, этот удар вы и видели, Яков Григорьевич. Вот какие храбрецы есть среди наших летчиков. Однако из этого сражения пришлось извлечь горький опыт.

С командиром полка такой трагедии могло бы и не произойти, если бы мы, командиры, все последствия своих действий здраво оценивали и предусматривали, чем может закончиться начатое дело. Зачем коман-

диру дивизии понадобилось собирать командиров эскадрилий во время напряженных воздушных боев? На это трудно вразумительно ответить. Мне пришлось его наказать, а остальных на этом примере научить и показать, как много зависит от действий командиров на войне, и чем выше рангом командир, тем значительнее его влияние на ход событий и тем требовательнее он должен подходить к оценке своих действий. Обязанность командиров состоит в том, чтобы создать такие благоприятные условия для выполнения боевой задачи, при которых наши бойцы смогли бы успешно ее выполнить и понести при этом наименьшие потери.

Крейзер выразил полное согласие с Хрюкиным и сказал:

- В первые годы войны мы видели много примеров того, как храбрые и преданные до конца бойцы, части и даже целые соединения ставились высшими командирами в такие невыгодные условия перед врагом, что им не помогали ни храбрость, ни тактическое умение, и мы терпели поражения. Сейчас таких ошибок допускать нельзя. Чем ближе к победе, тем дороже для нас каждый советский человек. И святая обязанность каждого командира - беречь своих подчиненных и не допускать неоправданных жертв и потерь.

- Яков Григорьевич, нам нужно с вами договориться, как понадежнее прикрыть войска на плацдарме, и особенно переправы, от налетов вражеской авиации, - сказал Т.Т. Хрюкин. - Свой передовой командный пункт я думаю разместить рядом с вашим КП и управлять авиацией непосредственно с плацдарма. Ваши инженерные части, я надеюсь, помогут нам оборудовать несколько хороших землянок на высотке с отметкой 9.0, что у развалин населенного пункта Хаджи Булат. С нее хорошо просматривается весь район до переправы включительно.

Нам нужно быть поближе друг к другу, личное общение - самый хороший вид связи между командармами.

Крейзер с улыбкой гостеприимного хозяина не скрывал своей радости от такого предложения и заверил, что все будет сделано для оборудования командного пункта авиаторов.

- Будут землянки с трехъярусными перекрытиями с защитой от прямого попадания снарядов, а ходы сообщения 3-метровой глубины будут проложены от моей землянки до вашей, и все обеспечение авиаторов мы возьмем на себя.

Хрюкин поблагодарил Крейзера за товарищескую помощь. "Сейчас мы испытываем большую потребность улучшить воздушное наблюдение

и оповещение на плацдарме, - продолжал Хрюкин, - мы уже выставили несколько передовых радиостанций оповещения и наведения с опытными авианаводчиками. Посты ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) наземных частей могут хорошо помочь авиаторам”.

Крейзер пометил в своем блокноте: дать указания подтянуть работу службы ВНОС армии.

При отражении последних налетов авиации противника наблюдались несогласованные действия зенитчиков и летчиков. Поэтому командармы решили отработать детальный план взаимодействия зенитных частей с истребительной авиацией, с точным определением зон уничтожения противника, взаимного опознавания и порядка действий боевых средств.

Командные пункты истребительного авиакорпуса и командира дивизии зенитной артиллерии решили напрямую связать между собой. Теперь можно было Хрюкину быть спокойным за то, что своя артиллерия не будет обстреливать истребителей, а отражение налетов авиации противника станет более надежным и согласованным.

Быстро пролетело несколько часов напряженной совместной работы. Посещение командующего 51-й армией закончилось приглашением к обеду под грохот начавшегося артиллерийского обстрела. Наша артиллерия открыла ответный огонь. Немцы педантично следовали заведенному порядку: обстрелы вели с интервалами через 2 часа, пытаясь измотать наши войска, расположенные на плацдарме. Хрюкин решил не ждать окончания обстрела и, несмотря на настойчивые советы не подставлять своей головы, дабы не попасть под случайный снаряд, выехал на “виллисе” в обратный путь. Он торопился к командующему фронтом, чтобы доложить ему о плане уничтожения авиации противника на аэродромах и получить на это согласие и разрешение Военного совета фронта. Хрюкину было понятно, что можно было бы предпринимать разные меры по отражению налетов бомбардировщиков на плацдарм, но лучше всего было уничтожать эти бомбардировщики противника на его аэродромах, не дать подняться им в воздух. По мнению Хрюкина, это было наиболее радикальным средством оградить свои войска от фашистских бомб. Он придерживался принципа: не давать авиации противника подниматься в воздух, уничтожать ее на земле, не обороняться, а самим нападать и заставлять противника защищаться от ударов нашей авиации - такая тактика действий была больше всего по душе Хрюкину.

Накануне операции

Хрюкин полностью ушел в дела по подготовке армии к наступлению в Крым. В штабе армии были сделаны все расчеты потребных сил и средств на операцию. Самолетов было в 3,5 раза больше, чем у противника. Боеприпасов хватало, а вот авиагорючего не доставало несколько тысяч тонн. Начальник тыла армии обращался с заявками в обеспечивающие органы, но ему везде отвечали, что с горючим туговато, что не только 4-й Украинский фронт готовится к наступлению. 1944 год - это год развернутого наступления на всех фронтах от Мурманска до Черного моря, поэтому всем нужно горючее. Заявки армии будут удовлетворены только на 50 процентов. Получалось, что самолетов в армии достаточно, летчики есть, боеприпасами обеспечены, а летать в полную силу не могут, горючего не хватает. Жесткие лимиты горючего не раз приводили к тому, что авиация вынуждена была большей частью израсходовать его в первые дни операции по прорыву обороны. В эти дни приходилось буквально выковыривать противника из укрытий, на каждого неприятельского солдата требовалось сбрасывать большое количество боеприпасов. И вот противник вышеблен с укрепленных позиций, он вынужден отходить, подставляя свои войска на марше под удары авиации. Теперь авиация может нанести наибольший ущерб войскам противника, громя их в открытом поле. И в это время начинает ощущаться острый недостаток горючего и авиация снижает свою активность, упускает благоприятную обстановку для поражения врага. Тем более что противник, отступая, пытается оторваться от наземных войск и настигнуть его можно только с воздуха. Хрюкина это положение дел всегда возмущало, но он мало что мог сделать. Поэтому как ни планируй напряжение боевых вылетов по дням наступления, а горючего для преследования противника не хватало. Командующий фронтом предложил Хрюкину добиваться решения проблемы через тыл Военно-Воздушных Сил, так как это горючее авиационное. Обращение к начальнику тыла ВВС положительного результата не дало, там сослались на Генеральный штаб и тыл Красной Армии, они, мол, утверждают лимиты. Пусть ходатайствует командующий фронтом. Получался замкнутый круг. Посоветовался Хрюкин со своим заместителем по политчасти, решили обращаться к Верховному. Правда, это обращение могло закончиться очень плачевно, командую-

щий ВВС КА - первый, кто мог не простить такую дерзость и нарушение всех норм субординации. Однако ничего другого не оставалось.

И Хрюкин попросил соединить его по телефону правительственной связи со Сталиным. Ответил Поскребышев. Хрюкин представился. В Москве его хорошо знали как командующего авиацией Сталинградского фронта и одного из заслуженных авиационных начальников. Он кратко доложил суть вопроса - не хватает горючего. Поскребышев попросил подождать у телефонной трубки. Вскоре в трубке раздался приглушенный голос. Сталин поздоровался с Хрюкиным и спросил его: "В чем дело?" Тимофей Тимофеевич четко, по-военному доложил:

- Готовим операцию, товарищ Сталин, сосредоточили мощную авиационную группировку, всего у нас достаточно - самолетов, летчиков, боеприпасов, не хватает горючего...

На вопросы Верховного, как летчики осваивают новые самолеты, какова обеспеченность частей армии, были даны четкие, исчерпывающие ответы. Сталин помнил Хрюкина еще с 1938 года по его боевым делам в Китае, и разговор шел в дружеском тоне.

- Сколько вам недостает горючего? - спросил Сталин.

- Пять тысяч тонн... - ответил Хрюкин.

- Хорошо, товарищ Хрюкин, будет вам горючее, не беспокойтесь, желаю успеха в освобождении нашего солнечного Крыма.

На этом разговор закончился. Хрюкин давно не испытывал такого напряжения от телефонного разговора, но, ободренный обещанием Сталина, успокоился и стал ждать, как будут дальше разворачиваться события. Шел уже третий час ночи, но было не до сна. Через 15-20 минут Москва вызвала по ВЧ Хрюкина. У телефона в Москве находился А.И.Микоян, он передал, что получил личное указание Сталина обеспечить поставку для 8-й воздушной армии 5 тысяч тонн авиагорючего.

- К какому сроку требуется это горючее? - спросил Микоян. Хрюкин ответил, что не позднее следующей недели.

- Будем направлять транспорты с авиагорючим в первую очередь вам. Мне приказано лично заниматься этим вопросом, хотя это немного не моя область деятельности, но у нас в Политбюро приходится решать любые вопросы.

Через десять минут раздался второй звонок по ВЧ из Москвы - звонил начальник тыла Красной Армии и сообщил, что требуемое для армии авиагорючее будет доставлено в течение одной недели. После это-

го позвонил начальник тыла Военно-Воздушных Сил, передал номера железнодорожных транспортов с авиагорючим, переадресованные с других направлений, и вскользь заметил, что командующий ВВС выражал свое недовольство нетактичностью поведения Хрюкина. Команды сверху попутали все планы руководства ВВС по обеспечению горючим других воздушных армий. И такие “партизанские действия” Хрюкину при удобном случае припомнят. Сам командующий ВВС Хрюкину не звонил, между ними не установилось хороших дружеских отношений. Хрюкин мирился с этими угрозами, знал, что они могут принести немало неприятностей. Но для него важны были интересы дела, личные дела и благополучие у него всегда отходили на второй план. Главная цель достигнута, все препятствия преодолены, и горючее будет доставлено вовремя, а к угрозам со стороны командования ВВС ему не привыкать. Это были далекие начальники, которые больше грозили, чем помогали. Важно, что командующий фронтом похвалил его за настойчивость и пообещал оградить от угроз. У командующего фронтовой воздушной армией ближайшим прямым начальником являлся командующий фронтом. Авиация воздушной армии целиком и полностью действовала в интересах командования фронтом, по его оперативным планам и под его непосредственным руководством, успех действий авиации определялся общим успехом наземных войск. Командующий фронтом ставил задачи и не только требовал их выполнения, одновременно он заботился о своей воздушной армии, обеспечивая ее всем необходимым.

Двойственное подчинение в ходе боевых действий было недопустимо. На фронте есть только один командующий, и все войска, в том числе и воздушная армия, действуют под руководством Военного совета фронта. Когда командование ВВС пыталось вмешиваться в боевые действия воздушной армии и ставило дополнительные задачи по борьбе с авиацией противника в интересах других фронтов, это вызывало естественное противодействие со стороны командующего фронтом.

Однако полностью не считаться с требованиями командующего ВВС Хрюкин не мог. Снабжение армии самолетами, кадрами, спецбоеприпасами и горючим производилось именно через ВВС.

Эта двойственность в подчинении иногда приводила к ненужным трениям и не помогала общему делу, особенно если командующий фронтом не имел должного контакта с командующим ВВС.

До начала Крымской операции оставалось совсем мало времени, и Хрюкин день и ночь напряженно работал в авиачастях. Прибывало пополнение молодых воздушных бойцов, нужно было в короткий срок вводить их в строй. Пополнение молодых летчиков, воздушных стрелков-радиостов составляло 30 процентов, а в некоторых авиачастях оно достигало 50 процентов от общего числа летного состава. Хрюкин не упускал ни одной возможности встретиться с молодым пополнением, по-отечески поговорить с ними и дать напутствия перед убытием их в строевые части. Эти встречи всегда доставляли ему удовольствие. Двадцатилетние парни не раз поражали его серьезностью и страстным желанием идти в бой. Создавалось впечатление, что молодые ребята торопятся не опоздать в борьбе за счастье и свободу своей Родины. Трудности и невзгоды войны рано сделали их серьезными и взрослыми. Им не хватало профессиональной подготовки, но зато у них было страстное желание быстро перенять от старших товарищей их опыт и быть полезным своей Родине в годы лихолетья.

Тимофей Тимофеевич решил собрать в штабе армии командиров авиаполков, дивизий, корпусов, районов аэродромного базирования и их начальников штабов для отработки вопросов ведения боевых действий в предстоящей операции. Сначала были вызваны командиры авиаполков, с ними командующий армией лично изучал вопросы боевых действий авиаполка на поле боя в условиях сильного противодействия зенитной артиллерии и истребительной авиации противника.

Командарм Хрюкин особое внимание уделял отработке тактики действия авиации в предстоящей наступательной операции. Будучи сам летчиком-бомбардировщиком, он наибольшее внимание, как это ни странно на первый взгляд, уделял подготовке к бою истребителей. Ему было понятно, что без завоевания господства в воздухе нельзя рассчитывать на успешные действия своей бомбардировочной и штурмовой авиации, а также на успех боевых операций наземных войск. Поэтому подготовку истребителей он держал под личным наблюдением и контролем.

К истребителям он питал чувство особого уважения по чисто профессиональным причинам, видя в них образец летчиков, владеющих тайнами высшего пилотажа. Летчика-истребителя он считал воздушным акробатом, виртуозом и бесстрашным бойцом, у которого все события в воздушном бою происходят в считанные секунды. У настоящего истребителя отличная реакция, острота мысли, стремительность действий,

он в каждое мгновение готов к любым неожиданностям. Летчик-истребитель не только комок нервов, но и комок стальных мышц, способных стойко переносить многократные перегрузки в воздухе.

Лично руководя воздушными боями над линией фронта, генерал Хрюкин продолжал накапливать богатый боевой опыт, обобщал его и искал новые, все более совершенные тактические приемы в борьбе с врагом. Завоевать господство в воздухе можно было не только ударами по аэродромам противника, главное, было побеждать в воздушных боях. От действий отдельных пар истребителей он переходил к боям большими группами самолетов. На перехват воздушного противника истребители вылетали группами не менее 8 самолетов, а вступив в воздушный бой, их силы непрерывно наращивались. Принцип массированных действий истребителей требовал четкого и умелого руководства в бою, чтобы в нужный момент и в нужном месте всегда иметь превосходство над врагом. Истребители в напряженные периоды боев вели непрерывное патрулирование в воздухе группами по двенадцать самолетов и более, одновременно занимая несколько воздушных эшелонов от 1500 до 5 тысяч метров.

В верхних эшелонах, как правило, располагались ударные группы истребителей, которые, имея превышение скорости и высоты над самолетами противника, стремительно обрушивались на врага, сеяли в его боевых порядках панику, обращали в бегство и уничтожали противника. Хрюкин учил не бояться ходить в лобовые атаки, которые немецкие летчики, как правило, не выдерживали и обращались в бегство, а это уже было залогом победы.

Много внимания уделил Хрюкин развитию метода “свободной охоты”, который широко практиковался истребителями для осуществления воздушной блокады Крыма, а позднее - метод “свободной охоты” начали широко применять и штурмовики.

Летчики-“охотники” бесстрашно ходили по тылам противника, используя плохую погоду, внезапно нападали на врага, сбивали вражеские самолеты, уничтожали живую силу и технику противника. “Охотники” держали противника в непрерывном напряжении, фашистские летчики, перепуганные действиями наших “свободных охотников”, стали опасаться их и избегать с ними встреч. К летчикам-“охотникам” Хрюкин относился с особым уважением, ибо это были храбрейшие из самых храбрых воздушных бойцов, способные на дерзкие и смелые дела в тылу против-

ника. Они являлись образцом отчаянных бесстрашных летчиков, в совершенстве владеющих боевым самолетом и всеми формами высшего пилотажа и воздушного боя. Это были кумиры молодежи в своих авиаполках.

Хрюкин не только знал их лично, но и часто встречался с ними, ставя им боевые задачи и разбирая после полетов результаты их боевых действий. После выхода наших войск на Перекоп, фашисты в Крыму потеряли сухопутные пути сообщения со своими войсками, отброшенными за Днепр. У немцев остались коммуникации только по морю и воздуху. Для того чтобы блокировать Крым с воздуха, Хрюкин решил посадить эскадрильи летчиков-"охотников" в район Скадовска и перерезать воздушные трассы из Крыма в Одессу путем патрулирования истребителями над морем от района Саки - Евпатория - Одесса.

По своему опыту он знал, что летать над морем на сухопутном самолете - очень тяжелое психологическое испытание для летчика. Ему приходилось летать над морем на бомбардировщике. На большой высоте морские пучины не так давят на психику летчика и не так притягивают к себе. Чем ближе вода, тем сильнее тянет морская пучина. Громадные морские просторы требуют от летчика большой выдержки и хладнокровия, а главное, веры в свой самолет, чтобы часами парить над водой, зная, что внизу не земная, а морская гладь, на которую не сядешь. Немцы, потеряв сухопутные пути в Крым, начали широко использовать свою транспортную авиацию по трассе Одесса - Саки. Под Скадовском была организована засада отборных "охотников"-истребителей во главе с дважды Героями Советского Союза А.И.Покрышкиным и А.В.Алелюхиным. Александр Иванович командовал полком в 9-й гвардейской истребительной авиадивизии полковника И.М.Дзусова, а А.В.Алелюхин был командиром авиаэскадрильи в 9-м гвардейском авиаполку 6-й гвардейской авиадивизии полковника Б.А.Сиднева. В этих полках были собраны выдающиеся асы-истребители, которым не страшны были и полеты в открытое море.

Сам воздушный ас в книге "Небо войны" так вспоминает об этих полетах:

"В плохую погоду над Сивашем... я уходил с Голубевым на "охоту" в море. Низкие облака, не позволявшие авиации действовать над линией фронта, не мешали немецким самолетам поддерживать связь Крыма с Одессой, а нам с Голубевым "охотиться" за ними... Подвесные бачки

наших истребителей позволяли нам с Голубевым искать их далеко от берега. Серая промокшая земля, пустынные раскисшие дороги, словно обезлюдившие села - Чаплинка, Коончак, Скадовск, Тендеровская коса с белыми песками. И вот под нами, совсем близко бурное с пенными загравками на гребнях волн такое же серое, как и нависшие над ним облака, вечно живое море. На бреющем у самой воды нам нужно лететь долго, забыв о земле. Только где-то там, над морем, мы можем случайно напасть на вражеский самолет, а для этого надо походить немало времени, доверяясь машине, себе.

Нам только бы увидеть самолет противника. Где проходит один, там курсируют десятки. Маршрут между Саками и Одессой обязательно существует! По суше связи уже нет.

Я приучил себя к морю еще на Кубани, потом летал у Таганрога, Осиенко, Мариуполя. Но, взглянув сейчас на него, я думаю о его глубине, о том, что берег в случае чего нам ничем не поможет. Спокойствие поддерживает во мне ровно гудящий мотор, застывшие стрелки приборов. Но сказать "приучил" - это слишком категорично. Каждый раз, когда я смотрел за борт и видел темное штормовое море, я на какие-то секунды отключался от восприятия звуков мотора - меня всего поглощала страшная стихия воды. Усилием воли я избавлялся от ее магнетизма, возвращался к надежному мирку своей кабины, к стрелкам приборов. Но теперь в первые секунды мне казалось, что и мотор гудит не так, как раньше, и стрелки угрожающе сдвинулись к критическим пределам... Нужно было некоторое время, чтобы снова проникнуться уравновешенной мощной силой машины. Несколько слов, обращенных к Голубеву, его ответ приносил ощущение обычности нашего полета. Берег давно остался позади. Чтобы обнаружить предполагаемый маршрут полета вражеских самолетов, мы начали бродить над морем, то и дело меняя курс. И вдруг... Он шел левее и чуть выше нас, под самыми облаками. Это был крупный трехмоторный "Юнкерс-52". Прижимаясь к воде, я подкрался к нему очень близко, но он никак на это не реагировал. Экипаж Ю-52, видимо, не предполагал, что в такую погоду над морем могут оказаться наши истребители. Первая очередь заставила "юнкерса" опуститься к воде. После второй он загорелся и рухнул в море. Раздался взрыв, по воде разлилось пламя.

Через несколько минут мы встретили другого "юнкерса"... Атакую "юнкер" в "живот". От его крыла тянется тоненькая струйка дыма. Я про-

скакиваю под падающим самолетом, разворачиваюсь и вижу: еще один костер запылал над волнами”. Подробности описанного полета вскоре стали известны Хрюкину. Он открыто восхищался геройскими подвигами Покрышкина, но вместе с тем предупреждал его не совать голову туда, где можно легко ее потерять, избегать излишнего риска и помнить, что за командиром полка стоят десятки летчиков и от него зависит очень многое в полку. Дело в том, что во время атаки на самолет Ю-52 у Покрышкина сложилось “критическое положение”... Немецкий летчик увидел настигающий его истребитель и стремительно пошел на снижение, стараясь прижаться к воде.

Покрышкин догонял “юнкерса” сзади и атаковал самолет снизу в “живот”. Для выхода из атаки он мог взмыть вверх или уйти вниз. Отвалить в сторону не позволяла дистанция. Он очень близко подошел к “юнкерсу”, чтобы ударить его наверняка. Перескочить вверх над падающим самолетом, будучи ниже его, значило столкнуться с ним, оставалась маленькая, непрерывно сокращавшаяся щель между самолетом и водой, в которую в последнее мгновение и удалось прорваться Покрышкину. В этой ситуации он сам был на волосок от гибели. На размышления оставались доли секунды, вот здесь проявилась поразительная реакция, стремительность и высшая техника пилотирования талантливого истребителя. Как он успел проскочить под падающим самолетом и не зацепить гребешок волны? Некоторые считали, что ему улыбнулось счастье, а другие с большим основанием полагали, что такие дерзкие атаки кончались для А.И.Покрышкина благополучно не из-за везения, а благодаря боевому мастерству и умению. Хрюкин хорошо понимал, что в бою без риска нельзя обойтись, но он считал, что риск всегда должен быть оправданным. В данном случае рисковать жизнью и самолетом не было необходимости, и Хрюкин вынужден был предупредить Покрышкина в дальнейшем избегать таких положений, напомнив ему трагический случай с Лавриненковым, которому при атаке немецкого корректировщика не хватило воздушного пространства.

Хрюкин очень дорожил каждым летчиком своей армии, оберегал их жизни как только мог и тяжело переживал каждую боевую утрату, особенно гибель любимых командиров, чего на войне, к сожалению, невозможно было избежать. Поэтому ему приходилось не в меру ретивых летчиков сдерживать от неоправданного риска. Хрюкин запретил Покрышкину вылетать в море без его личного разрешения. Его постоянным

принципом было: добиваться победы малой кровью. Скрупулезно изучал Хрюкин тактику действия истребителей при сопровождении штурмовиков и бомбардировщиков. По его предложению истребители сопровождения штурмовиков были разделены на две группы: непосредственной внутренней зоны защиты и внешней зоны боевого порядка. В группу внутренней зоны защиты входили истребители, которые располагались на флангах прикрываемой группы штурмовиков с интервалом и дистанцией не более 400 метров, одна пара с одного фланга выше штурмовиков, а вторая пара с другого фланга ниже. Эти пары непосредственно отражали атаки истребителей противника, если они прорывались через внешнюю зону защиты. Фланговые пары истребителей, отбив атаку противника отсекающим огнем, менялись местами крест-накрест, обеспечив при этом взаимодействие с огнем воздушных стрелков самолетов Ил-2. Группа внешней защиты в составе до трех пар истребителей следовала сзади штурмовиков на дистанции 800-1000 метров, с превышением 300-400 метров. Она не была жестко связана с местом в боевом порядке и уничтожала самолеты противника при попытке их прорваться к штурмовикам. Эта группа вела активные действия и первой нападала на противника, навязывая ему бой, не подпуская к штурмовикам.

Главным залогом победы в бою Хрюкин считал не оборонительные, а наступательные действия с навязыванием своей инициативы противнику. Хрюкин требовал непрерывно совершенствовать тактику действий штурмовиков, особенно при взаимодействии с наземными войсками на поле боя, избегая при этом шаблона. Основной боевой группой штурмовиков была шестерка самолетов в строю растянутого клина. Первый заход на цель штурмовики делали, как правило, холостой, для уточнения линии фронта и для отыскания цели, потом разворачивались, вставляли в "круг" и с пикирования наносили удар, снижаясь до 100-150 метров. Ударты по артиллерии и танкам противника наносились прицельно по каждому танку, каждой батарее. Над целью делали от 4 до 12 заходов. Группы наносили удары эшелонированно, добиваясь непрерывного воздействия на противника. По аэродромам, железнодорожным узлам и скоплению войск противника штурмовики действовали большими группами по 16-20 самолетов.

- Главное, - говорил Хрюкин, - это массированные удары авиации по наиболее важным целям на поле боя, чтобы обеспечить нашей пехоте успешные действия по прорыву обороны противника. Поэтому штур-

мовики не вообще должны действовать на поле боя, а бить врага там и тогда, где и когда это больше всего нужно для наших наземных войск.

Прежде всего необходимо было обеспечить тесное взаимодействие штурмовиков и артиллерии, как по распределению целей, так и времени удара, чтобы добиться максимального эффекта от удара и избежать поражения самолетов от своей артиллерии. Как правило, авиация поражает те цели, которые не в состоянии прицельно подавить артиллерия. Артиллерия со своей стороны содействует штурмовикам, нанося в момент пролета наших самолетов удары по позициям зенитной артиллерии противника. Кроме того, для подавления зенитной артиллерии в районе цели из состава групп штурмовиков выделяли специальные экипажи, которые летели впереди и при подходе группы к цели наносили удар по позициям зенитной артиллерии противника, обеспечивая безопасность своей группы и свободу действий штурмовиков для точного прицеливания и поражения цели.

В боевом применении бомбардировочной авиации Хрюкин считал главным сосредоточенные удары и высокую точность бомбометания. С этой целью широко отрабатывалась тактика бомбометания с пикирования. Все экипажи самолетов-пикировщиков "Петляков-2" (Пе-2) овладевали бомбометанием с пикирования и бросали бомбы не только по команде ведущего девятки, но каждый экипаж самостоятельно прицеливался и поражал цель.

Дневные бомбардировщики действовали в составе боевого порядка, состоящего из девяток самолетов. По крупным железнодорожным узлам и станциям практиковался смешанный удар, когда одна девятка наносила удар с пикирования, а вторая девятка производила бомбометание с горизонтального полета, следующая девятка - с пикирования и т.д.

Бомбометание по судам и кораблям противника и другим точечным целям осуществлялось только с пикирования. Хрюкин обладал богатым личным опытом бомбардировщика. Он очень хорошо знал, что успешные удары тогда возможны и эффективны, когда они внезапны для противника и наносятся прицельно с большой точностью бомбометания. Поэтому в бомбардировочных авиаполках выбору целей, времени нанесения удара и наиболее выгодного захода на цель уделялось серьезное внимание.

Ночные бомбардировщики в армии представляли большую силу. Дивизия ночных бомбардировщиков на самолетах Поликарпова (По-2)

вела разведку, действуя по железнодорожным узлам, войскам и технике, на позициях и в движении, и по аэродромам противника. Тихоходные ночные бомбардировщики еще в Сталинградском сражении показали свою высокую эффективность, особенно при бомбометании по точечным целям. Они выходили на цель с приглушенными моторами и с высоты 800-400 метров с планирования бросали бомбы с такой точностью, что попадали в отдельный дом или орудие на артиллерийской позиции.

Часто для определения точного места расположения огневых точек противника самолеты По-2 по 15-20 минут патрулировали в районе цели и в момент выстрелов сбрасывали бомбы на врага. В течение всей ночи вереницы одиночных ночных бомбардировщиков следовали один за другим на цели и обрабатывали их так тщательно, что противник не ощутил материальных потерь, а моральное воздействие этих изнурительных ударов трудно было оценить. Самолеты делали по 5-8 заходов, сбрасывая по одной, две бомбы ФАБ-50. Экипажи ночных бомбардировщиков в течение ночи успевали сделать по 2-3 боевых вылета и, как правило, с очень малыми потерями.

Хрюкин, пройдя командные ступени от командира звена до командующего армией, твердо считал, что основой любой военной организации является полк. Полк - это та тактическая единица, которая может решать важные боевые задачи, располагая для этого всем необходимым: оружием, личным составом и средствами обеспечения. Полк - это сплоченный воинский коллектив, где проходит подготовка солдат к боевым действиям и где формируется высокий морально-политический дух армии. Часто командиры полков возглавляли боевые порядки и управляли в бою своими подчиненными. Основой авиационного полка являются эскадрильи. В эскадрильях полка проходит индивидуальная подготовка бойцов, эскадрилья, как правило, в полном составе ведет бой, а наименьшей тактической единицей в бою является пара самолетов, действующая как единое и неразрывное целое. Законом для ведомого в паре является неукоснительное следование за ведущим, как нитка за иголкой.

Поэтому командирам полков Хрюкин уделял особое внимание, считая для себя необходимым как можно более часто встечаться с ними, знать их сильные и слабые стороны, помогать им в их тяжелой и напряженной работе. Для успешной подготовки к Крымской операции Хрюкин собрал в штабе армии командиров авиаполков и лично провел с ними трехдневные лётно-тактические занятия, на которых были изуче-

ны вопросы организации боевой работы и боевой подготовки авиаполка к предстоящей операции.

Командиры авиаполков были ознакомлены с последними данными о противнике, с его вооружением и тактикой действия. Их не только познакомили с трофейной техникой, но и проверили знания лётно-технических характеристик самолетов противника, способов их боевого применения, организацию ПВО и методы ее преодоления. На сборах командиры авиаполков детально отрабатывали вопросы боевых действий авиаполка на поле боя в условиях сильного противодействия зенитной артиллерии и истребителей противника. Занятия по тактическим действиям в бою проводил лично генерал Хрюкин.

Особое внимание при этом он уделял управлению авиацией над полем боя. В ходе боевых действий Хрюкин большую часть времени проводил на передовом наблюдательном пункте, развернутом близко к линии фронта. Он предпочитал лично управлять боевыми группами истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, действовавших по переднему краю противника. Его радиопозывной знали все летчики армии. В боях за Донбасс длительное время он пользовался позывным "Алмаз". В целях радиомаскировки перед началом Крымской операции позывные лётного состава были заменены. Он выбрал себе новый позывной "Громада", который очень соответствовал мощи воздушной армии, действовавшей в небе Крыма. Да и внешне могучая фигура Хрюкина (рост 191 см) соответствовал этому позывному. "Я - "Громада", - часто можно было слышать в радиосетях наведения армии. Властный голос командующего в бою оказывал большое психологическое влияние на лётчиков. Они знали, что за их действиями наблюдает сам командующий, и старались на глазах своего любимого командира показать все, на что они способны. Поддержка с земли, одобрения и благодарности, объявленные командующим по радио, всегда были высшей наградой для воздушных бойцов в смертельных схватках с врагом. Это окрыляло, поднимало боевой дух и помогало одерживать верх над врагом.

С другой стороны, на глазах своего командира лётчику нельзя было допустить промаха или робости в бою, зная, что тебя видят с земли и, если надо, окажут нужную помощь - помогут найти цель, предупредят об опасности и дадут вовремя подкрепление и поддержку в воздухе.

Для обеспечения четкого руководства боевыми действиями операции и надежного взаимодействия ее с наземными войсками Хрюкиным

была развернута надежная система управления. В наземные войска были направлены авиационные представители и авианаводчики, разработаны сигналы по взаимному опознаванию, целеуказанию, кодированные карты, таблицы радиопереговоров самолетов с землей и между собой и так далее - все это было тщательно изучено с командирами авиаполков. Авиационные командиры хорошо должны были знать и свои наземные войска, их вооружение, тактику действия. Поэтому Хрюкин на сборах проверил знания командирами полков боевого устава пехоты, инструкции по взаимодействию авиации с наземными войсками, тактико-технические данные своей артиллерии и танков.

В заключение сборов командиры полков осмотрели выставку “Боевой путь 8-й воздушной армии”, который начинался с западных областей Украины, проходил через Киев, Харьков, Сталинград, Ростов, Донбасс, Мелитополь, и теперь предстояло его дополнить боями за освобождение Крыма. После проведенной работы с командирами авиаполков командарм Хрюкин собрал командиров авиакорпусов, авиадивизий, начальников районов аэродромного базирования и их начальников штабов.

На этих сборах руководящего состава армии был подробно изучен Крымский район боевых действий, противостоящий противник, его противовоздушная оборона и характер целей.

Тщательно были отработаны вопросы планирования предстоящих боевых действий, взаимодействия между различными родами авиации и наземными войсками, а также решены вопросы взаимодействия между авиационными и тыловыми частями армии.

В авиаполках и авиадивизиях армии в подготовительный период Хрюкин приказал провести учения с летным составом для отработки тактики действия в Крыму.

Так всесторонне и тщательно готовил Хрюкин воздушную армию к предстоящей битве за Крым. Он не упускал из своего поля внимания и вопросы морально-политической подготовки личного состава, направляя партийно-политическую работу на успешное решение боевых задач.

В авиационных частях состоялись митинги. Выступавшие на митингах летчики, штурманы, стрелки-радисты, механики, солдаты и сержанты давали клятву бороться с врагом, не щадя своей жизни, до полной победы и освобождения Советского Крыма. Ораторы призывали с честью выполнить приказ командования фронтом: сокрушить оборону врага на

Сиваше и Перекопе, освободить Крым от немецко-румынской нечисти, бить врага по-гвардейски и устроить немцам второй Сталинград.

Митинги проводились при развернутых боевых знаменах, они были краткими. Это были трогательные минуты, подобные клятве крылатых воинов своей Родине: не щадить сил, а если потребуется, то и самой жизни при выполнении боевого приказа.

Бывалые летчики - участники боев под Сталинградом - обратились ко всем авиаторам армии с письмом:

“Добьем фашистов в Крыму! Мы - сталинградцы. В битвах за Сталинград мы учились и научились искусству побеждать врага. Девизом бойцов и командиров Красной Армии с тех пор стало: бить врага по-сталинградски, бить смертным боем. В боях на Дону, на Миусе, на Молочной и Днепре мы были верны героическим традициям Сталинграда. Сейчас перед нами поставлена задача добить фашистского зверя, пойманного в крымскую западню, утопить его в Черном море. Мы должны устроить и немцам, и румынам в Крыму второй Сталинград.

Полоненная, измученная врагом, наша родная исконно русская земля ждет нас как избавителей от чужеземного тягостного ярма.

Мы, участники великой исторической битвы за Сталинград, обращаемся ко всем, кто ныне сражается за Крым, к молодым нашими соратникам, крылатым воинам: боритесь за освобождение советской Крымской республики с такой же доблестью, отвагой и бесстрашием, с такой же яростью, с какой сражались герои Сталинграда! Не знайте жалости к врагу, мстите ему за поруганную советскую землю, за разорение ее, за кровь, слезы и муки советских людей. Обрушивайте на врага всю мощь своего грозного оружия! Покроем наши гвардейские знамена новой славой победителей!

Пусть как можно скорее снова взвьется над Крымом победоносное Красное Знамя нашей великой Родины. К победе, товарищи!

Гвардейцы Герои Советского Союза Михаил Смильский, Федор Тюленев, Алексей Бородин, Михаил Степанищев, Иван Суклышкин, Владимир Анисов, Леонид Беда”.

После митингов в частях и соединениях были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых коммунисты и комсомольцы давали клятву быть в предстоящих боях впереди и не щадить своей жизни для победы над врагом.

Армейская газета “Сталинский воин” (редактор майор М.В.Марина) в № 79 от 1 апреля 1944 года писала: “Нам дороги все 25 тыс. кв. километров крымской земли и каждый ее вершок. Мы отнимем у врага Крым - нашу родную землю. Мы пройдем по ней как победители, как исконные ее владельцы. Мы вновь пройдем по белым улицам Севастополя, пройдем по феодосинской набережной, по массандровским виноградникам - по местам нашей славы, по улицам наших побед, по нашему солнечному Советскому Крыму, и этот час недалек”.

В частях армии царил высокий боевой подъем. Личный состав, воодушевленный Коммунистической партией, с энтузиазмом готовился к решительным боям. В марте в частях армии было принято в парию 375 человек (205 - в члены и 170 человек кандидатами в члены партии), на 72 человека больше, чем в феврале этого года.

Боевые друзья-соратники

Со своим заместителем по политической части генералом Вихоревым у Хрюкина были душевные, братские отношения. С первых дней формирования армии они вместе с ним прошли через тяжелые испытания во время отступления от Валук, через Дон до волжских степей. Вместе с ним они делили все горести и радости жестокой битвы с врагом под Сталинградом, в наступлении под Ростовом-на-Дону, “Миус-фронте”, в Донбассе, на реке Молочной и под Никоподем. А.И.Вихорев олицетворял тип политработника, вышедшего из народной гущи, тесно связанного с людьми, глубоко понимавшего душу простого человека. Комиссар Вихорев был душой личного состава армии. Он близко воспринимал все то, чем жили люди в авиачастях, всегда с душевной теплотой относился к простому человеку, его заботам, тревогам, переживаниям. Будучи по характеру спокойным, уравновешенным человеком, Вихорев часто сдерживал бурный напор Хрюкина и очень удачно дополнял его спокойной рассудительностью и житейской мудростью.

К большому их взаимному огорчению, Вихорев в марте 1944 года вынужден был оставить дорожную и родную ему армию и убыть за рубеж. Он направлялся на ответственную военно-дипломатическую ра-

боту за пределы нашей Родины. Тяжело было Хрюкину расставаться с верным другом и товарищем, но приходилось мириться. Вместе с тем он был горд за своего друга, за то, что ему доверили задание государственного значения.

Хрюкин был убежден, что и на новой работе его боевой друг оправдает высокое доверие партии и всегда будет помнить тяжелейшие испытания, пережитые ими в годы Великой Отечественной войны. Расстались они по-братски как боевые закаленные бойцы, выразив твердую надежду, что не раз еще встретятся и совместно поработают на благо Родины. Уже после окончания войны они работали бок о бок по руководству Военно-воздушными силами страны. Хрюкин стал заместителем командующего ВВС, а Вихорев членом Военного совета. На смену Вихореву заместителем командующего армией по политической части прибыл старый знакомый Хрюкина Андрей Герасимович Рытов, с которым еще в 1938 году они вместе воевали с японскими захватчиками, оказывая помощь китайскому народу в освободительной борьбе. Полковник Рытов был тогда комиссаром группы ВВС Красной Армии в Китае, а Хрюкин командовал эскадрильями бомбардировщиков. Там и зародилась их боевая дружба.

После Китая пути Т.Т.Хрюкина и А.Г.Рытова разошлись, и вот в марте 1944 года боевые друзья встретились вновь. Рытов быстро стал надежным помощником командующего армией, он активно включился в напряженную работу авиационных частей, подготавливая операцию по освобождению Крыма. Внешним видом Рытов мало отличался от Вихорева, оба они были небольшого роста, коренастые. Однако Рытов во многом отличался от своего предшественника. Недоставало в нем той простоты, душевности и откровенности, которыми так ярко выделялся Вихорев.

В Китае Рытов находился на служебной лестнице выше Хрюкина и по долгу службы занимался его воспитанием. Здесь же в 8-й воздушной армии они поменялись ступеньками. Но Хрюкин положил себе правилом относиться к своему заместителю по политической части как к ближайшему другу и товарищу, и эти качества он сохранял в отношениях с Рытовым. Кроме того, у Хрюкина была отлично выражена добрая черта человеческой памяти: долго помнить хорошее и быстро забывать плохое. Нового заместителя по политической части он встретил крепким товарищеским объятием, и дружная работа у них началась с первого появления Рытова в армии. Вдвоем они вместе с новым начальником

политотдела много поработали над обращением к авиаторам армии, составленном в связи с наступлением на Крым. Хрюкин в этом обращении страстно призывал летчиков к самоотверженной борьбе с врагом.

“Нам выпала большая честь, - писалось в обращении, - освободить Крым - родную, исконно русскую землю, за независимость и свободу которой героически сражались с иностранными захватчиками русские воины. Землю, где родилась бессмертная слава полководцев Нахимова, Корнилова, Фрунзе. Пришла пора, когда мы должны сокрушительным ударом с воздуха помочь нашим земным войскам прорвать оборону немцев в Крыму, разгромить врага и вызволить из неволи советских людей, стонущих под игом поработителей!

Штурмовики и бомбардировщики! Бесстрашно штурмуйте и бомбите вражеские оборонительные рубежи, громите и уничтожайте технику и живую силу противника! Истребители! Ищите вражеских бомбардировщиков. Смело и дерзко атакуйте, расстраивайте их строй, уничтожайте противника, не давайте ему штурмовать и бомбить наши наземные войска...”

С большим уважением относился Хрюкин к начальнику штаба армии генералу Ивану Михайловичу Белову, представлявшему плеяду высокообразованных, культурных и умных советских военачальников. И.М.Белов побывал на военно-дипломатической работе во Франции, служил в Генеральном штабе, он отличался высокой штабной культурой и эрудицией. В детские годы ему не удалось учиться в школе, может быть, поэтому он так высоко ценил знания других, полученные в учебных заведениях. Сам он не обладал красивым почерком, но очень любил каллиграфически написанное письмо. Шифротелеграммы подписывал только те, которые были написаны грамотно, кратко, ясно, чистым красивым почерком и без единой ошибки и помарки. Эти требования командарма к штабной культуре знали все офицеры и старались строго их выполнять. Были и другие качества у генерала Белова, которые высоко ценил Хрюкин, - оперативность, инициатива, организованность и пунктуальная исполнительность.

Штаб - это орган управления командующего, штабные работники готовят ему предложения и проекты приказов, организует и контролирует проведение в жизнь принятых командующим решений. От организованности в работе штаба очень многое зависит. Начальник штаба - воплощение этой организованности и исполнительности.

Прежде чем отдать какое-либо распоряжение, Хрюкин советовался с Беловым. Много хороших предложений давал Белов своему командующему, особенно при планировании операции и организации боевых действий. Много дней и бессонных ночей провели они вместе, составляя расчеты сил и средств на операцию, планы боевых действий по завоеванию господства в воздухе, взаимодействия с наземными войсками по прорыву обороны противника. Скрупулезно были расписаны действия армии на первые трое суток до начала атаки и на первые три дня генерального наступления с таким расчетом, чтобы наверняка выполнить боевые задачи.

Близкие дружеские отношения поддерживал Хрюкин с главным инженером армии генералом Иваном Ивановичем Бондаренко. Хрюкин считал, что мощь воздушной армии зависит от наличия и состояния боевой техники.

В первые годы войны противнику удалось уничтожить большое количество наших самолетов прямо на аэродромах, воевать было не на чем. Наша авиация не смогла дать должный отпор врагу в начальный период вероломного нападения. Кроме того, из уцелевших самолетов значительная часть была устаревших образцов, уступавших по своим летно-тактическим качествам немецким самолетам. Производство новых самолетов и их поступление на вооружение войск к началу войны, мягко сказать, запоздало. Оно было развернуто уже в ходе войны, когда наша промышленность начала давать фронту тысячи новых самолетов.

Для того, чтобы научить летчиков летать на новых самолетах и отрабатывать тактику их боевого применения, требовалось значительно меньше усилий и времени, чем для разработки новой модели самолета и его серийного производства.

Чтобы создавать и осваивать современное оружие, необходимы опытные инженеры и техники. Боеготовность строевых частей определяется прежде всего исправностью самолетов, а это зависит от работы инженерно-авиационной службы. Поэтому Хрюкин высоко ценил работу инженеров, техников, мотористов и с особым уважением относился к их руководителю - главному инженеру армии. Во всех поездках по авиационным частям Хрюкина бессменно сопровождал генерал Бондаренко. Вместе с ним они осматривали состояние боевых машин, организацию их обслуживания и ремонта.

Многие специалисты инженерно-авиационной службы показывали образцы трудового героизма, работая по несколько суток без отды-

ха, в 2-3 раза перекрывая при этом установленные нормативы. Каждый работал за двоих или троих. Большую работу по обслуживанию авиационной техники выполняли девушки, которые работали механиками, мотористами и оружейниками. Своими слабыми женскими руками они с любовью готовили самолеты к боевым вылетам, проявляя при этом присущую им аккуратность, четкость и чистоту в работе, а также глубокие знания оружия и техническую сноровку.

Летчики глубоко верили в то, что самолеты, на которых им предстояло вылетать, подготовлены безупречно и ни мотор, ни оружие в бою их не подведут. В составе воздушной армии было свыше 3 тысяч девушек.

Хрюкин не забывал посещать авиационные ремонтные мастерские, где восстанавливались поврежденные в боях самолеты. Умельцы мастерских возвращали в строй такие самолеты, которые по характеру полученных повреждений, казалось, уже отслужили свой срок и подлежали списанию.

Хрюкин щедро поощрял рационализаторов и изобретателей, которые много делали для повышения боевых качеств самолета. Большую роль играли специалисты инженерно-авиационной службы в изучении и освоении летным составом новых самолетов, поступавших на вооружение частей армии. Инженеры первыми переучивались на заводах промышленности, изучали новые самолеты, а потом в частях помогали летчикам осваивать их боевое применение.

Генерал Бодаренко всегда одним из первых осваивал новую технику и обучал работать на ней других инженеров и летчиков. Высокий авторитет, большие знания, опыт и трудолюбие генерала Бодаренко вызывали у Хрюкина глубокое уважение к своему заместителю по инженерно-авиационной службе. Он был уверен, что самолетный парк постоянно содержится в полной исправности и готов к боевым действиям. Многих инженеров и техников авиачастей Хрюкин знал лично и не раз оказывал им помощь в их тяжелой и очень нужной работе.

С флагманским штурманом армии генералом Иваном Павловичем Селивановым Хрюкин был знаком давно. Еще в Китае они летали в одном экипаже на выполнение боевых заданий. Штурман в экипаже бомбардировщика - это центральная фигура, от которой зависит точный полет по маршруту и прицельное поражение цели. Финал боевого вылета в руках флагманского штурмана. Если он сумеет точно выйти и поразить цель - усилия экипажа увенчаются

успехом, не сумеет попасть в цель - боевая задача оказывается невыполненной.

Штурман Селиванов был отличным навигатором и снайпером-бомбардировщиком. Вместе с Хрюкиным они могли вспомнить не один десяток успешно выполненных бомбометаний по врагу. Навигационной подготовке летных экипажей и безопасности полетов, особенно в сложных метеоусловиях и ночью, Хрюкин уделял постоянное внимание. Эти вопросы успешно решались благодаря самоотверженной работе штурманской службы. Хрюкин очень часто советовался с Селивановым при планировании боевых действий, определении боевого напряжения и наряда сил для достижения поставленной цели. В лице главного штурмана генерала Селиванова он имел надежного помощника и боевого товарища.

Большое внимание уделял Тимофей Тимофеевич материально-техническому обеспечению боевых действий, понимая, что без прочного тыла невозможно добиться победы. Его верным помощником в решении этих задач был начальник тыла армии генерал-майор авиации Петр Петрович Малышев, опытный хозяйственник, беспокойный и неутомимый труженик, как и многие добросовестные работники тыла армии. Колоссальную работу предстояло выполнить личному составу. На одну заправку самолетов армии требовалось 500 тонн горючего, 150 тонн бомб и около 20 тысяч снарядов и патронов, а всего нужно было подготовить не менее шести - восьми заправок семи - восьми боекомплектов.

В полосе фронта необходимо было подготовить до 45 аэродромов, в том числе построить 12 аэродромов в передовой полосе под артиллерийским и минометным огнем противника.

Батальоны аэродромного обслуживания готовились к маневренным действиям и обеспечению неоднократного перебазирования авиационных частей в ходе операции.

Генерал Хрюкин вместе с начальником тыла и начальником штаба армии скрупулезно подсчитывал потребные средства на операцию, составлял графики прибытия эшелонов с топливом, боеприпасами, техническим и интендантским имуществом.

К своим боевым соратникам Хрюкин относился с большим уважением, но при этом был требовательным и строго спрашивал за промахи и недостатки в работе, невзирая на занимаемую должность.

Однажды с передового командного пункта Хрюкин приказал вызвать на поле боя очередную группу штурмовиков, но она не взлетела по причине отсутствия горючего на аэродроме. Такие чрезвычайные факты Хрюкин расследовал лично. Он немедленно отдал приказ начальнику тыла армии лично прибыть к нему для объяснений. Из штаба армии доложили, что начальник тыла “прихворнул”, у него болят ноги, и он не может выехать на передовой КП.

Хрюкин знал, что такие недомогания начальника тыла иногда связаны со злоупотреблением спиртным, и такая “дипломатия” его еще больше возмутила. (Хорошо известно, что если человек промочил ноги, у него болит горло, а если “промочил” горло, то болят ноги.)

Последовало категорическое требование: “Ползком, но чтобы начальник тыла был у меня к 5.00...”

Такой срок означал, что начальнику тыла придется добираться до КП ночью в сложной обстановке передовой полосы фронта, где легко потерять ориентировку, попасть под обстрел и быть захваченным противником.

На следующий день начальник тыла был у Хрюкина. От командарма он вышел весь красный как рак и потный, как после парной бани.

Какой был между ними разговор, осталось известно только им, но оба они давно ушли из жизни. После подобных объяснений тыловое обеспечение боевой деятельности не вызывало у Хрюкина особых претензий, и больше начальник тыла не “болеет”. Хрюкин был требовательным командующим и не делал никаких поблажек, в том числе и своим ближайшим помощникам.

Был и такой случай. Тимофей Тимофеевич вызвал начальника отдела кадров армии и спросил:

- Я припоминаю, что месяца три тому назад мы посылали представление на лейтенанта Демехина о присвоении ему звания Героя Советского Союза, где этот материал?

- Мы послали его в Москву.

- Я спрашиваю, у кого находится материал и почему до сих пор нет указа Президиума Верховного Совета СССР? При та-

кой волоките Демехин может не дожидаться награды, ибо каждый день боевой вылет связан со смертельной опасностью...

- Это мне неизвестно, - ответил начальник отдела кадров.

- Кто же, по-вашему, будет контролировать прохождение наградных документов в кадровых органах Москвы?

- У московских кадровиков есть свои начальники...

После такого ответа Хрюкин взорвался:

- Вы неисправимый чиновник и бюрократ, и вам нечего делать в отделе кадров! Пойдите и сдайте дела вашему заместителю.

Наряду с суровой требовательностью к подчиненным Хрюкин проявлял постоянную отеческую заботу и внимание к рядовым бойцам, настойчиво отстаивая их интересы.

Это был человек простой души, вышедший из самых бедных слоев народа, и потому отзывчивый к горестям и бедам простых людей, которых он понимал как себя самого.

В дни штурма и наступления

Накануне наступления Хрюкин напряженно работал над подготовкой боевого приказа, в котором для каждого авиасоединения ставились конкретные боевые задачи в предстоящей наступательной операции, с указанием целей, времени действия (относительно "Ч" - часа начала атаки) и напряжения по количеству самолето-вылетов. 27 марта 1944 года генерал Хрюкин подписал боевой приказ соединениям армий и выехал на свой передовой командный пункт. Однако боевые действия в конце марта были парализованы разразившимся снежным бураном.

Мощный циклон принес со Средиземноморья массы влажного воздуха и в виде снега обрушил их на Крым. Двое суток бушевал снежный буран. Плацдарм наших войск на южном берегу Сиваша, с которого было принято решение нанести главный удар по немцам, покрылся полуметровым слоем снега.

Войска в окопах и землянках оказались погребенными под настом, движение на дорогах из-за снежных завалов прекратилось. Хрюкин, ока-

завшийся в это время на своем передовом КП, в течение двух дней находился в этом стихийном плену, пока не откопали землянки, освободили от снега траншеи и ходы сообщения и не расчистили дороги и площадку для посадки самолета По-2.

Накануне дня наступления Хрюкин все же решил нанести сосредоточенный удар по аэродромам противника, который был успешно выполнен.

Был нанесен одновременный удар по пяти аэродромам противника группами штурмовиков, возглавляемыми майорами М.А.Филипповым, Ф.В.Тюленевым, капитаном В.Ф.Анисовым, майором И.Г.Суклышкиным, капитаном Д.И.Жабинским. Штурмовиков прикрывали их испытанные друзья истребители 402-го и 812-го авиаполков майора А.У.Еремина и майора И.Ф.Попова.

На земле было сожжено более двух десятков самолетов и в воздухе сбито двенадцать истребителей противника. Несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии, летчики смело шли на цель и беспощадно громили врага на его аэродромах, проявляя массовый героизм, идя на самопожертвование ради спасения боевых товарищей. Так, группа штурмовиков 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии (ведущий старший лейтенант Л.И.Беда) ударила по аэродрому Веселое. Огнем зенитной артиллерии был подбит самолет ведущего группы, он пошел на вынужденную посадку на территории, занятой противником. Ведомые летчики лейтенант А.Я.Брандис, младший лейтенант А.А.Берестнев и младший лейтенант П.М.Алишеев не оставили своего командира в беде. Младший лейтенант А.Берестнев пошел на посадку, приземлился рядом с подбитой машиной командира, на глазах у ошеломленных немцев взял к себе на борт старшего лейтенанта и благополучно взлетел. В это время А.Я.Брандис и П.М.Алишеев надежно прикрывали своих товарищей с воздуха. Они проносились на бреющем полете над местом посадки и огнем из пушек и пулеметов не позволяли немцам приблизиться к самолетам своих товарищей.

Во второй половине дня 7 апреля 1944 года 28 штурмовиков Ил-2 в сопровождении истребителей нанесли удар по железнодорожной станции Джанкой и аэродромам Веселое и Ички, на которых было уничтожено 23 самолета противника. В ночь на 8 апреля дерзкий налет на вражеский аэродром совершила шестерка истребителей под командой генерала Е.Я.Савицкого. Повесив над аэродромам САБы (светящиеся

авиационные бомбы), истребители штурмовали технику врага. Невзирая на сильный огонь зенитной артиллерии, они подавили 7 батарей из 8, сделав 2-3 захода на цель.

В течение всей ночи бомбардировщики “висели” над аэродромами противника и не позволяли ему производить взлеты. Удары по вражеским аэродромам дали ощутимый результат. С началом наступления в течение первых двух дней, когда войска фронта штурмовали Перекоп и укрепления врага на Сиваше, немецкие бомбардировщики не появлялись над полем боя.

Наконец наступил долгожданный день генеральной атаки. В 8 часов утра 8 апреля 1944 года началась артиллерийская подготовка. Задрожала крымская земля от разрывов бомб и снарядов. Артиллерийская канонада длилась 2 часа 30 минут, в конце ее над полем боя появились армады наших штурмовиков и бомбардировщиков.

Две девятки бомбардировщиков за полтора часа до атаки доложили по радио, что они получили задачу бомбить поселок Монастырка. Хрюкин разрешил им выполнять поставленную задачу. Бомбардировщики били по штабам и пунктам управления немецких войск. Несколько групп штурмовиков доложили, что они следуют на штурмовку аэродромов противника.

Основная же масса штурмовиков в боевых порядках звеньев и эскадрилий направлялась штурмовать огневые позиции и живую силу противника в передовой полосе на направлении главного удара наземных войск. Самолеты проплывали над головами наших бойцов, тяжело нагруженные бомбами и реактивными снарядами. Шум авиационных моторов заглушал грохот артиллерийской канонады. На разных высотах проходили грозные стальные птицы. Впереди на большой высоте прошли бомбардировщики, вслед за ними, прижимаясь к земле, летели бронированные штурмовики. Над бомбардировщиками и штурмовиками находились истребители сопровождения. В верхних эшелонах курсировали истребители, очищавшие воздушное пространство от самолетов противника. На обозримом пространстве везде виделись краснозвездные самолеты. Это была захватывающая картина воздушного наступления крылатых богатырей.

Непосредственно перед броском пехоты в атаку в 11.00 сто восемь штурмовиков Ил-2 в течение двух минут метали бомбы в районе Тархан, уничтожая артиллерию, пехоту и узлы сопротивления противника.

Все эти группы штурмовиков в сопровождении истребителей проходили над командным пунктом Хрюкина и кратко докладывали “Громаде” о выполненной задаче.

- Я - “Громада”, - раздавался в эфире властный голос Хрюкина, - всем действовать по плану.

Воздушная армада наносила мощный сосредоточенный удар на низком участке фронта шириной всего в пять километров. В воздухе стоял непрерывный гул моторов, земля содрогалась от взрывов бомб. На наблюдательном пункте Хрюкин, довольный и в приподнятом настроении, поглядывал в небо на боевые порядки следующих одна за другой групп штурмовиков и бомбардировщиков. На врага надвинулась громада самолетов, сбрасывающих тонны огненного металла. Все они действовали по утвержденному плану, подтвержденному командармом по радио перед самым выходом самолетов на цель.

Истребители заняли все эшелоны над полем боя и очистили воздух от самолетов противника. Ни один немецкий самолет в первый день наступления не смог появиться над позициями наших войск. Авиация дополняла и усиливала артиллерийское воздействие на противника на направлении главного удара наземных войск. Советские летчики с большим боевым подъемом, невзирая на ожесточенный огонь зенитной артиллерии, бомбили и штурмовали позиции противника, его опорные узлы сопротивления.

Возвращаясь с поля боя, ведущие группы докладывали “Громаде” по радио о выполнении ими боевого задания и доносили результаты наблюдения за войсками противника. На наблюдательном пункте Хрюкина по этим докладам складывалась полная картина того, что происходило на поле боя. Кроме того, воздушные разведчики “висели” над полем боя и докладывали наблюдаемую обстановку. Немецкие войска оказывали ожесточенное сопротивление. Подавленные огневые точки вновь оживали и открывали губительный огонь по наступающей пехоте. От наземных войск шли просьбы оказать помощь с воздуха, особенно по уничтожению артиллерийских батарей. Противник правильно определил направление главного удара наших войск на Тарханском направлении, он перед началом артиллерийской подготовки успел убрать свои войска из первой линии траншей в укрытия и сменить боевые позиции многих артиллерийских батарей. Это помогло немцам сократить потери от нашего огня. Подавлять эти оживающие огневые точки противника приходилось нашим штурмовикам.

Губительный огонь по наступающей пехоте вели батареи противника, расположенные юго-западнее Тархан. Все попытки нашей артиллерии заставить замолчать вражеские пушки успеха не имели. Крейзер обратился к Хрюкину с просьбой уничтожить эти батареи. Хрюкин направил на артпозиции несколько групп штурмовиков, которые успешно справились с полученной боевой задачей. Неоднократно в течение сражения туда, где ничего не могли сделать наземные войска своими силами, приходила авиация, оказывая неоценимую помощь атакующей пехоте.

Батареи зенитной артиллерии противника вели ожесточенный огонь по нашим самолетам, стараясь прикрыть свои войска и ослабить удар с воздуха. Ни один бой не обходится без жертв. Наступающие войска, как правило, несут большие потери, чем обороняющиеся, находящиеся в укрытиях и ведущие огонь с подготовленных позиций.

Наши самолеты штурмовали войска противника с бреющего полета и поэтому несли ощутимые потери от зенитного огня противника. На наблюдательном пункте Хрюкина начали поступать доклады от наземных войск о падениях и вынужденных посадках наших самолетов. С болью в сердце принимал такие доклады командующий армией. С каждым летчиком Хрюкин успевал переговорить, поблагодарить за самоотверженные действия, а самым смелым тут же вручить боевые награды. Воодушевленные, они возвращались в полки, чтобы завтра снова вступить в бой.

В этот день был сбит зенитной артиллерией противника командир авиаэскадрильи 136-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии майор Иван Дмитриевич Овсянников, член ВКП(б), 1908 года рождения, один из старейших летчиков в полку и любимец своей эскадрильи. Погибли над целью летчики 136-го гвардейского штурмового авиационного полка командир звена младший лейтенант Николай Федорович Амплеев и младший лейтенант Михаил Харитонович Игнатенко, оба члена ВЛКСМ.

В составе этих экипажей погибли комсомольцы воздушные стрелки сержанты Сергей Каленович Пискунов, Александр Николаевич Кретьнин, младший сержант Федор Александрович Ладченко.

Самолеты, пролетая над позициями противника на малых высотах, представляли собой уязвимые цели. В условиях большой плотности зенитного огня вражеских батарей боевые группы, особенно штурмовиков, несли тяжелые потери.

Большую роль в обороне штурмовиков от атак истребителей противника играли воздушные стрелки, среди которых были и девушки. Ведя прицельный огонь в задней полусфере самолета, они не подпускали истребителей противника, а тех, которые пытались заходить в хвост штурмовику, сражали меткими очередями своего крупнокалиберного пулемета. В первый день боев воздушный стрелок самолета Ил-2 старший сержант А.С.Никулин сбил из своего пулемета вражеский истребитель и открыл боевой счет сбитых воздушными стрелками самолетов в боях за освобождение Крыма.

В конце первого дня наступления Хрюкин доложил командующему фронтом о том, что армия произвела 818 боевых самолето-вылетов, уничтожила и подавила 75 артиллерийских батарей и 16 танков противника и уничтожила много солдат и офицеров противника. В 29 групповых воздушных боях было сбито 20 самолетов и 10 самолетов уничтожено на аэродромах врага.

Во время доклада командующему фронтом позвонил начальник штаба. Он находился на Перекопе у командующего 2-й гвардейской армией. Начальник штаба фронта с воодушевлением докладывал о заметном продвижении дивизий 2-й гвардейской армии, сумевших захватить первые линии обороны и продвинуться вперед на полтора километра.

Этого успеха его армия добилась без достаточной поддержки с воздуха, и начальник штаба ясно намекнул командующему фронтом на то, что напрасно не согласились с его мнением наносить главный удар на Перекопе. У Крейзера, по его соображению, дела обстояли хуже. Действительно, в первый день наступления основные силы 51-й армии, сосредоточенные на Тарханском направлении, не смогли решить поставленную задачу. Войска продвинулись всего на 700-800 метров, овладели только первой линией траншей и понесли при этом большие потери. Командующий фронтом погрузился в глубокое раздумье:

- Что же делать дальше? Задача первого дня не решена, боекомплекты артиллерия и авиация израсходовали. Какие действия предпринимать на следующий день?

Командующий 51-й армией генерал Крейзер находился в подавленном состоянии, присущая ему энергия исчезла. Он понимал, что над ним собрались тяжелые свинцовые тучи. Верховный Главнокомандующий не забыл его промахи на "Миус-фронте" и новые ошибки в Крыму не простит, а рука у него очень тяжелая, и головы ему не сносить.

На вопрос Толбухина, что он намерен делать завтра, Крейзер неуверенно ответил:

- Вся артиллерия армии подтянута на правый фланг, провести рокировку войск времени нет, поэтому единственным выходом из создавшегося положения считаю продолжение наступления на Тархан.

Толбухин эти предложения не поддержал, он не был уверен, сможет ли Крейзер назавтра добиться успеха на своем правом фланге. Ему было ясно, что немцы правильно определили направление нашего главного удара и успели подтянуть к поселку Тархан свои резервы.

Хрюкин, находившийся неподалеку, поздно вечером зашел в землянку к Крейзеру. Никогда он не видел его в таком тяжелом состоянии. Они пожали друг другу руки. В течение жаркого дня им не пришлось повидаваться. Крейзер большую часть дня провел у командиров 1-го гвардейского и 10-го стрелкового корпусов.

Неприятное ощущение произвела холодная ладонь Крейзера. Он находился в подавленном состоянии, мысленно считая этот день последним в своей военной карьере. Повторялся июль прошлого года, когда наступление его армии также началось неудачно и закончилось отступлением с большими потерями. Тогда ему пришлось оставить пост командующего 2-й гвардейской армией. Сотни тонн металла было выброшено сегодня на позиции врага, но ощутимого результата достигнуто не было. Чтобы поднимать в атаку оставшихся бойцов, назавтра потребуются невероятные усилия. Когда гибнут многие бойцы, а движения вперед нет, оставшихся в живых трудно, очень трудно посылать снова в атаку на ошетинившегося врага. Но другого выхода Крейзер не видел и назавтра готовился повторить атаку. Беда была еще и в том, что новая атака должна происходить в более невыгодных для наших войск условиях, так как основной боекомплект артснарядов был израсходован.

Хрюкин глубоко сочувствовал Крейзеру и вместе с ним тяжело переживал неудачу первого дня наступления. Причину этого он видел в том, что опытный враг разгадал замысел операции, правильно оценил группировку наших войск и своевременно принял контрмеры. Видимо, в армии не могли скрыть и время начала нашей атаки, так как противник на рассвете вывел свои войска с передовых позиций и удар нашей артиллерии в значительной степени пришелся по пустому месту. Произошла утечка очень важных секретов при подготовке наших войск, а кто в этом

виноват, было трудно установить. Хрюкин снова предложил Крейзеру осуществить оперативный маневр, изменив направление главного удара. Не пробивать железную стену обороны противника в лоб, а попытаться обойти эту стену и прорваться в другом месте.

По его мнению, на левом фланге 63-го стрелкового корпуса генерала Кошевого более слабый противник, поскольку ему удалось в течение дня захватить на Каранском направлении три линии траншей с противотанковым рвом и продвинуться вперед на 2-3 километра. Крейзер знал об этом тактическом успехе Кошевого, но не считал его настолько значительным, чтобы сделать это направление главным в новом наступлении армии. Его останавливало то, что войскам 63-го стрелкового корпуса предстояло еще преодолеть две линии мощных укреплений с противотанковыми рвами, а артиллерии у Кошевого было мало.

Перебросить артиллерию с правого фланга на левый в течение одной ночи было невозможно. Делать же паузу и прерывать наступление даже на сутки было недопустимо, так как потеря темпа была еще опаснее для всей операции, чем риск неудачи второго дня наступления. Крейзер сказал, что он просил командующего фронтом разрешить продолжать наступление на Тарханском направлении и выдвинуть туда дивизию, находящуюся в резерве фронта. Но положительного ответа не получил. Осторожный комфронта, как всегда, не торопился с ответом.

Хрюкин напомнил Крейзеру, что он и ранее советовал ему выбирать главный удар в центре плацдарма, тогда легче было бы в сложившейся ситуации маневрировать войсками с одного направления на другое, но его предложение Крейзер тогда не принял, думая, что будет легче и быстрее достичь цели по кратчайшему расстоянию под основание Перекопского перешейка. Сейчас он сожалел, что не поддержал добрый совет, но поправить это было уже невозможно. Хрюкин, как мог, уговаривал Крейзера не терять веру в успех операции, прошел только ведь первый день. Не все еще потеряно.

“Не знаю, насколько поредели ряды в наземных войсках, - рассуждал вслух Тимофей Тимофеевич, - видимо, много бойцов полегло в открытой степи под перекрестным огнем противника, но авиация, хотя и она тоже понесла потери, завтра сможет повторить свой удар с не меньшей силой на любом направлении, где прикажет командование фронтом, на Сиваше или на Перекопе. Мое мнение - не лезть на рожон прямо под пулеметный и минометный огонь противника, не складывать шта-

беля из тел солдат, а маневрировать ударами и усилить нажим там, где проявляется слабина обороны противника”.

С этим мнением Хрюкин отправился к командующему фронтом. В это время у командующего фронтом находились начальник штаба, возвратившийся с Перекопа, и другие члены Военного совета.

Некоторые из присутствующих пытались склонить комфронта перенести главные усилия в наступление на Перекоп, выдвинуть туда фронтовой резерв и направить всю авиацию фронта и Черноморского флота для поддержки войск 2-й гвардейской армии, которая в течение первого дня добилась заметного успеха. Хрюкин не разделял этого мнения и предложил:

- Необходимо не ослаблять 51-ю армию, а наоборот, усилить ее артиллерией и резервной дивизией. Нужно не выжимать противника с перекопских укреплений и вести с ним борьбу в невыгодных для наших войск условиях, а придерживаться принятого направления главного удара с плацдарма под основание перекопской группировки войск, открывая себе путь на Джанкой. Мы должны всегда помнить одно из правил стратегического руководства, запрещающее менять принятое направление в ходе операции. Это может только попутать весь план операции. Что же касается главных усилий 51-й армии, то целесообразно завтра сосредоточить силы армии не на Тарханском направлении, а на левом фланге на Каранки, где у противника наметились бреши в обороне, меньше войск и артиллерии и куда он не сможет в течение дня перебросить в ходе боя свои силы с другого участка фронта. А чтобы он ждал продолжения атаки на Тарханском направлении, наша ночная авиация будет активно действовать на этом участке, не давая противнику возможности заподозрить об изменениях наших планов. Это тактические маневры, они крайне необходимы в любых условиях боя, тем более, такое маневрирование крайне необходимо для сложившейся обстановки в 51-й армии. Авиация может оказать 51-й армии полную поддержку всеми силами на ее левом фланге...

После оживленного обмена мнениями между членами Военного совета фронта командующий фронтом принял следующее решение:

“Главные усилия фронта на завтра остаются на Сивашском направлении, и этот удар будет продолжать наносить 51-я армия при поддержке всей авиации фронта. Но свои основные усилия 51-я армия перенесет на левый фланг, будет развивать успех, наметившийся у товарища

Кошевого. Командующему артиллерией предстоит выехать сегодня же к Кошевому и подтянуть фронтной резерв артиллерии на Каранско-Тарханском направлении, 2-й гвардейской армии продолжать развивать наступление имеющимися силами, оказывая на противника такой нажим, чтобы заставляя его держать в напряжении свои силы на Перекопе и ждать от нас генерального наступления именно на этом направлении.

19-й танковый корпус подготовить для переправы на плацдарм в ночь с 9-го на 10-е с тем, чтобы в случае успешного продвижения наших войск на Томашевку ввести его в образовавшуюся брешь в обороне противника и направить на Джанкой и Симферополь. Немецкие войска на Перекопе нужно перехватить у Ишуньских позиций и не дать им возможности отступить в глубь Крыма...”

Объявленное решение командующего фронтом было утверждено присутствующим на совещании представителем Ставки Верховного Главнокомандования Маршалом Советского Союза А.М.Василевским. Хрюкин с воодушевлением принял приказ командующего войсками фронта и отдал соответствующие распоряжения в подчиненные авиасоединения.

В течение всей ночи легкие бомбардировщики По-2 бомбили войска противника в районе Тархан - Воинка, изнуряя и выматывая его силы. Эти действия должны были демонстрировать противнику стремление наших войск продолжать наступление на Тарханском направлении.

В течение ночи с 8 на 9 апреля ночные бомбардировщики 2-й гвардейской ночной бомбардировочной авиационной дивизии произвели 494 самолето-вылета, уничтожая артбатареи, технику и живую силу противника, главным образом на Тарханском направлении. В течение ночи было сброшено 90,8 тонны бомб, уничтожено 7 артбатарей, 10 пулеметных точек, 7 паровозов и 7 вагонов. На северо-восточной окраине Тархан был взорван склад боеприпасов, взрывы на складе продолжались несколько часов, а склад с горючим горел всю ночь до рассвета, превратившись в хороший световой ориентир для ночных бомбардировщиков. Комсомольцы 61-го гвардейского авиационного полка летчик лейтенант В.П.Носовский и штурман младший лейтенант Н.С.Подмогильный ночью летали бомбить вражеские позиции. В районе цели самолет получил тяжелые повреждения от зенитной артиллерии. Летчик и штурман были ранены. Отказывало управление самолетом. Но несмотря на это, отважный экипаж, преодолевая боль, дошел до цели, прицельно сбросил

бомбы. И только после того, как выполнил боевое задание, на поврежденном самолете возвратился на свой аэродром.

Перед рассветом Хрюкин вздремнул часа полтора и снова был на ногах. Начался еще более напряженный батальный день. С утра 9 апреля пикирующие бомбардировщики нанесли мощный удар по войскам противника в районе Каранки, высота отметки 30.3, и Томашевки.

Штурмовики плотными группами проходили одна за другой через радиостанцию “Громада”, докладывали о боевой задаче и получали от нее подтверждение на ее выполнение. Основная масса штурмовиков следовала в район Каранки, Самай, Асс-Найман, Томашевка. Они обрабатывали позиции противника в полосе наступления 63-го стрелкового корпуса генерала П.К.Кошевого. Штурмовики и бомбардировщики бомбами и снарядами прокладывали путь пехоте, восполняя своими ударами недостаток артиллерии, которую в течение ночи не удалось подтянуть на левый фланг 51-й армии.

Вспомогательный удар штурмовики 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии наносили в районе Тархан в интересах наступающих войск 1-го гвардейского и 10-го стрелкового корпусов. Часть сил 7-го штурмового авиакорпуса действовала в интересах 2-й гвардейской армии в районе Карпова балка, Будановка, Джуны, поддерживая наступление наших войск на Перекопе. На всем протяжении фронта завязались ожесточенные упорные бои. Немцы оказывали фанатическое сопротивление, сражаясь за каждый клочок крымской земли. Обстановка складывалась так, что немецкому командованию было трудно разобраться, где же наступают главные силы фронта. В воздухе появилась оправившаяся от наших ударов по вражеским аэродромам немецкая авиация. Группами по 18-20 самолетов Ю-87 авиация противника пыталась атаковать наши войска в районе Армянска. Немцы ошибочно посчитали, что основные усилия фронта перенесены с Тарханского на Перекопское направление. Немецкая авиация произвела в течение дня 167 самолето-вылетов. Произошло 25 воздушных боев, в которых было сбито 20 самолетов противника. Потери нашей авиации составили 11 самолетов. Однако к исходу дня немецкое командование поняло, что назревает прорыв их обороны на Каранско-Томашевском направлении.

267-я стрелковая дивизия 63-го стрелкового корпуса сломила сопротивление немцев во второй полосе их обороны и успешно продвигалась на Асс-Найман и Томашевку.

Штурмовики своим огнем сопровождали наступающие танки и пехоту. Командир 63-го стрелкового корпуса в течение дня несколько раз звонил непосредственно Хрюкину, минуя Крейзера, и просил усилить поддержку штурмовыми ударами с воздуха. Хрюкин, понимая, что судьба сражения решается на участке 63-го корпуса, направил весь свой резерв на это направление и добавил летчикам, уже выполнившим по два вылета, еще один вылет. В воздухе на Томашевском направлении непрерывно находились штурмующие противника самолеты.

В конце дня 9 апреля Хрюкин доложил командующему фронтом, что 8-я воздушная армия в этот день произвела 957 боевых самолето-вылетов, в том числе 423 самолето-вылета на атаку войск противника на поле боя. Напряжение действий авиации было больше, чем в первый день наступления, и превысило запланированное ранее количество самолето-вылетов.

Командующий фронтом выразил глубокое удовлетворение решительными действиями авиации, ее маневренностью и сосредоточием усилий на левом фланге 51-й армии.

“В этом сражении авиация оказала прямо-таки неоценимую помощь пехоте, - отметил командующий фронтом. - Мы ведь не думали, что события так развернутся и нам придется переносить основные усилия на левый фланг. Но на войне часто так бывает, что события принимают совершенно неожиданный характер и приходится действовать далеко не так, как планировали. Вчера было очень трудно принимать решение на перенос главного направления удара 51-й армии, тем более что многие мне не советовали это делать. Ни один командарм, кроме Вас, Тимофей Тимофеевич, не посоветовал мне сосредоточить усилия главного удара на участке Кошевого. Принимая свое решение, я был уверен, что авиация меня не подведет и полностью восполнит недостаток артиллерии у наступающих войск. Я очень рад, что не ошибся в этих надеждах на доблестных авиаторов...”

Весь день командующий фронтом провел на командном пункте Крейзера. Несколько раз он приходил на наблюдательный пункт Хрюкина, расположенный поблизости от КП Крейзера, наблюдал за проходящими в воздухе боевыми группами самолетов. Ему нравилась четкая работа Хрюкина по управлению авиацией, команды с земли безошибочно воспринимались летчиками и немедленно выполнялись. Он видел, что авиация действует с максимальным напряжением сил. Это вселяло

надежду, что второй день наступления завершится большими успехами, чем предыдущий день. Комфронта пришлось в течение дня несколько раз подправлять Крейзера и вмешиваться в его действия, отдавая непосредственно распоряжения командирам корпусов. Крейзер находился в крайне возбужденном состоянии, его состояние можно было понять после неудач прошлого дня, кроме того, в этот день оценивать обстановку боя и принимать решения ему приходилось в присутствии старшего начальника, что также накладывало отпечаток на его поведение. Особенно частые переговоры провел комфронта с Кошевым, удерживая в своих руках пульс боя на Томашевском направлении. Хрюкина он попросил передать его глубокую благодарность летчикам, особенно штурмовикам, которые дрались самоотверженно, показывая образцы доблести и героизма.

Толбухину в этот день доложили о двух героических подвигах летчиков-штурмовиков. Заместитель командира авиаэскадрильи 76-го гвардейского штурмового авиаполка Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Лаврентий Петрович Павлов во время штурмовки войск противника был подбит зенитной артиллерией. На глазах многих пехотинцев старший лейтенант Павлов направил подбитую машину на скопление техники и живой силы врага, повторив бессмертный подвиг Гастелло. Через несколько дней после того, как наши войска захватили территорию, где героически погиб Л.П.Павлов, там, в районе Смай, нашли его в самолете, который, пикируя на врага, зарылся в землю до самой кабины. Рядом валялись обломки немецкой военной техники. Похоронили героя с воинскими почестями в поселке Веселый.

Другой летчик штурмовик лейтенант Н.Н.Печенов вместе с группой товарищей штурмовал немецкие позиции. В это время в воздухе появились "юнкерсы", которые шли бомбить наши войска. Лейтенант Печенов вступил с ними в бой, смело врезался в строй немецких бомбардировщиков. Его самолет подбили, патроны и снаряды кончились. Тогда мужественный летчик хладнокровно пошел на воздушный таран. Он отбивает крыло у "Юнкерса-87". Самолет противника загорается и беспорядочно падает на землю. Не выдержало и крыло самолета Печенова. Его воздушный стрелок успел выпрыгнуть с парашютом и приземлиться на своей территории, а лейтенант Печенов врезался в землю вместе с самолетом.

По предложению Хрюкина командующий фронтом приказал широко оповестить войска о геройских подвигах летчиков. Были выпущены листовки с фотографиями героев. Листовка, посвященная памяти лейтенанта Печенова, заканчивалась словами: “Никогда не изгладиться в нашей памяти образ нашего боевого друга. Так пусть же его светлый образ вдохновляет нас на новые боевые дела, на новые героические подвиги во славу нашей Родины! Еще беспощаднее мстите проклятому немецко-фашистскому зверю за все его чудовищные злодеяния, за груды развалин наших городов, за пепел сел и деревень, за тысячи драгоценных советских людей, за наших боевых товарищей, за нашего боевого друга героя Николая Печенова...”

Командующий фронтом просил Хрюкина не снижать напряжение в работе авиации. Всю ночную бомбардировочную авиацию также нацелить на левый фланг 51-й армии.

- На Томашевском направлении, - сказал Толбухин, - будем открывать ворота в Крым.

В ночь на 10 апреля ночные бомбардировщики меткими ударами помешали противнику укрепить свой оборонительный рубеж в районе Томашевки. К исходу 9 апреля немецкое командование поняло, что назревает прорыв их обороны на Каранско-Томашевском направлении. В образовавшийся прорыв немцы бросили весь резерв танков и самоходных орудий. С утра 10 апреля немецкие танки и самоходные артиллерийские установки начали контратаки против 417-й стрелковой дивизии, наступавшей в первом эшелоне 63-го корпуса. Разгорелся ожесточенный бой. Севернее Томашевки немецкие танки и самоходные установки прямой наводкой расстреливали наши войска, захватившие высоту отметки 30.3. Создалась напряженная обстановка. В 417-й стрелковой дивизии не хватало противотанковой артиллерии, кое-где наши войска, неся тяжелые потери, начали отступать. Кошевой настойчиво просил Хрюкина спасти положение и остановить танки противника. В этот критический момент многие группы штурмовиков, вызванные по команде Хрюкина на поле боя, обрушили мощный удар по противнику, засыпая танки врага противотанковыми бомбами и расстреливая их из пушек и реактивными снарядами (РС). В течение дня было сделано 770 боевых самолето-вылетов. Летчики показывали образцы снайперских ударов по точечным целям. Танковые контратаки немцев захлебнулись. “Фердинанды” и “тигры” факелами горели на поле боя.

Силы сторон на какое-то время были уравновешены, напряжение достигло предела, даже незначительный толчок мог склонить в ту или другую сторону чашу победы. Немалую долю в последний удар по врагу вложила авиация. Командир 63-го стрелкового корпуса прислал Хрюкину телеграмму: “Прошу передать мою искреннюю благодарность летчикам вашей армии за отличную поддержку с воздуха в боях от Сиваша - Каранки до Севастополя...”

Вечером 9 апреля на наблюдательный пункт (НП) Хрюкина пришел Крейзер. После тяжелых переживаний за последние два дня он осунулся и еще больше почернел, но глаза его светились радостью. Он пришел к Хрюкину, чтобы выразить свою глубокую благодарность авиаторам за их неоценимую помощь наземным войскам, особенно в боях в районе Каранки и Асс-Найман. Удары авиации были в тесном взаимодействии по месту и времени с пехотой, наступающей на сильного врага. Особенно восхищались пехотинцы штурмовиками, которые действовали на поле боя дерзко, смело и эффективно. Яков Григорьевич Крейзер крепко пожал руку командарму Хрюкину и сказал:

- Мы штурмовиков называем в знак особого уважения “воздушной пехотой”. Да, авиация здорово нас поддержала, особенно на левом фланге у Кошевого. Теперь можно немного перевести дух, самое напряженное время пережили, и завтра мы решительно двинемся вперед на Джанкой и Симферополь. Большое спасибо тебе, Тимофей Тимофеевич, твое горячее участие сильно поддержало меня и вселило уверенность в лучший исход развернувшихся событий.

Хрюкин, со смущением скромного человека, пытался высказать слова своей незначительной роли.

- Главные герои те, кто сражался под огнем на поле боя и кто остался там навсегда, добывая победу...

Расставаясь, они пожелали друг другу успехов на завтрашний день и разошлись как большие друзья.

В самый разгар боя Хрюкину позвонил Кошей и с тревогой передал, что его авиационный наводчик ранен и нацеливать самолеты некому. Штурмовики действуют в непосредственной близости от передовых цепей и без целеуказания по радио легко могут зацепить своих. Кроме того, идет непрерывное перемещение войск на поле боя, некоторые опорные узлы переходят из рук в руки.

“Срочно посылайте другого авианаводчика, положение крайне тяже-

лое”, - закончил разговор Кошевой. У Хрюкина на его наблюдательном пункте был только один помощник по наведению, молодой исполнительный майор. Он непрерывно находился у радиостанции, держал микрофон в руках и передавал все команды от его имени позывным “Громада”. Лишиться этого единственного помощника, с которым неразрывно прошел путь от Сталинграда до Крыма, Хрюкину было тяжело, но другого выхода не было.

“Владимир, - сказал Хрюкин, - забирайте с собой переносную радиостанцию и на “виллисе” немедленно выезжайте на НП командира 63-го корпуса, он находится на высоте 30.3. Поработайте там до вечера, а потом я вас заменю другим человеком. Что бы там ни произошло, но вы в 22.00 должны возвратиться...” Хрюкин по-отцовски обнял своего преданного и испытанного помощника и пожелал вернуться целым. Он знал, что храбрый Кошевой вылез на самый передний край, что высота 30.3 уже не раз переходила из рук в руки и как туда добраться, было неясно. Хрюкин сильно беспокоился за благополучный исход поездки. Владимир сам отлично понимал, какое опасное задание он получил. Дороги и тропинки в направлении на Каранки и Асс-Найман простреливались противником перекрестным огнем не только артиллерией и минометами, но и из пулеметов.

Несколько километров Владимир проехал на машине по дороге, где еще шло движение транспорта и изредка рвались артиллерийские снаряды противника. Чем ближе к передовой линии фронта, тем плотнее становился обстрел. Расстояние между разрывами сокращалось, а время пауз уменьшалось. Приходилось от одной воронки до другой проскакивать несколько сот метров и снова падать в воронку.

Впереди замаячила высота 30.3, на ровной местности она была видна за несколько километров. Предстояло преодолеть разделяющее их поле смерти. Трупы наших и немецких солдат лежали вперемешку. Их никто не убирал. Ехать дальше было нельзя, пришлось оставить автомашину в воронке от бомбы. Владимир, согнувшись, начал перебежками и ползком передвигаться к высоте. Наткнулся на двух пулеметчиков, которые как живые лежали за своим совершенно целым пулеметом. Недалеко была воронка от разорвавшейся мины, видимо, она сразила их сразу обоих. Дважды волна от взрыва бросала Владимира наземь, осколки с шипением пролетали над ним, но его не зацепили, и он продолжал упорно продвигаться вперед. Чудом дополз до высоты и буквально мешком

свалился в траншею, волоча за собой радиостанцию, затем по ходу сообщения добрался до Кошевого, тот стоял в полный рост и смотрел в бинокль. Рядом находились два офицера, плотно прижавшись к Кошевому, поддерживая его с обеих сторон и прикрывая своими телами от пуль и осколков снарядов. Они руками держались за бруствер окопа. Лица у всех троих были красные, покрытые густой крымской пылью, они не разговаривали, а орали, пытаясь перекрыть грохот выстрелов и разрывов.

Владимир доложил Кошевому, что авианаводчик от Хрюкина пришел, и попросил разрешения развернуть радиостанцию рядом с ним. Кошевой не скрывал своего ликования, увидев офицера с голубыми кантами:

- Давай, голубчик, побыстрее разворачивайся и командуй своими самолетами. Дерзко дерутся ваши летчики, выше всяких похвал, не ударили бы только нас по голове, ведь враг совсем рядом, вон у того разваленного сарая стоит их самоходка и палит прямо сюда. Дай-ка команду подходящей к нам группе штурмовиков ударить именно по этой самоходке. Она принесла нам много неприятностей - уже не один человек погиб рядом с нами.

Высота была покрыта низким дымом и пылью, затрудняющими наблюдение за воздухом. Через несколько минут в эфир понеслись позывные: "Я Громада-1", - так условились с Хрюкиным работать по радио до прибытия закрепленного за корпусом авианаводчика. Выход в эфир радиостанции "Громада-1" был докладом Хрюкину о прибытии ее на место. Ведущие групп, получив указание от Хрюкина действовать по командам радиостанции "Громада-1", четко выполняли все ее распоряжения.

Очередная группа штурмовиков подошла к высоте отметки 30.3 и получила указание ударить по немецкой самоходной артиллерийской установке. Это была группа 75-го гвардейского штурмового авиаполка под командой капитана И.Г.Суклышкина. После первого же захода шестерки штурмовиков "самоходка" немцев запылала на глазах у Кошевого, от нее повалил черный дым.

- Передай ведущему этой группы, - обратился Кошевой к авианаводчику, - всю жизнь его буду благодарить, он спас меня и многих товарищей от верной гибели, теперь можно держать голову повыше, такого зверского обстрела прямой наводкой уже не будет...

Благодарность Кошевого полетела в эфир... Ведущий штурмовиков,

возвращаясь домой, проветливо покачал над высотой 30.3 крыльями в знак признательности за высокую оценку его действий...

Все контратаки немцев на высоту 30.3 в ходе четкого взаимодействия всех родов войск успешно были отбиты. О положении на поле боя генерал Кошевой так писал в своих воспоминаниях “В годы военные”:

“И когда гитлеровцы двинулись вперед, наша артиллерия сосредоточила по ним мощный огонь и вынудила залечь на своем же минном поле. Заметив это, мы срочно вызвали самолеты-штурмовики, которые прошлись по контратакующим подразделениям противника пушечным и пулеметным огнем. Наши истребители прикрывали их. Все прошло как по писаному. Гитлеровцы откатились в свои траншеи с большими потерями...”

Немецкая авиация также пыталась бомбить передний край наших войск, в том числе бомбы падали на высоту 30.3, где земля гудела и дрожала от взрывов. Всех, кто находился на высоте, засыпало осколками и покрыло облаком пыли. Бой с неослабевающим напряжением шел в течение всего дня. Под напором наших войск гитлеровцы вынуждены были оставлять одну позицию за другой и отходить на юг.

В конце дня поздно вечером Владимир доложил Кошевому, что ему приказано убыть обратно на командный пост Хрюкина, а авиапредставителем при 63-м стрелковом корпусе будет помощник начальника оперативно-разведывательного отделения штаба 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии майор И.Д.Капустин. Владимир отправился в обратный путь, который оказался не менее тяжелым. Немецкая артиллерия вела ожесточенный обстрел дороги, ведущей от Асс-Наймана на Хаджи-Булат. По этой дороге вытягивались танки и автомашины 19-го танкового корпуса, которые с рассветом 11 апреля должны были войти в прорыв и начать наступление на Джанкой - Симферополь. Несколько разбитых машин горело по обочинам дороги. В ту ночь погиб авианаводчик 8-й воздушной армии при 19-м танковом корпусе, а командир корпуса был тяжело ранен.

Уже шел третий час ночи, а Владимир никак не мог пробиться к Хаджи-Булату, где размещался командный пункт Хрюкина. Никогда еще он не нарушал ни одного распоряжения Хрюкина и всегда точно и в срок выполнял его приказы. А на этот раз уже на 5 часов опаздывал с возвращением на свое место. Генерал Хрюкин был сам точным в своих действиях и требовал точного и своевременного выполнения приказов от

своих подчиненных. Явиться к нему с таким опозданием было крайне обидным для Владимира, но он ничего не мог сделать, его сдерживали встречные колонны танков, объехать их было невозможно, шел непрерывный обстрел дороги. Только в три часа ночи он добрался до своей землянки, весь черный от грязи и пыли, с перевязанной рукой. По дороге его все же зацепил осколок снаряда. Хрюкин еще не спал. Он сидел в землянке за своим столом, измученный напряженными боями и бессонными ночами, нервы были крайне напряжены, глаза закрыты, болела голова, и сон не шел. Уже поздно ночью ему позвонили из 19-го танкового корпуса и передали, что армейский авианаводчик убит, присылайте другого. Как фамилия наводчика, не сообщили, связь прервалась... Никогда Владимир его не подводил и всегда точно выполнял все его поручения, а теперь шел уже третий час ночи, а его все нет, хотя договорились, что к 22 часам он будет на месте. Ему не хотелось думать, что погибший наводчик и есть его помощник, ведь у него была с собой радиостанция, и он мог бы давно дать о себе знать. С командного пункта Кошевого на его запрос ответили, что майор-авиатор отправился в обратный путь около десяти часов вечера. Радиостанцию оставил новому наводчику.

Куда же он исчез, неужели действительно погиб? Перед тем, как послать его к Кошевому, у Хрюкина подсознательно возникло опасение, а не погибнет ли он в этой каше, защиты ведь никакой ни от пуль, ни от снарядов, а нужно лезть в самое пекло, но больше посылать было некого. За два года совместных мытарств он так крепко привык к Владимиру, что любил его как своего сына. Был у него родной сын Владимир, родившийся, когда самому ему было только двадцать лет. Так сложилась жизнь, что сын остался без родной матери, пришлось с ним много помаяться. Тревожная военная жизнь не позволяла уделить должного внимания сыну. Тимофей Тимофеевич болел за него душой, горячо любил, относился к нему как к товарищу и возлагал на него большие надежды. Ждал, что сын пойдет по его стопам, станет военным летчиком, продолжит дело, которому отец посвятил всю свою жизнь.

На фронте встретился второй Владимир, старше его сына, но напоминавший его характером, и Хрюкин незаметно привязался к нему. В боевой обстановке друзья по оружию становятся близкими, как родные по крови. Много дней и ночей за эти два года были проведены с Владимиром в одной землянке на передовом командном пункте, и почти везде он следовал за ним, переноса вместе все тяготы, невзгоды и потрясения

фронтальной жизни. А теперь и его не было. Потеря близкого человека тяжелым камнем ложилась на душу, и, несмотря на усталость, сон не шел.

И вдруг стук... Открылась дверь, и на пороге землянки появился Владимир, черный от пыли и грязи, с перевязанной рукой. Лицо Хрюкина осветилось лучезарной улыбкой. Большие глаза навывали стали еще больше, обычная глубокая морщина на переносице расправилась...

- Ты с какого света? Жив! А мне доложили, что армейского наводчика убило. Как же это тебя угораздило?! Рука-то цела? Ну, главное, что ты остался жив.

Хрюкин не удержался, встал, крепко обнял своего боевого друга. Он увидел растерянное, виноватое лицо Владимира, понял, что тот сделал все, что мог. Радиостанцию он свою оставил у Кошечкина, и поэтому в пути доложить о себе не смог. Не по своей вине заставил его излишне волноваться и переживать. Командующий по-отечески успокоил его:

- Твою работу слышал по радио. События на фронте развиваются благоприятно. Ты сделал большое дело, побывав на острие ножа, которым вспарывают гитлеровцам живот. Авиация в этот день показала все, на что только она была способна, - так оценил нашу работу командующий фронтом...

Все у Хрюкина было большое: рост и сила, знания и звания, и, главное, у него была большая душа прекрасного человека!

Часто Хрюкин приходил на узел связи для ведения прямых переговоров по телеграфному аппарату. Он лично знал многих связистов армии. С рядовыми тружениками узла связи держался очень просто, старался не подчеркивать свое высокое положение. Был внимателен и вежлив, а с девушками-связистками, к которым он питал симпатию, был всегда предупредителен и заботлив.

На узле он успевал прочитать очередной боевой листок связистов и познакомиться с жизнью части.

"Молодцы связисты, - говорил командующий, - умеют работать и неплохо отражают свои боевые дела и в наглядной агитации..."

Он знал и личную жизнь многих солдат. После освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков помог многим солдатам навестить своих родных. Выделял машины и самолеты для поездки к родным. Это внимание командующего к рядовым поднимало его авторитет чуткого и отзывчивого командира, которому близки и понятны переживания простого человека.

С большой любовью относились рядовые к своему командующему. Когда генералу Хрюкину пришлось убывать на новое место службы, он пришел на узел связи проститься со связистами. Думал, зайдет и сообщит им неизвестную новость, поблагодарит за хорошую работу. Но связисты, державшие в своих руках каналы, по которым проходит вся информация между штабами и командирами, уже знали, что командующий убывает и обязательно придет к ним проститься. Они подготовили громадный букет крымских роз, самая красивая девушка-связистка от имени всех преподнесла Хрюкину этот букет с горячими пожеланиями большого счастья и здоровья на его жизненном пути.

Взволнованный до глубины души, Тимофей Тимофеевич сердечно поблагодарил, крепко обнял собравшихся его проводить и, растроганный, быстро вышел на улицу, сел в свою машину и уехал на аэродром. Надолго в его памяти остались эти трогательные проводы, дорогие для него лица незаметных, но незаменимых близких помощников...

Кровопролитное сражение на Томашевском направлении закончилось в пользу наших войск.

Массированное применение авиации на узком участке фронта во многом повлияло на успешный исход трехдневных ожесточенных боев на Крымском перешейке. Войскам 51-й армии первоначально не удалось выполнить задачу прорыва обороны противника на Тарханском направлении, где были сосредоточены главные силы пехоты и артиллерии армии и израсходован основной боекомплект артиллерии.

Благодаря умелому маневру наземных войск и мощным авиационным ударам удалось прорвать оборону немцев, казалось бы, на второстепенном направлении сравнительно ограниченными силами 63-го стрелкового корпуса. Дивизии 63-го корпуса наступали без достаточного артиллерийского сопровождения, однако враг был сломлен. При этом важную роль сыграла авиация, которая мощными ударами с воздуха помогла пехоте отбить контратаки, разгромить танки и артиллерию противника и обратить в бегство его пехотные и кавалерийские части. Авиация 8-й воздушной армии завоевала полное господство в воздухе. Она помогла сломить сопротивление противника, бомбами и снарядами прокладывая путь своей пехоте.

Войска же противника, не имея необходимого прикрытия с воздуха и поддержки своей авиации, несмотря на фанатическое сопротивление

обреченных на гибель людей, не смогли устоять и вынуждены были бежать в глубь Крыма.

Самоотверженные действия 2-й гвардейской армии на Перекопском направлении ввели в заблуждение немцев относительно главного удара наших войск. Все это свидетельствовало о героизме советских солдат, с одной стороны, и высоком оперативном мастерстве командования - с другой. Превосходство советской военной науки над немецко-фашистской было продемонстрировано самым убедительным образом.

Большой вклад в успешное проведение операции внес молодой командующий 8-й воздушной армией генерал Хрюкин, причем, как при разработке плана операции, так и в ходе боевых действий.

Авиация 8-й воздушной армии под командованием Хрюкина действовала массированно, эффективно и самоотверженно.

Наступила третья бессонная ночь, но командарм бодро держался на ногах, нельзя было ослаблять удары по врагу. Командующий фронтом поставил задачу расчистить путь для ввода 19-го танкового корпуса в образовавшийся прорыв обороны противника. В течение ночи с 10 на 11 апреля ночные бомбардировщики непрерывно бомбили немецкие войска в районах южнее Томашевки, Ново-Александровки, севернее Монастырки и Красноперекопска. За ночь было произведено 402 самолето-вылета, из них больше половины пришлось на атаку войск, а остальные по железнодорожным станциям, аэродромам и на воздушную разведку. В течение ночи под шум моторов самолетов выдвигались танки 19-го танкового корпуса на исходный рубеж на участке наступления 63-го корпуса. На рассвете наши танки начали стремительное наступление на Джанкой. Оборона немцев была прорвана, ворота в Крым были открыты. Командующий 8-й воздушной армией послал во все части армии восторженную телеграмму, в которой он писал:

“Дорогие боевые друзья! В результате героических усилий наших войск оборона немецко-фашистских захватчиков прорвана, танки и мотопехота на плечах противника вступила в Крым. Ваши самоотверженные действия не пропали даром. Воздушные богатыри показали проклятым фашистам всю мощь и превосходство советского оружия. Благодарю вас за совершенные подвиги. Враг сломлен, но не добит. От нас требуется не ослаблять удары по врагу, не дать ему возможности бежать к южным портам и укрыться за Севастопольскими редутами. Вперед, на полный разгром врага! Очистим весь Крым от немецко-фашистской за-

разы. Солнечный Крым в ближайшие дни снова станет советским! Подвиги героев-летчиков, павших в боях за освобождение Крыма, никогда не померкнут в памяти народа! Смерть фашистским захватчикам!

Хрюкин”.

На рассвете 11 апреля лавина танков и мотопехоты вошла в прорыв и стальным потоком двинулась на Джанкой, сминая противника.

Героически дрались с врагом летчики-истребители. 11 апреля летчик 402-го истребительного авиаполка лейтенант Павел Гаврилин сбил в бою три самолета противника.

На следующий день лейтенант П.Ф.Гаврилин в паре с лейтенантом К.С.Алексееenko прикрывал свои войска на поле боя. На маршруте полета они встретили транспортный немецкий самолет, которого сопровождал Ме-109. Гаврилин с первой атаки сбил транспортник, в это время Ме-109 пытался атаковать его самолет. Но на помощь подоспел его напарник К.Алексееenko, который в свою очередь зашел в хвост “мессершмитту” и сбил его. Вслед за этим Гаврилин и Алексееenko встретили группу бомбардировщиков противника и атаковали ее. Уже возвращаясь домой, Гаврилин увидел, как с аэродрома противника начали взлетать четыре Ме-109. Гаврилин решил драться с ними один, так как у К.Алексееenko кончалось горючее, и он ушел вперед. Бой был очень тяжелый, он начался на высоте 150 метров и поднялся до высоты 3 тысяч метров. Первый “мессершмитт” Гаврилин сбил на взлете, потом поджег второй самолет, но в это время сам был тяжело ранен. Он нашел в себе силы выйти из боя и произвести вынужденную посадку на территории противника. Газета “Сталинский воин” от 23 апреля 1944 года писала:

“Он очнулся на земле, в стороне от самолета, он не помнил того, как выбрался из кабины, как шел, пошатываясь, по полю, как упал на землю и полз. Вокруг были враги, они отступали и бежали на юг. Их гнали войска от Перекопа на юг к Симферополю и Севастополю. Убегающие, они были еще более злобными, и попадись им раненый советский летчик, растерзали бы его. Гаврилин залез в канаву. Немцы проходили мимо по дороге. Гаврилин отполз еще дальше и очнулся на окраине села... Шатаясь, уперся в косяк вздрагивающей рукой и постучал в дверь ветхого домика. Дверь открыла жена колхозника Талалова. Увидя окровавленного летчика, она отступила назад, потом кинулась к нему. Вместе с выбежавшим в сени мужем они втащили летчика в дом...”

Талаловы стянули с Гаврилина комбенизон, сняли окровавленное белье, обмыли раны, перевязали, переодели в чистое белье, напоили горячим молоком, накормили и укрыли. Спустя сутки войска Красной Армии заняли село Кара-Кияк. Утром Талалов привез Гаврилина на аэродром, куда перелетел авиаполк, и сказал: “Вот привез вашего героя”, - так говорило о Гаврiline все село Кара-Кияк. Его жители видели, как дрался Гаврилин один против четырех, как он свалил двух немцев. Каракиякские колхозники спрятали Гаврилина от немцев. Гаврилин - подлинный герой, из тех, которые дерутся до последнего вздоха. И еще надо помянуть добрым словом Гавриила Лазаревича Талалова и его жену из села Кара-Кияк. Да будет их жизнь хороша и привольна в освобожденном родном Крыму...”

Так советские люди в тылу врага, рискуя своей жизнью, спасали наших летчиков, вынужденно покинувших свои самолеты. Шла народная священная война, в которой каждый советский человек отдавал силы для победы.

Немецкие войска получили приказ занять подготовленную линию обороны Саки - Сарабуз и остановить советские войска. Они пытались выдвинуть заслоны и задержать продвижение наших танков. Однако немецкому командованию не удалось укрепиться на этом рубеже. Стремительный удар бронетанковых сил 4-го Украинского фронта разрезал оборону немцев. Штурмовики, сопровождавшие 19-й танковый корпус, успешно уничтожали артиллерию, танки самоходные установки проивника, пытавшие атаковать фланги наступающих войск, а истребители надежно прикрывали их от ударов с воздуха.

Бомбардировщики нанесли удар по железнодорожной станции Джанкой, после чего станцию захватили передовые танковые отряды. Противник в панике бежал в направлении к Симферополю. На Перекопе наши войска успешно преодолели несколько укрепленных линий обороны, заняли Красноперекопск и завязали бои на Ишуньских позициях. Для основной группировки немецко-румынских войск на Перекопе сложилась критическая обстановка, возникла реальная угроза их окружения, так как наши передовые отряды выходили на разрыв коммуникаций немцев для отступления на Симферополь.

Противник начал параллельными колоннами отступать на юг на Евпаторию и далее на Симферополь, а от Джанкоя на Симферополь двига-

лись колонны наших войск, которые громили немецкие части, отступавшие с Сиваша.

Потерпев поражение на севере Крыма, немецко-фашистские войска начали поспешное отступление с Керченского полуострова. Опасаясь быть отрезанными, части 5-го горно-стрелкового корпуса генерала Альметдингера в панике оставили города Керчь, Феодосию и другие пункты. Они вынуждены были бросать наши крымские здравницы, не успевая взрывать и уничтожать дворцы-санатории. Немцы бежали к Симферополю, единственному порту, который оставался еще в их руках.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 11 апреля 1944 года отмечалось:

“Войска 4-го Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали сильно укрепленную оборону противника на Перекопском перешейке, овладели городом Армянском и, продвинувшись вперед на 20 км, вышли к Ишуньским позициям. Одновременно войска фронта, форсировав Сиваш восточнее г. Армянска, прорвали глубоко эшелонированную оборону противника в озерных дефиле на южном побережье Сиваша, и, продвинувшись вперед за четыре дня наступательных боев до 60 км, овладели важнейшим железнодорожным узлом Крыма - Джанкой.

В боях отличились... летчики генерал-лейтенанта авиации Хрюкина, генерал-майора авиации Филина, генерал-майора авиации Савицкого, полковника Пруткова, полковника Гейбо...

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам, участвовавшим в прорыве обороны противника. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам!”

Преследование врага

Немцы пытались выдвинуть заслоны и остановить продвижение наших танков. Однако штурмовики 1-й гвардейской авиационной дивизии, сопровождавшие 19-й танковый корпус, успешно уничтожали артиллерию, танки и самоходные установки противника.

19-й танковый корпус двигался как бы по коридору, проложенному авиацией, которая отражала все попытки врага нанести фланговые отсекающие удары.

О действиях группы штурмовиков 76-го гвардейского авиационного полка писал гвардии капитан М.А.Филиппов:

“Мы вылетели на боевое задание шестеркой, нас сопровождали четыре “яка”. Со мной шли С.Д.Лобанов, П.И.Теряев, И.И.Слисенко, Г.М.Надточеев и А.В.Марков. Миновав Сиваш и обогнав наши передовые части, преследовавшие немцев и румын, мы достигли железной дороги. На одном из перегонов курсировал фашистский бронепоезд. Он вел интенсивный огонь по нашим наземным войскам, затрудняя их продвижение вперед. Мгновенно оценив обстановку, я принял решение атаковать бронепоезд. Почти одновременно мы сбросили все свои бомбы. Они легли с небольшим перелетом на полотно, разворотив шпалы и рельсы позади поезда. Он таким образом попал в ловушку и уйти обратно уже не мог. Освободившись от бомб, мы снизились почти до бредущего и начали обстреливать поезд из пушек и пулеметов. Каждый из нас сделал по пять заходов. К нам присоединились истребители прикрытия, которые также открыли огонь по бронепоезду. На платформах, примыкавших к паровозу, начали рваться боеприпасы. Поезд замедлил движение, а потом остановился. Уходя от него, мы видели подходившие к железной дороге советские танки с сидящими на них автоматчиками. Они приветствовали нас ракетами. Бронепоезд, подбитый и обезвреженный нами, должен стать их добычей. Это было на следующий день после того, как мы прочитали в газете “Сталинский воин” письмо бывалых летчиков - участников Сталинградской битвы, призывавших всех нас сражаться за Крым по-сталинградски. Наша группа, в составе которой преобладала молодежь, по-гвардейски ответила на призыв сталинградцев”.

19-й танковый корпус наступал тремя колоннами: слева шла 101-я танковая бригада, в центре - 79-я бригада и справа - 6-я гвардейская танковая бригада. Первое сопротивление корпус встретил в 5 часов 30 минут 11 апреля. Двадцать четыре танка противника в районе Байсары прямой наводкой вели губительный огонь по нашим колоннам. На помощь танкистам пришли штурмовики. Пикируя на зарытые в землю “фердинанды”, они засыпали их ПТАБами и расстреливали из пушек. Танковый заслон противника был сломлен.

В 14 часов 00 минут 11 апреля сильным прицельным огнем артиллерии из района Павловки противник задержал продвижение 6-й гвардейской танковой бригады. Снова были вызваны штурмовики, которые с малых высот прицельным пулеметно-пушечным огнем и бомбами буквально вспахали артиллерийские позиции противника и заставили замолчать пушки врага. Это дало возможность нашим танкам продолжать дальнейшее движение вперед.

Каждый вечер Хрюкин давал авиасоединениям боевые распоряжения, в которых указывал задачи и необходимые боевые действия авиации на следующий день. Командиры авиакорпусов и авиадивизий по согласованию с командирами соединений наземных войск намечали конкретные цели авиаполкам на текущий день. В ходе боевых действий авиационные наводчики, находившиеся при командирах наземных войск, вызывали авиацию на поле боя для атаки войск противника. Самолеты проходили над радиостанцией командующего 8-й воздушной армией, докладывали о полученном задании. От этой радиостанции ведущие боевых групп получали последние указания: выполнять ли поставленную задачу или действовать по другой цели или в другом районе по указанию радионаводчика. В условиях, когда подвижные группы наземных войск стремительно наступали, а обстановка на фронте ежедневно резко менялась, радиостанции наведения и целеуказания на поле боя играли исключительно важную роль в обеспечении согласованных действий авиации и наземных войск. Хрюкин понимал, что главная задача авиации состояла в том, чтобы прикрыть свои войска с воздуха и оградить их от фланговых ударов, обеспечить беспрепятственное продвижение наших танков на Симферополь.

Авиация должна была действовать на всю глубину Крыма, а аэродромы базирования еще находились в северной Таврии. Нужно было срочно искать и готовить передовые аэродромы в Крыму. Предусмотрительный Хрюкин вслед за танковыми частями направил передовые эшелоны инженерно-аэродромных батальонов и комендатуры батальонов аэродромного обслуживания (БАО), которые готовили на передовых аэродромах прием и осуществляли обслуживание боевых вылетов авиачастей.

Хрюкин торопил командиров авиасоединений с перебазированием авиаполков в Крым. На рекогносцировку аэродромов в Крыму вылетел на самолете По-2 командир 206-й штурмовой авиадивизии полковник К.М.Чубченков. Это был смелый и отважный командир. Во время ос-

мотра одной из посадочных площадок неожиданно на аэродром выскочила большая колонна немецких войск, отступавших с Перекопа. Самолет По-2 был подбит, а командир дивизии попал в плен. Сообщение об этом происшествии сильно омрачило большой наступательный порыв, как в самой дивизии, так и лично у Хрюкина. Он считал и себя виноватым в том, что не смог предотвратить это происшествие. Зная сложность наземной обстановки, командиру дивизии не следовало бы самому выходить вперед немецких колонн, но, видимо, большой наступательный порыв и желание не дать немцам убежать на юг руководили его действиями.

В течение дня 12 апреля Хрюкину удалось перебазировать в Крым ряд штурмовых и истребительных авиаполков, но тут начались перебои с горючим. Большое напряжение боев в дни прорыва обороны повлекло перерасход запланированных боевых вылетов, и вот теперь, когда нужно было уничтожать немецкие войска на дорогах и не дать им возможности укрыться за севастопольскими укреплениями, боевая деятельность авиации понизилась.

Хрюкин вспомнил свой разговор с Верховным, тогда у него была мысль попросить не пять, а десять тысяч тонн топлива, но он удержался, чтобы не давать повода для обвинений в необоснованности запроса. Известно, что обращение к Верховному было связано с большим риском. Если бы он попросил горючего в два раза больше, чем нужно, могли бы ничего не дать, нашлись бы люди в ВВС, которые могли легко доказать несостоятельность такого запроса, и все бы дело провалилось. Но теперь это горючее очень бы пригодилось. Только авиация могла настигнуть противника и не дать ему уйти из-под удара. Немцы тянули свою артиллерию и другую технику к Севастополю. Если противнику удастся сохранить свои войска, то под Севастополем еще тяжелее придется выбивать его из долговременных укреплений и потребуются для этого еще больше сил и жертв, чем на Перекопе и Сиваше. Об этом неоднократно предупреждал Толбухин, который непрерывно торопил наземные войска, требуя на плечах отступающего врага ворваться в Севастополь.

13 апреля войска 4-го Украинского фронта освободили Симферополь, 14 - Бахчисарай и своим левым флангом соединились с частями отдельной Приморской армии. Но уже в предгорьях немцы оказали организованное сопротивление, а перед внешним оборонительным Севастопольским обводом наши войска вынуждены были остановиться.

Потребовалось подтянуть силы и готовить штурм Севастополя по всем правилам военного искусства.

Под крылом – Севастополь

Известный всей стране колхозник сельхозартели “Стахановец” Покровского района Саратовской области Ферапонт Петрович Головатый обратился с письмом к Верховному Главнокомандующему, в котором он писал:

“Полтора года назад, когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, когда немцы дошли до Волги, до Сталинграда, купил я на свои трудовые средства боевой самолет и вручил его своему земляку-саратовцу, летчику Сталинградского фронта, майору Б.Н.Еремину.

Слова благодарности, которые Вы от имени Красной Армии выразили мне, рядовому колхознику, взволновали колхозное крестьянство, и тысячи самолетов, построенных на средства простых русских людей, полетели на фронт к Сталинграду, где в тот момент решалась судьба нашей Родины.

Самолеты колхозников помогли Красной Армии нанести немцам под Сталинградом такой удар, после которого они уже не сумели оправиться. Я все время слежу за боевыми действиями моего самолета. Гвардии майор Б.Н.Еремин - герой Сталинградской обороны, участник воздушных боев под Ростовом, Таганрогом, Мелитополем, Никополем, в Крыму и сейчас громит врага на других фронтах. Но недавно он сообщил мне, что мой самолет, на котором ему удалось уничтожить немало фрицев, хотя и цел, но уже износился. Век ведь у самолета короткий.

Получив это сообщение, я решил сделать новый подарок - купить новый самолет, для чего вношу 100 тысяч рублей”.

Просьба Ф.П.Головатого была удовлетворена. В мае 1944 года гвардии майор Б.Н.Еремин встретился в Саратове с Ф.П.Головатым, на аэродроме ему был вручен второй самолет. “Все отдадим делу победы над врагом”, - сказал Ф.П.Головатый. Гвардии майор Б.Н.Еремин заверил, что на втором самолете он еще сильнее будет бить фашистов.

В полку гвардии майора Б.Н.Еремина, часто летавшего на подаренном самолете, в шутку называли “Головатым”. За 32 успешных боевых

вылета во время боев в Крыму гвардии майор Б.Н.Еремин был награжден орденом Ленина.

То, что немцам удалось спасти значительную часть войск и техники и стянуть их к Севастополю, Хрюкин воспринимал как упрек и на свой счет. За 10 дней наступления авиация 8-й воздушной армии произвела 8,8 тысячи боевых вылетов, но ей не удалось полностью разгромить отступающие немецкие войска. Армия могла бы успешно выполнить эту задачу, если бы было побольше горючего и побольше маневренности в частях тыла, где при таком стремительном броске войск не хватило транспортных средств, особенно тяжелых грузовых самолетов и автомашин.

Нужно отдать должное и немцам, которые показали при бегстве по Крыму такую прыть, что трудно было догонять их даже на автомашинах. Боевые действия в Крыму развивались не совсем так, как планировалось. На Сиваше и Перекопе за три ожесточенных боев 8-я воздушная армия произвела свыше трех тысяч самолето-вылетов - это в два раза превышало первоначально намеченные планы. Уж очень упорно сопротивлялся опытный и коварный враг, поэтому, видимо, и не хватило сил одним ударом покончить с противником и освободить Крым. Предстояло провести второй этап операции по окончательному очищению Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

18 апреля 1944 года командующий 4-м Украинским фронтом обратился к войскам с призывом, в котором говорилось:

“Товарищи бойцы и офицеры 4-го Украинского фронта! Под вашими ударами в течение трех дней рухнула “неприступная” немецкая оборона на всю глубину перекопских, ишуньских, сивашских и акмонайских позиций. На шестой день вами занята столица Крыма - Симферополь, основные порты Феодосия и Евпатория. Немцы и румыны понесли колоссальные потери в живой силе и технике. Оставшиеся части и технику они, невзирая на потери при погрузке в портах и на море от нашей артиллерии, авиации Черноморского флота, спешно эвакуируют из Крыма через единственный оставшийся у них Севастопольский порт.

Сегодня наши армии вышли к последнему рубежу Севастопольской обороны противника на р. Черная и к хребту Сапун-гора, что в 5 - 7 км от Севастополя. Необходим последний, организованный, решительный штурм, чтобы утопить противника в море и захватить его технику, к этому вас и призываю.

Вперед, на решительный штурм!..”

Политотдел армии выпустил листовки “На штурм Севастополя”. На аэродромах были вывешены плакаты: “Освободим наш родной Севастополь”, “Разгромим севастопольскую группировку - последний очаг гитлеровцев в Крыму”. В подразделениях были проведены беседы на темы “Героическое прошлое Севастополя”, “Героическая оборона Севастополя в 1941 - 1942 гг.”, “Повысим эффективность штурмовых ударов”, “Поможем пехоте быстрее завершить разгром гитлеровцев в Севастополе”.

25 апреля 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР за успешные боевые действия в Крыму были награждены: орденом Суворова 2-й степени 1-я гвардейская штурмовая авиационная Сталинградская Краснознаменная дивизия; орденами Красного Знамени: 2-я гвардейская ночная бомбардировочная авиационная Сталинградская дивизия; 6-я гвардейская истребительная авиационная Донская дивизия; 6-я гвардейская бомбардировочная авиационная Таганрогская дивизия.

29 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Высокие награды с воодушевлением были восприняты в авиачастях армии, они вдохновляли отважных воздушных бойцов на новые подвиги.

Герои Советского Союза П.Тарасов, А.Кочетков, С.Маковский, В.Сувилов обратились с письмом, в котором писали:

“Советское правительство высоко оценило нашу боевую работу, присвоив нам звание Героев Советского Союза. Это обязывает нас к новым подвигам, и мы заверяем командование, что в предстоящих боях за русскую крепость и черноморский порт Севастополь будем сражаться с врагом еще беспощаднее. Мы отомстим немецким бандитам за все совершенные ими злодеяния на нашей советской земле...

Призываем всех летчиков в предстоящих боях сражаться еще отважнее, нещадно истреблять немцев”.

Офицерский, сержантский и рядовой состав 691-го батальона аэродромного обслуживания на митинге принял обращение, в котором писал:

“...Мы клянемся не жалеть сил, ни самой жизни для полного изгнания захватчиков с нашей родной земли и окончательного разгрома раненого немецкого зверя в его собственной берлоге”.

Как всегда перед боем, в партию вступали лучшие воины. С 1 апреля по 10 мая 1944 года в частях армии было принято в партию 875 человек,

в том числе членами ВКП(б) - 475, и кандидатами в члены ВКП(б) - 418 человек.

Такую всестороннюю партийно-политическую работу проводил Хрюкин вместе с политотделом армии по мобилизации личного состава перед штурмом Севастополя.

Во второй половине апреля боевой состав 8-й воздушной армии увеличился, в нее вошли части и соединения 4-й воздушной армии, перелетев с Кубани. Хрюкин побывал на аэродромах вновь прибывших частей, познакомился с командным и летным составом, состоянием самолетов, средствами и силами материально-технического и инженерного обеспечения.

Он остался доволен высоким уровнем боевой готовности частей. Многие из них участвовали в кровопролитных боях на Малой земле под Новороссийском и впервые на советско-германском фронте завоевали господство в воздухе, разгромив хваленые немецкие авиационные эскадры на Кубани. В армии теперь насчитывалось свыше тысячи боевых самолетов. Ни на один день не прекращались воздушные бои. Авиация и днем, и ночью бомбила и штурмовала немецкие войска под Севастополем, а также в его портах, через которые немецкое командование вывозило богатства, награбленные в Крыму, и доставляло боеприпасы и подкрепления своим войскам. Гитлер снял командующего 17-й армией генерала Енеке и вместо него назначил командира 5-го корпуса генерала от инфантерии Альметдингера, проявившего особую прыть при бегстве из-под Керчи. Последнему он приказал удерживать Севастополь, чего бы это ему ни стоило.

Наши войска в 1942 году 250 дней держали героическую оборону под Севастополем. Существовавшие оборонительные укрепления немцы заметно улучшили, стянули большое количество артиллерии, имели на этом участке фронта свыше тысячи стволов. Предстояли тяжелые бои при штурме севастопольских укреплений. Хрюкин принял активное участие в разработке оперативного плана Севастопольской операции. Одним из основных его принципов боевых действий было массирование и маневрирование ударами по противнику. Он всегда стремился создать подавляющее превосходство сил и внезапно для противника нанести ему сокрушительный удар. Наша авиация в Крыму имела большое превосходство над противником и могла решать свои задачи по поддержке наземных войск с высокой эффективностью. Воздушная разведка

8-й воздушной армии представила командованию фронтом исчерпывающие данные об обороне противника. Была произведена многократная аэрофотосъемка сева­сто­польских оборонительных полос и представлены крупномасштабные фото­планшеты для нашей артиллерии и пехоты.

В соответствии с оперативным планом главный удар было решено наносить силами Приморской и 51-й армий из района Балаклавы в западном и северо-западном направлениях. Для того, чтобы дезориентировать противника и отвлечь его резервы, решено было за сутки до начала генерального наступления нанести удар по Севастополю с севера силами 2-й гвардейской армии. Авиация всеми силами сначала содействовала 2-й гвардейской армии, а в последующем перенесла свои действия на левый фланг фронта, где сосредоточивались Приморская и 51-я армии.

Хрюкин развернул два передовых командных пункта: один севернее Мекензи­евых гор, а второй - северо-западнее Балаклавы. В каждой армии и стрелковом корпусе были авиационные представители, а в дивизиях и полках находились авианаводчики с радиостанциями. Для управления истребителями был создан армейский пункт управления воздушным боем (АПУВБ).

5 мая артиллерийской и авиационной подготовкой началось наступление 2-й гвардейской армии. Хрюкин еще накануне прибыл к генералу Г.Ф.Захарову, командующему 2-й гвардейской армией, а с рассветом выехал на передовой наблюдательный пункт. С высокой горы, покрытой густым кустарником, открывалась величественная панорама Северной бухты. Перед глазами лежал израненный Севастополь - гордость русской славы. Он все еще находился в руках врага и ждал своего освобождения.

В 10 часов задрожала земля от артиллерийских залпов и бомбовых ударов. Немецкие позиции покрылись облаками черного дыма. Артиллерийская и авиационная подготовка продолжалась полтора часа. Удар был массированным и сосредоточенным. Однако враг занимал очень выгодные позиции и имел хорошо укрепленные огневые точки в складках гористой местности. Войска 2-й гвардейской армии двинулись в атаку. Красноармейцы бесстрашно шли вперед на врага, карабкались по горным кручам и выбивали гитлеровцев из траншей и блиндажей.

Бои носили ожесточенный характер, часто переходили в рукопашные схватки. Верный своей тактике активного подавления авиации

противника, Хрюкин решил перед началом атаки наших войск нанести массированный удар по аэродромам противника с тем, чтобы прижать немецкую авиацию к земле и не дать ей возможности своевременно вылетать на поддержку своих наземных целей.

Бомбардировщикам, штурмовикам и истребителям пришлось пробиваться через сплошную завесу зенитного огня, чтобы выйти на аэродромы немцев: мыс Херсонес, Севастополь-южный и поселок 6-я верста. На этих аэродромах у немцев было сосредоточено около 100 самолетов, многие из которых в результате внезапного налета были повреждены или сожжены. Летные поля аэродромов были изрыты воронками от бомб. К сожалению, эти удары по аэродромам противника не прошли без потерь с нашей стороны. Несколько наших экипажей, подбитых зенитной артиллерией, врезались в стоянки самолетов, летчики своими самолетами уничтожили технику противника. Хрюкин тяжело воспринимал доклады о потерях своих боевых друзей, хотя они погибали, совершая бессмертные подвиги. В этот день 8-я воздушная армия потеряла 14 самолетов, в том числе 10 штурмовиков Ил-2. Основная масса самолетов действовала по переднему краю обороны противника, его артиллерии, минометам, танкам и пехоте в районе Мекензиевых гор. Бои на Мекензиевых горах носили крайне упорный и ожесточенный характер.

Противник пытался непрерывными контратаками при поддержке танков сдержать наступление наших войск. В течение дня гитлеровцы бросались в контратаку, но все они заканчивались безуспешно для фашистов, с большими для них потерями. Наша авиация господствовала над полем боя, штурмовики непрерывно “висели” над головами гитлеровцев, забрасывая их бомбами, реактивными снарядами, “поливали” свинцом из пушек и пулеметов. Захваченные в плен немецкие солдаты от нервного потрясения теряли рассудок. Тяжело было наступать нашим войскам. Горный рельеф местности затруднял маневр и обеспечивал обороняющимся выгодные позиции, наши войска несли тяжелые потери. Части 2-й гвардейской армии в течение первого дня наступления продвинулись всего на 600-700 метров и захватили только передние линии траншей, большего в этот день добиться не удалось.

Перед командованием войсками фронта стал вопрос, что делать дальше? Начинать генеральное наступление на Сапун-горе или нет? Генерал Хрюкин высказал командующему фронтом свое мнение.

“Учитывая что 2-я армия задачу дня не выполнила и не прорвала хотя бы первой полосы обороны немцев, - докладывал Хрюкин, - начинать генеральное наступление на Сапун-горе рано, так как позиции немцев на Сапун-горе еще более прочные, чем на Мекензиевых горах”.

После глубоких раздумий генерал армии Толбухин решил наступление основных сил фронта перенести с 6 на 7 мая, а 6 мая продолжать бои на участке 2-й гвардейской армии.

6 мая после часовой артиллерийской подготовки и мощного удара авиации было возобновлено наступление на северную сторону Севастополя. Хрюкин неотлучно находился на своем передовом командном пункте.

Авиация тесно взаимодействовала с наземными войсками, помогая им буквально “прогрызать” оборону противника. Бои велись и на земле, и в воздухе. Истребители противника пытались противодействовать нашим штурмовикам и бомбардировщикам. В течение дня произошло тридцать три воздушных боя. Действия нашей авиации над передним краем наблюдали представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А.М.Василевский, генерал армии Ф.И.Толбухин и генерал Т.Т.Хрюкин.

Они находились на наблюдательном пункте, расположенном на вершине горы, с которой хорошо просматривался весь передний край обороны немцев, а вдали была видна северная бухта Севастополя. Стояла хорошая безоблачная погода. Поле боя было затянуто черным дымом и облаками пыли, земля гудела от взрывов бомб, снарядов и мин. Маршал Василевский внимательно наблюдал за действиями наших штурмовиков по переднему краю противника и временами обменивался своими впечатлениями со стоящим рядом Хрюкиным.

Внезапно со стороны моря они увидели два истребителя противника, которые начали пикировать на наблюдательный пункт. Свист летящих бомб заставил их инстинктивно пригнать головы. Повинуясь реакции летчика, Хрюкин стремительно приблизился к Василевскому, своим громадным телом накренился над ним и закрыл его голову. Бомбы разорвались рядом, но не на вершине, а несколько ниже, на склоне горы, и только осколки прошипели над головами людей, стоявших на наблюдательном пункте. Хрюкин с виноватой улыбкой попросил извинения у Василевского за неловкое движение во время нападения и спросил, не толкнул ли он его во время этого прыжка.

Маршал А.М.Василевский, не теряя самообладания, все прекрасно понял. Пожав руку Тимофею Тимофеевичу, он выразил ему свою сердечную признательность за его благородный порыв во время нападения. Обращаясь к Толбухину, Василевский сказал: “Видно, у нас, у русских, в крови заложено это чувство: сам погибай, а товарища выручай. С такими боевыми друзьями, как Тимофей Тимофеевич, можно везде чувствовать себя спокойно, с ними никогда не пропадешь...”

К Хрюкину он давно питал чувство высокого уважения. Несмотря на его молодость, он всегда обращался с ним как с близким товарищем, во всем поддерживал его.

Толбухин знал об этом, он и сам любил Хрюкина и глубоко доверял ему. Часто говорил, что его заместитель по авиации такой, что лучше и желать не надо. А в воздухе в это время разворачивался смертельный бой... Следом за немецкими истребителями спикировала четверка наших истребителей. Первая пара ударила по ведущему, когда он повернул на запад, в сторону солнца. “Фокке-вульф” как-то замер на развороте, а потом перевернулся и камнем пошел к земле. Второй “фокке-вульф” наши истребители догнали над территорией противника. Оставляя за собой шлейф черного дыма, немецкий истребитель упал на головы гитлеровцев. А.М.Василевский и Ф.И.Толбухин выразили Хрюкину глубокое удовлетворение самоотверженными и умелыми действиями наших истребителей.

До конца дня Хрюкин оставался на НП у генерала Захарова, руководя действиями авиации над полем боя. От командира 55-го стрелкового корпуса пришла телеграмма: “На подступах к городу Севастополю штурмовая авиация 8-й воздушной армии своими действиями по укреплениям противника на участке 55-го СК разрушила его огневую систему. Штурмовики на бреющем полете прижимали противника к земле, чем облегчали продвижение частей корпуса в трудных горных условиях. В результате хорошего взаимодействия части 55-го СК овладели рядом сильных укреплений противника и захватили командные высоты. За 5 и 6 мая штурмовая авиация на участке 55-го СК работала отлично”.

Хрюкин и сам видел самоотверженные действия своих летчиков, которые делали по 6-7 заходов на цель и штурмовали врага, невзирая на ожесточенный обстрел зенитной артиллерии. Вместе с тем получить выражение признательности от пехоты, царицы полей, которая завершала действия войск по захвату позиций противника, авиаторам

всегда было приятно. Эти оценки Хрюкин немедленно доводил до рядовых воздушных бойцов. В результате двухдневных боев части 2-й гвардейской армии захватили первые линии траншей противника в районе западнее и юго-западнее Камышлы. Немецко-фашистское командование приняло наступление наших войск с севера как главное направление удара и за эти два дня стянуло на северную сторону Севастополя значительные силы.

И хотя продвижение на Мекензиевых горах было незначительным и с большими потерями, но основная цель - ввести противника в заблуждение, заставить его стянуть резервы на северную сторону - была достигнута. Создавалась благоприятная обстановка для генерального наступления на Севастополь через Сапун-гору. Чтобы не дать немцам возможности привести себя в порядок, авиация всю ночь продолжала активные боевые действия на северной стороне Севастополя, выполнив 645 боевых самолето-вылетов. Той черной крымской ночью наши бомбардировщики висели над позициями немцев и держали их под огнем. Ни один самолет нами не был потерян.

Это стало для Хрюкина самой большой наградой. Глубокой ночью он переехал с Мекензиевых гор под Балаклаву. Сопровождавший его майор-авианаводчик не переставал удивляться выносливости своего командующего. Уже несколько дней и ночей Хрюкин был на ногах, а выглядел довольно бодро. Когда они ехали на "виллисе", командарм дважды минут по тридцать дремал, сидя в машине, и этого отдыха было достаточно, чтобы на рассвете 7 мая появиться бодрым и уверенным на горе под Балаклавой и продолжить управление воздушной армадой. У Хрюкина было поистине богатырское здоровье. Он успел разобраться с результатами ночных действий, проверить готовность частей к предстоящему генеральному наступлению. Утром он доложил Толбухину о готовности воздушной армии к наступлению. В 9 часов утра 7 мая началась артиллерийская и авиационная подготовка к общему штурму Севастопольского укрепленного района. Она продолжалась полтора часа. Главный удар войска фронта наносили с востока и юго-востока на участке Сапун-гора - берег моря.

По силе огня, по упорству и ожесточенности схваток этот день не имел себе равных за все время крымской операции. На Севастопольском плацдарме немцы сосредоточили свыше 72 тысяч человек, 1365 орудий, 430 минометов, 2300 пулеметов, 50 танков и 100 самолетов.

Главная полоса обороны противника, проходившая по реке Бельбек, Мекензиевы горы, гора Сахарная Головка, Сапун-гора, Карань имела 270 дотов, 300 дзотов, 260 пулеметных гнезд, противотанковые рвы, сплошные линии окопов траншей, проволочные заграждения и минные поля. Вся площадь плацдарма была насыщена зенитной артиллерией. Противник имел возможность концентрировать четырехслойный зенитный огонь. Особенно упорен и жесток был бой на Сапун-горе. Восточные склоны этого хребта были изрыты глубокими траншеями с множеством железобетонных и каменно-земляных сооружений. Наступающим предстояло преодолеть шесть ярусов оборонительных полос, сплошь окутанных колючей проволокой и минными полями. За 5 минут до начала атаки пехоты четыре девятки бомбардировщиков по команде Хрюкина нанесли удар по позициям противника в районе Карань - Кая-Баш. В момент начала атаки 18 штурмовиков Ил-2 появились над Сапун-горой и в течение 15 минут штурмовали артиллерию, траншеи и огневые точки противника.

На смену первой группе непрерывной цепочкой подходили все новые и новые самолеты. Они бросали бомбы, пускали РСы и вели прицельный огонь из пушек и пулеметов по огневым точкам и живой силе противника. На нескольких эшелонах истребители вели воздушные бои с немецкими самолетами, не подпуская их к нашим штурмовикам и не давая возможности атаковать наступающую пехоту, артиллерию, танки.

Колонны бомбардировщиков проходили одна за другой и сбрасывали бомбы на артиллерийские позиции немцев, порты, где успешно топили вражеские плавсредства. Развернулось ожесточенное сражение на земле, в воздухе и на море.

Генерал Хрюкин находился севернее Балаклавы, напротив Сапун-горы, где был развернут его передовой командный пункт. Командный пункт располагался на вершине поросшей лесом горы. Его позиция была выбрана очень удачно - ничто не мешало просматривать все пространство над передним краем, отлично был виден хребет Сапун-горы и движение немецких войск.

За командным пунктом возвышалась могучая гряда гор, на фоне которой хорошо маскировалось движение людей на командном пункте. Ни разу немецкая артиллерия и авиация не подвергла его удару, хотя было известно, что нарушению управления противник уделял большое внимание и не упускал ни одного случая, чтобы не ударить по команд-

ным пунктам и линиям связи. Штурмовики шли, прижимаясь к вершинам гор, они как бы вываливались из-за высокого хребта и перед ними впереди лежала Сапун-гора и главные цели удара.

Ведущий одной из очередных групп штурмовиков после того, как они перевалили хребет, резко пошел на снижение, чтобы ударить по подножию Сапун-горы. Два замыкающих в группе летчика, впервые выполнявшие полет на Севастополь, поняли этот маневр ведущего за начало атаки и сбросили бомбы. В этот момент группа как раз проходила над командным пунктом Хрюкина... На его голову посыпались бомбы. От своих самолетов никогда не укрывались и поэтому удары по своим всегда вели к тяжелым жертвам. На этот раз штурмовики ударили по своему командующему. Бомбы просвистели над головами и упали вниз, под горой. От подножия к вершине горы летели осколки, развороченные деревья, глыбы твердой породы и камни.

Хрюкин оцепенел от неожиданности и только после грохота взрывов прокричал в микрофон крепкие ругательства в адрес штурмовиков и слова...

- Вы что делаете?! Уходите дальше!

Только после этого ведущий группы передал по радио команду:

- Цель впереди, приготовиться к атаке...

Никогда еще Хрюкин не переживал такого потрясения, как на этот раз, очень уж обидно было пройти столько по дорогам войны и погибнуть под бомбами своих же подчиненных. Грохот боя быстро возвратил его в обычное состояние, он послал офицера узнать, какой ущерб под горой причинили бомбы, а сам занялся очередными группами штурмовиков, подходившими к полю боя.

Посланный офицер довольно быстро вернулся, он торопился сообщить командующему, что человеческих жертв нет, разбиты три повозки с лошадьми. Как потом стало известно, этот вылет стал трагическим для обоих молодых летчиков. Он оказался для них первым и последним. Оба они погибли, отражая атаки истребителей. Замыкающие ведомые в группах чаще оказывались под ударами истребителей противника и несли наибольшие потери.

Кровопролитные бои шли и на земле, где наша пехота после первых атак вплотную подошла к Сапун-горе. Однако в результате сильного сопротивления противника, как с самой Сапун-горы, так и со стороны горы Сахарная Головка, дальнейшее продвижение нашей пехоты было

задержано. Понесся большие потери, пехота залегла. Только в 18.00 после повторного массированного удара авиации и артиллерии наземные войска вновь перешли в наступление. Пехота поднялась в атаку, преодолела последние 100 метров смертельной полосы и ворвалась в нижний ярус траншей. С верхних ярусов противник снова встретил наступающих шквальным огнем, дальнейшее продвижение нашей пехоты опять было приостановлено.

В этот критический момент над Сапун-горой появились вызванные Хрюкиным три группы штурмовиков. Штурмовики образовали три огненных круга и в течение 20 минут прицельно били по огневым точкам противника. Немцы попрятались и прекратили стрелять. Этим моментом воспользовалась наша пехота, героические пехотинцы смело карабкались по склону горы вверх. Каждая огневая точка бралась с боем, часто атаки переходили в рукопашную схватку. Вслед за пехотой артиллеристы тянули на руках пушки и в упор били по вражеским дотам и дзотам. Бывший командир 63-го стрелкового корпуса, позднее Маршал Советского Союза П.К.Кошевой в книге "В годы военные" так писал о действиях 8-й воздушной армии на Сапун-горе:

"Авиации мы поставили задачу подавить противника на вершине Сапун-горы, и теперь над высотой разворачивались звенья наших самолетов. Крылатые воины воздушной армии Т.Т.Хрюкина дрались выше всяких похвал".

В 18.30 над Сапун-горой взвилось Красное знамя. К 20.00 войска 51-й и Приморской армий полностью овладели Сапун-горой.

Победа на Сапун-горе стоила нашим войскам больших жертв, многие наши герои сложили там свои головы. Летчики 8-й воздушной армии сделали в этот день 755 боевых самолето-вылетов, главным образом на Сапун-гору, и сбросили 230 тонн бомб. В воздухе состоялось 83 воздушных боя, в результате которых было сбито 23 самолета противника. Когда подсчитали и доложили Хрюкину наши потери (за день они составили 48 самолетов), он опечалился. Несмотря на общий успех в бою, для Хрюкина этот день оказался самым черным днем. Никогда еще армия не теряла за один день 48 экипажей, в том числе 31 экипаж штурмовиков. Он видел, как нашим штурмовикам приходилось преодолевать над гибельной целью сплошную стену зенитного огня. И ни одна группа не дрогнула и не отвернула от цели, а била по врагу в упор. Герои-летчики не могли остановить полет или попятиться назад - заднего хода само-

леты не имеют, и они шли прямо на врага. Отсюда и неминуемые потери. Героизм летчиков в воздухе над полем боя всегда воодушевлял и поднимал тех, кто видел их действия с земли. При штурме Сапун-горы летчики, проявляя массовый героизм, сыграли важную роль в подъеме пехоты на штурм, казалось бы, непреступных позиций врага.

В ночь с 7 на 8 мая Хрюкин не смог сомкнуть глаз. Он написал большую шифротелеграмму в подчиненные части, в которой подробно разобрал все недостатки в действиях штурмовиков по борьбе с зенитной артиллерией противника. В телеграмме он потребовал от командиров авиачастей выделять в каждой группе специальные экипажи для подавления зенитной артиллерии противника. При первом заходе на цель, если необходимо, то всей группой уничтожать зенитную артиллерию и только после этого приступать к обработке основной цели. Более тщательно выбирать направление захода на цель, умело маневрировать в зоне зенитного огня и уходить от врага с использованием бреющего полета, чтобы максимально сократить время обстрела противником.

В части были направлены подробные указания воздушно-стрелковой службы, в которых отмечались недостатки тактики действия над целью и рекомендации по ее совершенствованию.

В ночь на 8 мая части 8-й воздушной армии продолжали напряженные боевые действия, совершив 730 самолето-вылетов на бомбардировку позиций врага в районе Севастополя.

Вместе с авиачастями активные боевые действия по Севастопольскому оборонительному району немцев вели соединения авиации дальнего действия (АДД). Хрюкин оставался на передовом командном пункте. Днем 8 мая продолжались ожесточенные бои на всех участках Севастопольского плацдарма немцев. Гитлеровцы пытались перегруппировать свои силы, много раз переходили в контратаку. Немецкое командование бросало своих солдат на верную гибель, выполняя приказ Гитлера - удерживать Севастополь до последнего. Наша авиация, отражая контратаки противника, наносила массированные удары по узлам сопротивления и огневым точкам врага. Хрюкин требовал от своих подчиненных не снижать, а усилить напряжение. В течение этого дня было произведено 862 самолето-вылета, а в ночь на 9 мая - 710 самолето-вылетов.

Кульминационным днем стало 9 мая, в течение которого авиачасти 8-й воздушной армии совершили 1450 самолето-вылетов.

Еще 8 мая наши части подошли к внутреннему обводу Севастопольского укрепрайона, а части 2-й гвардейской армии форсировали северную бухту и ворвались в Севастополь.

К 14.00 9 мая войска 51-й армии вышли на южную окраину Севастополя. К 17.00 восточная часть города была очищена от противника до южной бухты. Части Приморской армии обтекали город с запада. К 19.00 войска 4-го Украинского фронта штурмом овладели городом и морской крепостью Севастополь. Ровно через год день 9 мая станет Днем Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Верховный Главнокомандующий в приказе маршалу Василевскому и генералу армии Толбухину писал:

“Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии в результате трехдневных наступательных бов прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море - городом Севастополь...”

В приказе не случайно было подчеркнуто, что войска овладели Севастополем при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии. И на первом месте поставлена авиация, хотя всегда законно подчеркивалось, что артиллерия - это бог войны. Для того, чтобы разрушить долговременные севастопольские укрепления, потребовались тяжелые авиабомбы: артиллерийские снаряды нередко не разрушали броневые колпаки дотов.

Утром 10 мая Хрюкин поехал на “виллисе” в Севастополь через Сапун-гору и Английское кладбище. Он увидел, что на Сапун-горе доты, дзоты и артминометные позиции немцев полностью разрушены и перепаханы разрывами тяжелых авиабомб. Чтобы установить реальный ущерб, нанесенный противнику, Хрюкин решил создать специальную комиссию из офицеров штаба армии. Комиссия обследовала район боевых действий и установила, что на Сапун-горе на площади размером 1000X500 метров было обнаружено до трехсот воронок от бомб калибра ФАБ-500, -250, -100 и до 500 воронок от бомб меньшего калибра.

Главный дот на Сапун-горе был разбит прямым попаданием бомбы ФАБ-500. Этот дот имел три слоя бронеплит, каждая плита толщиной 22 мм, между бронеплитами были проложены железобетонные плиты, общая толщина перекрытия достигала 2 метров.

Опорный узел обороны немцев в районе колхоза “Большевик” был перекрыт несколькими сериями тяжелых бомб. Там на площади 500Х500 метров было офицерами комиссии насчитано 36 воронок от бомб ФАБ-500 и много воронок от бомб меньшего калибра. Это были убедительные свидетельства мощи авиационного удара по врагу.

Хрюкину, как исконному бомбардировщику, приятно было видеть снайперскую работу своих летчиков - бомбы были положены очень кучно и точно по цели.

Он наткнулся на несколько разбитых самолетов, в том числе торчали хвосты разлетевшихся на мелкие обломки “илов”.

По дороге на Севастополь Хрюкин остановился на Малаховом кургане. Здесь во время Крымской войны 1854 года был командный пункт героев Севастопольской обороны В.А.Корнилова и П.С.Нахимова. Здание у основания башни Малахова кургана было разрушено, от памятника Корнилову остался один постамент, бронзовые фигуры адмирала Корнилова и матроса Кошки гитлеровцы отправили на переплавку в рейх. С Малахова кургана открывалась величественная панорама севастопольских бухт. Здесь в 1941-1942 годах легендарные севастопольцы стояли насмерть, защищая свою крепость.

У Хрюкина мелькнула мысль: неплохо бы на этом священном для каждого русского человека месте воздвигнуть памятник героям-летчикам 8-й воздушной армии, павшим в боях за освобождение Крыма.

Севастополь лежал в руинах. Фашистские варвары разрушили не только Панораму, Графскую пристань и другие исторические сооружения, они не оставили ни одного целого здания на улицах города. Город казался безлюдным. Все, что можно было увезти, немцы захватили с собой, остальное сожгли и разрушили.

Около 30 тысяч немецких войск оставалось еще в Крыму, они отошли на мыс Херсонес и укрылись за обводным каналом, сохранив в своих руках причалы в бухтах Казачья, Камышовая, Стрелецкая и Круглая. Немецкое командование надеялось эвакуировать эти войска с помощью кораблей флота Румынии.

Хрюкин возвратился на свой командный пункт под Балаклавой. Хотя в Москве отсалютовали по случаю взятия Севастополя и освобождения Крыма, но с немцами покончено еще не было. Авиация продолжала активные боевые действия, уничтожая технику и живую силу противника на мысе Херсонес, в бухтах, на рейде и в море.

Начавшееся 10 мая наступление Приморской и 51-й армий успеха не имело. Гитлеровцы, используя обводной Херсонесский канал и мощные оборонительные заграждения, оказывали ожесточенное сопротивление. Авиации 8-й воздушной армии пришлось еще три ночи и два дня бомбардировать противника и совершить свыше двух тысяч самолето-вылетов. Наша авиация в эти дни потерь не имела. В ночь на 12 мая войска Приморской и 51-й армий решительным ночным штурмом прорвали укрепленные позиции противника на мысе Херсонес и к 10.00 вышли по всему фронту на побережье Черного моря.

Остатки Севастопольской группировки противника были полностью ликвидированы. Плавсредства из Румынии мощными бомбовыми ударами не были допущены к причалам в бухтах, а те средства, которым удалось причалить, были потоплены вместе с живой силой и техникой в бухтах и на рейде.

Хрюкин собрался сам выполнять боевой вылет на бомбардировщике, чтобы ударить по кораблям противника. В Китае ему не раз приходилось бомбить японские корабли, и личный его опыт в этом был значителен, но на это он не получил согласия командования фронтом, и пришлось намеченный вылет отменить. Да и оперативной необходимости в этом уже не было. Пребывание фашистов в Крыму закончилось для них страшной катастрофой. В последний момент они бросались в воду на плотках, бочках, лодках. Однако спасения не было. Ветром с моря их прибывало к берегу, а с берега расстреливали из пулеметов и артиллерией. На рейде и на море немцев топили наша авиация и корабли Черноморского флота. Большая часть немецко-румынских войск бросала оружие и сдавалась в плен, вдоль дорог на Балаклаву и Бахчисарай вытягивались длинные колонны пленных фашистов.

Хрюкин, обгоняя эти колонны, возвращался в штаб армии в Симферополь. Глядя на понурых немцев и румын, медленно шагавших по крымским дорогам с опущенными вниз головами, Хрюкин думал, что для них война уже закончилась.

Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что войну фашистская Германия проиграла. Но не так думали фашистские главари, они еще надеялись на раскол союзников и спасение немецкого рейха. Хотя и в самом рейхе было уже немало немцев, которые поняли, что война проиграна, что Гитлер привел Германию к краю пропасти, куда должен был рухнуть немецкий фашизм. В июле 1944 года эти круги совершили

покушение на Гитлера, однако фашистам удалось кровавым террором подавить заговорщиков, и Германия продолжала вести войну, несмотря на катастрофические поражения на Восточном фронте.

Победа в Крыму досталась нашему народу дорогой ценой. Многие герои сложили свои головы за освобождение Крыма. Аварийно-спасательными командами 8-й воздушной армии были подобраны обломки 149 советских самолетов. Хрюкин вместе со своими помощниками решил, не откладывая на позднее время, привести в порядок могилы погибших летчиков и увековечить их память сооружением памятника на Малаховом кургане.

Среди летчиков, инженеров и техников нашлись талантливые художники, архитекторы и строители, которые создавали памятники иobelisks погибшим летчикам. Группа под руководством инженер-капитана В.П.Королева воздвигла на Малаховом кургане величественный памятник - взлетающий штурмовик, укрепленный на каменной глыбе, высотой пять метров. На памятнике высечены слова: "Пройдут года, но никогда не померкнет слава героев-летчиков, павших в боях за освобождение Крыма". К этому памятнику не зарастает народная тропа. В благодарной памяти советского народа навечно останутся подвиги освободителей Крыма. Имена выдающихся полководцев и героев войны высечены на гранитной стене мемориала Сапун-горы, и в числе этих имен золотыми буквами записан Тимофей Тимофеевич Хрюкин - командующий 8-й воздушной армией.

14 мая 1944 года в Симферополе на стадионе имени 15-летия ВЛКСМ состоялся общегородской митинг, посвященный освобождению Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Митинг прошел под лозунгом: "Мы возродим тебя, наш солнечный Крым!"

За успешные действия по освобождению Крыма в воздушной армии четыре дивизии, три полка, четыре батальона аэродромного обслуживания и инженерный батальон были награждены орденом Красного Знамени, один полк, четыре батальона аэродромного обслуживания, автотранспортный и инженерно-аэродромный батальоны удостоились ордена Красной Звезды.

Высокое оперативно-тактическое мастерство проявило в операции командование воздушной армии. За умелое руководство войсками в боях за освобождение Крыма Т.Т.Хрюкину было присвоено звание генерал-полковника авиации.

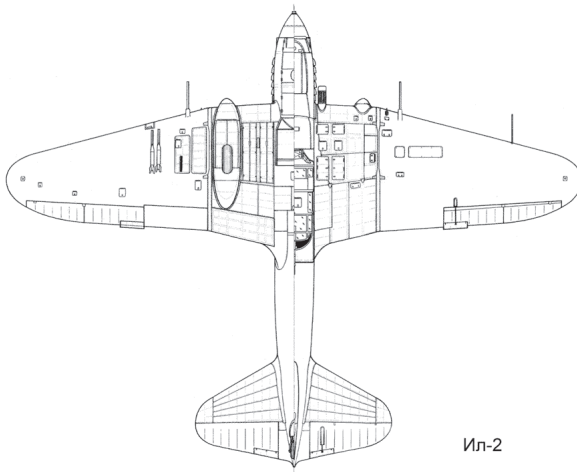
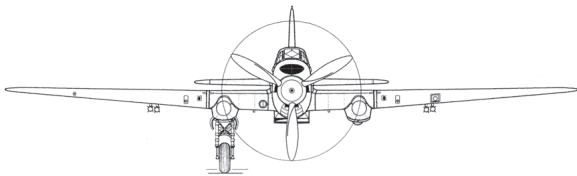
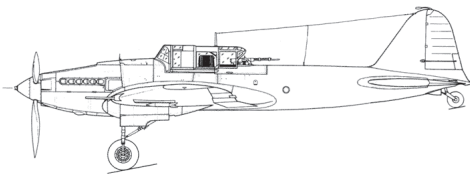
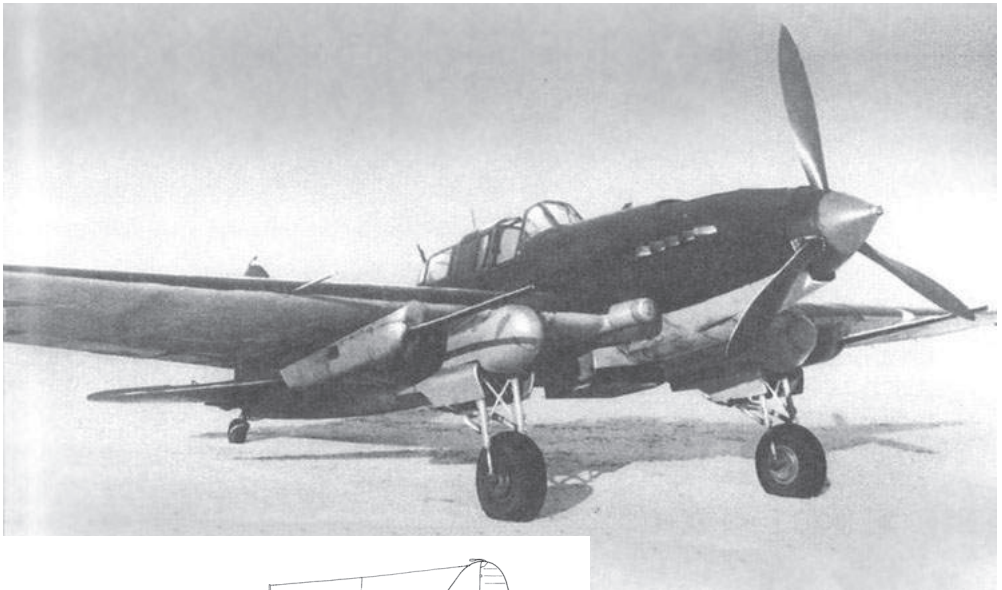
“Изгнание немецко-румынских захватчиков из Советского Крыма - одна из самых ярких страниц Великой Отечественной войны, - писала газета “Правда” 17 мая 1944 года. - Значение Крымской битвы огромно не только для нашей страны, но и для дальнейшего хода борьбы всей антигитлеровской коалиции свободолюбивых народов”.

Освободив Крым от фашистских захватчиков, Советская Армия вернула стране важную экономическую область и главную военно-морскую базу на Черном море - город Севастополь.

“Крымская операция отличалась хорошо организованным взаимодействием сухопутных войск, флота, купных сил авиации, что во многом определило решительный разгром вражеской группировки. Советские ВВС совершили свыше 36 тыс. самолето-вылетов, из них 60 процентов для поддержки войск”.

Советские люди в Крыму приступили к мирному строительству и восстановлению разрушенных городов и сел. Т.Т.Хрюкин проехал по всему Крымскому побережью, побывал в пионерском лагере “Артек” и принял активное участие в восстановлении этой всесоюзной детской здравницы.

В 1947 году Тимофею Тимофеевичу посчастливилось снова побывать в Крыму, отдыхать в санатории Минобороны в Гурзуфе и посетить обновленный лагерь “Артек”. В том мирном году пионеры присвоили ему звание почетного артековца.

Ил-2

На 3-м Белорусском фронте

На Смоленщине

В мае 1944 года генерал-полковник авиации Т.Т.Хрюкин получил предписание убыть в город Смоленск и вступить в командование 1-й воздушной армией.

1-я воздушная армия входила в состав 3-го Белорусского фронта, задача которого состояла в разгроме центральной группировки немецко-фашистских войск и освобождении Белоруссии.

Для усиления авиационной группировки в состав 1-й воздушной армии прибыли из Крыма 1-я гвардейская штурмовая, 6-я гвардейская бомбардировочная авиационные дивизии и другие авиационные части 8-й воздушной армии.

Район базирования воздушной армии на Смоленщине был хорошо знаком Т.Т.Хрюкину еще по довоенному времени. На аэродромах Смоленска, Шайковка, Сеща он проходил службу, будучи рядовым летчиком, командиром звена и командиром авиационной эскадрильи.

Древняя смоленская земля подверглась нашествию немецко-фашистских захватчиков, города и села лежали в развалинах.

Трудно было размещать личный состав и самолеты на аэродромах, которые также подверглись большим разрушениям. Личный состав жил в землянках. Самолеты укрывали в капонирах. Вместе с Хрюкиным из 8-й воздушной армии прибыли главный инженер генерал И.И.Бондаренко, заместитель начальника разведки полковник М.Ш.Файзулин, заместитель начальника штаба полковник Н.П.Жильцов, а несколько позднее начальник штаба армии генерал-майор авиации И.М.Белов. Опираясь на своих старых сослуживцев, генерал Хрюкин быстро освоился с новой обстановкой и активно

включился в подготовку предстоящих боев, внедряя свои методы и стиль работы. Вместе с главным инженером он облетел все аэродромы 1-й воздушной армии, ознакомился с летным и руководящим составом частей и соединений. На местах дал ряд важных указаний по подготовке летного состава, самолетов и средств материально-технического обеспечения к предстоящей операции. Из его поля зрения не ускользали мелочи, он решительно требовал, чтобы вскрытые недостатки устранялись немедленно. Хрюкин не терпел, когда отдельные командиры начинали искать причины и различные объяснения промахов в своей работе. При первых же встречах многие командиры поняли, что в армию прибыл решительный и требовательный командующий, для которого интересы дела превыше всего.

О первой встрече с новым командующим в 303-й истребительной авиационной дивизии так пишет Е.В.Кояндер: “Высокого роста, с отменной строевой выправкой, Тимофей Тимофеевич впечатлял с первого взгляда. Тонкие сжатые губы, короткая стрижка, брови вразлет, прямой продолговатый нос, открытый лоб. Глаза у генерала - серо-голубые, пронзительные, они прямо-таки сверлили собеседника. Несколько хмурый, немногословный, Хрюкин казался суровым, недоступным. От него так и веяло непреклонной волей, негибимой решимостью”.

Свою деятельность на новом месте службы Хрюкин начал с укрепления дисциплины и порядка в частях и соединениях 1-й воздушной армии. Его предшественник Герой Советского Союза М.М.Громов, будучи гражданским летчиком-испытателем, в 1940-1941 годах - начальником Летно-исследовательского института, в декабре 1941 года назначенный командиром авиационной дивизии, а с мая 1943 года командующий 1-й воздушной армией, не уделял этим вопросам должного внимания, в результате чего в армии возникли тяжелые летные происшествия.

Первый приказ № 0181 от 12 июня 1944 года, который издал генерал Хрюкин, касался летных происшествий в частях и соединениях 1-й воздушной армии за май 1944 года. В приказе были проанализированы причины авиационных катастроф и аварий и, в частности, отмечено отсутствие “твердой воинской дисциплины, жесткой и систематической требовательности, точного выполнения уставов, наставлений и инструкций, регламентирующих летную работу...” Одной из причин летных происшествий в приказе было названо “самоустранение командиров авиакорпусов, авиадивизий и авиаполков и перекладывание его в руки

командиров авиаэскадрилий и звеньев, а также плохая организация предварительной и предполетной подготовки”.

Хрюкин приказал:

“Командирам авиакорпусов и авиадивизий проверить организацию летной работы в полках и соответствие командиров авиаполков и эскадрилий занимаемым должностям. Исполнение донести к 17 июня 1944 года”.

Заместителям командиров по политической части было приказано “прекратить общие разговоры, а разобрать конкретных виновников за летные происшествия в партийном порядке”.

За слабое руководство подчиненными, большое число летных происшествий и низкий уровень состояния воинской дисциплины двум командирам авиакорпусов (1-го бомбардировочного и 2-го истребительного) были объявлены “замечания”, а трем командирам авиадивизий (3-й гвардейской бомбардировочной, 303-й истребительной, 311-й штурмовой) были объявлены выговоры.

В приказе давались сжатые сроки для наведения порядка и была предъявлена высокая требовательность к командирам авиасоединений.

Все это заставило весь командный состав частей соединений перестроиться, пересмотреть свой стиль работы. Каждый начальник в армии почувствовал, что новый командующий не остановится и перед крайними мерами и будет строго спрашивать, невзирая на положение и бывшие заслуги со своих подчиненных.

Генерал Хрюкин был глубоко убежден в том, что добиться твердого воинского порядка и ликвидировать летные происшествия можно только путем строгого выполнения уставов, наставлений и инструкций, регламентирующих деятельность подразделений и частей при проведении летной работы.

Особое внимание он уделял поднятию строевой подготовки в частях и подразделениях, считая ее могучим фактором для укрепления дисциплины, организованности и общей подтянутости личного состава.

Он лично проверил строевую подготовку личного состава 523-го авиаполка 303-й истребительной авиадивизии и в приказе от 18 июля 1944 года отметил ее низкое состояние. Было приказано провести строевые смотры во всех частях армии. Без железной воинской дисциплины, говорилось в приказе, - невозможно добиваться победы.

Через месяц была организована проверка выполнения этого приказа, ее результаты были отданы приказом командующего воздушной армией № 275 от 26 августа 1944 года.

Такая последовательность в доведении до конца начатого дела давала свои положительные результаты.

Хрюкин не оставлял без внимания ни одного случая нарушения воинской дисциплины офицерами как штаба армии, так и в подчиненных авиасоединениях и частях. Особенно строго он спрашивал за факты потери бдительности, утерю секретных документов, несвоевременные и неправдивые доклады, аморальные поступки и не останавливался при этом перед приданием виновных суду военного трибунала.

Наряду с высокой требовательностью к подчиненным Хрюкин проявлял постоянную заботу и внимание к тем, кто совершал подвиги и показывал образцы выполнения боевых заданий.

В приказе № 0272 от 23 августа 1944 года он писал о выдающемся подвиге командира звена 274-го истребительного авиаполка 278-й авиадивизии лейтенанта Ивана Михайловича Киселева, который сбил фашистский самолет ФВ-190, сам получил тяжелое ранение и с перебитой ногой пролетел 150 км до своего аэродрома, где произвел благополучную посадку.

“Своим подвигом, - отмечалось в приказе, - лейтенант Киселев показал беззаветную преданность Родине и ненависть к врагу”.

В качестве примера для всех авиачастей армии Хрюкин приводил 9-й гвардейский истребительный авиаполк, летчики которого показывали образцовое ведение воздушного боя с противником. Летчики полка в совершенстве владели боевым оружием и тактикой воздушного боя. Вместе с этим они хорошо знали все оборудование самолета и умело применяли все средства радионавигации, что имело важное значение при полетах в сложных метеорологических условиях.

На примере этого полка он требовал обучать летный состав “слепому полету” по приборам для того, чтобы вести боевые действия непрерывно, в том числе и в усложненных метеоусловиях, не допускать потери ориентировки в полете, хорошо разбираться в наземной обстановке и всегда знать положение линии фронта для того, чтобы точно находить и поражать заданные цели.

За успешное овладение средствами радионавигации и радиосвязи приказом по армии была объявлена благодарность командирам авиадивизий полковникам С.Д.Пруткову (1-я гвардейская шад) и Г.В.Зимину (240-я иад), а также старшему штурману майору С.В.Григоренко (1-я гвардейская шад).

С целью совершенствования управления воздушными боями над линией фронта по указанию Хрюкина была разработана инструкция по обнаружению, оповещению и наведению истребителей на самолеты противника с помощью радиотехнических средств.

Особое внимание Хрюкин уделял борьбе с воздушными разведчиками противника, для чего в армии были установлены три зоны истребления воздушных разведчиков и определена ответственность соответствующих командиров за каждую воздушную зону. Были приняты специальные меры по маскировке аэродромов, рассредоточению и укрытию самолетов на них. Хрюкин лично проверил выполнение своего приказа о рассредоточении авиационной техники на аэродромах и всех виновных строго наказал.

В связи с прибытием авиачастей из 8-й воздушной армии боевой состав пополнился летчиками, имевшими большой опыт боев под Сталинградом, в Донбассе и Крыму. С целью обмена опытом Хрюкин провел сборы лучших летчиков армии и организовал показательные выступления опытных воздушных бойцов перед летным составом других авиачастей, прибывших с Дальнего Востока и из резерва. Все это способствовало совершенствованию боевого мастерства летчиков и поднимало боеспособность авиачастей.

Т.Т.Хрюкин побывал в полку “Нормандия” и лично познакомился с французскими летчиками, командиром полка подполковником Пуийада и его заместителем майором Дельфино.

Французские летчики летали на советских самолетах-истребителях Як-9. Боевой состав полка насчитывал 55 самолетов и 61 летчика. Полк “Нормандия” входил в состав истребительной авиационной дивизии генерал-майора авиации Г.Н.Захарова, которого Хрюкин хорошо знал еще по довоенному времени, вместе они воевали добровольцами в Испании и Китае.

При проверке полка Хрюкин дал ряд важных указаний по отработке слетанности пар, звеньев и эскадрилий, постепенному привлечению французских летчиков к воздушным боям.

В последующем полк “Нормандия” принимал активное участие в боях с немецко-фашистскими войсками в Белорусской, Восточно-Прусской и Кенигсбергской операциях. В приказах Верховного Главнокомандующего неоднократно отмечались летчики генерал-майора авиации Захарова и майора Луи Дельфино.

Большое внимание Т.Т.Хрюкин уделил организации управления авиацией в предстоящей операции и особенно обеспечению точного взаимодействия с сухопутными войсками. Имея уже большой опыт руководства боевыми действиями больших масс авиации в Сталинградской битве, на Северном Кавказе, в Донбассе и Крыму, Хрюкин умело использовал его в новой обстановке. Свой передовой командный пункт он всегда совмещал с наблюдательным пунктом командующего фронтом, а на командные пункты командующих наземными армиями направлял командиров авиасоединений.

В передовые отряды корпусов и дивизий наступающих войск направлялись авианаводчики с радиостанциями. Для управления истребительной авиацией создавались пункты управления воздушным боем, которые обеспечивались радиолокаторами обнаружения и наведения. Для освоения летчиками радиолокационной техникой Хрюкин приказал командирам истребительных авиационных дивизий организовать специальные полеты истребителей и показать, какие большие возможности предоставляет радиолокационная техника для своевременного обнаружения самолетов противника и наведения на них своих истребителей. Он был несколько удивлен тем, что некоторые авиационные командиры 1-й воздушной армии проявляли недоверие к радиолокационной технике и пытались все вопросы боевого применения ее переложить на инженеров-связистов.

Такое недоверие проявили в свое время некоторые командиры истребительных авиачастей еще в Крыму, но там с этим консерватизмом решительно покончили. Хрюкин был уверен в том, что нужно толково рассказать и показать возможности новой техники, и командиры-истребители будут всеми силами использовать ее при управлении воздушными боями. Нововведения Хрюкина с энтузиазмом воспринимались в большинстве соединений и частей, а там, где этого энтузиазма не проявляли, он строго спрашивал с командиров и настойчиво добивался выполнения своих решений. Бывший начальник штаба армии генерал А.С.Пронин, который не полностью удовлетворял его требованиям, вскоре был переведен на другую работу.

21 июня генерал Т.Т.Хрюкин провел совещание с командирами авиакорпусов, авиадивизий и начальниками политотделов соединений, на котором был уточнен план авиационного наступления в Белорусской операции. На совещании присутствовали представители Ставки Вер-

ховного Главного командования и командующий фронтом. Маршал Советского Союза А.М.Василевский в своем выступлении счел необходимым подчеркнуть, что "Белорусская операция по своему замыслу превосходит все ранее проводившиеся... Задача авиации - сделать все, чтобы успешно помочь нашей пехоте прорвать оборонительный рубеж противника, изолировать поле боя от вражеских истребителей и бомбардировщиков, надежно прикрыть наземные войска, особенно подвижные, дав им возможность работать нормально. Удары с воздуха должны быть эффективными, действия истребителей дерзкими, направленными на то, чтобы искать и уничтожать врага".

Представители Ставки Верховного Главного командования и командующий фронтом проверили готовность воздушной армии к операции и выразил генералу Хрюкину удовлетворение проделанной командованием армии работой.

В Белоруссии

В Белорусской наступательной операции войскам 3-го Белорусского фронта была поставлена задача во взаимодействии с 1-м Прибалтийским и 2-м Белорусским фронтами разгромить Витебско-оршанскую группировку врага и выйти на реку Березину.

Фронт наносил два удара. Первый - двумя армиями: 39-й и 5-й и конно-механизированной группой из района западнее Лиозно на Сенно на Богушевском направлении, с целью окружить во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом Витебскую группировку противника и овладеть Витебском; второй удар - двумя армиями: 11-й и 31-й вдоль минской автомагистрали на Борисов, с задачей овладеть городами Сенно и Оршей и выйти на западный берег Березины в районе Борисова. Главные усилия фронта сосредоточивались на Оршанско-борисовском направлении.

Действия войск 3-го Белорусского фронта поддерживала 1-я воздушная армия под командованием генерал-полковника авиации Т.Т.Хрюкина, в составе которой было создано две авиационные группы - одна на Оршанском и вторая на Богушевском направлениях.

Воздушная армия имела задачу способствовать прорыву наземными войсками обороны противника и уничтожению окруженной Витебской группировки.

3-й Белорусский фронт на обоих участках прорыва имел превосходство в людях в 2,2 раза, в артиллерии - в 2,3 раза, в танках и самоходно-артиллерийских установках - в 10, в самолетах в 7,7 раза.

Боевые действия авиации сосредоточивались на направлении главных ударов наземных войск. Она должна прикрыть ударные группировки фронта перед наступлением, поддерживать их действия в глубине вражеской обороны, не допустить организованного отхода противника и подхода его резервов, а также вести непрерывную разведку.

23 июня 1944 года началась Белорусская операция четырех фронтов. Первыми перешли в наступление войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

24 июня начали наступать войска 1-го Белорусского фронта, а еще позднее 2-го Белорусского фронта.

3-й Белорусский фронт под командованием генерала армии И.Д.Черняховского основной удар наносил на Оршанском направлении, а северной группой войск - на Богушевском направлении.

В 6 часов утра 23 июня после мощной артиллерийской подготовки войска 3-го Белорусского фронта при поддержке с воздуха 1-й воздушной армии перешли в наступление.

В то утро погода не благоприятствовала полетам, тем не менее самолеты поднялись в воздух и, действуя мелкими группами, составленными из наиболее опытных экипажей, содействовали прорыву обороны противника.

Более успешно развивалось наступление северной группы войск фронта. 24 июня советские войска штурмом овладели городом Богушевском. Днем была введена в сражение конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.С.Осликовского под надежным прикрытием истребительной и штурмовой авиации, а 25 июня на этом направлении начала действовать 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П.А.Ротмистрова. Она совершила маневр с Оршанского на Богушевское направление. Танковую армию Ротмистрова надежно охраняли с воздуха истребители, и ее маневр для противника остался незамеченным.

25 июня части 39-й армии генерала И.И.Людникова 3-го Белорусского фронта соединились с частями 43-й армии генерала А.П.Белобородова

1-го Прибалтийского фронта в районе населенного пункта Гнездиловичи и завершили окружение Витебской группировки противника.

Враг пытался вырваться из “котла”, непрерывно контратаковал, но понес большие потери и потерпел поражение. В разгроме окруженной группировки большую роль сыграла авиация, которая наносила сосредоточенные удары по окруженным войскам. Противник потерял под Витебском 20 тысяч убитыми и более 10 тысяч пленными.

В то время, когда шли бои за Витебск, 11-я гвардейская армия генерала К.Н.Галицкого успешно прорвала оборону противника на Оршанском направлении, в полосе наступления этой армии был введен в сражение 2-й гвардейский танковый корпус с целью перерезать железную дорогу Орша - Лепель и перехватить минскую автомагистраль.

Командующий фронтом генерал И.Д.Черняховский принял решение основную массу штурмовой и бомбардировочной авиации сосредоточить на Оршанском направлении.

На командно-наблюдательном пункте фронта рядом с Черняховским, как правило, находился командующий воздушной армией генерал Хрюкин. Его решения немедленно претворялись в жизнь, в том числе производилось перенацеливание групп самолетов, находящихся в воздухе на маршруте. На командно-наблюдательном пункте находился и заместитель командующего воздушной армией генерал А.К.Богородецкий.

На Оршанском направлении были сосредоточены четыре авиационных корпуса и две авиационные дивизии. Руководил этой группой командир 1-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса генерал-лейтенант авиации В.А.Ушаков.

При освобождении Орши особенно отличился 125-й женский бомбардировочный авиационный полк, входивший в состав этого корпуса. Полк был сформирован в 1942 году под командованием Героя Советского Союза майора Марины Михайловны Расковой, погибшей в 1943 году при выполнении служебных обязанностей.

2-й гвардейский танковый корпус вышел на минскую автомагистраль в 15 км западнее Орши. 27 июня Орша была взята войсками 11-й гвардейской и 31-й армий.

Штурмовая и бомбардировочная авиация, тесно взаимодействуя с наземными войсками, наносила мощные удары по отступающему врагу. Особенно эффективно действовали летчики 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии под командованием полковника С.Д.Пруткова.

Они почти полностью парализовали движение немецко-фашистских войск по железной и шоссейной дорогам на участке Орша - Борисов.

Действия авиации по разгрому Оршанской группировки противника на направлении 11-й гвардейской армии характеризовались так:

“Чудес, однако, не бывает, и успех объясняется тем, что авиационная дивизия удачно нанесла здесь бомбовый удар по врагу. Несмотря на плохую погоду, летчики сумели произвести бомбометание с предельной точностью. Их удар оказался настолько ошеломляющим, что враг в течение тридцати минут не мог прийти в себя. Когда же уцелевшая немецкая пехота опомнилась, она уже была не в состоянии оказать сопротивление”.

За три дня наступления войска 3-го Белорусского фронта взломали оборону противника, продвинулись в полосе между Западной Двиной и Днепром до 30-50 км. С воздуха войска фронта активно поддерживала авиация 1-й воздушной армии, которая за эти дни произвела более 5800 самолето-вылетов. Такое массированное применение авиации Хрюкин умело использовал для оказания эффективной помощи наземным войскам при прорыве глубокоэшелонированной обороны противника группы “Центр”.

О том, как действовала авиация 1-й воздушной армии, свидетельствует Маршал Советского Союза А.М.Василевский:

“Хочу упомянуть об отличной работе авиации 1-й воздушной армии генерала Т.Т.Хрюкина, в значительной мере проходившей на моих глазах. Ее усилия согласно фронтовому плану операции были сосредоточены в первый день на главном фронтовом направлении - Оршанском. Невзирая на плохую погоду, за четверть часа до начала атаки самолеты нанесли массированный бомбовый удар по переднему краю обороны противника на участке 11-й гвардейской армии. С началом атаки бомбардировщики и штурмовики... удачно сопровождали продвижение пехоты и танков, поражая огневые средства и живую силу фашистов. А когда 5-я армия встретила серьезное сопротивление у Богушевска и я потребовал от командования воздушной армии (через командующего фронтом) помочь ей, ни дождь, ни низкие облака, ставшиеся над нами на высоте 100 метров, не помешали массированному бомбовому удару по опорному пункту противника. Во время моего телефонного разговора с Т.Т.Хрюкиным самолеты находились уже в воздухе, направляясь к Орше. Командующий армией срочно перенацелил их. 90 Пе-2 и 180 Ил-

2, изменив маршрут, повернули к Богушевску и отлично выполнили задание, облегчив наземным войскам овладение районом”.

Подвижные соединения фронта при непрерывной поддержке авиации быстро продвигались на запад.

26 июня конно-механизированная группа генерала Н.С.Осликовского выдвинулась к Сенно, а 5-я гвардейская танковая армия в тот же день вышла на минскую магистраль и к исходу дня овладела районным центром Толочиным.

После разгрома оршанской группировки противника войска фронта устремились на запад, к реке Березине. На Борисовском направлении разгорелись ожесточенные бои.

Командующий группой немецко-фашистских войск “Центр” генерал-фельдмаршал фон Буш бросил в сражение свой последний резерв - 5-ю танковую (насчитывающую до 200 танков) и 286-ю охранную дивизии. Однако 1-я воздушная армия нанесла массированный удар по резервам противника в тот момент, когда они начали разворачиваться для контрудара, и это подорвало их ударную мощь.

В условиях быстроменяющейся обстановки особое значение приобретало четкое управление авиацией над полем боя. Часто получалось так, что самолеты подходили к цели, а этот пункт уже был освобожден танкистами или пехотинцами. Малейшее промедление с перенацеливанием могло привести к удару по своим войскам. Авиационные представители и авианаководчики, которые находились в боевых порядках наземных войск, своевременно вступали в радиосвязь с ведущими группами штурмовиков и перенацеливали их.

Особенно четко работал в качестве авианаводчика офицер штаба 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии гвардии майор И.Д.Капустин. Он знал летчиков своей дивизии не только по радиопозывным, но и по голосам. Летчики, в свою очередь, узнавали его тоже по голосу. Он информировал экипажи о воздушной обстановке, указывал номер цели, по которой нужно работать, ее значение для танкистов и пехотинцев и давал оценку результатов ударов штурмовиков.

Эти оценки авианаводчиков и благодарности наземного командования включались в боевые донесения, записывались в летные книжки. Авианаводчики работали на переднем крае, в непосредственной близости от противника и часто подвергались смертельной опасности.

Под Мариамполем группа фашистских танков прорвала позицию наших войск, и майору И.Д.Капустину пришлось навести группу штурмовиков на цель в 700-800 метров от своего окопа, фактически вызвать огонь на себя, чтобы уничтожить надвигавшиеся вражеские танки. Десятка штурмовиков ударила по танкам и более десяти из них уничтожила. За мужество и стойкость, проявленные под Мариамполем, генерал Т.Т.Хрюкин присвоил майору И.Д.Капустину уникальное звание, которого до этого не было в авиации, “главный авианаводчик воздушной армии”.

Авиация громила с воздуха отступающие войска противника и прокладывала путь танкам и конно-механизированной группе фронта.

Бывший командующий 4-й немецко-фашистской армией генерал Курт фон Типпельскирх в своих воспоминаниях свидетельствовал:

“...Непрерывные налеты авиации противника причиняли тяжелые потери (в частности, погибли два командира корпусов и один командир дивизии), а также вызывали бесконечные заторы среди отступающих колонн. Русские штурмовики то и дело разрушали мост у Березины, после чего на восточном берегу всякий раз образовывались огромные скопления машин...”

Об ударе штурмовиков по переправе один из участников налета вспоминал:

“Была поставлена задача штурмовикам разрушить переправу противника через Березину с малой высоты. Для ее выполнения было выделено две шестерки штурмовиков Ил-2: одна - ударная, другая - боевого обеспечения.

Ударная шестерка Ил-2 должна была бомбами и РСами разрушить переправу с малой высоты, а другая шестерка боевого обеспечения имела задачу отвлечь огонь зенитной артиллерии на себя и подавить ее батареи.

Погода, как на грех, была солнечная, редкая облачность и хорошая видимость. Для штурмовиков, привыкших действовать в сложных метеоусловиях, это было помехой. Чтобы успешно преодолеть противодействие истребителей и зенитной артиллерии противника, такая погода при выполнении поставленной задачи не сулила ничего хорошего.

Перед полетом тщательно готовились к выполнению боевого задания, договаривались между собой в группах и между группами о совместных действиях на маршруте и над целью.

Взлетели, построились двумя шестерками в колонну и взяли курс на запад, идем на бреющем, подходим к реке. Ровная местность, ориентироваться трудно на малой высоте, зацепиться не за что, характерных ориентиров нет.

В соответствии с замыслом ударная шестерка начала отставать, а шестерка боевого обеспечения - набирать высоту и уходить вперед. Ведущему ударной группы снизу ее хорошо было видно и по ней легко было ориентироваться. П полете сохраняется радиомолчание, чтобы скрытно подойти к цели и нанести внезапный удар.

Первая шестерка летит на высоте 500-600 метров, а ударная - на бреющем, на высоте 15-20 метров. На высоте 500 метров легче ориентироваться и заранее видна цель. Таким образом, первая шестерка выводит ударную группу на боевой курс. Впереди шоссе, которое ведет к переправе, по нему двигаются машины, танки, артиллерия. До переправы остается меньше минуты, но ее еще не видно.

Первая группа уже над целью, ее окутывают облака разрывов зенитных снарядов. Штурмовики этой группы начинают маневрировать, а затем энергично переходят в атаку с пикированием по позициям зенитной артиллерии.

Сначала атакуют ракетами, затем стреляют из пушек и пулеметов и, наконец, сбрасывают на зенитчиков бомбы. В этот момент к цели выходит ударная группа. Для фашистов это было полной неожиданностью. Зенитная артиллерия противника, занятая обстрелом передовой группы и накрытая бомбами, не успевает перенести огонь на ударную группу. Перекрестные трассы фашистских пулеметов и автоматов для бронированных штурмовиков не опасны.

Ведущая пара ударной группы для отстрастки пускает эрэсы и стреляет из пушек и пулеметов. Пикировать нельзя, штурмовики летят на бреющем, снаряды и пули летят над головами врагов и прижимают их к земле. Воздушные стрелки из своих турельных пулеметов дружно подавляют огонь пулеметчиков и автоматчиков противника. Штурмовики ударной группы прицельно сбрасывают бомбы на переправу. С малой высоты они точно ложатся на понтоны. Через несколько секунд воздух сотрясают взрывы. Воздушные стрелки докладывают: "Понтоны взлетели в воздух..."

После атаки штурмовики резко разворачиваются вдоль реки и, прижавшись к воде, уходят от цели.

Боевая задача выполнена без потерь, хотя некоторые самолеты получили пробоины от пулеметов. Но это не потери, а повреждения”.

В разработке подобной тактики действий штурмовиков активное участие принимал Т.Т.Хрюкин. Он добивался победы малой кровью и требовал от подчиненных тщательной подготовки к каждому боевому вылету, с тем, чтобы наверняка достигать поставленной цели и избегать неоправданных потерь.

После уничтожения переправ через Березину на левом берегу скопились массы отступающих войск противника. Это были выгодные цели для штурмовиков и бомбардировщиков, которые умело использовали сложившуюся обстановку и наносили сокрушительные удары, буквально разметаая скопления техники и живой силы противника.

В короткий срок на Борисовско-Минском направлении войска 3-го Белорусского фронта добились большого оперативного успеха, нанеся поражение 3-й танковой и 4-й армиям врага.

Далее 3-й Белорусский фронт получил задачу форсировать с ходу Березину и, взаимодействуя с войсками 2-го Белорусского фронта, занять Минск, а правым крылом - Молодечно.

В ночь на 1 июля соединения 5-й гвардейской танковой и 31-й армий освободили город Борисов. Когда наши войска подошли к Березине, на переправах в районе Осипова образовался затор, здесь скопились полки кавалерийской дивизии, батальоны танковой бригады мехкорпуса и части армии генерала Н.И.Крылова.

Противник обнаружил скопление наших войск и обрушил на них артиллерийский огонь. Немедленно в воздух были подняты штурмовики, они подавили батареи противника.

Командующий фронтом И.Д.Черняховский попросил генерала Хрюкина передать летчикам его благодарность. Командарм 1-й воздушной заверил командующего фронтом, что летчики и в дальнейшем обеспечат надежное прикрытие наших войск на переправах и не допустят, чтобы вражеские бомбардировщики безнаказанно бомбили наши войска.

Мощный удар наша авиация нанесла по штабу фон Буша в Минске. Сильный авиационный налет на командный пункт немецко-фашистских войск нарушил их управление. 28 июня Гитлер снял фон Буша с поста командующего группой армии “Центр” и отозвал в Берлин, а вместо него назначил по совместительству командующего группой армий “Северная Украина” фельдмаршала Модела. Но эти меры не спасли фашистов.

К исходу 3 июля войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов освободили Минск и разгромили главные силы группы немецко-фашистских армий “Центр”. Москва салютовала воинам, освободившим столицу Белоруссии.

С 5 по 11 июля восточнее Минска была ликвидирована окруженная группировка 4-й и части 9-й армий противника общей численностью более 100 тысяч человек.

В ликвидации окруженной группировки важную роль сыграла наша авиация. Она наносила бомбовые и штурмовые удары по скоплению войск противника, рассеивала их, громила на марше отступающие колонны. Летчики выслеживали противника с воздуха, сообщали командованию наземных войск о расположении отдельных вражеских групп и совместными действиями уничтожали их.

Когда главной группировке 4-й немецкой армии удалось прорвать фронт окружения и двинуться вдоль магистрали на Минск, штурмовики и бомбардировщики 1-й воздушной армии обрушили на врага массированный удар и задержали продвижение колонн противника. Совместными ударами летчиков с воздуха, пехоты, танкистов и партизан с фронта и тыла противник был деморализован, а значительные части его взяты в плен.

17 июля по центральным улицам Москвы под конвоем советских солдат медленно, с поникшими головами прошествовали 57 тысяч пленных гитлеровцев, захваченных в Белоруссии. Только в таком виде немецко-фашистские захватчики смогли попасть в нашу столицу.

Успешные боевые действия авиации в Белорусской операции в значительной степени определялись твердым и непрерывным управлением со стороны командующего армией и его штаба.

Хрюкин уделял много внимания совершенствованию всей системы управления в армии. Он хорошо понимал, что, только опираясь на сплоченный, опытный, компетентный и оперативно работающий коллектив штаба, можно успешно командовать армией. Тот стиль работы штаба, который существовал при его предшественнике М.М.Гомове и старом начальнике штаба А.С.Пронине, не удовлетворял Хрюкина и, кроме начальника штаба, он вынужден был заменить почти всех начальников ведущих отделов и служб. Были заменены начальник оперативно-го отдела, начальник разведки, главный штурман армии. На эти посты Хрюкин поставил своих старых сослуживцев, офицеров Н.П.Жильцова, М.Ш.Файзулина, И.П. Селиванова.

С прибытием нового начальника штаба армии генерала И.М.Белова и с помощью своих старых сослуживцев Хрюкину удалось в короткий срок коренным образом изменить стиль работы штаба и сделать из него действенный орган боевого управления, что в значительной степени обеспечивало успешные действия воздушной армии в напряженной и динамичной обстановке на фронте.

Не меньшее значение для успешных боевых действий имело состояние партийно-политической работы и поддержание высокого морально-политического уровня личного состава, боевого духа воздушных бойцов, проливавших свою кровь в сражениях, о которых, в конечном счете, зависела победа в бою. Хрюкин поддерживал тесный контакт в работе с заместителем командующего по политической части генералом И.Г.Литвиненко, вникал в содержание политработы, активно участвовал в проведении многих мероприятий (партконференций, собраний, семинаров и т.п.), систематически выступал перед личным составом, постоянно встречался с летчиками и техниками на аэродромах, в казармах и в штабах.

Хрюкин широко использовал армейскую печать для пропаганды патриотизма и преданности Родине, стойкости в бою, показа героических подвигов в воздушных сражениях, обмена боевым опытом, идейной закалки воздушных бойцов и укрепления дисциплины и порядка в войсках.

Он нацеливал партийно-политическую работу в частях и соединениях на успешное решение конкретных боевых задач и беспрекословное выполнение приказов командования, требовал вести индивидуальную работу с каждым человеком, не допуская общих разговоров и проведения беспредметных мероприятий.

Сам он внимательно относился к нуждам личного состава и следил, чтобы тыловое обеспечение было на высоком уровне не только во время боевых вылетов, но чтобы офицеры и солдаты всегда были накормлены, одеты и обуты.

От командиров и политработников Т.Т.Хрюкин требовал, чтобы личному составу предоставлялась возможность отдыхать в перерывы между боевыми вылетами и люди могли культурно проводить свой досуг.

Личный состав систематически снабжался газетами, журналами и почтовой корреспонденцией. Когда позволяла боевая обстановка, в частях демонстрировали кинофильмы, организовывали концерты художест-

венной самодеятельности и приглашали артистов московских театров. Часто посещала штаб армии народная артистка СССР Алла Константиновна Тарасова и другие.

Для пропаганды боевых традиций была организована выставка боевого пути 1-й воздушной армии, с которой ознакомились во многих частях и соединениях. Эта выставка послужила наглядным примером героических подвигов многих авиаторов армии, на которых воспитывалось молодое пополнение, поднимался боевой дух в частях и соединениях.

Вся партийно-политическая работа проводилась под лозунгом: “Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!”

В Прибалтике

После завершения операции “Багратион” войска 3-го Белорусского фронта получили задачу не позднее 10-12 июля освободить Вильнюс и Лиду, а в дальнейшем выйти к Неману и захватить плацдармы на его западном берегу.

Подошла очередь освобождения Литвы, которую гитлеровцы пытались превратить в колонию, онемечить местное население. За годы оккупации гитлеровцы расстреляли, сожгли и замучили около 700 тысяч человек, то есть более четверти населения республики. К сожалению, некоторые сепаратисты - руководители Литвы - забыли об этих фактах и начали говорить о своих освободителях как об “оккупантах”.

Бои за освобождение Вильнюса оказались длительными и упорными. Немецко-фашистские войска, отступая, неистовствовали, жгли дома, расстреливали местных жителей за то, что те не соглашались по их приказу покинуть родные места. Гарнизон Вильнюса насчитывал 13 тысяч человек, к району города противник подтянул несколько дивизий. 9 июля войска 5-й гвардейской танковой армии и 3-го гвардейского механизированного корпуса совместно с соединениями 5-й армии и при надежной поддержке с воздуха авиацией 1-й воздушной армии окружили вражеский гарнизон. Противник, стремясь деблокировать окруженную группировку, сосредоточил до 150 танков и штурмовых орудий, выбросил парашютный десант в 600 человек. Однако все его попытки оказа-

лись безуспешными. В ходе пятидневных боев войска Красной Армии разгромили группировку врага и 13 июля освободили Вильнюс. 9 июля был освобожден город Лида. К 15 июля войска 3-го Белорусского фронта не только освободили Вильнюс, но форсировали Неман и захватили плацдарм на его левом берегу, пройдя с боями 180-200 км.

Успешное продвижение войск фронта надежно обеспечивала авиация 1-й воздушной армии, непрерывно прикрывая наступающих с воздуха и нанося сосредоточенные удары по узлам и опорным пунктам противника.

Авиационные представители продвигались вперед вместе с командирами общевойсковых и танковых соединений и постоянно находились в курсе боевой обстановки на передовой линии фронта. Они поддерживали радиосвязь с командующим воздушной армией, находившимся на своем передовом командно-наблюдательном пункте. Благодаря этому генерал Т.Т.Хрюкин получал самую достоверную информацию о положении дел на фронте, которая непрерывно пополнялась данными от воздушных разведчиков, ведущих наблюдение за полем боя.

Командующий фронтом часто приходил на передовой командно-наблюдательный пункт воздушной армии, слушал донесения воздушных разведчиков и авиационных наводчиков и неоднократно удивлялся осведомленности генерала Т.Т.Хрюкина о происходящих изменениях на переднем крае.

Дело в том, что донесения с передовых позиций по цепочке батальон - полк - дивизия - корпус - армия - фронт часто поступали с замедлением, а если приходилось сдавать врагу позиции и оставлять тот или иной пункт, командиры не спешили докладывать, надеясь отбить его у врага.

По указанию командующего фронтом генерал Т.Т.Хрюкин давал задание воздушным разведчикам уточнять наиболее важные разведданные, а через авианаводчиков выяснял обстановку на том или ином участке наступления. Его радиопозывной "Рубин" хорошо знали все летчики и авианаводчики, которые работали в общей радиосети управления штурмовой и истребительной авиации. С передового командного пункта воздушной армии командующий производил корректировку плана действий авиации, сосредоточивая ее удары на решающих направлениях. Нередко с командного пункта производилось перенацеливание больших групп штурмовиков и бомбардировщиков и осуществлялось управление истребителями в воздушных боях.

Особенно важную роль играла авиация в боях за плацдармы на реке Неман. Она обеспечивала прикрытие советских войск от ударов бомбардировщиков противника и помогала отражать контратаки вражеских танков и мотопехоты.

Т.Т.Хрюкин никогда не забывал поблагодарить подчиненных за ратные подвиги. В составе воздушной армии сражались французские летчики 1-го отдельного истребительного авиационного полка “Нормандия”. За героические действия в боях на Немане полку “Нормандия” по представлению командования воздушной армии было присвоено почетное наименование “Неманский”. Военный совет фронта поздравил полк с присвоением почетного наименования. И.Д.Черняховский, В.Е.Макаров и Т.Т.Хрюкин писали командиру полка майору Луи Дельфино:

“...Вместе с Вами и всем личным составом гордимся, что в Вашем полку в героических боях с врагом выросли такие офицеры, как Альбет Марсель и де ля Пуан Роллан, удостоенные высшей награды Советской страны - звания Героя Советского Союза с вручением орденов Ленина, медалей “Золотая Звезда”. Советский народ никогда не забудет героических подвигов их и всей Вашей части в общей борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы приветствуем в лице Вашей части и всего личного состава великий свободный французский народ и его армию, героически борющуюся за окончательный разгром гитлеровской Германии.

Желаем Вам новых боевых успехов в великом, благородном деле - освобождении человечества от фашистской тирании”.

Летчики полка “Нормандия-Неман” оказали неоценимую помощь дивизиям генералов Городовикова и Калинина, 5-й армии генерала Н.И.Крылова в районе Дорсуншикиса в момент переправы через Неман, когда немецкие бомбардировщики Ю-87 с воем пикировали на плоты и лодки наших войск и топили их, форсирование реки могло захлебнуться. Три эскадрильи “яков” полка “Нормандия-Неман” отражали налет немецких “юнкерсов”, многие из которых падали на землю, оставляя за собой черные шлейфы дыма.

Генерал Городовиков доложил в штаб армии: “Передайте солдатское спасибо нашим летчикам, они здорово помогли...”

Впоследствии полк “Нормандия-Неман” был награжден орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского и двумя французскими орденами - орденом Почетного легиона и орденом Крест освобождения.

28 июля войска 3-го Белорусского фронта после перегруппировки вновь перешли в наступление на Каунасском направлении.

Противник оказывал упорное сопротивление, его авиация группами по 15-20 самолетов бомбила советские войска и переправы через Неман. Гитлеровцы сжигали села, минировали дороги, разрушали мосты. Германское командование любой ценой стремилось задержать наступление наших войск и возлагало большие надежды на оборону города и крепости Каунас, опоясанного мощными фортами еще с первой мировой войны, и новыми укреплениями, построенными гитлеровцами.

Для того, чтобы ослабить противодействие вражеской авиации, генерал Т.Т.Хрюкин решил нанести массированный удар по аэродромам противника.

В авиачастях провели тщательную подготовку для того, чтобы успешно прорваться через мощный зенитно-артиллерийский заслон, уничтожить самолеты на аэродромах и избежать протерь своих самолетов.

Как готовили удар по аэродрому, рассказывал помощник командира 76-го штурмового авиаполка по воздушно-стрелковой службе Герой Советского Союза гвардии майор Б.С.Заворызин:

“Аэродром противника в районе Каунаса прикрывали более десятка батарей крупно- и мелкокалиберной зенитной артиллерии, поэтому прорваться к нему сквозь мощный зенитный заслон было непросто. Решили провести тренировку с летным составом. Местность вокруг аэродрома врага была очень схожа с нашим районом базирования авиаполка. На своем аэродроме по фотопланшету воздушной разведки обозначили стоянки самолетов, расположение зенитных батарей, так же как и у гитлеровцев.

После наземной подготовки группы штурмовиков поднялись в воздух. Каждая из них сделала по два тренировочных “налета” на аэродром. Все экипажи четко уяснили свои задачи, отработали взаимодействие и способы атак. В результате был составлен подробный план штурмового удара по аэродрому противника.

В назначенное время полк в составе трех групп штурмовиков под прикрытием истребителей взял курс к аэродрому противника. Ведущая восьмерка штурмовиков Ил-2 подошла к цели на высоте 1500 метров и, вызывая огонь зенитной артиллерии на себя, обрушила бомбовый удар по взлетно-посадочной полосе, чтобы воспрепятствовать взлету истребителей противника. Небо над аэродромом, казалось, сплошь

покрылось разрывами снарядов. Ведущая восьмерка штурмовиков разделилась на пары и с пикирования бомбами, РСами и пулеметно-пушечным огнем подавила зенитные средства. Две другие восьмерки штурмовиков ударили по стоянкам самолетов, аэродромным постройкам и складам ГСМ. На земле возникли пожары, было уничтожено несколько десятков вражеских самолетов на земле и сбито шесть самолетов в воздушном бою.

Внезапность удара, умелое маневрирование и высокое тактическое и огневое мастерство летчиков позволили успешно решить боевую задачу без потерь. Этому в значительной степени способствовала хорошая организация боевого вылета и тщательная предварительная подготовка”.

Умудренный боевым опытом трех лет Великой Отечественной войны, личный состав воздушной армии во главе с Т.Т.Хрюкиным овладел тактикой ударов по врагу, умело и эффективно боролся за сохранение господства в воздухе и содействовал наземным войскам в изгнании немецко-фашистских захватчиков.

В боях непрерывно совершенствовалось боевое мастерство летчиков. Они стали действовать в сложных метеоусловиях и ночью.

Хрюкин организовал подготовку истребителей-ночников на самолетах Як-9Д в 240-й и 303-й авиадивизиях, после чего истребители начали вести успешные воздушные бои с немецкими ночными бомбардировщиками и надежно защищать ночное небо над своими войсками. В целях дальнейшего совершенствования боевого мастерства штурмовиков на аэродроме Бирштаны были проведены двухдневные сборы летчиков штурмовых авиачастей армии, на которых бывалые командиры авиаэскадрилий и звеньев из 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии поделились боевым опытом с молодым летным составом других штурмовых авиачастей. Такое общение опытных бойцов с молодыми летчиками способствовало быстрому росту боевого мастерства молодых бойцов, которые на живых примерах овладевали наукой побеждать и вести успешное наступление на врага.

Сборы закончились товарищеским ужином, во время которого Хрюкин вел душевный разговор о навязанной нашему народу кровопролитной войне и близкой победе, а летчики в непринужденной обстановке чувствовали всю простоту и душевное отношение своего командарма к рядовым бойцам.

Авиаторы, окруженные вниманием и заботой командарма, беззаветно верили ему и шли на смертный бой, будучи глубоко убежденными, что их дело правое и окончательная победа уже близка.

В 1944 году советские войска наступали по всему фронту от Мурманска до Черного моря. Исход Великой Отечественной войны был уже предрешен, и до окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками оставалось всего несколько месяцев.

Советские воины, преодолевая упорное сопротивление врага, настойчиво двигались на запад, в логово фашистов.

Непрерывными контратаками гитлеровцы пытались остановить наступление наших войск. В районе Вилкавишкис гитлеровцы бросили в бой танковую и две пехотные дивизии. Город многократно переходил из рук в руки.

222-я стрелковая дивизия 5-й армии вынуждена была отступить, создалась критическая обстановка. Генерал Н.И.Крылов просил поддержать его штурмовой авиацией.

По указанию командующего фронтом генерал Т.Т.Хрюкин дал команду перенацелить группы штурмовиков, которые уже находились в воздухе. Штурмовики развернулись и нанесли удар по противнику в районе города Вилкавишкис. Это воодушевило наших пехотинцев, глядя на штурмовиков в небе, они весело говорили: “Теперь можно жить, и воевать можно...”

1 августа 5-я армия при содействии 39-й и 33-й армий освободили город Каунас - важнейший узел вражеской обороны. Советские войска подходили к границам Восточной Пруссии, приближался час разгрома врага в его собственном логове.

В логове врага

В период 13 января - 25 апреля 1945 года войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов совместно с Краснознаменным Балтийским флотом проводили Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию. В ходе этой стратегической операции войска 3-го Белорусского фронта в период 13 - 27 января разгромили тильзитско-инстербургскую груп-

пировку противника и подошли к внешнему оборонительному обводу Кенигсберга.

В период подготовки операции в авиачастях тщательно изучали укрепленные районы и крепости противника, которые предстояло штурмовать. На многих тактических занятиях у летчиков побывал командарм Т.Т.Хрюкин и лично отрабатывал с ними тактику действия авиации по глубокоэшелонированной обороне противника. Войскам 3-го Белорусского фронта предстояло преодолеть 9 полос долговременных укреплений и несколько укрепленных районов, в том числе Ильменхорстский и Хейльсбергский.

В глубине обороны противника авиация получила приказ бомбить долговременные укрепления, склады, базы и аэродромные узлы, нарушать управление его войсками. При появлении резервов противника уничтожать его живую силу и технику.

Для поддержки наступления наземным армиям выделялись штурмовые авиационные дивизии. Авиация должна была обеспечить ввод в прорыв подвижных войск, надежно прикрывать наступающие части с воздуха и вести непрерывную воздушную разведку.

В Восточно-Прусской стратегической операции для содействия войскам 3-го Белорусского фронта привлекалась 18-я воздушная армия дальнего действия и 3-я воздушная армия 1-го Прибалтийского фронта.

Общее оперативное руководство всей авиацией осуществлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал авиации Ф.Я.Фалалеев.

На Т.Т.Хрюкина возлагалась особая ответственность как согласованные действия с авиацией соседнего фронта, так и за обеспечение воздушного пространства для 18-й воздушной армии, которая действовала не только ночью, но и днем, и нуждалась в прикрытии истребителями. Со всеми этими задачами он успешно справлялся.

Много времени Хрюкин проводил на Военном совете и на командном пункте фронта, а также на передовых командных пунктах командующих общевойсковыми и танковыми армиями, согласовывая боевые действия авиации с наземными войсками.

Тесное взаимодействие авиации с пехотой и танками, особенно в наступлении, часто играло решающую роль в достижении успеха, поэтому Хрюкин особенно тщательно отрабатывал эти вопросы и, в частности, все, что касалось управления авиацией над полем боя.

Для надежного прикрытия своих войск с воздуха командование развертывало передовые пункты управления воздушными боями истребительных авиасоединений с использованием радиотехнических средств дальнего радиообнаружения (станций радиоуправления самолетов - РУС).

За малейшие упущения в работе по прикрытию своих войск с воздуха Хрюкин строго спрашивал с виновных.

В архивах хранятся боевые приказы, которые Хрюкин, находясь на передовых командных пунктах, писал на листках блокнота карандашом. Так, в приказе № 028 от 13 января 1945 года, написанном карандашом, Хрюкин отметил плохую организацию радионаведения истребителей с использованием радиолокаторов РУС в 303-й истребительной авиадивизии в воздушных боях с авиацией противника. Он требовал принять решительные и неотложные меры по устранению недостатков, а летчикам-истребителям, не "увидевшим" самолеты противника, не засчитывать боевые вылеты.

В ходе боевых действий особое значение имели надежность и непрерывность управления. В одном из приказов воздушной армии от командиров и начальников штабов требовалось уделять особое внимание обеспечению непрерывного управления в наступательной операции, и в связи с этим разрешалось производить перебазирование на новые места только после установления связи с нового места базирования.

13 января наступление войск 3-го Белорусского фронта началось при неблагоприятных метеорологических условиях. В ночь перед наступлением бомбардировщики 1-й воздушной армии наносили удары на главном направлении, летая над передним краем вражеской обороны, они шумом моторов маскировали выдвижение наших танков на исходные позиции.

В первый день наступления из-за тумана и низкой облачности авиация боевых действий не вела, поэтому бои приняли кровопролитный характер, противник неоднократно переходил в контратаки. Обе стороны несли большие потери.

16 января в сражение был введен 2-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта А.С.Бурдейного. Танкистов поддерживали две бомбардировочные авиадивизии 3-й воздушной армии, которые нанесли два массированных удара по врагу. При содействии авиации танковый корпус успешно прорвал вторую полосу обороны гит-

леровцев. С воздуха танкистов надежно прикрывали истребители, в том числе авиаполка “Нормандия-Неман”. Так, четверка самолетов Як-3 под командованием французского летчика младшего лейтенанта Жака Андре в районе северо-западнее Гумбиннена отразила налет 20 фашистских бомбардировщиков, из которых 4 были сбиты и 2 подбиты.

В тот день на командно-наблюдательном пункте (КНП) воздушной армии в Шталлуппенине произошло чрезвычайное происшествие.

Пункт размещался на чердаке четырехэтажного полуразбитого дома, в подвале было небольшое бомбоубежище. На КНП находились генералы И.Д.Черняховский и Т.Т.Хрюкин.

К линии фронта подходили бомбардировщики 3-й воздушной армии. Ведущий группы доложил: “Рубин”, я “Табун-один-двадцать семь”, идем работать по цели сто восемьдесят пять. Разрешите работать...”

Хрюкин взял микрофон и ответил: “Табун-один-двадцать семь”, я - “Рубин”, вижу вас. Работать по цели сто восемьдесят пять разрешаю”. И он обратился к Черняховскому: “Смотрите, товарищ командующий, бомбардировщики ложатся на боевой курс, сейчас увидим их работу”.

И они увидели... как с самолетов третьей девятки посыпались бомбы. Здание содрогнулось от разрывов.

Повторилась трагедия, которую Хрюкин пережил еще в Крыму под Балаклавой, когда он оказался под бомбами своих же самолетов. И на сей раз смерть миновала, ему удалось спрыгнуть в убежище и увлечь за собой Черняховского.

Расследованием этого чрезвычайного происшествия было установлено, что, когда штурман ведущего самолета-девятки открыл бомболюки, одна бомба сорвалась с бомбодержателя. Увидев, что с самолета ведущего отделилась бомба, ведомые также начали бомбометание. Штурман девятки приказал прекратить сброс бомб, но было уже поздно.

Виновниками были механики-вооруженцы в полку, которые подвешивали бомбы под самолет и не проверили бомбодержатели. Подобные небрежности в работе и недисциплинированность отдельных механиков приводили к тяжелым и непоправимым последствиям. Хрюкин жестко спрашивал с нерадивых работников и строго наказывал нарушителей воинской дисциплины.

Однажды ему позвонил командир 6-й гвардейской бомбардировочной авиадивизии генерал Г.А.Чучев и доложил, что не может найти управу на офицера штаба дивизии майора Б. Этот офицер, призванный из за-

паса, еще в гражданских условиях привык к разгульной жизни и теперь грубо нарушал дисциплину. В декабре 1944 года он неоднократно уезжал в Каунас без разрешения командования на служебной спецавтомашине и по нескольким дням находился в загуле, в результате чего потерял документы, в том числе кандидатскую карточку члена партии.

- Я его уже предупредил о служебном несоответствии, лишил гвардейского воинского звания, - докладывал Чучев, - но это его не образумило.

Заслушав доклад, Хрюкин не стал требовать письменного представления, а в тот же день написал приказ, которым снял майора Б. с занимаемой должности, назначил с большим понижением и потребовал возбудить ходатайство о снижении в воинском звании до капитана. Так решительно командующий Т.Т.Хрюкин разделялся со злостными нарушителями воинской дисциплины, не считаясь с их положением и прошлыми заслугами.

22 января войска 11-й гвардейской армии при содействии 5-й армии и активной поддержке авиацией 1-й воздушной армии овладели Инстербургом, мощным опорным пунктом гитлеровцев.

Авиация фронта способствовала срыву контратак танковых и пехотных частей фашистов, наносила удары по тылам и коммуникациям врага, прикрывала переправы через реки Неман и Инстер и блокировала вражеские аэродромы в районе Инстербурга и Гердауэна.

К 26 января войска 3-го Белорусского фронта вышли на линию Мазурских озер и заняли мощные опорные пункты вражеской обороны Тапиу, Алленбург, Норденбург, Ангербург и крепость Летцен. Войска достигли Земландского полуострова и вышли на подступы к Кенигсбергу.

Фронтная и флотская авиация нанесла мощные удары по сооружениям Кенигсбергского морского канала и частично вывела его из строя.

4 февраля войска 3-го Белорусского фронта вышли на побережье Балтийского моря. Восточно-Прусская группировка гитлеровцев была отрезана от остальных сил немецко-фашистской армии и расчленена на три изолированные группы: на Земландском полуострове, в районе Кенигсберга и южнее этого города.

Вражеское командование предприняло контрмеры. Южнее Кенигсберга оно сосредоточило танковую дивизию "Великая Германия", моторизованную дивизию "Герман Геринг" и несколько пехотных частей. 30 января эти силы нанесли удар по левому флангу 11-й гвардейской армии,

оттеснили ее от побережья к востоку и восстановили связь с Кенигсбергом. Упорное сопротивление врага на Земландском полуострове вынудило наши войска временно прекратить наступление. Напряженные бои при прорыве укрепленных районов привели к большим потерям личного состав.

Эти потери и трудности материально-технического обеспечения войск явились одной из причин снижения темпов наступления в Восточной Пруссии в феврале 1945 года и затяжных действий в этом районе в последующий период.

Сложные метеорологические условия затрудняли действия авиации и снижали ее боевую активность. Несмотря на сильные метели и снегопады, которые чередовались с дождями, летчики вылетали на боевые задания, действовали с низких высот малыми группами, проявляя при этом мужество и отвагу.

Особенно отличился командир авиаэскадрильи 76-го гвардейского штурмового авиационного полка 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии Герой Советского Союза майор Иван Алексеевич Воробьев, который Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1945 года был награжден второй медалью “Золотая Звезда”.

На этом закончился первый этап наступления советских войск в Восточной Пруссии.

Большая часть территории Восточной Пруссии была очищена от немецко-фашистских войск. Вторжение советских войск в Восточную Пруссию окончательно подорвало престиж прусских милитаристов, кичившихся тем, что якобы более 100 лет на немецкую землю не ступала нога вражеского солдата.

9 февраля Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам 3-го Белорусского фронта уничтожить Хейльсбергскую группировку противника. Наступление фронта велось в тяжелых условиях, войска несли большие потери. К середине февраля наступила оттепель. Грунтовые дороги испортились. Аэродромы размокли, полеты с них становились невозможными. В создавшейся обстановке советские войска не могли вести активные наступательные действия.

Т.Т.Хрюкин, как всегда, неутомимо работал, находясь в течение всей операции на передовом командном пункте вместе с командующим 3-м Белорусским фронтом генералом армии И.Д.Черняховским.

Тридцатисемилетний дважды Герой Советского Союза генерал И.Д.Черняховский являлся самым молодым из всех командующих фронтами, а тридцатичетырехлетний Герой Советского Союза генерал Т.Т.Хрюкин был самым молодым командующим воздушной армией. Между ними сложились хорошие, дружеские отношения. Во многом эти люди были похожи друг на друга. Оба были молодыми, энергичными, талантливыми командующими, отличались глубокими знаниями военной теории и практики. Чутко прислушивались к мнениям подчиненных, умело использовали опыт других и смело применяли все новое и полезное в боевой практике. Подчиненные любили их “за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, гуманность и выдержку, за требовательность к себе и подчиненным”.

И.Д.Черняховский обладал необыкновенным мужеством, которое сочеталось с умением мыслить и проявлять предусмотрительность в своих смелых решениях, рожденных верой в победу.

В большом и малом он всегда оставался порядочным человеком, был ровен и деловит. “Никакого самодовольства, зазнайства Иван Данилович не терпел”, - свидетельствовал член Военного совета фронта генерал-лейтенант В.Е.Макаров.

Черняховский не проиграл ни одного сражения, тщательно изучал противника и наряду с природной одаренностью обладал исключительной работоспособностью и целеустремленностью.

Война, как известно, полна неожиданностей, и полководец всегда должен быть готов к ним. Утром 18 февраля 1945 года генерал армии И.Д.Черняховский выехал на командно-наблюдательный пункт командующего 3-й армией генерала А.В.Горбатого, расположенный в районе города Мельзак. На восточной окраине города в двадцати метрах от машины Черняховского разорвался вражеский снаряд. Осколок пробил борт машины и попал Ивану Даниловичу под левую лопатку. Через 20 минут он был доставлен в ближайший медсанбат. Ранение оказалось смертельным, осколок вражеского снаряда разорвал аорту, и оперативное вмешательство оказалось бесполезным. Скончался он в медсанбате на руках врачей.

Похороны И.Д.Черняховского состоялись 20 февраля 1945 года в Вильнюсе. В этом городе на одной из центральных площадей был установлен памятник полководцу в виде высокой стелы с барельефом. Пло-

щадь была названа его именем. Город Инстербург был переименован в Черняховск.

Тяжело пережил эту утрату Т.Т.Хрюкин. Он потерял очень дорогого и уважаемого друга, командующего, которому во многом был обязан, ценил как талантливого полководца, честного коммуниста, большой души человека, патриота.

В правительственном сообщении говорилось: “В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны”.

В командование 3-м Белорусским фронтом вступил Маршал Советского Союза А.М.Василевский, его заместителем по авиации стал Т.Т.Хрюкин. Под руководством А.М.Василевского Т.Т.Хрюкин участвовал в штурме Кенигсберга.

24 февраля был упразднен 1-й Прибалтийский фронт. Генерал армии И.Х.Баграмян был назначен командующим Земландской группой и заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом. Генерал Т.Т.Хрюкин возглавил командование объединенной авиацией 1-й и 3-й воздушных армий.

Советская авиация продолжала непрерывно наносить удары по вражеским войскам, долговременным укреплениям, аэродромам, по транспортам в море и портам. В февральских боях отличились многие летчики.

Так, 18 февраля звено истребителей 139-го гвардейского истребительного авиаполка 303-й истребительной авиадивизии под командованием лейтенанта С.С.Долгалева уничтожало войска и технику противника на ледовых дорогах через залив Фишес-Хафф.

Самолет лейтенанта Долгалева был подбит зенитной артиллерией и загорелся. Летчик вынужден был произвести посадку на территории, занятой противником. На выручку командиру пришли его товарищи.

Летчик этого же полка младший лейтенант В.Г.Михеев на глазах у фашистов приземлился рядом с самолетом Долгалева, взял его на борт и благополучно доставил на свой аэродром. За мужество и отвагу, проявленные при спасении командира, младший лейтенант В.Г.Михеев был награжден орденом Красного Знамени.

Штурман 74-го гвардейского штурмового авиаполка 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии Герой Советского Союза капитан А.Ф.Коломоец, возглавляя восьмерку штурмовиков, был перенацелен

на артиллерийские позиции противника в районе Айменишкен. Группа точно выполнила указания авианаводчика, уничтожила несколько артиллерийских и зенитных батарей и склад боеприпасов противника.

На обратном маршруте гвардии капитан А.Ф.Коломоец обнаружил около десяти танков, двигавшихся к фронту, передал эти сведения авианаводчику, который направил очередную группу штурмовиков на эту колонну танков. Танковое подразделение врага не дошло до района боев.

На следующий день по данным разведки капитана А.Ф.Коломоёца была разгромлена колонна до сорока танков противника.

13 марта возобновилось наступление войск 3-го Белорусского фронта. Однако в середине марта началась весенняя распутица, затруднившая движение войск.

Пасмурная погода с густыми туманами не позволяла авиации вести эффективные боевые действия. Она начала активно действовать только с 18 марта. По оценке командующего фронтом, удары авиации заставили противника дрогнуть и повлияли на стойкость его обороны.

В условиях сложной погоды и маневренных действий подвижных соединений фронта, введенных в прорыв, возникла потребность постоянно уточнять цели в районе боев и наводить на них группы штурмовиков и бомбардировщиков. При этом особую роль играли авиапредставители и авианаводчики, находившиеся в танковых бригадах. Обстановка была настолько сложной, что во избежание удара по своим войскам генерал Т.Т.Хрюкин приказал штурмовикам, которые по каким-либо причинам не могли войти в связь со своими наводчиками, действовать по запасным целям, находившимся в 10-15 километрах в глубине вражеской обороны.

На передовом КП командующего непрерывно слушали работу авианаводчиков по радио и оказывали им срочную помощь. Когда авианаводчик, находившийся при 28-й армии, попросил авиапредставителя в 5-й армии срочно перенацелить на его участок 2-3 группы штурмовиков, чтобы сорвать контратаку врага, сосед ответил: "Штурмовики заняты по плану. Перенацелить к вам не могу".

Эти переговоры по радио слышал генерал Хрюкин. Он взял микрофон и передал в 28-ю армию: "Направляю вам две группы штурмовиков из резерва, наводите". Подходящие группы из его резерва были направлены в распоряжение авианаводчика 28-й армии, который указал ведущим групп местонахождение подвижных целей и порядок проведения

сосредоточенной штурмовки. Штурмовики помогли пехоте отбить контратаку противника.

Военный совет 28-й армии дал такую оценку действиям авиации:

“Особенно большую помощь легионы 1-й воздушной армии оказали в период ликвидации окруженной группировки противника... юго-западнее Кенигсберга... Штурмовики работали непрерывно в течение всего светлого времени, уничтожая живую силу и технику противника. Бомбардировщики уничтожали опорные пункты, а ночные бомбардировщики По-2 изнуряли противника...”

В длительных и ожесточенных боях, продолжавшихся 48 суток, войска 3-го Белорусского фронта полностью разгромили группировку врага к югу от Кенигсберга.

После разгрома 4-й немецко-фашистской армии управление и штаб Земландской группы были упразднены, а ее войска вошли в непосредственное подчинение командования фронтом.

Войска 3-го Белорусского фронта получили задачу разгромить Кенигсбергскую группировку и взять крепость Кенигсберг, а затем очистить от врага весь Земландский полуостров с портом Пиллау.

Вокруг крепости гитлеровцы создали три оборонительные позиции, насыщенные долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. На первой позиции в 6-7 км от центра города располагались 15 старых крепостных фортов с гарнизонами по 250-300 человек. Вторая позиция проходила по окраинам города и включала в себя приспособленные каменные здания, баррикады, железобетонные огневые точки. Третья позиция, созданная внутри города, имела 9 старых фортов и приспособленные к обороне каменные здания. В центре города находилась старинная цитадель крепости с гарнизоном в несколько тысяч человек. Всего в составе гарнизона крепости насчитывалось 130 тысяч человек, до 4 тысяч орудий. Авиационную поддержку фашистов осуществляли 170 самолетов с аэродромов Земландского полуострова и с посадочных площадок на улицах и площадях Кенигсберга.

Кенигсберг - древнейшая крепость немцев в Восточной Пруссии, стратегически важный узел обороны на Балтийском море. Это был форпост германских агрессоров, откуда немецкие псы-рыцари не раз пытались совершать походы на русские земли.

Для штурма крепости и разгрома кенигсбергской группировки врага были привлечены четыре армии: 43-я армия генерал-лейтенанта

А.П.Белобородова, 50-я армия генерал-лейтенанта Ф.П.Озерова, которые блокировали Кенигсберг с севера и востока, 11-я гвардейская армия генерал-полковника К.Н.Галицкого, 39-я армия генерал-лейтенанта И.И.Людникова, которые занимали рубеж южнее и северо-западнее Кенигсберга. Для поддержки сухопутных войск помимо 1-й и 3-й воздушных армий Белорусского фронта привлекались авиационные соединения Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов, 18-й воздушной армии и Краснознаменного Балтийского флота. Всего в операции участвовало 2444 самолета. Под Кенигсбергом в интересах 3-го Белорусского фронта действовали четыре воздушные армии фронтовой авиации и почти вся 18-я воздушная армия авиации дальнего действия.

Такой большой массой самолетов генералу Т.Т.Хрюкину пришлось руководить впервые, и это накладывало на него большую ответственность. Его главные усилия были направлены на обеспечение превосходства в воздухе. С этой целью большие группы бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей нанесли удары по аэродромам противника, а истребители очистили воздушное пространство до такой степени, что 516 дальних бомбардировщиков смогли днем 6 апреля нанести удар по Кенигсбергу и не понесли при этом ни одной потери от истребителей противника. В период сосредоточения и начала наступления авиация надежно прикрывала наземные войска. Главные силы авиации фронта действовали в тесном контакте с пехотой, артиллерией и танками, обеспечивая прорыв обороны противника и развитие успеха танковых соединений, которые вводились в прорыв.

Авиация уничтожала резервы противника, подходившие к участку прорыва, отражала танковые контрудары и не давала противнику занимать промежуточные рубежи. Авиация фронта громила nepřательские штабы, нарушала управление войсками и днем, и ночью вела непрерывную разведку, вскрывая перегруппировку вражеских сил.

На Кенигсберг был обрушен бомбардировочный удар невиданной силы, только на участке прорыва шириной всего в 9 километров было сброшено 927 тонн бомб.

А.М.Василевский писал, что в боях за Кенигсберг авиация сыграла большую роль по разгрому врага, засевшего в крепостных укреплениях. Только за один день 7 апреля наша авиация произвела более 4700 самолетовых вылетов и сбросила свыше 1500 тонн бомб, а всего 1-я воздушная армия с 6 по 9 апреля совершила 13900 самолетовых вылетов и сбросила 445 тонн бомб.

Днем 6 апреля бомбардировщики 18-й воздушной армии в течение 45 минут сбросили 3743 бомбы общим весом 550 тонн.

Комендант крепости Кенигсберг генерал О.Лаш впоследствии писал: “Около 30 дивизий и два воздушных флота целыми днями непрерывно засыпали крепость своими снарядами и бомбами... Бомбардировщики и штурмовики летели волна за волной, сбрасывая свой губительный груз на пылающий город, лежавший в развалинах... Ни один немецкий истребитель не показывался в воздухе. Стиснутые на узком пространстве зенитные батареи были бессильны против таких масс самолетов... Все линии связи оказались разорванными, и только пешие связные ощупью пробирались через поля развалин на свои командные пункты или к войскам. Солдаты и гражданское население под воздействием града снарядов были скучены в тесных подвальных помещениях зданий”.

Немцам пришлось пережить жестокую трагедию, они расплачивались, в частности, за Сталинград, который в 1942 году их авиация подвергла невиданному варварскому разрушению.

Немецко-фашистское командование пыталось деблокировать войска, окруженные в Кенигсберге. Оно направляло большие группы бомбардировщиков, чтобы проложить коридор в боевых порядках наших войск, по которому можно было вывести свои войска. Однако налеты бомбардировщиков успешно отражали наши истребители, которые блокировали город с воздуха.

Летчики 303-й истребительной авиационной дивизии генерала Г.Н.Захарова, в том числе и авиаполка “Нормандия-Неман”, вели жаркие воздушные схватки с противником и не допускали бомбардировщиков бомбить наши войска. Все три полка дивизии активно блокировали город с воздуха. Истребители вылетали полковыми группами, которые возглавляли командиры полков.

Так, полк “Нормандия-Неман” во главе с командиром полка майором Луи Дельфино встретил армаду “юнкерсов” (более сорока бомбардировщиков под прикрытием истребителей), которые шли бомбить позиции наших войск и пробивать брешь в кольце окружения. Полк разделился на две группы, одна завязала бой с истребителями, а командир полка основной группы истребителей обрушился на бомбардировщиков.

Боевой порядок “юнкерсов” нарушился, было сбито семь бомбардировщиков и четыре истребителя. “Юнкерсы” сбрасывали бомбы куда попало, но на войска генерала И.И.Людникова на этот раз ни одна вра-

жеская бомба не упала. Бой закончился потерями и с нашей стороны. Не вернулись на базу французские летчики Ирибарн и Монж.

Боевые действия в Кенигсберге не прекращались ни днем, ни ночью и носили ожесточенный характер. Наши войска наступали небольшими штурмовыми группами в тесном взаимодействии с авиацией. В штурмовые группы входили подразделения пехоты с пушками и танками поддержки. Еще перед наступлением ведущие групп штурмовиков и истребителей встретились с командирами полков и батальонов, которым предстояло штурмовать огневые позиции противника, и согласовывали свои действия. Штурмовики огнем из пушек и пулеметов, бомбами и РСами должны были уничтожить огневые точки врага, они сопровождали пехоту и прокладывали ей путь в оборонительных полосах противника. Это была ювелирная работа, так как самолетам приходилось действовать в непосредственной близости от своих войск. Летчики наносили точные удары, используя радионаведения и целеуказания ракетами и разрывами артснарядов, которыми передовые отряды штурмовых групп пехоты обозначали огневые точки врага. Бомбардировщики с пикирования наносили бомбовые удары по фортам и артиллерийским позициям. Требовалось бомбометание по точечным целям, так как часто артиллерийские снаряды не могли разрушить мощные железобетонные крепостные укрепления. По этим целям бомбардировщикам приходилось применять бомбы крупного калибра.

В боях по разрушению долговременных укреплений врага отличались пикировщики 6-й гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии генерала Г.А.Чучева. Бомбардировка Кенигсберга велась круглосуточно. В ночь на 8 апреля самолеты совершили 1800 вылетов и сбросили 569 тонн бомб. Удары советской авиации по Кенигсбергу достигли 8 апреля максимальной силы. В течение одних суток было совершено более 6 тысяч самолето-вылетов.

В течение дня 9 апреля по городу нанесли удар 1,5 тысячи советских самолетов. От огня советской авиации и артиллерии центральные районы города были полностью разрушены. 9 апреля в 21.30 кенигсбергский гарнизон прекратил сопротивление. Комендант крепости генерал О.Лаш отдал приказ о капитуляции гарнизона, за что Гитлером был заочно приговорен к смертной казни.

При штурме Кенигсберга было уничтожено около 42 тысяч немец-

ко-фашистских солдат и офицеров и взято в плен около 92 тысяч, в том числе более 1800 офицеров и генералов.

Разгром немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии имел огромное военно-политическое значение: было уничтожено гнездо реакционного прусачества и форпост германской агрессии на востоке, ликвидирована Ставка Верховного Главнокомандования немецко-фашистских войск в Раценбурге.

Разгром Восточно-Прусской группировки гитлеровцев значительно ослабил вооруженные силы фашистской Германии, а высвободившиеся силы 3-го Белорусского фронта были использованы в завершающих боях на других направлениях советско-германского фронта.

Победа в Восточной Пруссии была достигнута в длительных и тяжелых боях. Наступление продолжалось три с половиной месяца. Войскам Красной Армии пришлось преодолеть многие укрепленные районы и долговременные оборонительные полосы противника, штурмом овладеть такой, казалось, непреступной крепостью, как Кенигсберг.

Длительные бои по прорыву сильной обороны противника вызвали большие потери в людях и технике. Только в период с 13 января по 10 февраля 1945 года 3-й Белорусский фронт потерял 22 процента личного состава.

За отличные боевые действия Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам, участвовавшим в боях за овладение городом и крепостью Кенигсбергом, и в том числе летчикам генерал-полковника авиации Т.Т.Хрюкина. Тысячи отличившихся авиаторов были отмечены высокими правительственными наградами, а командующий 1-й воздушной армией Т.Т.Хрюкин 19 апреля 1945 года был удостоен второй медали “Золотая Звезда” Героя Советского Союза.

В период Великой Отечественной войны авиационным соединениям и частям, руководимым генерал-полковником авиации Т.Т.Хрюкиным, Верховный Главнокомандующий 26 раз объявлял благодарность за отличные боевые действия. Многие соединения и части неоднократно награждались орденами, удостоивались гвардейских и почетных наименований.

За мужество и героизм, проявленные в боях с врагами Родины, Тимофей Тимофеевич Хрюкин был дважды удостоен звания Героя Советского Союза и награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й и 2-й степени, двумя орденами Куту-

зова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также иностранными орденами и медалями.

Т.Т.Хрюкин прошел славный боевой путь и оставил по себе добрую память в сердцах людей как доблестный защитник Родины.

В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне 24 июня 1945 года в Москве состоялся Парад Победы. В первых рядах сводного полка 3-го Белорусского фронта по Красной площади торжественным маршем прошел дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Тимофей Тимофеевич Хрюкин, закончив этим свой победоносный путь в Великой Отечественной войне советского народа.

В мирные дни

Воздушный щит

В послевоенные годы Т.Т.Хрюкин весь свой богатый фронтовой опыт, творческую инициативу и выдающиеся организаторские способности военачальника отдавал делу укрепления обороноспособности нашей Родины и восстановлению народного хозяйства в разрушенных войной районах.

В ноябре 1945 года он побывал на родине, посетил станицы Привольную и Каневскую, встретился с товарищами, с которыми рос и работал в комсомоле, выступал перед трудящимися района, призывал к напряженному труду, чтобы в кратчайший срок залечить раны, нанесенные немецко-фашистскими захватчиками Краснодарскому краю. Со своей стороны заверял односельчан в том, что воины Советской армии, до конца выполнившие свой долг перед Родиной в самой кровопролитной войне, какую только знало человечество, и в дальнейшем свято будут оберегать свободу и независимость Советского социалистического Отечества и бдительно стоять на страже его интересов.

Встретился он и с работниками Каневского райкома партии, где ему в 1929 году был впервые вручен партийный билет.

30 ноября 1945 года секретарь Каневского райкома ВКП(б) Краснодарского края Н.Т.Еремин писал об этой встрече:

“...После Вашего отъезда мне хочется Вам сообщить, что Ваш приезд оказал нам очень большую помощь не только в том, что повысилась производительность труда и улучшилась работа, но и в том, что у трудящихся повысилась активность. Все выражают большое восхищение, особенно Ваши друзья. Я лично еще больше познакомился с товарищами, с которыми Вы росли.

Думаю, что мы еще встретимся и тогда потолкуем больше. Ваши товарищи, да и почти все, настаивают, чтобы Ваш бюст дважды Героя ставили в Привольной, где Вас все знают...”

В июле 1946 года его назначают заместителем Главнокомандующего по боевой подготовке Военно-Воздушных Сил. Это был период перевооружения военной авиации на новые реактивные самолеты и сложную радиоэлектронную технику. После окончания тяжелой войны Вооруженные Силы реорганизовывались. На основе приобретенного опыта и внедрения новой боевой техники необходимо было по-новому развертывать боевую учебу войск. В эту работу полностью ушел Т.Т.Хрюкин. От него потребовались способности хорошего методиста и организатора боевой учебы уже в масштабе всех Военно-Воздушных Сил страны.

Работа в Центральном аппарате оказалась не менее сложной, чем в воздушной армии. Нужно было разрабатывать новые программы и курсы боевой подготовки разных родов авиации, а главное, нужно было организовать боевую подготовку в войсках, и прежде всего безаварийную летную работу. Начались непрерывные командировки и выезды в войска для решения конкретных вопросов боевой подготовки на местах.

Живая практическая работа с людьми на аэродромах всегда была по душе Хрюкину, и он с увлечением отдавал всего себя этой работе. Через год его назначают командующим 7-й воздушной армией. Снова он вместе со своей многочисленной семьей переезжает, уже в который раз за время многолетней службы в армии, из Москвы в Баку.

Условия жизни в Баку были совсем другими, чем в Москве: лето жаркое, а зима короткая и теплая. Аэродромы армии располагались на берегу Каспийского моря и долинах гор. До этих районов фашистам не удалось дойти, города и села Азербайджана остались целыми, жизнь в них быстро приобретала довоенный уровень.

С присущей ему решительностью Т.Т.Хрюкин начал устанавливать твердый порядок в частях и соединениях армии. Оборона с воздуха нефтеносного района Баку являлась большой государственной задачей, и требовалось обеспечить высокую боевую готовность истребительных авиачастей, несущих боевое дежурство. В обстановке холодной войны вопросы обороны страны и ее воздушных рубежей приобретали первостепенное значение.

В апреле 1949 года Т.Т.Хрюкин был назначен командующим Войсками противовоздушной обороны Бакинского района.

Требовалось укрепить воздушный щит Родины, особенно в связи с угрозой нападения на СССР со стороны международного империализма, и прежде всего США, которые открыто начали претендовать на мировую гегемонию, проводить политику с позиции силы.

В марте 1946 года матерый враг социализма У.Черчилль произнес речь в американском городе Фултоне, послужившую началом “холодной войны” против стран социалистического лагеря. В присутствии президента США Г.Трумэна Черчилль призвал готовиться к третьей мировой войне. Пентагон начал разрабатывать планы подготовки и ведения агрессивной войны против СССР, в которых предусматривалось нанесение бомбардировочных ударов по 70 советским городам с применением атомного оружия, сначала 133 атомные бомбы (по плану “Чарнотир”), а через год - 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных авиационных бомб (по плану “Дропшот”).

В этих условиях особое значение приобретала задача укрепления ПВО, защиты страны от воздушного нападения, в том числе нефтеносного района Баку. Перед промышленностью была поставлена задача: создать и внедрить в серийное производство реактивные истребители со скоростью полета 850-900 км/ч. Новую авиационную технику планировалось создать в предельно сжатые сроки. Уже в 1946 году появились реактивные истребители конструкторов А.С.Яковлева Як-15, А.И.Микояна и М.И.Гуревича МиГ-9 и А.С.Лавочкина Ла-160.

Кроме истребительной авиации в войсках ПВО значительную долю составляли зенитные артиллерийские части и радиотехнические подразделения. Добавилось много военной техники, которую нужно было не только хорошо знать, но и учить подчиненных боевому применению этой техники, а наряду с боевой учебой нести охрану воздушных рубежей нашей Родины.

Служба в Войсках противовоздушной обороны требует постоянного напряжения, высокой бдительности и четкости действий во всех звеньях управления. При несении боевого дежурства время в войсках ПВО исчисляется секундами. Много сил вложил Хрюкин в то, чтобы сделать недоступными для врага воздушные границы района Баку. Он пересмотрел оперативные планы боевых действий войск ПВО, их дислокацию и всю систему управления. Потребовалось коренным образом перестроить систему контроля воздушного пространства, создать многослойное радиолокационное поле дальнего обнаружения. Старая система воздуш-

ного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) давно уже не удовлетворяла предъявляемым требованиям. Приходилось заново создавать новые позиционные районы, оснащать их более совершенной боевой техникой, зенитными установками, радиолокационными станциями орудийной наводки, добиваться новых самолетов-перехватчиков, строить для них аэродромы, разворачивать систему защищенных командных пунктов с современными средствами управления и подземными линиями связи.

Большую творческую энергию развил Хрюкин на новом для него широком поле государственной деятельности.

В 1947 году на вооружение Военно-Воздушных Сил поступил реактивный истребитель МиГ-15. Он развивал скорость до 1050 км/ч, был вооружен тремя пушками (одна 37-мм калибра и две 23-мм калибра) и подвешенными под крыло неуправляемыми реактивными снарядами.

Авиация, в том числе и противовоздушной обороны, перевооружалась на реактивные самолеты. В первую очередь такие самолеты поступили в авиачасти противовоздушной обороны Бакинского района.

Перед Т.Т.Хрюкиным стояла задача быстро переучить летный состав и организовать безаварийную летную работу. Как всегда, непосредственно в учебных центрах и аэродромах вместе с летчиками Хрюкин осваивал новую реактивную технику. Неумная тяга к знаниям, ко всему новому и передовому захватывала его целиком, и, не считаясь со временем и здоровьем, он отдавал все свои силы любимому делу.

Вскоре появились истребители МиГ-17 с улучшенной аэродинамикой и со стреловидным крылом в 45 градусов, одним из вариантов которого был перехватчик МиГ-15 ПФ, оснащенный радиолокационным прицелом и форсированным двигателем. Этот перехватчик был вооружен ракетами класса “воздух-воздух”. Возможности противовоздушной обороны существенно возросли.

За короткий срок воздушная оборона Бакинского района под командованием Т.Т.Хрюкина качественно, технически и организационно резко укрепилась и возросла.

Неоднократные проверки боеготовности Бакинского округа ПВО, в том числе и начальником Генерального штаба генералом армии А.И.Антоновым, отмечали высокую боеготовность войск и четкое управление силами обороны со стороны командующего округом.

Генерал-полковник авиации Т.Т.Хрюкин провел комплекс мероприятий и умело организовал действия авиации и зенитной артиллерии по

отражению возможного нападения воздушного противника и защите нефтеносного района Баку, а также южных закавказских воздушных границ Советского Союза.

Боевая учеба

В январе 1950 года Т.Т.Хрюкин был направлен на учебу в Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил.

Опять нелегкий переезд с семьей в 9 человек. Генералу шел только сороковой год, и он был полон жизненных сил и энергии и с большим желанием приступил к изучению военных наук. Он готовил себя к еще более крупной военной деятельности. Учеба в стенах академии была рассчитана на короткий срок, программа занятий была крайне насыщена обширным материалом и требовала от слушателей напряженной работы по 14-15 часов в сутки. Еще до войны Хрюкину дважды пришлось оканчивать курсы в этой академии, он и теперь успешно усваивал учебный материал. Наряду с учебой вел активную общественно-политическую работу.

Тесную связь поддерживал Хрюкин со своими земляками из города Ейска. 9 мая 1950 года по приглашению земляков города Ейска Тимофей Тимофеевич прилетел на свою родину. В городском парке имени М.И.Калинина собралось около десяти тысяч трудящихся на митинг по случаю открытия памятника - бронзового бюста дважды Героя Советского Союза Тимофея Тимофеевича Хрюкина.

Ейская газета "Трибуна" в № 57 от 12 мая 1950 года писала: "Митинг открыл председатель городского совета депутатов трудящихся тов. Свердлов. Опускается белое полотнище. Тысячи глаз устремлены на величественный бюст Героя. В строгом бронзовом отливе запечатлены величественные черты мужества и простоты советского человека, воина-героя. Таков он был на трибуне. На его груди ярко сияют две "Золотые Звезды", 13 орденов, 6 медалей. Это его заслуга перед Родиной в защите Советского Отечества, свободы и независимости нашего народа... Слово предоставляется дважды Герою Советского Союза генерал-полковнику авиации товарищу Хрюкину. Он сказал:

“Дорогие товарищи!

Разрешите передать вам привет от наших славных воинов. Ваше честование меня, установление моего бюста я прежде всего отношу к Коммунистической партии и народной любви к своим Вооруженным Силам, отстаившим честь и независимость нашей Родины... Мы, советские воины, с честью и достоинством охраняем мирный созидательный труд нашего народа. Будьте уверены, если империалисты навяжут нам новую войну, мы сумеем с честью постоять за свою Родину...”

В сентябре 1950 года Т.Т.Хрюкин плодотворно трудился на этом посту. Военные учебные заведения ВВС перестраивались для подготовки нового поколения авиаторов, призванных осваивать сверхзвуковые реактивные самолеты. Летчики штурмовали звуковой барьер и поднимали высоту, увеличивали дальность полета и грузоподъемность самолетов. Все это повышало требования к молодым авиаторам, создавало дополнительные нагрузки. Хрюкину пришлось пересмотреть программы военных учебных заведений ВВС, укрепить их подготовленными, с опытом войны, кадрами преподавателей и инструкторов.

В 1949 году в Советском Союзе была испытана атомная бомба. На вооружение Военно-Воздушных Сил начали поступать реактивные самолеты, оснащенные оружием массового поражения. Потребовалось совершенствование всей подготовки авиационных кадров. Академии, училища и школы перешли от ускоренных курсов к планомерной, четко организованной учебе. В послевоенное время обучение и воспитание авиационных кадров вели более сорока военно-учебных заведений.

Сроки обучения в академиях увеличились до трех-четырех лет в командной и до пяти лет восьми месяцев в инженерной академиях. Для подготовки специалистов по эксплуатации самолетов и двигателей, авиавооружения, радиолокационного и связного оборудования военнотехнические училища преобразовывались в высшие инженерные училища со сроком обучения до трех лет.

В целях повышения квалификации командиров и инженеров соединений и частей, начальников штабов и других категорий летного, командного и штурманского состава были организованы курсы и значительно расширено заочное обучение.

Совершенствовалась структура управления военно-учебными заведениями. Академии, высшие инженерные училища и высшие офицерские школы подчинялись непосредственно Главнокомандующему ВВС и

его заместителям, а средние военно-учебные заведения - командующим ВВС военных округов.

Вся эта масштабная работа проводилась под руководством заместителя Главнокомандующего ВВС по учебным заведениям генерал-полковника авиации Т.Т.Хрюкина.

Многое он сделал для оснащения вузов новой авиационной техникой, создания современной учебной базы, прилагал усилия по строительству аэродромов, учебных полигонов и жилых городков для училищ и академий.

Все училища и академии Военно-Воздушных Сил он не раз посещал лично, производил инспектирование их, участвовал в проведении государственных экзаменов и выпусков слушателей. Каждое его посещение оставалось памятным для подчиненных, оно сопровождалось внедрением нового и передового как в учебный процесс, так в оснащение учебно-материальной базы.

Требовательный и волевой, Хрюкин нетерпимо относился к недостаткам и принимал решительные меры для их устранения.

В академиях большую часть слушателей составляли бывшие фронтовики, по своему опыту Хрюкин знал, как непросто было многим из них садиться за парту и “грызть” науку, и он оказывал им всяческую помощь. Помогал молодым перспективным боевым командирам осмысливать их же боевой опыт в стенах академии, вооружаться глубокими знаниями военной науки с тем, чтобы в дальнейшем этот опыт и знания передавать для использования в строевых частях.

В академиях и военных училищах ВВС строго придерживались принципа: “Учить тому, что нужно на войне”. С этой целью слушатели и преподаватели участвовали во многих учениях, получали хорошую полевую и воздушную подготовку. Во многих учениях Т.Т.Хрюкин принимал личное участие.

В первые послевоенные годы на учебу в высшие военно-учебные заведения пришли офицеры, имеющие большой боевой опыт и многочисленные правительственные награды. Только в Краснознаменной Военно-Воздушной академии (КВВА) в 1947 году обучалось сто восемьдесят семь Героев Советского Союза, двадцать человек, дважды удостоенных этого почетного звания, и один - трижды.

Однако общеобразовательная и специальная подготовка многих слушателей была недостаточной. Т.Т.Хрюкин по своему опыту знал, как

трудно учиться таким офицерам в высшем учебном заведении. Поэтому при академиях были организованы подготовительные курсы по общеобразовательным дисциплинам. Большое внимание уделялось поиску наиболее оптимальных учебных планов и программ.

В связи с поступлением в Военно-Воздушные Силы новой реактивной техники со сложным комплексом автоматического и радиоэлектронного оборудования в учебных планах большое внимание было отведено изучению общенаучных, технических и специальных дисциплин. Важное место занимали вопросы организации учебно-воспитательного процесса, в котором особая роль отводилась преподавателям. В целях улучшения подготовки педагогических кадров была широко развернута работа адъюнктур и различных курсов усовершенствования лекторов и преподавателей. При академиях ВВС были созданы педагогические отделения.

В академии и училища пришло много молодых преподавателей, имевших богатый боевой опыт, но нуждающихся в методическом совершенствовании.

В ряде вузов не доставало учебников, а оборудование лабораторий и учебных аудиторий не отвечало новым требованиям.

Эти и другие недостатки в работе вузов не выпадали из поля зрения Т.Т.Хрюкина. С присущей ему энергией и деловитостью он решительно добивался устранения недостатков и совершенствования всего учебного процесса.

Особое внимание он уделял летной практике курсантов в летных школах и училищах. При Военно-Воздушной академии был создан учебный авиационный полк, который в дальнейшем был переформирован в учебное авиационное соединение, оснащенное новыми типами самолетов, в том числе и реактивными МиГ-15 и Ил-28. Очень важно было организовать летную практику без тяжелых происшествий - катастроф и аварий. Для достижения четкого порядка в летной работе Т.Т.Хрюкин особую требовательность предъявлял к поддержанию в вузах высокой воинской дисциплины и пунктуальному выполнению всех требований, наставлений и инструкций, регламентирующих летную работу.

Будучи молодым прогрессивным генералом и героем войны, Т.Т.Хрюкин уделял много внимания совершенствованию научно-исследовательской работы в вузах ВВС, подготовке научных кадров и обобщению опыта Великой Отечественной войны. В вузах ВВС разрабатывались воп-

росы боевого применения новой реактивной авиационной техники, проводились исследования проблем полета на сверхзвуковых скоростях. В Военно-Воздушной инженерной академии имени Н.Е.Жуковского в 1947 - 1950 гг. была построена уникальная по тем временам аэродинамическая труба ТС-4, позволявшая производить испытания со скоростью потока до пяти скоростей звука. Шла напряженная работа по подготовке ученых. Только в КВВА с 1946 по 1953 год 79 человек защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Многие делали в вузах ВВС в целях пропаганды отечественной науки и техники.

Однажды, возвращаясь с учений, Хрюкин ехал в штаб на автомашине. Неожиданно на дороге появилась группа женщин, сошедших с автобуса. Они вышли на шоссе из-за автобуса, грубо нарушая правила дорожного движения, и водитель уже не успевал предотвратить несчастье. Мгновенно оценив обстановку, Тимофей Тимофеевич схватился за руль автомашины и направил ее в кювет, чтобы избежать столкновения и спасти людей. Машина перевернулась, Хрюкин тяжело пострадал, получил сотрясение мозга. Лежал в госпитале, врачи спасли жизнь генерала. Могучий организм, казалось, справился с тяжелой травмой. Но это была только временная отсрочка: автомобильная авария вызвала обострение тяжелой болезни почек, которой он страдал много лет.

19 июля 1953 года Тимофей Тимофеевич скончался в возрасте 43 лет, так и оставшись самым молодым авиационным генералом, который благодаря советской власти, своему таланту и трудолюбию достиг высоких руководящих постов в Военно-Воздушных Силах Советской Армии.

Похоронен Тимофей Тимофеевич в Москве на Новодевичьем кладбище. На его могиле по проекту Е.В.Вучетича был воздвигнут монументальный памятник, который венчает мраморный бюст Т.Т.Хрюкина в военной форме генерал-полковника с боевыми орденами и медалями. Сдвинутые брови, суровый одухотворенный взгляд в будущее и в то же время солдатская простота большого военачальника, вышедшего из самых народных низов. Памятник напоминает о героической и кипучей деятельности Тимофея Тимофеевича на благо нашей Родины. На могиле часто лежат живые цветы - знак глубокой признательности одному из выдающихся военных авиаторов нашего времени.

Именем дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Т.Т.Хрюкина названы улицы в городах Севастополе, Волгограде, Белая Церковь и в станице Привольной.

Воды Балтийского моря и Атлантики бороздит рыболовный траулер “Тимофей Хрюкин”, приписанный к морскому порту Калининграда, а в городе на площади имени Маршала Советского Союза установлена гранитная доска с фотографией Т.Т.Хрюкина.

На его родине в городе Ейске установлен бронзовый бюст, а в Москве в проезде Серова на доме № 19а, в котором Т.Т.Хрюкин жил с 1940 по 1953 год, установлена мемориальная доска.

Во многих военно-исторических изданиях, в романах и повестях, в государственных музеях, в комнатах боевой славы описаны и показаны боевые подвиги Тимофея Тимофеевича.

Жизнь продолжается

Вспоминая о Т.Т.Хрюкине, комсомолка 30-х годов из станицы Каневской Ефросинья Ивановна Гринь говорила: “Сильный духом был наш генерал, а доброты в нем, кажется, на десятерых генералов хватило бы. Он и жизнь-то свою укоротил из-за этой самой доброты. Если бы не тот случай, здоровья его богатырского хватило бы еще на полсотни лет...”

Т.Т.Хрюкин горячо любил жизнь, был отцом большой семьи. Жена Полина Дмитриевна Хрюкина (Ткаченко) из семьи рабочего-железнодорожника, его верная боевая подруга, прошла с ним все трудные дороги военной службы. Поженились они в 1935 году. Совместно прожили 18 лет.

В их семье было четыре сына и четыре дочери: Владимир, родился 9 декабря 1930 года в городе Краснодаре, подполковник авиации, умер в 1971 году от тяжелой болезни почек, как у отца; Ольга, 1937 года рождения, инженер НИИ автоматической аппаратуры; Людмила, 1939 года рождения, химик-аналитик в Государственном институте редких металлов; Владимир, 1941 года рождения, инженер-геолог, заведующий лабораторией в Московском геолого-разведывательном институте; Тимофей, 1945 года рождения, фрезеровщик опытного завода Глававтотрансэлектроприбор; Наталья, год рождения 1947, педагог, заведующая канцелярией Управления народного образования Мосгорисполкома; Андрей, 1948 года рождения, инженер-механик, подполковник запаса;

Татьяна, 1950 года рождения, инженер-электронщик, инженер отдела кадров производственного комбината. Все они трудятся на благо своей Родины.

В семьях Хрюкиных растут внуки и правнуки, среди которых будут, наверное, и продолжатели его дела в авиации, каким был его старший сын - подполковник авиации В.Т.Хрюкин, а внук Артем Хрюкин, 1971 года рождения, отслужил в рядах Вооруженных Сил России.

Тимофей Тимофеевич очень любил детей. У него была редкая по своей численности семья для воннослужащего, зачастую ведущего кочевой образ жизни. Сам он вырос у чужих людей, без материнской заботы и ласки, и очень жалел, что не было у него ни брата, ни сестры. Собственное горькое детство породило у него особое чувство заботы и любви к детям. Поэтому, как вспоминала его жена, Тимофей Тимофеевич был всегда внимательным и заботливым отцом большого семейства. Несмотря на свою большую занятость по службе, умел найти время и уделить внимание детям: пойти с ними в кино, театр, цирк, а иногда и просто уехать в лес или на речку, чтобы побыть с детьми на природе.

Сам Тимофей Тимофеевич с детских лет занимался тяжелым физическим трудом и своих детей приучал к труду и ответственности с раннего возраста. Добивался того, чтобы дети хорошо учились, самостоятельно пробивали себе дорогу в жизни, не надеясь на положение и заслуги отца.

“В вопросах воспитания детей у нас с мужем, - говорила Полина Дмитриевна, - разногласий не было. Я сама выросла в большой трудовой семье (было две сестры и пять братьев), и нас с детства приучали родители к труду, честности, уважению к старшим. Всему этому мы с мужем старались научить и своих детей.

Когда муж умер, старшей дочери Ольге исполнилось 16 лет, а младшей Тане не было и трех лет. Трудно было мне одной поставить на ноги такую большую семью. Только благодаря тому, что у нас в Советском Союзе государство заботится об обеспечении многодетных семей и воспитании детей, мне удалось вырастить своих сыновей и дочерей честными и трудолюбивыми, культурными и образованными людьми. Ольга, Владимир, Наталья, Андрей, Татьяна получили высшее образование, а Тимофей и Людмила - среднее техническое образование. Все дети имеют свои семьи...”

Полина Дмитриевна с полным правом может сказать, что ей досталась тяжелая, но прекрасная жизнь. Она гордится пятнадцатью внуками и внучками, а также правнуками и правнучками.

Любовь и дружба в семье, постоянная поддержка сослуживцев и товарищей Тимофея Тимофеевича помогли ей добиться таких благородных результатов.

Вся жизнь и боевая деятельность дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Тимофея Тимофеевича Хрюкина являются ярким примером беззаветного служения нашей Родине, примером того, как Октябрьская революция подняла из самых низов народные таланты и золотыми буквами вписала их имена в историю Советского государства и его Вооруженных Сил.

Об отце

Ольга Тимофеевна

1-е апреля 1937 года, инженер (пенсионерка)

Привычка носить военную форму - кожаную скрипучую портупею, широкий поясной ремень, вечно глянцевые хромовые сапоги - приводила многих добровольцев при переодевании в смущение. Времени на экипировку требовалось немного. Надо было войти с черного входа в подсобное помещение московского военторга, где-то на Пироговке или на Усачевке, и через час-полтора военный летчик преображался в коммивояжера средней руки. Правда, на некоторых добровольцах гражданский костюм сидел мешковато. Загорелые молодые пилоты, привыкшие с юношеских лет к армейскому обмундированию, чувствовали себя в щегольских коверкотовых костюмах неудобно. Не всякому крепышу с обветренной деревенской физиономией шла фетровая шляпа. Лейтенант Тимофей Хрюкин, светлоглазый, стройный, статный широкоплечий, в шляпе был похож на киногероя дозвуковых душещипательных фильмов о неразделенной любви. Шляпа была ему к лицу.

За Пиренеями отец познакомился с многими славными боевыми товарищами. Фронтовая судьба свела его с генералом Дугласом – такое имя носил в Испании Яков Владимирович Смушкевич (комкор ВВС), с Пабло Паланкаром – летчиком-истребителем, Павлом Рычаговым (будущим начальником ВВС Красной Армии), Григорием Тхором, с Георгием Захаровым и другими летчиками. О них в Испании ходили легенды. Во время воздушных боев над городом любопытные мадридцы всегда высыпали на улицы и возбужденно наблюдали за ходом схваток. Видимо, темпераментные испанцы эти бои воспринимали как воздушные корриды. За время боевых действий с 1936 по 1939 год в Испании

участвовало три с половиной тысячи русских добровольцев. Все они были офицерами, и отбирали в воинских частях только лучших. За период боевых действий погибло двести сорок восемь человек. Одновременно с нашей стороны воевало не более семисот человек. Это не идет ни в какое сравнение с той военной помощью, что оказывали режиму Франко Германия и Италия. Эти страны посылали свои войска целыми дивизиями и корпусами. И вопли тогдашних мировых лидеров об оккупации Испании Россией заставляют нас помнить о том, что и тогда существовали двойные стандарты.

В республиканской армии были отряды анархистов. Наши командиры-советники вообще не имели права приказывать, они могли только советовать, но, признаться, не все испанские командиры прислушивались к их советам. Анархисты воевали только тогда, когда им хотелось. Теруэльский участок фронта держал отряд анархистов под командованием Бенедито, который принимал в штыки все рекомендации нашего советника, но потом согласился с ним и заверил, что его «орлы» будут сражаться как львы. Анархисты не признавали дисциплины, пренебрегали боевой подготовкой, и, когда фашисты прорвали оборону республиканцев, отряд Бенедито позорно бежал, покинув огневой рубеж.

Однажды на проселочной дороге в густых облаках мучнистой пыли отец встретил этого главаря анархистов Бенедито. Он ехал на легковой автомашине. На стеклах были нарисованы черепа с перекрещенными под ними костями, как и на пиратских черных флагах. Впереди на радиаторе болталась дохлая кошка. Сам он был разодет очень живописно. Рядом с ним я увидел странного русского. Он называл себя Ляйстером, но, по мнению Т.Хрюкина, это был недобитый белогвардейский офицер. Ляйстер был переводчиком у Бенедито и, видимо, подстрекал его к неподчинению советам наших командиров, а может быть, был и шпионом, которых в Испании было хоть пруд пруди. Очень метко сказал Михаил Кольцов: «Для шпионов в Испании была не работа, а отдых». Задания республиканского командования становились мгновенно известными франкистам. Подлетаешь, бывало, к цели нанесения бомбовых ударов, а там крутятся «хейнкели», поджидают тебя немецкие асы. А ведь задание было секретным, и вскрывал отец пакет только в воздухе. В первые месяцы войны республиканцы были слишком наивными, доверчивыми, а бдительность была у них почти нулевая. По ночам наши аэродромы высвечивают со всех сторон шпионы-ракетчики, в моторы заливают воду.

«Пятая колонна» Франко, надо признать, действовала нагло и вредоносно. Вот где были необходимы наши осторожность и боевая хитрость. Особенно Тимофею Тимофеевичу запомнился один бой. Сквозь разрывы зенитных снарядов, отбомбившись, бомбардировщик уходит от преследования фашистских истребителей, идет с набором высоты, отбивая атаки назойливых «хенкелей» пулеметными трассирующими очередями. Внизу плывут огненные позиции Харамы. Смолкли пулеметы, СБ – ранен стрелок. Штурман с перекошенным от боли белым лицом хватается за правое плечо. «Врешь, не возьмешь», – сцепив зубы, кричит Хрюкин. Боковым зрением ловит фашиста, вынырнувшего из-под правого крыла. Как подкрался – не заметил. Один остался, вьедливый, настырный, другие отстали. «Я тебя, гад, заматаю», – шепчет, не размыкая губ, Тимофей и бросает СБ резко вниз, с отворотом влево. «Хенкель» мелькнул над головой серым окульным брюхом. «Уйду, – вспыхнуло спасительно, как заклятье, – уйду, пока не развернется. Уйду!» И не дался, ускользнул, ушел. У «хенкеля» бензин, видно, кончился, отстал, отвалил в сторону, умотал на свою базу. «Формидабле! Муйбьен!» – шептал по-испански Хрюкин. «Замечательно! Очень хорошо! Формидабле! Муйбьен!» – звучало как музыка спасения.

Раненых товарищей Тимофей уложил на носилки, отправил в госпиталь. Снял комбенизон, пощупал спину – под дождем не был, а мокрый насквозь, от плечей до пяток, аж в сапоги натекло, носки хоть выжимай.

«Формидабле! Муйбьен! Пекло Харамы», – горько усмехнулся Тимофей. Пекло воздушного боя. Надо иметь железные нервы.

Испания много дала Т.Т.Хрюкину как будущему военачальнику. Например, испытанный способ подавления вражеской авиации, знакомый по Сарагосе и применяемый немцами 22 июня 1941 года, почти на всем фронте вторжения состоял в нанесении упреждающих ударов по аэродромам. Пройдя нелегкий путь летчика-добровольца, Т.Хрюкин понял, что умение стоять и биться за правду, за справедливость – это и есть гражданская доблесть. Все эти материалы я взяла из книг «Мгновение вечность» А.З.Анфиногенова, «Замечательные люди города Ейска» Евгения Котенко.

В своей автобиографии отец просто пишет: 1936 год – командировка (Испания). В летной тетради Тимофея Тимофеевича указаны конкретные даты – налет в командировке с 10 октября 1936 года по 15 марта 1937 года составил на самолете СБ – 169 часов 27 минут = 154 полета .

На И-16 – 11 часов = 24 полета. Разные машины – 21 час 22 минуты = 63 полета. Итого: 201 час 49 минут = 241 боевой вылет.

За время командировки в Испанию в жизни отца произошло два важных события. Во-первых, Указом от 2 января 1937 года он был награжден орденом Красного Знамени. Во-вторых, произошло пополнение семейства. Первого апреля 1937 появилась на свет я.

Людмила Тимофеевна

Я, Людмила Тимофеевна, одна из четырех дочерей Тимофея Тимофеевича Хрюкина, родилась 5 августа 1939 года в г. Белая Церковь на Украине, где отец в то время служил. Самое первое воспоминание об отце связано с Германией, г. Бартенштайном, куда мы с мамой и братьями приехали весной 1945 года. Всю войну мы провели в эвакуации, в г. Свердловске, поэтому поехать к отцу в Германию - это несбыточная мечта!

Самое яркое воспоминание о Бартенштайне - это День Победы. Мы жили в огромном доме с множеством комнат. Папа и мама ушли на банкет, а мы с бабушкой Наташей остались дома. Нам разрешили посмотреть фильм «Петр Первый» в кинозальчике нашего дома и выдали металлический жбан с мороженым. И вдруг как грохнет! Такого грома я больше не помню в своей жизни! Это был салют с несчетным количеством залпов, после которых небо над головой стало черного цвета от дыма зениток.

В Германии мы прожили все лето, когда вдруг в августе наша мама исчезла. Нам говорили, что она уехала... Наш старший брат Володя (сын отца от первого брака), как настоящий разведчик, облазил все закоулки в доме и однажды позвал нас на второй этаж, где через замочную скважину мы увидели маму, которая грудью кормила какого-то малыша. Это появился на свет наш очередной брат - Тимоша. Между нами, детьми, разница в 1,5-2 года, и только в период войны между братом Володей вторым и Тимошей разница - 4 года.

В Москве мы жили на проезде Серова (ныне Лубянский проезд), в так называемом «военном» доме. Жили в нем в основном военные: ге-

нералы различных родов войск, адмиралы, дипломатические работники. Большинство из них провоевали вместе не на одной войне, но, когда наш отец выходил во двор перед парадом, то народ выбегал из подъездов, вывешивался из окон и балконов, чтобы посмотреть на него. Отец в парадной форме - это было незабываемое зрелище: голубоглазый блондин, весь в орденах, с золотым парадным ремнем. Красивее и выше него в нашем знаменитом доме никого не было.

Хочу еще рассказать о трудовом воспитании в нашей семье. У нас была государственная дача в Монино с огромным участком, где каждый из детей был обязан пропалывать грядки, окучивать картошку, поливать огород. Отец терпеть не мог бездельников и старался у нас, детей, воспитывать любовь к труду и осознание того, что каждый из нас должен построить свою судьбу и жизнь сам.

Часто в выходные дни любил сесть за руль «Опеля» съездить в Москву за мороженым для всех детей поселка. Покупалась коробка мороженого, перекидывалась искусственным льдом, и все это на огромной скорости везлось из Москвы на дачу. Машину он водил, как самолет, так как по-другому не умел. Мама не любила ездить с ним, а мы, дети, вжимались в сиденья и визжали от восторга.

Отец практически не имел родни и прожил очень тяжелую жизнь, поэтому хотел, чтобы у него была большая семья. Он очень любил гостей и застолья. Накрывался огромный обильный стол, приходили его сослуживцы и друзья с женами и детьми. Танцевали, пели песни, было шумно, многолюдно, весело. Отец был счастлив!

Владимир Тимофеевич

2 марта 1941 года. Геолог, кандидат наук

За год до войны в кабинете начальника ВВС Павел Рычагов, собрат по Испании, придержал Хрюкина после совещания.

- Мне сказали: роди сто полков! - глуховато сказал он.

- Сто шесть точнее... Тимофей, ты летчик, инспектор. Знаешь кадры, реальные сроки обучения... Полноценный летчик созревает как яблочко, скороспелки да гнилушки в нашем деле... Но, допустим, нажмем.

Дадим форсаж на всю защелку. При самых бешеных темпах за год не управимся... Слушать не хотят! Чтобы завтра были, и баста. Вынь да положь, - с горечью произнес Рычагов. Хрюкин знал: Рычагов умеет не согласиться. Умеет безбоязненно, компетентно возразить наркому, если их взгляды на обсуждаемый вопрос не сходятся. Рычагов, например, посчитал необходимым подготовить для руководящего состава ВВС доклад «Действия авиации по уничтожению крупных механизированных соединений, прорвавшихся в глубину нашей территории» и лично с этим докладом выступить. И это при существующей тогда военной доктрине, что все военные действия будут развиваться на территории противника.

- Нас могут не понять, - сказал ему нарком.

- Нас могут не простить, если мы не будем к этому готовы, - ответил Рычагов.

Правильно ответил, считал Хрюкин. Ему импонировали склад мышления, манера молодого начальника ВВС держать себя.

Полученная Рычаговым вместе с кабинетом проблема ста полков дискуссии не подлежала. Она нуждалась в решении с участием многих звеньев государственного механизма - планирующих, промышленных, учебных...

- Революция требует, - говорил Рычагов, - а я родить не могу, хоть ты меня убей... Это одна сторона. Другая: без ста новых полков, понятное дело, господства в воздухе мы не получим, - он смолк, глядя на Хрюкина потемневшими от напряжения глазами.

- Сюда, - Рычагов приложил руку к геройской звезде, - дали. Сюда, - он коснулся петлиц генерал-лейтенанта авиации, - дали... А сюда?! - поднял он щепоткой сложенные пальцы ко лбу, поджал губы, вопросительно округлил глаза. - Сюда мне кто-нибудь добавит?.. - с беспощадностью в голосе воскликнул Рычагов. - Чтобы я знал, где выход из положения?!

Хрюкин никого не посвятил в этот разговор. В себе, как свою, хранил доверенную ему боль, смятение.

Зная Т.Т.Хрюкина как единомышленника, Павел Рычагов добился того, чтобы молодой генерал принял участие в совещании руководящего совета РККА 23 - 31 декабря 1940 года и выступил с докладом перед руководством генштаба, военных округов.

Заместитель генерал-инспектора ВВС Красной Армии генерал-майор Т.Т. Хрюкин призвал изучать опыт немцев.

«Очень большое значение имеет радиосвязь наземного командования с авиацией, - сказал Т.Т.Хрюкин. - Ее нужно иметь авиационному командованию и наземному. Связь необходима, а как таковая она у нас даже по штату отсутствует. Сейчас связь должна быть обязательна, и именно радиосвязь. Это самое главное».

Говоря так, Хрюкин учитывал опыт боевых операций, в которых принимал личное участие (Испания, Китай, Финляндия), где он воочию убедился, как трудно руководить воздушными группами, особенно обеспечивая их взаимодействия с наземными частями при полном отсутствии радиосвязи.

Далее Т.Т. Хрюкин обратил внимание, что на вооружении нашей авиации стоит 20-мм пушка, которая мало приспособлена к уничтожению танков противника.

К сожалению, эти критические замечания не были устранены к началу вероломного нападения фашистской Германией.

Наталья Тимофеевна

Я дочь Тимофея Тимофеевича Хрюкина – Наталья, родилась 5 января 1947 года в г. Москва. В нашей многодетной семье только трое родились в Москве, а остальные по месту службы отца: в станице Крымская (ныне город Крымск), в Белой Церкви, в Бартенштайне и Баку, как и положено в семье военнослужащего.

Когда умер наш легендарный отец, мне было пять с половиной лет и, конечно мои воспоминания о нем больше эмоционально детские и из рассказов старшего поколения.

Я помню очередной государственный праздник, изумительно нарядная Москва, с вечерней иллюминацией и дневным кумачом... Мы – дети, бегаем в Ильинской скверике возле нашего дома, ожидая отца после парада, и появляется он – красавец, для нас былинный богатырь по два метра роста, голубоглазый блондин, в парадной форме при всех регалиях. Увидев нас, смеется «А хотите я вам танк за веревочку притащу?» и делает вид, что подтягивает веревочку. К нашему изумлению из-за угла появляется какая-то военная техника. Нашему восторгу и восторгу

окружающей нас ребятни нет предела. Ну у кого еще есть всемогущий – волшебный отец?!

А позже папа тяжело и долго болел. Мама привезла к нему в госпиталь на улицу Грановского нас, троих самых младших: меня, Андрея и Танюшу. Отец был уже совсем плох и, все понимая, хотел проститься с нами. Я это поняла много позже, когда выросла и у меня самой появились сыновья. Папа прощался с нами и каждому из малышей подарил то, о чем мы мечтали: мне – игрушечную газовую плитку, (я очень любила возиться на кухне. И до сих пор кулинария – моё страстное увлечение), Андрею – игрушечную бронетехнику (Андрей так и стал военным), а Танюше, самой младшей из нас – куклу.

Мне сейчас за шестьдесят, я часто вспоминаю этот эпизод и думаю – сколько же мужества и любви было у этого человека, уходящего из жизни в 43 года и стремящегося оставить добрую память о себе у своих детей.

День смерти и похороны отца как в тумане. Это была непонятная беспощадная и безвозвратная потеря. Мир рухнул. Мама в свои 39 лет, осталась с кучей детей на руках. Старшей Ольше было 16 лет, а младшей Танюше – 2,5 года.

Хочу рассказать еще об одном эпизоде, связанным с нашей семьей, понятно, об отце. Я уже взрослый человек, вернулась из длительной заграникомандировки с двумя сыновьями на руках и переехала от мамы жить на Кутузовский проспект, когда меня через ветеранов разыскал писатель и журналист – Юрий Корольков. Им был написан роман – хроника «Кио-Ку-Мицу» («Совершенно секретно - при опасности сжечь!»). Это была книга о легендарном разведчике Рихарде Зорге, где на документальной основе раскрывалась история Японской агрессии на Дальнем Востоке с 20-х годов и до конца Второй мировой войны. В ней есть глава под названием: «Советские добровольцы». Речь шла о советских летчиках – добровольцах, большинство из которых уже успели повоевать в Испании, в том числе и наш отец. В этой главе описывается уникальный случай в мировой военной практике, когда одним единственным бомбардировщиком была затоплена неуловимая японская авиатехника, за что отец был награжден первой Звездой Героя Советского Союза. Ю. Корольков описывал разные случаи из жизни и быта наших летчиков. В этой же главе он описывает официальный прием у мадам Чан Кай – ши, но без некоторых последующих подробностей. Супруга генералиссимуса

устроила пышный прием в честь добровольцев. Она вообще с удовольствием заменяла мужа в различных мероприятиях, так как была очень сильной властной женщиной, к тому же она курировала авиацию в правительстве своей страны. Обходя всех летчиков, мадам лично вручала всем памятные знаки и пожимая им руки. Дойдя до отца, она застыла перед ним завороченная его статью и красотой, долго гладила ему руку и не отпускала его. Когда она отошла от него, распространяя запах терпких духов, то с языка отца слетела пара нелестных отзывов о мадам. Позже от ее имени отцу передали золотые запонки с бриллиантовой росписью, которые он никогда не надевал, а мама, по совету подруг переделала их в серьги. В нашей семье ни мама, никто из сестер не носит серьги, кроме меня и поэтому мама отдала их мне. Зная их историю, я большего и не желала. Теперь эти серьги хранятся в моей семье, и я обещала подарить их первой родившейся внучке в день ее шестнадцатилетия.

Все мы, братья и сестры, выросли без отца, но все выучились, у всех свои семьи, дети, внуки, скоро будут правнуки. Мы часто общаемся между собой, стараемся помогать друг другу и стараемся нашим детям и внукам привить ту же радость семейного общения, которая царила в родительском доме. есть у нас самый большой и любимый праздник – это 9 Мая, День Победы, когда старается собраться вся наша большая семья. В зависимости от того кто в это время в Москве нас набирается до пятидесяти человек и мы уже с трудом вмещаемся в родительской квартире на проезде Серова, ныне Лубянский проезд.

Андрей Тимофеевич

Я родился 7 октября 1948 года. Подполковник в отставке. Служил в инженерных частях ракетных войск стратегического назначения.

Когда умер папа, мне не было и пяти лет. Поэтому я помню об отце не целостную картину жизни, а наиболее запомнившиеся мне моменты.

Вот я в детском садике. На обед всегда дают ложку рыбьего жира. Однажды, на наше счастье, это мучение заканчивается. Оказывается, что нужный детскому организму медицинский препарат закончился. Проходит неделя. Во время обеда в столовую заходит Тимофей Тимофеевич, а

за ним два солдата заносят громадную бутылъ рыбьего жира.

Вся семья садится обедать. Отец в генеральском мундире во главе стола. Начинает делить между детьми куски селедки. Головы и хвосты – мальчикам. Это будущие воины, и они должны привыкать к повседневным трудностям.

Дачный поселок в Монино. Снегоуборочная машина чистит подъездную дорогу от снега, а так как наш дом крайний, то заезжает к нам на участок, чтобы развернуться. На свою беду при выполнении маневра водитель умудрился повредить нашу ледяную горку. Приезжает с работы отец, а вся послевоенная детвора (Наташа, я, Таня) в слезах из-за разрушенной горки. Я никогда не слыхал и не знал, что отец может говорить таким суровым голосом. На следующий день, к нашей радости, все было исправлено.

Отец нас никогда не бил. Но его взгляд обладал какой-то магической силой. И стоило ему нахмурить брови, как сразу становилось не по себе. А если ты заслужил, что тебя поставили в угол, было ощущение: ты совершил что-то ужасное.

Я на всю жизнь запомнил улыбку папы: так искренне и по-доброму никто не мог улыбаться.

После очередной «чистки» штаба ВВС моего отца от греха подальше послали командовать в 1948 году седьмой армией. Это было большим понижением в должности. Из заместителя Главкома перейти в командармы. Через некоторое время Тимофей Тимофеевич становится командующим Бакинским ПВО. Где я и имел счастье появиться на свет божий 7 октября 1948 года. И теперь всегда при проверке документов правоохранительными органами, увидев в паспорте отметку о месте рождения – город Баку, Азербайджан, не могут найти, к их сожалению, признаков принадлежности меня к лицам кавказской национальности. Наша дача находилась недалеко от загородного имения первого секретаря ЦК КПСС Азербайджана Багирова. Однажды к нашему дому подъехала черная машина с двумя автоматчиками и «приглашает» моих родителей на обед. Естественно, от просьбы, сделанной в такой форме, никто не откажется. Тем более, что Багиров был большим другом А.П.Берии. Поехали отец и мать, и меня взять пришлось, так как мне исполнилось недавно четыре месяца и мать кормила меня своим молоком. После сытного обеда (надо сказать, что Багиров был большим поклонником и ценителем женской

красоты и не мог устоять перед обаянием и красотой жены Тимофея Тимофеевича) первый секретарь компартии Азербайджана начал проносить какие-то витиеватые тосты в адрес мамы. Потом взял меня на руки, и надо же случится такому конфузу: я умудрился описать этого высокопоставленного человека, и очень сильно. Багиров брезгливо, держа меня на вытянутых руках, стал высматривать угол, куда бы зашвырнуть этого противного ребенка. Но отец не дал свершиться непоправимому. Он молча подскочил к Багирову, который был небольшого росточка, и с высоты своих 192 см выхватил меня со словами: «Полина, мы уезжаем». Все наше семейство отправилось домой. По словам матери, отец некоторое время переживал о возможных последствиях. Затем отца перевели в Москву. Однажды поздно вечером отец возвращается домой, а весь коридор заставлен цветами, фруктами, корзинками с восточными сладостями, бутылками с вином и коньяком. Когда Тимофей Тимофеевич узнал, что это небольшой презент моей матери от Багирова, его реакция была молниеносной. Цветы, фрукты, сладости были отосланы в ближайший детский дом, а все спиртное через адъютанта было роздано офицерам штаба ВВС. После такого приема подарков от Багирова моей матери больше никто ничего не передавал.

Тимофей Тимофеевич в детстве ничего не видел, кроме тяжелого рабского труда, так как до пятнадцати лет пришлось батрачить на разных мироедов. Поэтому он очень хотел, чтобы его дети (четыре сына и четыре дочери) могли получить с самого раннего возраста всестороннее развитие. Например, все мои братья и сестры прошли через музыкальные школы. Я не успел, так как когда умер отец, мне исполнилось четыре года и восемь месяцев. Этого музыкального всеобуча избежала и моя младшая сестренка Танюша. У меня на всю жизнь в памяти отложилась следующая картина. Отец сидит в кожаном кресле. На нем генеральская форма и до блеска начищенные сапоги. И он их носками качает в такт попыток моего старшего брата Вовки стать великим Паганини. А родственник со слезами на глазах пытается не сделать ошибки в исполнении песенки «Ванька и Гришка сделали дуду». Это было незабываемое зрелище. Отец был строгим воспитателем, но нас очень любил. Когда мне исполнилось три с половиной года, я был отправлен в детский лагерь, а родители уезжали в санаторий. Я очень хныкал и не хотел туда ехать. Отец предложил матери заехать к Андрею в детский сад и, если он будет проситься, взять его с собой. Но на мою беду они привезли какой-то

стреляющий игрушечный танк, и я, позабыв все на свете, побежал хвастаться им перед другими мальчишками. А отец прослезился и говорит матери: «Ну, вот видишь, мы теперь ему даже и не нужны!». Так я в детстве пролетел с Черным морем.

После того как отец попал в автомобильную аварию, он долгое время проходил курс лечения в госпитале. Когда Тимофея Тимофеевича выписали, он, конечно, не мог в полном объеме выполнять обязанности заместителя Главнокомандующего ВВС. А в это время в авиации шло стремительное освоение реактивной техники и внедрение ее в летные части. Отец приехал в авиадивизию, которая уже перешла на реактивные истребители, и приказал подготовить ему самолет к самостоятельному полету. Командир дивизии пытался всячески отговорить Хрюкина от этого рискованного полета, но смог его только уговорить на вылет со вторым пилотом. В воздухе организм, ослабленный страшной травмой, не выдержал, и отец потерял сознание. Все закончилось благополучно только благодаря наличию второго пилота, который совершил посадку.

Многие эксперименты моего отца курсантам летных училищ очень не нравились. Особенно его задумка, что молодой авиатор во время летной подготовки должен попробовать осуществить взлет и посадку как можно с большего количества аэродромов. И примерно со второго курса начинаются полеты курсантов Армавирского училища в городе Ейске, курсантов Ейского училища в городе Луганске и так далее. Представьте, молодежь только обжила, завела знакомства с местными красавицами, а тут надо уезжать в другой город.

Жизнь моего отца – яркий пример того, что дала советская власть простому человеку. После пятнадцатилетнего безграмотного детства – в тридцать лет генерал. Такое в царской России невозможно представить. И самое интересное, что он никогда не шел по головам своих товарищей. Меня избрали председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны восьмой воздушной армии. При общении с сослуживцами Тимофея Тимофеевича я узнал очень много нового про своего отца. Но никто не сказал про него ни одного недоброго слова и не затаил на командарма обиду. Да, он был суров к трусам, прихлебателям, ловкачам и разного рода приспособленцам. Но о том, как он заботился о простых летчиках и других военнослужащих, ветераны могут говорить часами.

В качестве признания воинских заслуг моего отца я приведу следующий пример. Когда Тимофей Тимофеевич умер, то его гроб на Ново-

девичьем кладбище нес на плечах Г.К. Жуков. А этот прославленный маршал во время похорон других военных начальников так поступал очень редко. И.В. Сталин был похоронен в марте 1953 года, и до самой кончины Т.Т. Хрюкина (19 июля 1953 года) от него это скрывали. По воспоминаниям матери, последними словами отца были: «Поля, держись Сталина...!»

Татьяна Тимофеевна

Я, младшая дочь в семье Хрюкиных, Татьяна родилась 19 декабря 1950 года в городе Москва.

Когда умер папа, мне было два с половиной года и поэтому мне трудно сказать, на самом деле я помню какие-то эпизоды или это картинки, собранные из рассказов моих братьев и сестер. Вот одна из таких ярких картинок: солнечный воскресный день, семья собирается на завтрак. Папа стоит в столовой, в ярком свете солнца, такой большой в длинном халате, он подкидывает на руках кого-то из младших детей и у меня в душе ощущение восторга и полета.

Еще одно грустное воспоминание. Нас младших детей: Наташу, Андрея и меня привезли в больницу на улицу Грановского к папе. Я помню больничную палату, папа лежал в кровати и не вставал. На тумбочке стоявшей рядом с кроватью стоял обед. Помню, что это был его любимый борщ. Папа раздал нам игрушки и мы уехали домой. Что подарил папа мне и Андрею не помню, а Наташе подарил детскую кухонную плиту, у

нее открывалась духовка, выдвигались противни и вращались клювики для включения газа. Это плита мне запомнилась наверное потому, что мне хотелось в нее поиграть.

Я очень долго не могла поверить в то, что папа умер, что его нет на этом свете, этого просто не могло быть. В моем представлении, папа заболел, потерял память и заблудился, где-то ходит, но обязательно выздоровеет, все вспомнит и вернется к своим детям. Ведь нас много и мы любим его.

Когда я пошла в школу, меня дразнили хрю-хрю, как, наверное, и всех моих братьев и сестер. Я ужасно переживала, что у меня такая некрасивая фамилия. И вот как-то я прихожу из школы вся заплаканная, в разорванном фартуке, да еще и с замечанием в дневнике, что в очередной раз дралась. Мама спрашивает меня, в чем дело. Я со слезами на глазах рассказываю, что я устала отбиваться от этих дразнилок и нельзя ли нам поменять фамилию? Меня села, поставила меня перед собой, погладила по голове и говорит: - «Такого папы, какой был у тебя, ни у кого в твоём классе нет. Ты должна гордиться фамилией, которую ты носишь, потому что эта фамилия твоего отца». Эти слова я запомнила на всю жизнь.

Эта история приключилась со мной, когда я была в первом классе, а дразнить меня вскоре перестали, потому что знали, что безнаказанно это никому не пройдет, ведь я защищала фамилию отца.

А еще я хочу рассказать историю со слов нашей мамы. Однажды папа пришел с работы и говорит маме: - «Полиночка, есть возможность построить дачу на берегу крымского побережья. Как ты на это смотришь?». И мама отвечает: - «Как же так, Тимофей, раскулачивали мы, раскулачивали, а теперь что получается?». Где теперь такие Полиночки? Да и тогда таких было немного.

Рассказы Командарма

(автор – Т.Т. Хрюкин)

*Рассказ «Гибель авианосца» был опубликован в газете
«Комсомольская правда» в 1939 году.
Остальные никогда не публиковались.*

Рассказы летчика Ху Кин-тоу*

После того, как я выручил в бою самолет Ху Кин-тоу, мы сдружились с этим высоким летчиком. Обычно после боевых вылетов или после воздушных встреч с врагами мы отправлялись в сад, усаживались там под деревьями в шезлонгах, а чаще просто ложились на траву, отдыхали до очередной тревоги. Нас и китайских летчиков никогда не покидала бодрость. Часто после утомительных высотных перелетов и рискованных боевых операций мы возвращались в свой «парк», и вот уже забыты тяготы войны, под деревьями раздается веселый смех, шутки, появляются кости, заводят патефон. Внезапно разгораются споры на самые разнообразные темы или начинаются рассказы о боевых эпизодах, о жизни летчиков. У каждого из нас за время войны накопилось немало всяких приключений и эпизодов, но из всех рассказов почему-то запомнились главным образом рассказы моего друга Ху Кин-тоу.

Ху Кин-тоу - командир бомбардировочной группы, поэтому в своих записках я хочу изложить четыре его рассказа, так как они чрезвычайно ярко характеризуют деятельность китайской бомбардировочной авиации. Вот эти рассказы. Я записал их так, как они сохранились в памяти.

* Так засекретили Т.Т. Хрюкина журналисты.

На переправе

После захвата Шанхая японское командование все свое внимание и силы сосредоточило на том, чтобы возможно быстрее захватить Ханькоу. Японцы все еще надеялись закончить войну с Китаем в течение нескольких месяцев. Время показало, как жестоко они ошиблись в своих расчетах. Японские генштабисты не учли одного: им придется драться не только с нашей армией, но и со всем китайским народом, что эта война превратилась в национальную, освободительную, отечественную войну Китая против иноземных захватчиков.

После того, как Шанхай пал, на фронте сложилась примерно следующая обстановка. Первая ударная группа японцев продвинулась вверх по реке Янцзы и ставила своей задачей выйти в район Наньчина, чтобы ударить по Ханькоу с юга. От Цзюцзяна колонна должна была разделиться. Часть войск продолжала наступление на Ханькоу, а остальные войска на Наньчин. Взять Наньчин японским войскам не удалось. Они перешли к обороне и, выставив здесь заслон против наших войск, основной удар сосредоточили с севера в районе Кайфына на реке Жехэ.

Для китайской армии создалась грозная обстановка. Сосредоточив войска и боевую технику, японцы получили на этом участке огромное преимущество. Развивая свой успех, они легко могли бы захватить Ханькоу, окружить наши части, разгромить их. Осуществление замыслов японского командования в районе Кайфын-Сужоу причинило бы нашей освободительной войне огромный ущерб. Японцы отлично знали, что в этом районе у нас совершенно нет бомбардировочной авиации. Противнику удалось прорвать фронт и переправиться через Жехэ на другой берег. Не опасаясь нападения с воздуха, японцы совершенно безнаказанно переправлялись через реку, стараясь расширить прорыв фронта.

И вот в этот момент как гром среди ясного неба поразили японцев наши скоростные бомбардировщики. Из Ханькоу мы направились громить переправу. Летчики с радостью узнали о приказе лететь на фронт. Время не ждало. Все надежды командование фронтом возлагало на нашу бомбардировочную группу. Если удастся прервать переправу японцев хоть на один-два дня, Ханькоу будет спасен. Ради этого можно и не отдыхать после длительного перелета. Техники осмотрели машины, мы

проверили вооружение, подвесили бомбы и по сигналу поднялись в воздух. Километров двести летели при ясной погоде.

В этом районе я мало летал и целиком положился на искусство моего штурмана Сун Ху. Спокойный, невозмутимый и молчаливый, Сун обладал удивительной способностью легко ориентироваться в самой сложной обстановке. Время от времени я оглядывался назад. Летчики безукоризненно держали строй. На солнце блестели, отливались серебром крылья самолетов. Размеренно гудели моторы. Их рокот вселял уверенность в успехе нашего рейда.

Мы точно не знали, где японцы навели понтонные мосты. Поэтому я решил зайти западнее предполагаемого моста переправы и лететь вдоль реки до тех пор, пока не обнаружим понтонные мосты. С приближением к Жехэ в небе появились облака, сначала редкие, потом они все больше и больше застилали небо. Видимость ухудшалась. Облака прижимали нас все ниже и ниже к земле. А когда группа бомбардировщиков подошла к реке и мы полетели вдоль живописных ее берегов, стрелка альтиметра показывала 1000 метров. Облачность достигала 10 баллов. Я с тревогой все чаще оглядывался на свой отряд. Все летчики были молодые, я не знал еще их боевых качеств, но все держали себя прекрасно.

Возросла опасность обстрела нас из зенитных пулеметов. Их прицельная дальность равнялась, по меньшей мере, 1800 метров, а мы шли над землей и представляли собой отличную цель. Но японцы были так твердо уверены в своей безнаказанности, что и не обратили внимания на девятку бомбардировщиков. По всей вероятности, они приняли нас за своих. Летели мы вдоль фронта над серединой реки. На всякий случай я зорко осматривался кругом. Нужно всегда быть готовым к любой неожиданности. Известно было, что истребителей у японцев здесь нет, но кто знает, ведь японцы также уверены были, что наши бомбардировщики не могут появиться над головами.

Мощная широкая река, как лента, брошенная на циновку, извивалась под нами и исчезала где-то за горизонтом. Вот впереди на ее мутно-желтой поверхности я заметил понтонный мост. Здорово! Мы не ошиблись в расчетах. Несколько дальше перекинулся от одного до другого берега и второй такой же мост. Резиновые, надутые воздухом поплавки походили на длинную пулеметную ленту. Переношу взгляд на берег, и у меня разгораются глаза. Около понтонных мостов сгрудились в ожидании переправы обозы, войска, танки, артиллерия, автомашины.

По мостам непрерывным потоком двигались части. Сверху казалось, что мосты их шевелятся, движутся. На берегах около понтонов не было свободного места. Мы нагрянули в самый разгар переправы. Японцы за свою беспечность здорово поплатились. Они даже не удосужились рассредоточить войска, не подготовились совершенно к противовоздушной защите.

На моем самолете находились пятисоткилограммовые бомбы. Сун старательно прицелился и нажал гашетки. Бомба легла как раз между понтонами. На несколько мгновений столб воды, как колоссальный гейзер, вздыбился над рекой и закрыл от нас переправу. Потом он медленно осел, точно растаял. Там, где только несколько секунд был понтонный мост, по течению плыли бесформенные груды, обломки понтонов, лодок, тонущие повозки, солдаты.

Внизу поднялась неопишуемая паника. Обезумевшие от ужаса животные металась из стороны в сторону. С высоты 1000 метров отчетливо видно, как солдаты бросали винтовки, прыгали в воду, бежали, падали ничком на землю. Мчались орудия, танки. Они вызывали еще большую панику, давили людей, сталкивались. А на эту толпу все сыпались и сыпались наши бомбы.

Еще заранее было условлено, что, обнаружив переправу, мы разделимся. Пять самолетов станут бомбить понтонные мосты, а четыре начнут уничтожать войска противника на берегу.

Так мы и сделали. Отбомбив, я кружился над местом переправы, ожидая, пока закончат бомбежку товарищи. От начала до конца видел я картину разрушения, картину физического истребления врага. По своей натуре я мягкий и добрый человек, но тогда злоба клокотала внутри меня. Мне хотелось еще и еще смотреть, как уничтожается враг, как сотнями гибнут японские солдаты, как падают они скошенные осколками наших бомб.

Начали рваться боеприпасы, груженные на автомобили и повозки. Вспыхнули цистерны с бензином. Поплыли по течению обломки и второго моста. Всего на переправу мы сбросили 468 бомб. Тонны взрывчатых веществ и стали превратили в кровавое месиво скопления войск на берегах Жехэ. Картина уничтожения, картина войны, как занавесом, закрылась дымом и пламенем. Наконец сброшены последние бомбы. Я даю сигнал, покачиваю крылом, летчики пристраиваются ко мне, и мы ложимся на обратный курс. За все время по самолетам не было сдела-

но ни одного выстрела из зенитного орудия или пулемета. Внезапность рейда обеспечила нам полный успех.

Трудно сказать, какие потери понесли японцы от нашей бомбардировки. Несомненно, они были огромны. О результатах рейда можно судить также и потому, что после налета китайские войска перешли в контрнаступление и окружили японские части, успевшие перейти через Жехэ. Японцам потребовалось более полутора месяцев для того, чтобы выйти из окружения. Это удалось им сделать только после того, как они варварски взорвали плотину и затопили весь район. Наводнение уничтожило десятки мирных деревень, в потоках хлынувшей воды погибли тысячи крестьян, женщин, детей. Китайским войскам пришлось отойти. Но японцы, затопив огромный район, сами не смогли его преодолеть, они создали мощную преграду и вынуждены были приостановить свое наступление.

Разгром японской флотилии

Несколько дней подряд стояла отвратительная дождливая погода. Начинался период тропических дождей. А вы лично знаете, что это такое? С утра до вечера небо затянуто было тяжелыми облаками, даже в полдень над аэродромом стоял полумрак. А дождь прямыми и толстыми, как бамбук, струями поливал землю. Техники и летчики нарядились в непромокаемые макинтоши, уныло бродили по зданию, тоскливо глядели в окна на хмурое небо и снова начинали слоняться без дела. Настроение у всех нас можно было измерять барометром. Падало атмосферное давление, предсказывая продолжительный дождь, - падало и настроение летчиков. Но чуть только столбик ртути поднимался хоть на одно деление, оживали и мы, с надеждой поглядывая на мрачное небо.

Даже и в эти, явно не летные дни, мы регулярно приезжали утром на аэродром - и в такую погоду надо быть наготове. Шлепая по лужам, проходили к машинам, осматривали их и отправлялись скучать в помещение рядом с командным пунктом.

Продолжаться долго такое положение не могло. Вынужденное безделье томило летчиков. Метеослужба налажена была плохо. Мы не имели

даже представления о том, какая погода за 300 км от аэродрома. Может быть, только здесь над Ханькоу прохудилось небо, а дальше можно летать? Может быть, но этого никто не знал, и я решил вылететь на разведку.

Чуть только перестал дождь, мы поднялись над аэродромом, сделали круг и пошли на восток. Сун Ху занялся расчетами, а я, всматриваясь сквозь пелену дождя, вел самолет по направлению к территории, захваченной японцами. Так, прижатые тяжелыми облаками к земле мы летели до самого Цзюцзяна, и как-то совершенно неожиданно кончились облака, над нами засияло солнце, разлилась голубая лазурь. Дальше было совершенно чистое небо.

В самом радужном настроении вернулись мы на аэродром. Летчики с восторгом слышали мой рассказ о состоянии погоды над Цзюцзянем. Не теряя времени, я решил тотчас же поднять девятку бомбовозов и отправиться на бомбежку. Заранее мы обсуждали вопрос о том, как бы разбомбить японские корабли, стоявшие на Янцзы между Уху и Анцзыном. Военные суда, пришедшие с моря по глубокой реке, тревожили китайские части и создавали угрозу высадки десанта.

До сих пор мы еще ни разу не бомбили корабли. Летчики только начинали входить в боевую жизнь. Этот первый налет следовало организовать так, чтобы он обязательно имел успех и чтобы мы избежали потерь. В дальнейшем после первого удачного рейда молодые летчики войдут во вкус и будут сами ходить на бомбежку, может быть, даже и без меня. Главное, надо вселить уверенность в том, что бомбардировка кораблей возможна, что плавучие японские крепости не так уж опасны для бомбардировщиков, как это кажется на первый взгляд. И так мы отправились на бомбежку японских кораблей на Янцзы, впервые за все время войны в Китае.

Если внимательно присмотреться к карте района, через который нам предстояло лететь, то можно без труда обнаружить, что южнее тянется цепь скалистых гор. Эти горы подходят к самому Уху. При такой низкой облачности лететь горами было рискованно, но я знал, что все мои летчики были прекрасно натренированы. И ради внезапности вылета я пошел на риск. Мы не полетели прямым, более коротким и легким путем, а направились в горы. Острые клыки скал поднимались высоко к самым облакам. Сначала мы шли строем клина, но когда скалы все чаще преграждали путь, когда приходилось с трудом продираться между двух

гор, идти девяткой стало тесно. Я распустил группу на звенья. Но и таким строем долго не удалось лететь. Порой скалистые горы сходились так близко, что и одному самолету, казалось, не пролезть сквозь такую теснину.

Дал команду разойтись по одному. Самолеты вытянулись цепочкой, пошли гуськом. Порой у меня появлялась мысль лезть в облака, пробивать их, но я тотчас же отказывался от никчемной затеи. Отдельные вершины гор скрывались в облаках, и кто знает, на какой высоте надо было вести самолеты, чтобы не напороться на них. Вот появилась горная речка. Пошли вдоль ее русла. Летели на высоте полутора-двух метров над самыми облаками. Очевидно, мы были похожи на крыс, пробирающихся через узкую длинную нору. В самом деле: сверху плотная крыша из облаков, внизу, почти рядом - земля, по бокам - скалы. К счастью, полет в горах закончился благополучно. Мы вышли к Уху. Вместе с горами кончилась и гряда облаков. Здесь был пустынный безлюдный район, затопленный на много километров водой. Мы снова построились широкими спиралями, стали набирать высоту. Поднялись до 5000 метров. Прошли Янцзы и направились вверх по реке на поиски японских кораблей. Летели мы почти до самого Анцзиня. Недалеко от города, там, где делает изгиб река, я увидел флотилию кораблей. Здесь было тридцать судов. Так же, как и при бомбардировке переправы, японцы сначала не обратили на нас внимания. Мы шли от Уху - из глубокого японского тыла, и им в голову не могло прийти, что это китайские самолеты.

Но нас подстерегала очередная неприятность. Приближаясь к Анцзиню, я увидел, как снова наплывают облака. Вот-вот они закроют цель, и тогда пропали наши труды, станет напрасным тяжелый, почти невероятный перелет в горах. Решаю спуститься до двух тысяч метров. Теперь уже совершенно отчетливо видны корабли. Можно даже различить флаг на корме - красный круг на белом полотнище.

Я свое дело сделал. Без потерь прошли в тыл к японцам и отыскивали цель. Дальнейший успех зависел от искусства штурманов. Сун Ху, еще издали заметив корабли, склонился к прицельной трубке. Я подчинялся малейшей его команде. Несколько раз он заставлял менять курс. Черные волосы выбились из-под шлема.

- Вот так хорошо! - пробормотал он сам себе. Убираю мотор. Наступает внезапная тишина. Продолжаем пикировать к земле на корабли. Я скорее почувствовал, чем увидел, что Сун Ху сбросил бомбы.

Облегченный самолет вздрогнул, рванулся вперед. Посыпались бомбы на корабли и с других самолетов. Даю газ. Снова заревели моторы. Дальше мы увидели обычную, но запоминающуюся картину. Для летчика-бомбардировщика нет более приятной минуты, точнее секунды, как наблюдать за результатами своей бомбардировки.

Даже в самые напряженные моменты нельзя утерпеть, чтобы не взглянуть вниз на картину разрушения. А сейчас мы находились так близко от врага! Один корабль, в который сразу попали три бомбы, быстро накренился и опрокинулся вверх килем. После мы долго вспоминали и смеялись, как японцы в белых костюмах прыгали в воду в панике за борт, как сверкали в воздухе их звезды. Корабль этот затонул, два других были сильно повреждены. Прижавшись тесно ко мне, летчики отправились в обратный путь. Опытный командир всегда может определить, в каком настроении летчики. Если идут прижавшись, что называется плечом к плечу, если уверенно ведут машины, значит, все хорошо, настроение прекрасное, бодрое. Так было и в этот вылет. И я, да и все экипажи были довольны результатами боевого дня.

Обратно к Ханькоу мы летели уже вдоль реки, а не горами - путь здесь был намного короче, легче. Без приключений возвратились на свой аэродром. Дождь продолжал лить как из ведра. Пока добежали от самолетов до здания, все были мокры как мыши. Но теперь все знали, что можно летать на бомбежку и в дождь, и в пасмурную погоду. На лицах сияли торжествующие улыбки.

Гибель авианосца

У меня в эскадрильи служил прекрасный летчик Мо Дзе-тун. Это был хороший товарищ и друг. Вы все его, наверное, помните. Он был очень приметен. В детстве еще Мо Дзе-тун облил случайно голову кислотой и с тех пор стал совершенно лысым. Только одна черная прядь торчала на голове. Он был такой высокий, задумчивый, всегда болезненно переживал свою малейшую неудачу. Чуть что не так - ходит целую неделю сам не свой, даже жалко становится. Вот о нем я и хочу рассказать.

Впрочем, рассказ надо начать с другого. Еще месяца три назад мы узнали, что японцы к китайским берегам отправили свой авианосец. У Японии всего три таких судна. Каждая авиаматка по стоимости равна примерно стоимости десяти крейсеров. Это миллионы долларов. В утробе авиаматки находилось множество самолетов, там же отлично оборудованные авиамастерские, запасы горючего, боеприпасов. В общем, целый плавучий авиационный городок. Когда верховное командование китайской армией узнало о таком «дорогом» незваном госте, перед нами поставили задачу во что бы то ни стало найти авианосец и уничтожить его.

Японцы были крайне осторожны. Они ставили авианосец в глухих заливах, бухтах, выпускали с палубы самолеты, которые бомбили наши города, а затем переводили судно в другое место. Авиаматка была неуловима. Мы сбились с ног в поисках корабля. Мобилизовали всю разведку в тылу у японцев, но результатов пока никаких не было. Иногда, правда, агентурная разведка сообщала о появлении авианосца. Мы летели в указанный район, но счастье, видимо, сопутствовало японцам, плавучего аэродрома мы не находили. Я сам несколько раз летал в район Шанхая, в район Кантона, шарил по островам, облазил, кажется, все прибрежные заливы, лагуны, забирался даже на Фармозу, но найти авианосца не удавалось. Мы уже начали раздумывать: существует ли вообще в природе этот таинственный авианосец, как неожиданно счастливый случай помог нам обнаружить корабль.

Незадолго до того дня, о котором я веду рассказ, японцев крепко поколотили в воздухе. Кое-как оправившись от удара, они решили дать реванш и собрали свои силы и организовали налет на Ханькоу. По телефону сообщили, что двенадцать японских бомбардировщиков подходят к аэродрому. Налет был внезапный, и мы, как потревоженная стая птиц, быстро поднялись в воздух. Десять машин стояли на поле, заряженные бомбами. Уже в воздухе решили с Сун Ху лететь на задание. Все равно пока не кончится тревога, придется утюжить воздух. Но куда лететь?

- Пойдем на Аньцзинь, - предложил штурман. - Может быть, обнаружим корабли. Мы давно там не были.

Решили лететь в Аньцзинь. Но поднялись так внезапно, что я не успел даже сообщить летчикам о предстоящем полете и дать им задание. Покачал крылом, летчики пристроились ко мне. Остальные машины без бомб ушли в зону выжидать конца японского налета.

Погода стояла отвратительная. Минут сорок шли, не видя земли. Только над самым Аньцзинем появилась в облаках широкое разводе. Сун Ху точно вывел группу самолетов на город. Высота была 5500 тысяч метров.

В просвете между облаками стали глядеть вниз на город, на блестящую ленту реки. Но что это? Я не поверил своим глазам. В окружении двенадцати боевых кораблей стояла какая-то махина. Уж не авианосец ли? Так и есть. Сун Ху его также увидел и в восторге потирал руки. Обычно его щеки были налиты румянцем, а сейчас они стали еще краснее. Кажалось, вот-вот из щек брызнет кровь. Первый раз я видел его в таком волнении. Такая удача редко бывает! Шли мы на большой высоте и на полной скорости. Конечно, можно было бы бомбить и отсюда. А вдруг промажем? Лучше спуститься ниже, взять меньшую скорость, но тогда нас легко могут расстрелять зенитки, а истребители с Аньцзинского аэродрома успеют набрать высоту и атаковать группу. Правда, аэродром закрыт облаками, но на земле, видимо, уже заметили появление наших самолетов. На кораблях заблистали искорки выстрелов. Черные облачка разрыва появились в стороне и ниже нас. Что делать? Мог ли я рисковать жизнью товарищей ради выполнения боевого задания? Обвинил бы меня кто, если бы сбросил бомбы с высоты пяти с половиной тысяч метров. Нет, не обвинили, но повторяю, надо было действовать наверняка, и я сознательно пошел на этот риск.

- С какой высоты лучше бомбить? - спросил я штурмана.

- Держи три тысячи, а скорость дай двести двадцать.

Двести двадцать! Это вдвое меньше нашей обычной скорости. Под огнем зенитной артиллерии спустились до трех тысяч метров, легли на боевой курс. Сбавили газ. Самолет медленно-медленно поплыл над рекой. Летчики не на минуту не отставали от флагманской машины. А когда я сбавил газ, они по инерции вырвались вперед, а потом вернулись обратно. Многие, очевидно, не поняли сразу, почему я убавил скорость. Прекрасные ребята. Они безоговорочно повторяли все мои движения. Может быть, иные подумали, что у меня сдал мотор, но ни один из них, даже под огнем зенитных пушек, не ушел вперед, чтобы скорее выйти из-под обстрела.

Для Сун Ху теперь больше не существовало ничего на свете, кроме авианосца, в который он старательно целился.

- Правее!.. Правее!.. Еще правее!.. Так держи... Чуть влево... Вот так!

Я, как автомат, выполнял малейшие его приказания. Такого напряжения я не испытывал, кажется, никогда в жизни. За то, чтобы бомбы попали в цель, готов отдать все на свете. Люки уже открыты. Вот-вот полетят бомбы. Пошли?!

Сун Ху закрыл люки, напряженно смотрел вниз на авианосец. Люки в машине закрывались неплотно. Там оставалась широкая щель, в которую хорошо было видно, что происходит внизу. Через несколько секунд клубы дыма, огня, каскады воды показали, что бомбы хорошо накрыли цель.

Мы так увлеклись бомбардировкой, что не заметили, как из облаков появились японские истребители. Я поднял глаза вверх. На нас сыпались сверху около двадцати истребителей. За это время, как мы бомбили авианосец, японские самолеты успели подняться в воздух и неожиданно появились над нашими головами. Правда, после боя Сун Ху спокойно говорил, что самолеты он видел еще раньше.

- Зачем отвлекать твое внимание, все равно мы не прекратили бы бомбардировку.

Сун Ху и стрелок Лю До взяли за пулеметы. Японцы пикировали на нас, но мы встретили врага дружным пулеметным залпом. Один истребитель неуклюже опрокинулся на бок и полетел к земле. Самолеты стали набирать высоту для повторной атаки. Я не утерпел и взглянул вниз. В авианосец попали три бомбы. Первая ударила в корму. Задняя часть авианосца, дымясь, отвалилась. Вместо кормы зияла дыра. Вторая бомба попала в носовую часть, а третья пробил палубы и разорвалась внутри корабля. Авианосец осел назад, стал крениться набок.

Но это было еще не все. Одна из стокилограммовых бомб попала в пороховой погреб другого корабля. Он затонул почти мгновенно. Это легкий крейсер, охранявший авиаматку. Вся эта картина, запечатлелась в течение какой-нибудь секунды.

- Тин-хо, - в восторге крикнул Сун Ху. Оглянулся на товарищей. Все было в порядке. Только у самолета Мо Дзе-туна вывалились шасси. Очевидно, осколком или пулей был поврежден подъемный механизм. Мы шли уже на полной скорости, но Мо Дзе-тун начал заметно отставать. Шасси создавали дополнительное сопротивление. Летчики, все как один, придвинулись к подбитой машине, готовые грудью защищать ее от истребителей. До линии фронта нам нужно было пролететь всего несколько километров. Там Мо Дзе-тун выбрал бы удобную площадку и

посадил машину на свою территорию. Но сделать это не удалось. Следующая атака японских истребителей решила судьбу моего друга.

Пронзенный десятками пуль (японцы сосредоточили весь огонь на подбитой машине), самолет загорелся в воздухе. Пламя быстро охватило фюзеляж, плоскости. Он горел ярко, точно просмоленная фанера. Из экипажа не спасся ни один человек.

Отбиваясь от наседавшего врага, мы уходили на запад. Японские истребители скоро начали отставать и прекратили погоню.

В войну нельзя обойтись без жертв. За многие месяцы, проведенные на фронте, я видел немало крови, но смерть Мо Дзе-туна повлияла на меня очень сильно. Мне казалось, что в его гибели виновен был я.

Понурый и угрюмый вернулся я на аэродром. Товарищи поздравляли с успехом, а голову сверлила неотвязная мысль о смерти друга. Прав ли я был, снизившись на такую высоту и вдвое уменьшив скорость самолетов во время бомбометания. Я долго ломал голову над этим вопросом, болезненно переживал гибель друга. Мне говорили: война требует жертв. Да, нужна ли была эта жертва? Только позже, когда улеглись боль и печаль, я осознал, что глубоко был прав в своих действиях во время боя.

Мы уничтожили авианосец, уничтожили почти все самолеты, скрытые в трюмах, погибло большинство летчиков. Говорят, японцам удалось «спасти» его, но как спасти. Авианосец представлял собой груду металлического лома, а не боевой корабль. Японцы отвели его на буксире в Нагасаки. Потребуется не меньше двух лет, чтобы его отремонтировать.

Да и вряд ли при таком напряженном положении финансов Япония начнет ремонт изуродованного корабля.

Кто знает, достигли ли мы таких же результатов, если стали бы бомбить с пяти тысяч метров. Мы привыкли драться с врагами Родины, не щадя своей жизни. Куда тяжелее отдавать в жертву жизнь товарища, друга. Конечно, я не знал, что все так трагически кончится для Мо Дзе-туна. Погибнуть мог каждый из нас. Ну, а если бы я знал, что неминуема гибель друга? Я поступил бы так, как того требует долг перед Родиной.

На высоте в 9000 метров

Вы знаете, какой недостаток ощущаем мы в самолетах даже еще сейчас. Легко себе представить, каково было положение в то время, о котором я веду рассказ. Малочисленность китайской авиации приходилось компенсировать отличной выучкой летчиков и прекрасной техникой.

Мы уже располагали прекрасными быстроходными машинами, а летчики не раз доказывали в многочисленных боях, что дерутся куда храбрее и лучше японцев. Вот почему при подавляющем количественном перевесе японской авиации нам все же удалось отражать атаки врага и часто наносить противнику серьезные удары в воздухе.

Не знаю, кому пришла в голову эта мысль, но все мы были в восторге от нее и в глубокой тайне начали готовиться к высотному полету. До того времени бои и полеты китайских и японских самолетов происходили на высоте 4-5 тысяч и редко превышали 6 тысяч метров.

Мы решили значительно поднять потолок, взлетать к границам стратосферы и оттуда разить врагов Родины. Бомбовозы наши легко могли взять намеченную нами высоту, но людей надо было тренировать, усиленно готовить к действиям на такой высоте.

И вот в глубокой тайне мы начали готовиться к высотному полету.

Получили специальное дополнительное оборудование. Провели повторный медицинский осмотр. К границам стратосферы могли лететь абсолютно здоровые, физически сильные и выносливые люди. Однако как строго ни подходил доктор к летчикам, он так и не мог забраковать ни одного из намеченных заранее к полету. В рейд отправлялись тринадцать экипажей, отправлялись в полном своем составе, без единой замены.

В части нас даже прозвали «институтками», до того «благопристойный» образ жизни мы начали вести. Врачи разработали специальный режим. В определенное время мы должны были ложиться спать, получали особую пищу. Многие даже бросили курить. Правда, строгий режим порой нарушался, но в этом были повинны не мы. Война-то ведь продолжалась, и к высотному полету мы готовились, не прекращая своей боевой работы.

Несколько раз для тренировки поднимались в воздух. В каждый полет увеличивали высоту и наконец в один из дней достигли намеченного потолка.

Первое время кружилась голова, появлялась слабость, но со временем болезненные явления стали исчезать. Мы были готовы выполнить задание.

Легко себе представить состояние каждого из нас, участников высотного полета. Ведь в истории военной авиации это был первый случай, когда военные операции должны развернуться на высоте 9000 метров.

Утром рано-рано, еще до рассвета, все летчики были в сборе. Техники с вечера подготовили машины, бомбовозы стояли на краю аэродрома. Словно на фотопленке, погруженной в проявитель, в сумерках рассвета начали вырисовываться их неясные контуры, очертания деревьев, зданий, сигнальной мачты. День наступил как-то мгновенно. С востока брызнули обильные лучи солнца, озарили землю, аэродром, людей, заканчивающих последние приготовления к полету.

В штабе долго обсуждали, какой аэродром выбрать для бомбардировки. Решили, наконец, что лучше всего избрать Уху. С японскими летчиками, базирующимися на этом аэродроме, у нас были старые счеты. В Уху расположен крупнейший истребительный аэродром. Там всегда сидят по сорок, пятьдесят, подчас и до шестидесяти истребителей. Разбомбить этот аэродром было весьма заманчиво. Где еще можно сразу найти такое количество вражеских самолетов.

И вот мы в воздухе. Все выше и выше поднимаются над землей бомбовозы. Дыхание становится глубже, не хватает воздуха, по телу разливается какая-то слабость. Но это только временно. Надо взять себя в руки. Действительно, через некоторое время болезненные явления проходят, только от резких движений учащенно начинает биться сердце.

Надеваем кислородные маски. Сквозь очки смотрю на Сун Ху. Я показываю ему на землю, грожу пальцем: «Смотри, мол, не промахь!»

Сун Ху поднимает ладонь, точно хочет сказать: «Будьте уверены, не промахнемся!»

Бомбить с высоты 9000 тысяч метров, конечно, можно, но попасть в цель с такой высоты - дело трудное. В глубине души я чуть-чуть сомневался даже в искусстве непревзойденного китайского бомбардира Сун Ху. Малейшее отклонение на долю градуса - и бомбы полетят мимо цели. Чтобы попасть в самолеты, которые с такой высоты кажутся размером с полевого кузнечика, надо, по меньшей мере, обладать большим талантом. После бомбардировки оказалось, что все тридцать штурманов были талантливыми бомбардировщиками.

К Уху группа бомбовозов подошла незаметно. На таком расстоянии наши машины с земли почти незаметны. Даже рокот моторов едва слышен с земли. Мы спокойно подошли к аэродрому. На зеленом поле виднелись крохотные белые козявки-самолеты. Их было очень много, но сколько, сказать трудно. Развернулись, легли на боевой курс. Вниз посыпалась первая серия бомб. Маленькие клубочки дыма окутали поле, закрыли самолеты. Зашли еще раз, снова к земле полетели наши стальные гостинцы. И вот здесь произошло самое интересное, самое веселое событие, свидетелем которого я был за время войны.

Часть японских истребителей поднялась навстречу китайским бомбовозам. Они вначале сравнительно быстро набрали высоту, но когда перевалили за 6000 метров, резвость их моментально упала. Ни летчики, ни машины не могли подойти на дистанцию выстрела. Видно было, как истребители задирали вверх носы, пытались лезть к нам и быстро сыпались вниз.

Стрелок-радист Ван Ши-до улыбался во весь рот, глядя, как неистовствуют японские летчики, как они пыжятся, чтобы добраться до нас. А мы, не торопясь, сбросили весь запас бомб. Сделали еще один круг. Это был триумф, торжество нашей техники, выносливости летчиков, их физических качеств.

Китайские самолеты легли на обратный курс, а истребители еще крутились под нами. Они походили на стаю дворняжек, лающих на проезжий автомобиль. Мы шли, не обращая внимания на свору этих собак. Даже спустя много дней после рейда на Уху летчики не могли без смеха вспоминать картину, как истребители беспомощно носились внизу, словно угорелые, как они разъяренные, бессильно гнались за бомбардировщиками, как по одиночке отстали и возвращались в свои подворотни. Все самолеты благополучно прилетели на базу. В штабе с нетерпением ждали нашего возвращения. Вместо приветствия и поздравлений начальник штаба протянул расшифрованную радиограмму. Наш осведомитель из Уху по радио сообщал результаты бомбардировки. Мы уничтожили двенадцать истребителей «И-96», 23 были сильно повреждены. Несколько бомб попало в бензосклад, сожжены большие запасы горючего. На аэродроме убито 125 летчиков и техников. Эти результаты превзошли все наши ожидания. Ведь в Японии существует только один авиационный завод, который выпускает истребителей типа «И-96».

С момента налета на Уху прошло много времени, но до сих пор японские летчики никак не могут научиться летать на высоте в 9000 метров. Здесь на границе стратосферы безраздельно господствует китайская авиация.

Литература

1. А.С.Желтов. На правом фланге // Военно-исторический журнал. 1972, № 12.
2. Комсомолец Кубани. 1977, № 58.
3. А.С.Чуянов. На стремнине века. М.: Политиздат, 1976.
4. Ф.Я.Фалалеев. В строю крылатых. Ижевск: Удмуртия, 1978.
5. Крылатые сыны Родины. М., 1967.
6. Воздушная мощь Родины. М., 1988.
7. В небе Китая, 1937 - 1940. М.: Наука, 1980.
8. А.Г.Рытов. Рыцари пятого океана. М., 1968.
9. А.М.Василевский. Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968.
10. История второй мировой войны, 1939 - 1945. М., 1975.
11. Б.Н.Еремин. Воздушные бойцы. М., 1987.
12. И.И.Пстыго. Командарм крылатых // Авиация и космонавтика. 1973. № 5.
13. И.В.Тимохович. В небе войны 1941 - 1945. М.: Воениздат, 1986.
14. Битва за Сталинград. Волгоград: Ниж.-Волжск. кн. изд-во, 1973.
15. А.И.Еременко. Сталинград: Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961.
16. А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1974.
17. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 - 1945 гг. М., 1961.
18. В.Д.Лавриненков. Возвращение в небо. М., 1983.
19. А.И.Покрышкин. Небо войны. М., 1975.
20. П.К.Кошевой. В годы военные. М., 1978.
21. Е.В.Кояндер. "Я - Рубин", приказываю... М.: Воениздат, 1978.
22. А.А.Шарипов. Судьба полководца. М.: Воениздат, 1988.
23. Штурм Кенигсберга. Калининградское книжн. изд-во.
24. Воздушный щит Родины. М., 1988.
25. А.Стрыгин. Кубанский Сокол // Комсомолец Кубани. 1977, № 58.

Все документы приводятся по архивным данным Центрального архива Министерства обороны РФ (ф. 33, 290, 346). Использованы также цитаты из армейской газеты "Сталинский воин", издававшейся в годы Великой Отечественной войны.

Содержание

Путь командарма. Редакционный совет	3
---	---

ТАК РОЖДАЮТСЯ ГЕРОИ

Встреча	9
Комсомольская закалка	14
Первые шаги в небо	18
В крылатом строю	21
Фронтная закалка	24
Новое назначение	29

ГРОЗНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Защищая небо Украины	39
Между Доном и Волгой	49
В огненном Сталинграде	60
Сталинградские асы	75
Мастерство, мужество и героизм	82
На великом переломе	94

НА ЮЖНОМ (4-м УКРАИНСКОМ) ФРОНТЕ

Курсом на запад	109
Освобождение Донбасса	121
Навечно в строю	130
В Северной Таврии	137
...А товарища выручай	147

БИТВА ЗА КРЫМ

На Военном совете	159
На плацдарме за Сивашем	175
Накануне операции	187
Боевые друзья-соратники	201
В дни штурма и наступления	208
Преследование врага	232
Под крылом - Севастополь	236

НА 3-м БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ	
На Смоленщине	255
В Белоруссии	261
В Прибалтике.....	271
В логове врага	276

В МИРНЫЕ ДНИ	
Воздушный щит	291
Боевая учеба	295
Жизнь продолжается.....	300

ОБ ОТЦЕ	
Ольга Тимофеевна.....	303
Людмила Тимофеевна.....	306
Владимир Тимофеевич.....	307
Наталья Тимофеевна.....	309
Андрей Тимофеевич	311
Татьяна Тимофеевна	315

РАССКАЗЫ КОМАНДАРМА	
Рассказы летчика Ху Кин-тоу	317
На переправе	318
Разгром японской флотилии.....	321
Гибель авианосца	324
На высоте в 9000 метров	329

Литература.....	333
-----------------	-----

Киселев В.А.

Командарм Тимофей Хрюкин.

Жизненный путь Тимофея Тимофеевича Хрюкина (1910 – 1953), дважды Героя Советского Союза, участника гражданской войны в Испании, сражений с японскими захватчиками в Китае, советско-финляндской и Великой Отечественной войн, заместителя Главнокомандующего ВВС в послевоенное время – в деталях и на широком историческом фоне раскрыт кандидатом военных наук, генерал-майором авиации В.А.Киселевым. Повествование построено на основе архивных материалов, писем, публикаций фронтовых газет и мемуарной литературы. Жизнь Тимофея Хрюкина и многих советских героев – авиаторов, сражавшихся вместе с ним, – ярчайший пример летного мастерства, гражданского мужества и нравственной высоты для нынешнего поколения защитников Отечества.

Киселев Виктор Алексеевич
Командарм Тимофей Хрюкин

Бумага офсетная.
Гарнитура “Warnock”
Тираж 300 экз. Заказ
Подписано в печать

ООО Редакция печатных изданий «Грань»
140100, г. Раменское, ул. Приборостроителей д.7, кв. 84
Отпечатано в ООО «Рамтип»